

В. В. СВЯТЛОВСКИЙ

ИСТОРИЯ СОЦИАЛИЗМА

2-е дополненное и переработанное издание.

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЕ
≡≡≡ КООПЕРАТИВНОЕ Т-ВО ≡≡≡
«НАЧАТКИ ЗНАНИЙ»

ПЕТРОГРАД
1924

32027
295 каб. соу. наук.
60 т. гр.

СПбГУ

Петрoсблнт № 7183. — 10.000 экз.

Росси́йская Гооударственная Академическая Тннoграфнa.

Предисловие.

Социалистическое мировоззрение имеет за собою более чем двухтысячелетнюю историю, поучительную и интересную. Для современности значение ее колоссально. Оно раскрывает внутренний смысл исторических событий и дает руководящее начало для активного поведения.

История социализма раскрывает смысл и задачи того направления мысли, которое своим мощным течением все более захватывает и умы и поступки современного человечества. Сознательно усвоить и понять социализм возможно только познав историю происхождения и с ростом социалистической мысли и социалистического движения. Социализм, как мировоззрение, постоянно, постепенно и неуклонно развивался, развивается и будет развиваться. Зная сложность пути выработки социалистического идеала, всякий стремящийся к познанию социальной правды поймет, что социализм не мертвая, раз навсегда установившаяся догма, а живое, вечно-юное мировоззрение, согласующее в едином синтезе требования жизни с завоеваниями науки; социализм — порождение и отзвук самой жизни, социализм постоянно углубляется и расширяется; он не боится ни кризиса ни критики и неуклонно стремится все к большему выяснению истины. Его конечная и верховная цель одна — всестороннее, коренное и окончательное освобождение человечества, полная эмансипация как всего людского коллектива, так и входящих в него отдельных личностей.

Зародившись впервые в античном мире, в его мечтательных построениях о лучшем социальном строе, социалистическое мировоззрение постепенно расширилось до могучего и боевого мировоззрения, принявшего форму научного и революцион-

ного течения, — что вполне соответствует как духу, так и исторической роли того нового социального класса — пролетариата, который, как порождение новейшего этапа социально-исторического развития, нашел в этом мировоззрении лучшее выражение своих стремлений и идеалов.

История развития социализма шла таким образом двумя путями: история социалистической мысли и история социалистического движения. Обе стороны только дополняли друг друга, но в нижеследующем изложении автор рассматривает и излагает только одну сторону социализма, сторону *теоретическую*, идеологическую, т.-е. только историю мысли.

Колыбелью социалистической мысли был утопический роман, т.-е. то занимательное и вымышленное описание фантастической картины будущего социального устройства, которое, как выход из тяжелого положения настоящего, всегда волновало умы. Так как утопии обыкновенно развертывались перед глазами человечества в дни исторического кризиса, в канун социальных потрясений, то утопии поэтому вполне справедливо назывались „буревестниками истории“.

Первая утопия „О государстве или о справедливом“ Платона была построена на разуме, на вере в светлое будущее, созданное самим человеком. Платон проповедует коммунизм для немногих, лучших, избранных. Эта утопия была *реакцией* против существовавших условий социальной жизни античной Греции и являлась результатом тогдашней философской мысли. Мысль искала новых путей жизни, поэтому мечту утопий рано старались воплотить в действительность. „Второе“ государство Платона было результатом неудачи практического осуществления его полной программы, программы-*тахишм*, изложенной в „первом“ проекте, в „Государстве“. Платон боролся не за интересы и идеалы отдельной личности, а за интересы и идеалы всего человечества. Но он считал людей неравными, и все его построения были построены на этом неравенстве. Отсюда своеобразие платоновского социализма. Он при своем зарождении, враждебном идее демоса, носил аристократический по духу и потребительский по экономическому смыслу характер.

Социализм тогда еще не был широким массовым народным явлением, каким он стал впоследствии.

Социализм еще долго оставался личным делом небольших отдельных групп. Маленькие замкнутые братства стремились личным примером и индивидуальным подвигом, часто аскетическим, поднять до себя остальное человечество. Здесь, уходя в монастыри, в кинонии, лучшие люди удалялись от „мира“. Здесь они соединяли свои социальные стремления с религиозным настроением. Монастырская жизнь, кинония, являлась своеобразным сочетанием молитвенных упований и социального протеста; коммунизм, соединяясь с религией, — единственной формой образования того времени, — постепенно превратился в обширное социально-религиозное движение, которое вспыхивало там и тут в различные сумрачные периоды средневековья. Сектанты смело борются и героически умирают за свои морально-высокие социально-религиозные идеалы. Многочисленные практические попытки осуществления коммунистического движения безжалостно уничтожаются косной и консервативной окружающей средой. Средневековое коммунистическое движение носит кровавый и мрачный характер.

Эпоха Возрождения вновь вернула социализму его шумное светское содержание. Сильная критикой, но бедная полетом фантазии, историческая „Утопия“ английского канцлера Томаса Мора протягивает через века руку гениальному творению Платона и своему прообразу „Государству“ („Политейя“) Платона. Мор проповедует коммунизм уже для всех. Гениальному гуманисту и утописту Мору подражают повсеместно; действительность настойчиво требует радикальной перестройки. Открывается эпоха бесчисленных вариантов к платоно-моровскому замыслу. Несмотря на всю их оторванность от жизни, на всю абстракцию их крайнего утопизма, некоторые из теоретических построений находят себе реализацию в будничной жизни. Отцы-иезуиты в далеком Парагвае до известной степени пытаются осуществить замыслы калабрийского монаха Томазо Кампанеллы. Так возникает то удивительное коммунистическое государство иезуитов, которое, как и коммунистическое „Цар-

ство Сиона“ Иоанна Лейденского, — этого неудачного воплощения социального идеала анабаптистов, — одиноко стоит в тогдашней истории социалистического движения. Экономическая жизнь продолжает развиваться. Новое, сменившее старый натурально-хозяйственный уклад денежное хозяйство развило торговый капитализм, еще более усиливший стремление к простой и несложной жизни. XVIII век и философия Руссо, стихийное стремление к природе и учение об естественном праве вносят новые рационалистические элементы в утопизм: появляется ряд новых утопических произведений, проникнутых руссоизмом, и создается новый этап в истории развития утопического социализма. Все взятые вместе утопии представляют собою, тем не менее, одну дидактику, одно морализующее поучение, стремящееся воздействовать на жизнь силой убеждения или примера. Утопии рисуют прекрасные замки без входных дверей и дают готовую декорацию для фантастических конструкций государства будущего. Необходимость иного, более радикального и более активного воздействия на окружающие условия создает потребность в смелом вмешательстве в ход социальной жизни, и создается новое революционное течение. Оно открывается в начале XVIII века священником Жаном Мелье, а в конце его журналистом и заговорщиком Гракхом Бабёфом. Личная трагедия первого — его самоубийство ради протеста против старых путей исправления человечества — кладет начало новой идее, идее революционности, а гильотинирование вождей „заговора равных“ предупреждает новую, но уже социальную Варфоломеевскую ночь, задуманную первыми активными революционерами — коммунистами. Основы нового революционного течения, все эти заветы бабувизма воскресли в XIX веке в тактике исключительного революционера Огюста Бланки, возведшего заговорщичество на высоту универсального принципа социализма. Бланкизм — предтеча революционной ветви современного марксизма.

Конец XVIII века дает новый этап в развитии социализма. Индустриальная революция выдвигает с одной стороны — промышленность и проникший в нее капитализм, с другой —

новый класс, *пролетариат*. Рабочий класс заставляет задуматься уже о счастье всего человечества и предлагать меры к его „спасению“. Назревающее *классовое учение* превращается в универсальное, пройдя через эпоху перерождения утопизма. С эволюции последнего и начинается XIX век и новый этап развития социализма.

На пороге его истории стоят великие утописты: Фурье, Сен-Симон, Оуэн, Кабэ. Их эпоха явилась периодом нового развития и перестройки утопического социализма, в котором социальная фантазия уже растворялась в сильной проницательной критике основ существующего порядка. Если блестящий фантазер Фурье доводит, вместе с тем, беспочвенный утопизм до крайних пределов, то гений Сен-Симона, расчищая почву для восприятия основных положений будущего научного социализма, тем самым возвращает социализм на более правильный путь. Социализм под влиянием Сен-Симона становится на реальную и историческую почву. Он утрачивает постепенно свой старый полуморализующий, полурелигиозный характер и проникается экономизмом. Теоретическая подготовка социалистических идей готовится также и в Англии, где так наз. „рикардианские социалисты“ во главе с Томпсоном наметили ряд основных экономических вопросов. Во Франции Луи Блан, Прудон, Пьер Леру и другие заняты также разработкою теории. В канун первого революционного пролетарского выступления 1848 года Европа уже представляет собою бушующее море самых различных социалистических течений. Часть из них определилась во Франции, часть в Англии. Это, вместе с тем, эпоха *тайных коммунистических обществ* и первые дни усвоения кабинетного и интеллигентского социализма широкими слоями пролетарских масс. Утопизм, проникнув в сознание трудящихся, дает первый толчок новому общарному движению; его пролетарская переработка — историческая заслуга Вильгельма Вейтлинга. Рабочий класс — вот кто стремится отныне осуществить идеал социализма. Вместе с тем отныне социализм обосновывается научно. Маркс и Энгельс — основоположники этого нового научного течения.

Принципы его изложены в „Коммунистическом манифесте“, — в этой обычной тогда форме обращения к широким слоям населения. Отсюда ясны и понятны историческая роль и мировое значение этого замечательного документа.

После революции 1848 года открывается новая эра развития — эпоха научного социализма. Выработывая свою идеологию и свою тактику, новое направление твердо и резко отмежевывается от соседних и родственных течений. Тем самым основоположники научного социализма — Карл Маркс и Фридрих Энгельс выработывают свое собственное учение. „Международное товарищество рабочих“, известное под именем „Интернационала“, превращает марксизм в живую революционную силу. Новая идеология социалистов превращается в социалистическое движение. Оно противопоставляет свои идеалы идеологии буржуазного мира, отныне провозглашенного старым миром. Проведение практической программы возлагается на Интернационал — международное социалистическое объединение пролетариата. Распадение Первого Интернационала приводит к созданию второго. Он тоже имеет свою историю, от первых радостных и добрых дней до трагического кризиса, созданного мировой войной. Левая группа выводит социализм из тупика и спасает положение. Военная гроза сменяется войною гражданской. Создаются два мировых фронта — буржуазный и пролетарский. Борются два мира. Развертывается та историческая борьба, одной из страниц которой мы все свидетели и очевидцы. Война, приведшая к кризису социализма, к расколу в Интернационале, выдвинула новые построения. Нарождается Третий, уже Коммунистический Интернационал, надвигается мировая революция.

Таковы самые общие и главнейшие вехи на пути этой обширной и важной многовековой истории. Проследить ее вкратце и составляет задачу нашего очерка истории социализма. Ему сопутствовала поучительная история *социалистического движения*, требующая особого самостоятельного обзора. Это уже не входило в задачи настоящего краткого очерка.

I. Социализм и его виды.

Социалистическое направление известно с древности, со времен греческого философа Платона, но слово „социализм“ появилось впервые только в первой половине XIX столетия. В 1832 году один из французских последователей Сен-Симона употребил слово „socialisme“ в журнале „Глоб“ („Globe“) — термин, вскоре подхваченный популярными в ту эпоху писателями Пьером Леру и Рейбо. Понятие „социализм“ выясняется при противопоставлении его понятию „индивидуализм“. Планомерное ограничительное владение общим имуществом противоплагается свободному неограниченному владению частною собственности; отсюда две исторических тенденции — к предпочтению коллектива, к коллективизму, или общества (societas), к социализму, — или к предпочтению индивидуума, отдельной личности, особи, к индивидуализму. Коллективное владение, коллективизм, носящий принудительный характер („Rechtswang“), называется социализмом, без принуждения — анархизмом. Коллективное владение только средствами производства и коллективное производство — социализм — отличают от коллективного владения и коллективного потребления, или коммунизма.

Различают несколько видов социализма, определяемых немецки одним словом, например, Staatssocialismus, а по русски — употреблением соответствующих прилагательных: „государственный“, „этический“, „религиозный“, „аграрный“, „муниципальный“, „гильдейский“, „революционный“ и проч. социализм.

Немецкий ученый Карл Диль предлагает следующую классификацию хозяйственных систем и вытекающих из них идеологий:

- Общественные системы: {
1. Без правового принуждения — анархизм.
 2. С правовым принуждением:
 1. Индивидуализм.
 2. Коллективизм, распадающийся в свою очередь —

на {	а) социализм,
	б) коммунизм,
	в) аграрный социализм.
- Социализм, в свою очередь, распадается на: {
1. Идеологические системы.

{	1. Религиозный социализм.
	2. Этический социализм.
 2. Эволюционный социализм, который делится на:
 1. Дарвинистический социализм.
 2. Социализм Маркса — Энгельса (исторический материализм).

Иную систему классификации предложил в 1906 году русский экономист проф. М. И. Туган-Барановский. Он делил все социалистические системы на четыре группы, не отделяя социализма от коммунизма.

1. *Централистический* социализм и коммунизм (Т. Мор, Базар, Анфантен, Кабэ, Пекёр, Родбертус, Маркс).

2. *Кооперативный* социализм (Луи Блан, Герцка, Жорес).

3. *Федералистический* социализм (Оуэн, Томсон, Фурье, Дюринг, Опшенгеймер).

4. *Анархизм* (Годвин, Прудон, Лев Толстой, Кропоткин и др.).

В Англии с начала XX века развился *индейский* социализм.

В последнее время в Германии предложен и обоснован проф. Пешом новый термин „*солидаризм*“, Solidarismus, долженствующий выразить народно-хозяйственную систему со слабою степенью централизации. Хозяйство с сильным централизующим началом превращается в *социализм*, при отсутствии его — в *индивидуализм* или систему частно-владельческого хозяйства.

От социализма необходимо отличать *социал-демократизм*. „Социал-демократия“ — наименование политической партии, ставящей себе задачей практическое осуществление социализма.

В анархизме также различают несколько видов:

1. *Индивидуалистический* анархизм (Штирнер, Маккай и др.).
2. *Коллективистический* анархизм (Бакунин) и *коммунистический* анархизм (Кропоткин). Анархизм Прудона назывался также *мутоализмом*.

II. Пути изучения социализма.

Социалистические воззрения излагаются представителями социалистической мысли в их сочинениях и социалистическими учреждениями и партиями в их программах, уставах, статутах и пр. Литература сочинений социалистических писателей весьма обширна и становится понятной только при изучении обстановки и среды, в которой они возникли и сложились. Поэтому изучению социалистической мысли должно предшествовать или сопутствовать изучение социально-экономического быта, т.-е. той среды, из которой выросла или сложилась определенная идеология.

Первоначальное изучение истории социалистической мысли необходимо начать с *общего обзора*, выясняющего общую картину развития истории социальных движений и идей. В дальнейшем приведены важнейшие учебники и пособия, как имеющиеся только на русском языке, оригинальные или переводные, так и вышедшие на одном из главнейших европейских языков. Занимающиеся лишней раз должны проникнуться убеждением в важности знания одного из иностранных языков. В качестве дополнительного пособия могут служить курсы *истории Европы* и солидные курсы *истории философии*.

Познакомившись с общим ходом развития социализма, необходимо прочесть в подлиннике одного из классиков социализма, обязательно включив в свою программу прочтение I и IV томов „Капитала“ Карла Маркса. Выбор наиболее важных социалистов будет указан руководителем. Для только ориентирующихся достаточно знание по одному образцу главнейших типов, например, одной утопии (Мор, Кампанелла, Веррас), одного предшественника Маркса (Вейтлинг, Томпсон, Луи-Блан), одного представителя марксизма (Роза Люксембург, Ленин, Энгельс) и при всех комбинациях важнейших произведений

самого Маркса („Коммунистический манифест“, „Гельнский процесс“, „Капитал“, „К критике политической экономии“). При специализации программа значительно расширяется.

III. Учебники и пособия.

История социализма, как особый предмет преподавания, отсутствовала до 1918 года в программах наших высших учебных заведений. На юридических факультетах с начала XX века излагалась только *история политической экономии* или *история экономических воззрений*, причем в этом обзоре в той или иной мере вводилось попутно и изложение социалистической мысли. Специальное же изложение истории социализма стало возможным в университетах России только как один из результатов завоеваний октябрьской революции. До этого времени знакомство с ходом развития социалистической мысли происходило только неорганизованно и случайно, как, например, на некоторых юридических факультетах больших университетов, попутно при изложении „истории экономических учений“, — самого по себе добавочного и необязательного предмета. Такое положение целиком отразилось на скудости и бессистемности русской литературы по социализму. Интеллигенция могла знакомиться с нею по текстам на иностранных языках, только бывая за границей. Широкие слои трудящегося населения впервые познакомились с социалистическим учением по скудным конспективным изложениям подпольной революционной литературы, да и то по немногим случайным отдельным изданиям, появившимся в дни революционного подъема, то-есть начиная с зимы 1905—1906 года.

Текущие революции пока еще не внесли в это дело должной системы и планомерности. Государственное издательство не поставило еще на очередь вопрос о классиках социализма, поэтому читающему только по-русски недоступны сочинения многих видных социалистических писателей, как, напр., Жана Мелье, Вerrasа, Гаррингтона, Фурье, Оуэна, Томпсона, Спенса, Консидерана, Прудона, Бланки и др. Некоторые писатели известны пока только частично, например, Сен-Симон, Пьер Леру, Луи Блан, Кабе и др. Отсутствуют на русском языке также некоторые общие сводки по истории социализма и не

переведено много ценных монографий. В этой области предстоит еще очень большая работа, тем более, что учащиеся высшей школы, к сожалению, обыкновенно не владеют иностранными языками. Тем не менее желающие детально изучить историю социализма, особенно его развитие до великой мировой войны, могут со многим познакомиться, усердно читая только по-русски. С этой целью здесь далее приводится достаточно обширный список сочинений и пособий по истории социализма на русском языке. Кроме того в конце многих глав настоящего краткого обзора приведены важнейшие пособия в соответствующей области.

В настоящем обзоре истории социализма излагается только история идеологии. Между тем всякая идеология есть результат определенной системы быта, которого она является производным. Поэтому изложению истории социалистической мысли должно предшествовать, или, еще лучше, ей сопутствовать изложение социальных условий и описание экономического быта. Высшая школа удовлетворяет этому элементарному марксистскому требованию, вводя параллельно особый предмет — *историю хозяйственного быта*. Это принято во внимание при составлении предлагаемого обзора, лишенного необходимых добавочных глав по истории хозяйства. Они подразумеваются известными учащемуся из других источников.

Общие обзоры на русском языке в хронологическом порядке.

1. Сюдр, А. „История коммунизма“, русск. перевод. Спб., 1870 г. (Устарел).
2. Щеглов, И. „История социальных систем“. Спб., т. I — 1870 г., т. II — 1889 г. (Устарел).
3. Кирхгейм. „Вечная утопия“, русск. пер. Спб., 1899 г.
4. Штейн, Людвиг. „Социальный вопрос с философской точки зрения“, русск. пер. П. Ф. Николаева. Москва, 1899 г. (Устарел).
5. Чечулин, Н. Д. „Русский социальный роман XVIII в.“. Спб., 1900 г.
6. Менгер, А. „Право на полный продукт труда“, русск. пер. Москва, 1905 г.
7. „Государство будущего“. Стенограф. отчет германского рейхстага. Спб., 1906 г.
8. Фогт, А. „Социальные утопии“, пер. с нем. В. Ф. Изд. Брокгауза и Ефрона. Спб., 1906 г.; другой перевод — Фойгт, Андрей. „Социальные утопии“, пер. Стороженко. Спб., 1907 г.
9. Туган-Барановский, М. И. „Современный социализм“, 1906 г.
10. Его же. „Национализация земли“, 2-е изд., 1907 г.

11. Его же. „Очерки из новейшей истории политической экономики и социализма“, 5-е изд. Спб., 1914 г.
12. Его же. „Социализм, как положительное учение“, 1918 г.
13. Бурген, М. „Современные социалистические системы“, 1906 г.
14. Жорес, Жан. „Очерки социализма“. Спб., 1906 г.
15. Зомбарт, Вернер. „Социализм и социальное движение“, пер. с 5 нем. изд. (изд. „Луч“). Спб., 1907 г.
16. Каутский, К., Лафарг, П., Гуго, Л. и Бернштейн, Э. „Предшественники новейшего социализма“, русск. перев., 2 т., 1907 г. (Солидное и важное пособие).
17. Русанов, Н. „Социалисты запада и России: Фурье, Маркс, Энгельс, Лассаль, Жюль Валерас, Вильям Морис, Чернышевский, Лавров, Михайловский“. Спб., 1908 г.
18. Сиповский, В. „Очерки истории русского романа“, 2 т. Спб., 1909 г.
19. Бернацкий, М. „Очерки по истории социализма“, 5 очерков в журнале „Русское Богатство“ за 1910 г.
20. Его же. „Теоретики государственного социализма в Германии“, 1911 г.
21. Прокопович, С. „Проблемы социализма“. Спб., 1911 г.
22. Святловский, В. В. „Очерки из истории экономических воззрений на Западе и в России“, т. I. Спб., 1913 г. Его же: „История экономических идей в связи с историей экономического быта“. Москва („Мир“), 1923 г.
23. Свентоховский. „История утопий“. Москва, 1910 г. (Хорошее изложение).
24. Тотомианц и Устинов. „Утопии“. Москва, 1917 г. (Поверхностное изложение).
25. Жид, Шарль и Рост, Ш. „История экономических учений“, 2-е изд. Москва, 1918 г.
26. Булгаков, С. Н. „Очерки из истории экономических учений“. Москва, 1918 г.
27. Рожков, Н. А. „История социализма“, лекции 1918—1919 гг. Петербург, 1918 г. (Неразработанный набросок).
28. „Краткий очерк истории социализма и социальных движений на Западе“. Москва, 1919 г. (Перев. с нем.).
29. Лавров, П. „Из истории социальных учений“, 1919 г.
30. Святловский, В. В. „История социализма“. Конспект лекций инструкторского института Толмачева, 1921 и 1922 гг. То же отдельно „История социализма“. Петроград („Былое“), 1922 г.
31. Тотомианц, В. „История экономических и социальных учений“, изд. Объединения земских и городских деятелей за границей. Париж, 1921 г.
32. Чердынцев, Н. „История социализма“. Уфа, 1921 г.
33. Беер. „История социализма“, 3 выпуска. Москва, 1922 г. (По-русски переведено только до начала XIX века).
34. Святловский, В. В. „Русский утопический роман“, литература об утопиях русских авторов. Петроград, Гос. изд., 1922 г.
35. Святловский, В. В. „Каталог утопий“. Петроград, 1923 г.

Очерки истории социалистической мысли.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Коммунизм в древности.

ГЛАВА I.

Общий обзор.

У многих народов древнего мира к началу исторической эры возможно с некоторою уверенностью устанавливать черты общинной или коммунистической земельной собственности. Этот первобытный коммунизм, ныне, впрочем, историками оспариваемый, является результатом общей работы и общего потребления членов одной и той же семейной общины. Этнография и история права свидетельствуют, что вообще первобытному человеку было совершенно неизвестно противоположное, *индивидуальное* присвоение земли и ее плодов. Отдельная личность была не в состоянии изолированно и индивидуально бороться за свое существование; нужна была помощь, поддержка, содружество, совместное действие. Семейная община обычно живет вместе и вместе владеет нераздельным имуществом. Таковы, напр., германский аграрный коммунизм, устанавливаемый свидетельствами Тацита и Юлия Цезаря, аграрный строй сельской общины Индии, общинный коммунизм восточных славян („мирское“ землевладение), семейный коммунизм южно-славянских дворов („задруга“, во главе которой стоят „домачин“ и „домачица“), племенной коммунизм кельто-ирландских кланов. У других народов, хотя и обнаружены признаки аграрной общины, но одновременно устанавливалась и несомненная наличность частной собственности на пахотную землю, а по-

этому возможно утверждать лишь о наличии только некоторого полукommунистического устройства. Таковы народы древней Греции, в истории развития которых встречаются и отдельные случаи несомненного развития коммунизма, напр., коммунистический строй колонизованных греками Липарских островов, засвидетельствованный Диодором Сицилийским¹, или государственная организация общественных трапез в Спарте и на острове Крите. История собственности на более ранних ступенях развития тесно связана с историей семьи. Система матриархата была связана с коллективным владением землею. С зарождением и ростом индивидуальной семьи начало разлагаться и коллективное землевладение. Эпоха последовавшего господства частного землевладения с ее превращением недвижимости в движимый капитал, с ее лихорадочной мобилизацией земельной собственности из рук в руки, все же не смогла совершенно изгладить из памяти и обычаев людей прежнее устройство даже в наиболее передовых странах. У народов отсталых первобытный аграрный коммунизм не только уцелел, но даже эволюционировал, приспособляясь к новым условиям. Таковы, например, общины в Индии и в России.

Русская деревенская община („мир“) долгое время считалась исключительной национальной особенностью, чуждою другим народам. Она наивно считалась русскими националистами, славянофилами и позднее народниками только в 1842 г. открыто для Европы немцем Гакстгаузенем. На этом была построена целая теория противоречия характеров русской и западноевропейской культуры. Славянофилы, а позднее народники полагали, что основой западной культуры был индивидуализм, а славянской, в частности русской — „хоровое“ начало, коллективизм, природное тяготение к социализму. Это выражалось якобы в наличии „общины“ и „артели“.

Последующие научные изыскания (Моргана, Маурера, Мэна, М. Ковалевского, Ефименко и др.) доказали, что община была свойственна большинству западных и восточных народов земного шара на определенной ступени развития. Так же и артель тоже институт не новый. Чем дальше развивались научные работы в области истории, археологии и этнографии, чем больше

¹ Военная община типа вест-индских флибустьеров.

применялся так наз. историко - сравнительный метод — тем больше узнавали о действительном ходе развития экономических и правовых институтов. Так были изучены:

- 1) семейная община, повсеместно существовавшая;
- 2) долевая община, сложная („марка“) и простая;
- 3) уравнительно-передельная община в России и в Индии

и т. д.

Последний—передельный—тип общины более позднего происхождения. Его созданию способствовали земельная теснота и податное обложение. При общем юридическом владении всем миром всей деревенской земельной площадью, экономический распорядок в общине — производство и потребление — имеет индивидуальный характер. Отсюда внутри общины постоянная борьба двух противоположных начал. История захватывает процесс развития собственности к моменту разложения старой семейной общины и роста частного землевладения.

Развитие частной собственности шло параллельно с развитием социального неравенства, поэтому уже на более ранних ступенях исторического развития встречаются примеры законодательных постановлений, стремящихся оказать противодействие вредным сторонам господства частной собственности. Таково, например, известное предписание законодательства Моисея о юбилейном годе, в силу которого каждый пятидесятиый год вся собственность возвращалась к ее первоначальному владельцу, прощались все долги, и освобождались все рабы из лиц своего племени. В этом же законодательстве древней Иудеи содержится ряд других предписаний, направленных на защиту интересов обездоленных классов уже дифференцировавшегося к этому времени общества. Как теперь установлено трудами историков, первоисточниками этих законодательных предписаний являются соответствующие мероприятия правительств древнего Египта, рано остановивших свое внимание на некоторых сторонах социального быта своих подданных. Жрецы постепенно стали капиталистами. Хозяйство покоилось на скотоводстве и земледелии, развивалась промышленность, торговля носила оживленный характер. Рабочий класс, сливавшийся с рабами, был в глубоком угнетении. Рабство было

60-к. 98. 295 кав. соч. кав. 3-2027

в полном разгаре. Государственной машиной заведывало сильное и сплоченное чиновничество. Хозяйство покоилось на натуральных поборах и на работе подданных.

Халдейские и ассирийские надписи также содержат указания на зарождение социального вопроса и на попытки активного вмешательства в положение обездоленных. Рядом с указаниями на случаи восстания бедных классов приводятся примеры некоторых уступок со стороны богатых в виде, наприм., определения порядка уплаты заработной платы и т. д. Налицо уже были признаки начальной стадии капитализма. Ассирия, Мидия и Персия также являлись странами высокоразвитой культуры.

Военные братства спартанцев и критян и в мирное время сохранили черты общности их боевого дела („государстволлагер“), что выразилось в товариществе по трапезе или сисситиях, в которых некоторые усматривали пережитки старого коммунистического аграрного строя, но которые в действительности являлись тем неизбежным проведением начал государственно-социалистической идеи, которая свойственна всем общинам военного типа.

Рост социального неравенства, тесно связанный с ростом индивидуализма, рано создал мысль о необходимости ограничения частной собственности и противопоставил действительности идеал социально-экономического равенства, общности владения, производства и распределения. Этот идеал одни усматривали в прошлом, создавая коммунистические фантазии о давно минувшем „золотом веке“, другие — в будущем, стараясь придумать новое устройство общества; так начали создаваться утопии. Вымысел давал руководящее начало для современности и служил целям нравственного возрождения общества и государства, что уже было зародышем социализма. К числу таких фантастических поучительных преданий принадлежит и так наз. законодательство Ликурга, ставившее своей целью изображение преимуществ коммунистического устройства. Ту же цель преследовали поучения в баснях и комедиях, и еще более — первые утопические рассказы и романы, которые появились в эпоху исторического переворота в Греции, в IV веке до Р. X.

С поисками социального идеала в прошлом порывает ге-

ниальный философ античной Греции Платон (428—347), который впервые создает обоснованный идеал коммунистического государства будущего,—идеал, построенный на началах разума. Социальная утопия Платона является колыбелью социализма, разработка которого с этого времени уже не прекращается. В сочинениях Платона рождается первый этап развития социалистической мысли — утопический социализм.

Платон в Греции был не одинок. Сохранились сведения и о других, к сожалению, не дошедших до нас полностью социальных утопиях греческого мира (Эвгемер, Ямбул и др.). Их утопии были составлены под несомненным влиянием Платона.

Из школы же Платона выходит и то направление мысли, которое оказало некоторое влияние и на социальные идеалы некоторых направлений христианства, разрастающегося в эпоху рассеяния иудейства по лицу тогдашнего мирового суверена, Рима. Христианство не было социально-экономическим учением, а учением нравственным, и потому никакого мирового идеала определенного социального устройства не создало. Так наз. христианский коммунизм первых христианских общин был только естественной формой братства объединившихся общинами условиями жизни пропагандистов-идеалистов, не более.

Но все же в Александрии, в центре новой платоновской школы (неоплатонизма), зарождаются новые учения в христианстве, и крупнейший „отец церкви“ на Западе — блаженный Августин, будучи противником коммунистических тенденций первоначального христианства, с гордостью признает себя учеником Платона.

В совершенно ином положении был античный Рим. Социалистические идеи зародились здесь преимущественно в сфере землевладения и дали первые ростки будущего аграрного социализма. Сильный толчок в этом направлении дали знаменитые римские народные трибуны Кай и Тиберий Гракхи. Некоторые из античных писателей, как, например, Тибулл, Овидий, Сенека, Вергилий, изображали идеалы всеобщего счастья, основанного на радикальном изменении всего социального порядка. Утопизм чаще всего сводился к преклонению перед картинами „из минувшего золотого века“.

Для желающих подробнее ознакомиться с развитием социализма в древности можно рекомендовать на русском языке единственное в своем роде превосходное сочинение немецкого ученого проф. Роберта Пёльмана: „История античного коммунизма и социализма“, русск. пер. 2 тома. СПб. 1910 г. Беер. „История социализма“. 1923 г., в. I.

ГЛАВА II.

Греция.

1. Экономическое положение древней Греции и социальная революция

VII века до Р. X.

Исторические памятники древней Греции рисуют так называемую гомеровскую эпоху, в которую в стране господствовал земледельческий класс. Это было в X—IX веках до нашей эры, в эпоху, которую удачно характеризуют термином „греческого средневековья“.

Привилегированное положение занимает военно-земледельческая аристократия. Она обособляется от всего остального населения, как класс „благородных“ и „лучших“ по отношению к низшим, „худшим“. Города и области рассматриваются, как частная собственность царей, и облагаются податями и повинностями в пользу монархов. Но основания для укрепления и роста царской власти не было; наоборот, родовая аристократия, многочисленная и сильная, постепенно вытеснила царскую власть, которая быстро и тихо сошла со сцены. Аристотель в своем описании политического устройства так говорит об этом времени: „катастрофа наступала быстро; раз кого не желают иметь царем, то он уже царем и не будет“.

Аристократия, усиливаясь, присваивала себе военный характер, крестьянские массы становятся более миролюбивыми и истощенными. Свободное мелкое землевладение исчезает. Зе-

младельцы-крестьяне начинают приравняться к бесправным илотам.

Аристократия теперь чуждается физического труда. „Мое богатство — мое копьё, мой меч, мой славный шлем... благодаря им, я — господин своих слуг“, поет в своей военной песне аристократ острова Крита.

„Лишь благородным подобает обладать богатством, простой же народ должен трудиться в нужде“, поясняет другой поэт-аристократ (Феогнид). Иные песни у угнетенных.

Гезиод в „Трудах и днях“ желает позднее родиться и раньше умереть, он — представитель мелкой земельной собственности, угнетаемой и разоряемой аристократией. „Горе безумцу, который отважится против сильного“, восклицает он в отчаянии.

В VII веке наступает социальная революция в античной Греции.

Благоприятные географические условия способствуют торговле, мореплаванию, развитию денежных отношений. Выдвигается новая сила в лице торгового капитала. Греки быстро завоевывают берега Средиземного моря, устраивая повсюду фактории. Средиземное море — „кайма, как бы подшитая к обширной ткани варварских полей“ (Цицерон). В полтора столетия вся торговля здесь монополизирована в руках греков, оттеснивших все другие народы. В VI веке они господствуют в торговле не только во всем известном в то время культурном, но и в варварском мире, тем более, что и на востоке возникают впервые неведомые здесь денежно-хозяйственные отношения.

Процесс идет быстро и неотразимо. Все определяется теперь на деньги, за роскошью идут честь и слава. „В богатстве сила“, — „деньги делают человека“, говорится в тогдашних изречениях. Нарождается, развивается и усиливается класс новой торговой аристократии. Знать земельная расслояется, и часть ее ассимилируется, „растворяется“ в торговой группе. А эксплуатация обездоленной крестьянской массы земельной аристократией, потянувшейся с силою к деньгам, достигает крайних пределов. В Афинах крестьянам владельцы оставляют не более $\frac{1}{6}$ доли урожая с их полей. По стране проносится революционный ураган.

Крестьянские волнения приводят к изгнанию знати, конфискации и разделу земельных имуществ. Аграрная революция происходит при этом под руководством и при содействии торговой аристократии. В итоге неорганизованное и темное крестьянство, став орудием, способствовало классовому торжеству торговой аристократии.

Новые денежные условия требовали выработки их правовой защиты — нового законодательства. Оно, как законодательство Солона, завершает процесс.

Все приносится в жертву экспортной торговле — источнику наживы. Для нее создается и ремесленное производство и рабская промышленность. Законы Солона осуществили и воплотили в жизнь идеалы не только афинской, но и всей вообще торговой аристократии древней Греции. Они способствуют возникновению и усилению в разных городах тирании.

С развитием промышленности, — а некоторые виды рабской промышленности сильно процветали, — укрепились денежные отношения и денежное хозяйство. Окреп торговый капитал, появились банки и банкиры, как, например, известный афинский банкир Пасион. Вклады и обороты становятся громадны. Отец Демосфена положил в банке Пасиона две тысячи четырехста драхм, у Пилада шестьсот, у Демомелы — тысячу шестьсот. Ежегодный торговый оборот одних ионийских портов, входивших в состав афинского морского союза, достигал сорока тысяч талантов, что было весьма и весьма значительно. Торговый капитал создал классовые противоречия в стране и обострил противоречие между бедностью и богатством. Этот процесс составил содержание экономической жизни VII, VI веков и выдвинул новые общественные классы и новую политическую группировку. Фабриканты, рабовладельцы и банкиры стремились к расширению внешнего рынка, появляются своего рода империалистические тенденции и настроения. К труду устанавливается презрительное отношение, начинает развиваться самая беззащитная демагогия. Пролетаризованные ремесленники и разоренное крестьянство создают кадры городских пролетариев. Средние группы исчезают, развиваются полярности. Пролетариат в IV веке составляет в Аттике 60% всего населения. Он существовал помощью государства и участием

за плату в политической деятельности. Правление демократии покоилось на зыбком основании, открывало простор для того подкупа и демагогии, который оттолкнул от афинского народа лучшие умы и впереди других Платона.

2. Характер социально-экономического уклада. — Платон.

В V и VI веках до Р. Х. в древней Греции произошли глубокие политические и социальные перемены, отразившиеся на всем мировоззрении древних греков, этого наиболее выдающегося народа древности. Особенно резко и определенно отразилась революция на учении о государстве и на понятиях о свободе и собственности. Началась замена коммунистического хозяйства денежным, которое к этому времени успело развиться в некоторых из греческих государств, например, в Афинах и Коринфе. Здесь впервые был поставлен вопрос об индивидуализме и социальном понимании условий материальной жизни, впервые обсуждались вопросы о справедливом распределении и концентрации имущества, о чрезмерном богатстве, нищете и т. д.

Первым теоретиком, принципиально высказавшимся против экономического неравенства, был писатель Фалес, или Фалей, из города Халкедона, который усматривал в имущественном неравенстве причину всех гражданских раздоров, столь обильных в тогдашнюю эпоху. От устранения неравенства и улучшения общей нравственности народа Фалей ожидал исчезновения преступлений против собственности.

За Фалеем следует величайший философ древности, аристократ-афинянин Платон (428—347 г. до Р. Х.), родоначальник идей социализма.

Платону принадлежит ряд дошедших до нас сочинений или диалогов, излагающих законченное мировоззрение по социальному вопросу, но Платон, как и вообще все греческие писатели, не рассматривал социально-экономических вопросов отдельно, изолированно; они являлись для него только частью его общего учения, в котором первое место занимало учение о нравственности, или *этика*.

По Платону, и государство, и хозяйство, и отдельный человек, стремясь к счастью, должны быть нравственны, „добродетельны“.

Добродетель не есть простой отказ от мирских благ, как то проповедают аскеты, а справедливое и умеренное пользование ими. „Земное“ признается и Платоном, но лишь при свете нравственного идеала.

Социальные воззрения Платона изложены в двух сочинениях: „Государство“ (или, по-гречески, „Политейя“) и „Законы“. Ряд добавлений можно найти в диалогах „Горгий“, „Тимей“, „Критий“, в последнем находится также неоконченное описание жизни на острове Атлантида ¹.

По мнению Платона, люди познают истинный мир до своего рождения и, явившись в мир, только вспоминают тот лучший мир и, естественно, стремятся к нему всю жизнь. Для созерцания этого лучшего „горнего“ мира, мира — по Платону — чистых идей, человеческая душа „растит себе крылья“ и питает себя „божественными элементами“ — мудрым, прекрасным, добрым. „Взрастив и развернув крылья“, душа поднимается и воспаряет к этому дальнейшему миру в каком-то особом экстазе, в эресе.

В таком иступленном состоянии находится по Платону „тот, кто, видя здешнюю красоту и вспоминая о красоте истинной, окрыляется и, окрылившись, пламенно желает лететь вверх. Еще не имея сил, он уже, подобно орлу, смотрит вверх, а о дальнейшем не заботится“. „Было время, — говорит Платон в „Федре“, — когда душа была посвящена в блаженнейшую тайну, была непорочна и чужда зла и сама созерцала такие же видения в чистом сиянии. Тогда мы не были погребены в той оболочке, которая называется телом и в которой мы, как улитки в раковине“. „Тело — гроб души“, — говорит Платон в диалоге „Критий“.

Неродившиеся души созерцают занебесное, поднимаясь вместе с богами за предел видимого неба. Так мечтает величайший идеалист древности Платон, стараясь уверить своих современников, что вся природа, вся вселенная есть не что иное, как мир одних идей.

Каково отношение здешнего мира к миру идей? На это Платон отвечает знаменитую 7-ю главою диалога „Государство“.

„Представим себе, — говорит он (словами Сократа), — под-

¹ Легендарный остров, описанный Платоном, возбуждал всегда интерес. Одни считали его частью африканского материка, другие — исчезнувшим островом, третьи усматривали в нем Сев. Америку.

земное жилище: обширнейшую пещеру, которая однакож сверху, во всю свою длину, открыта для принятия в себя света. Положим, что люди с самого детства живут в пещере и притом так, что входа в нее не видят; что, связанные по ногам и по шее, они могут усматривать только находящееся перед глазами, а поворачивать голову от стесняющих ее оков не в состоянии. Тогда как люди так заперты и закованы в своей пещере, пусть позади их сверху льется к ним свет огня и озаряет мрак пещеры. Притом между тем огнем и отверстием пещеры пусть идет дорога, закрытая от нее стеною. За этою стеной вообразим других людей, которые сами, как закрытые, невидимы, но они, то молча, то разговаривая, проходят своею дорогою, неся разную рухлядь, изображения людей и животных, статуи и прочее,— и тени всего этого падают на противоположную часть пещеры. Те узники, — продолжает Сократ, — хотя, кроме теней, ничего не видят, однакож будут уверены, будто видят самые вещи, и в беседе друг с другом станут тени называть теми же именами, какие обыкновенно даются самим вещам; даже к этим теням отнесут и звуки, которые издаются проходящими вверху и отражаются внутри пещеры. Если бы теперь кто-нибудь из них был освобожден от оков и вдруг встал, начал поворачивать шею, ходить и смотреть на свет, то, конечно, почувствовал бы боль в глазах и, привыкши видеть одни тени, не мог бы созерцать самые вещи. А если бы стали его уверять, что прежде жил он среди пустых теней, он усомнился бы и прежние представления считал бы более правдоподобными, чем последние. Поэтому, чтобы мало-по-малу научиться ему переносить впечатления истинных тел и истинного света, нужна некоторая привычка. Именно, сперва будет он легко созерцать тени, потом отразившиеся в воде образы людей и животных, затем легче видеть предметы на небе и само небо ночью, нежели солнце и его блеск днем, а наконец, после долговременного упражнения, уже не образ солнца в воде или в других вещах, но самое солнце... Если бы такому человеку и пришло на мысль пойти в прежнее место и объяснить бывшим своим товарищам, что он видел и как жалка жизнь их, — из этого, без сомнения, вышло бы то, что стали бы над ним смеяться и сочли бы его глупцом, которого глаза от созерцания предметов выпрепных несчастным образом повредились“...

„Таков образ человеческой жизни. Та пещера, в которой люди связаны и видят только тени вещей, это и есть наш мир, подлежащий чувствам“ . . .

Итак, по Платону, действителен только мир идей, истинно только припоминание его, ибо явления нашего видимого мира представляют собою только некоторое подобие идей, отчего мы их и припоминаем при наших чувственных восприятиях.

Идеи, таким образом, прототипы несовершенного отражающего их мира. Между этими двумя мирами, земным и невидимым миром идей, существует связь — божественный эрос.

Эрос — это стремление смертной человеческой природы возноситься до бессмертия, обессмертиться, увековечиться в новом творении, которое может быть и физическим и духовным. Это как бы особое космическое влечение; здесь, вместе с тем, корень философии Платона.

Итак, эрос, по Платону, — основное всеобщее движущее начало; это — любовь и искание добра и красоты, верховное начало всей жизни. В итоге идея добра — цель всего мирового процесса и, вместе с тем, смысл всей человеческой жизни.

Но так как люди по природе своей неравны, то они поэтому не в равной мере наделены добродетелями, которых, по Платону, основных четыре: мудрость, храбрость, самообладание и умеренность. У одних людей преобладает одна добродетель, у других — другая, отсюда и разные группы людей и различное деление населения в государстве.

Во главе хорошо устроенного государства должны стоять особенно мудрые люди — философы. Они управляют страной и народом. Люди, наделенные добродетелью храбрости, защищают государство от вторжения врагов, они — класс помощников правителей, или „стражи“.

Философы и стражи обязаны все свое время посвящать другим людям, государственным нуждам и заботам. Им некогда думать о будничных заботах и о своей личной жизни. При постоянном пребывании в таком повышенном героическом настроении они не могут думать о своей семье, о себе и своей личной собственности, о повседневных нуждах, поэтому они живут без личной собственности и личной жизни; они — коммунисты.

Между тем все остальное население живет, сохраняя индивидуальный строй, смягченный добродетелью умеренности.

Такой порядок может быть налицо только в тех случаях, когда весь государственный уклад будет „перестроен заново“, по принципам разума и справедливости. Как его достигнуть?

В диалоге „Государство“ от имени Платона говорит его учитель Сократ. Вопросающий его назван Главконом. „Давай, — предлагает устами Сократа Платон, — устраивать государство („город“) в нашем уме с самого начала, а ведь устроить его наша потребность!“... И вот, перебирая потребности человека, он находит, что из них первая и самая великая — „в добывании пищи или поддержании жизни“, вторая — „в устройстве жилища“ и третья — „в изготовлении одежды“ и пр. Путем разделения труда и специализации все потребности в конце концов удовлетворяются. Мастера, ремесленники и земледельцы заботятся о производстве. Внешний товарообмен потребует купцов и мореплавания, внутренний — знаков обмена и мелких торговцев. Наконец идут прислужники или наемники. Резко от этих классов — „братьев, занятых хозяйственной деятельностью“, но все же существ низшей породы, отделяются правящие — философы и стража. „Низших надо оградить и оберегать“, и только они должны находиться в покорности и подчинении. Стражи к ним относятся дружески и бескорыстно. У стражей нет собственного имущества, у них нет ни жилища ни кладовых. Философы и стражи получают только жалованье за службу государству. В число их могут входить на равных правах и женщины.

Рассмотрим семейное устройство в государстве Платона. Брак, семья и воспитание рассматриваются Платоном очень подробно, но действующие в его эпоху соответствующие институты им принципиально отвергаются. При этом брак, по Платону, не может быть делом случая и индивидуальной судьбы. Заключение брака — функция государственной власти. Молодым людям в брачном возрасте властью подыскиваются наиболее подходящие жены. Общность жен и детей у всей страны, как и система и принцип, подробно излагаются в 5 книге „Государства“. Хотя женщины от природы слабы, полагает Платон, но могут отправлять и общественные должности при наличности соответствующего образования. Созданию лучшего буду-

щего поколения способствует ряд постановлений; так, из всех граждан избираются наилучшие юноши и девицы, чтобы стражи не вырождались. В праздники устраиваются сходки и бросаются жребии, чтобы соединялись сильнейшие с сильнейшими. Мужьями граждане могут быть с 30 до 55 лет; при этом обе стороны соблюдают скромность и целомудрие в браке. Брак вообще возможен, как почетная или добавочная награда.

Молодое поколение не должно быть связано с индивидуальной семьей, основным источником социальных бедствий. Чтобы создать в новом строе нового человека, дети воспитываются публично, вдали от прочих граждан, особенно вдали от своих родителей. Благородные, т.-е. по определению правительства возникшие, воспитываются отдельно от худших, т.-е. от возникших самовольно или же от несвоевременных браков. В государстве Платона индивидуальная семья должна быть уничтожена. Вот идея, ставшая навеки родственной социализму. Идеал общего дружества и воспитания обязывал, чтобы родители и дети ни в коем случае не знали друг друга. Все дети — дети всех родителей. От признания такого принципа произойдет между всеми людьми величайшая любовь и согласие, ибо каждый будет считать каждого своим братом. А так как согласие есть высшее благо, то отсюда и должны происходить все меры по достижению единства и согласия, они все — спасительны для общества.

Итак, все граждане вообще должны дружески относиться друг к другу. Правители — это защитники и хранители отечества, все прочие — его кормильцы. И так как не будет частной собственности на землю, наследства и других стяжаний, то в новом государстве не будет ни тяжб ни раздоров. Итак, коммунизм, разрушив индивидуальное владение и индивидуальную семью, создает новый, лучший общественный строй. В этом строе чистыми коммунистами является только высшая группа — философы и стража. Они малочисленны и полны самопожертвования. Их аскетическая жизнь — предмет удивления современников и потомства. Так, например, стражам отсутствие материальных преимуществ и благ компенсируется при жизни и по смерти величайшими почестями. Остальная народная масса — только материал, руководимый коммунистами, материал, живущий в приближении к коммунизму, как к идеалу. Дальше за нею идут

рабы, об эмансипации которых даже не возбуждается вопрос.

Так Платоном впервые в истории был формулирован и намечен социальный идеал будущего. Часто при этом возникал вопрос: что именно намечал Платон — „отвлеченный идеал“ или определенную программу действия? Платон сам отвечает на этот вопрос.

„Осуществима ли в каком-либо обществе эта общность? — спрашивает Главкон „Сократа“ (т.е. Платона) и отвечает: „осуществление кажется Главкону весьма трудным“. Подлинные слова Платона гласят далее:

Главкон: „Возможно ли такое государство, и каким образом оно возможно?“

— „Хотя это и невозможно, однакоже общество было бы прекрасно... Расхождение существа управления с идеалом — это расхождение занятий управления с философией“... „Стражи общества, таким образом, должны быть самыми строгими философами, им нужно созерцать самую идею блага.“

— „Когда же осуществится новый идеальный строй?“

— „Пока в городах не будут или философы царствовать, или нынешние цари и властители — искренне и удовлетворительно философствовать, пока государственная сила и философия не совпадут в одно, и многие природы, направляющиеся ныне отдельно к той и другой, будут взаимно исключаться, дотоле, — говорит Платон, — ни города, ни даже, думаю, человеческий род не жди конца злу; и описанное в наших рассуждениях государство прежде этого не родится, как могло бы, и не увидит солнечного света“...

Так думал Платон в „Государстве“, так им впервые ставилась великая социальная проблема у колыбели нового течения мысли — социализма. Возник античный коммунизм в концепции и понимании Платона.

Более реальную, но менее радикальную позицию Платон занимает в „Законах“, во втором своем утопическом произведении более позднего происхождения, написанном, повидимому, для практического осуществления более определенных заданий. Этого, повидимому, требовала неудача, постигшая проекты Платона в Сицилии, где тиран Дионисий Сиракузский желал одно время осуществить идеи философа.

Но „Государство“ и „Законы“ не противоречивы, как думают некоторые, не „измена“ взглядам молодости, как думает, например, наш философ Владимир Соловьев, а только два варианта—сокращенный и полный—одной и той же социальной программы. При этом оба варианта надо рассматривать во времени: один — позднейший — программа-минимум, исполнимая немедленно, другой — более ранний — программа-максимум, в более отдаленном будущем. Но оба варианта Платона—только разные степени приближения к одному и тому же идеалу в разные эпохи жизни Платона.

В „Законах“ Платон характеризует общество „золотого века“ и его примитивно-хозяйственный уклад, как строй, наиболее пригодный для развития лучших свойств человеческой природы. Это эпоха „после потопа“, когда небольшие группы уцелевших людей утратили навыки и знания допотопной культуры и были вынуждены начать общественную жизнь сначала. Но, потеряв всякое воспоминание о прежних правительстве и законах, они и без них ведут жизнь счастливую и по-своему совершенную. Отсутствие техники и средств передвижения, отсутствие рудников и металлов не дали восстановиться не только товарообмену, но и войнам и раздорам, а одиночество и изолированность новых людей вызвали взаимную любовь и дружелюбие.

Скотоводство и охота давали средства пропитания и одежду. Жилища и сосуды, при наличии гончарного искусства и тканья, готовить было нетрудно. Не настолько зажиточные, чтобы воевать из-за достатка, жители этой страны, не зная золота и серебра, не знали ни богатства ни бедности, и в силу этого находились в „блаженном состоянии“.

Отсутствие борьбы за насущный хлеб и побуждений к наживе создавали равновесие, несмотря на малое образование. Они поэтому были просты и чисты сердцем, а души их открыты для восприятий добра и истины.

„Когда же в общежитии нет ни богатства ни бедности,—говорит Платон,—то в нем возникают благороднейшие нравы, ибо не рождаются ни необузданность, ни ревность, ни зависть, ни несправедливость“. Итак, простая жизнь дает социальный мир и счастливую жизнь, полную простодушной мудрости и добродетели.

Такую-то именно жизнь—жизнь „золотого века“—гражда-

нам надо иметь в виду, устраивая государство. И государство „Законов“, менее совершенное, чем государство „первого плана“ — Политейя, но все же стоящее выше обыденного устройства, не забывает, что „оно должно существовать не во времена Хроноса, а в настоящую эпоху, а потому должно быть организовано, памятуя задачи обороны“. Конечно, не война — цель государственного бытия, но, как неминуемая злая необходимость, она не может быть упущена из виду. С этой целью даже общие обеды устраиваются в видах поддержания военного мужества. Вообще же добродетели должны стоять на первом месте, материальные блага — на самом последнем. Добродетель — результат воспитания и приучения с детства. Празднества, хоровое пение и танцы воспитывают согласие и гармонию; потом вырабатываются скромность и умеренность зрелого возраста, разумность, мудрость и справедливость — старости. Излишество и пьянство не допускаются, хотя под виноградники все же отводится некоторая небольшая площадь государственной территории.

Это „государство“ непременно должно быть основано на большом расстоянии от берега моря, чтобы таким путем изолировать его от морской торговли и связанных с нею барышничества, наживы и иных возникающих отсюда дурных нравов.

„Счастье новой колонии в отдаленности от моря и в разнообразии почвы, дающей все, что нужно, но без избытка, который бы служил экспорту и обмену на золотую и серебряную монету. Прилив же драгоценных металлов — величайшее зло для государства, как причина разрушения добрых и справедливых нравов. При этом для гарантии хорошего устройства в состав нового государства будут допущены только критяне, а из остальных греков — только жители Пелопоннеса“.

Как появится такой строй? Новое устройство введет в стране молодой тиран с хорошею памятью и восприимчивостью, мужественный и великодушный и, конечно, умеренный. В его правление явится и достойный законодатель, и счастливая судьба соединит его с тираном. Преобразование произойдет легко и быстро. Неограниченная власть, воодушевленная благими намерениями, уже одним своим примером даст многое. Веления этой принудительной силы должны быть разумны и разъясняемы гражданам. Каждый закон должен сопровождаться „предисловием“, разъясняющим смысл и убеждающим в его пользе.

Необходимо различать коммунизм Платона от коммунизма позднейшего времени. Во-первых, Платон не рекомендует возврата к первобытному состоянию, к прошлому; он организует будущее заново, сознательно. Его коммунизм — рационалистический. Это очень важно. Во-вторых, коммунизм Платона носит полу-аскетический характер и построен на началах идеалистических¹. В-третьих, значение коммунизма Платона воспитательное; все в нем устроено ради осуществления добродетели.

Государство Платона — чисто-эллинское, т.е. без внутреннего деления на классы и касты. Правда, довольно рано осозналась и „трещина“ в единстве этого деления: эллины и варвары; но и эллины были уже двух категорий: одни высшие, другие низшие. По Платону военный лагерь, или, вернее, коммунизм полувойенных групп — для высших, избранных; только для них лучшее будущее. Коммунизм — для нетрудящихся, для аристократов, а для остальных — обыденная жизнь, труд, покорность и подчинение.

Итак, у Платона все трудящиеся массы в полном забвении. Его государственная спайка классов непрочна. Он допускает рабство, т.е. его социальные законы ниже законов Ликурга и Солона. Другими словами, смысл его социальной аристократической и идеалистической философии не в городе, который он нашел, а в „городе“, который он искал.

¹ „Задача Платонова коммунизма, — говорит кн. Е. Н. Трубецкой, — избавить людей от того, что называется на современном языке мешанством духа, освободив их от той материальной зависимости, которая создается как чрезмерным изобилием, так и крайней скудостью. В этом полный контраст между Платоновой идеалистической утопией и коммунизмом материалистическим“. В Платоновом коммунизме имеются черты монастырские, но „Платонов монастырь был языческий“. См. Трубецкой, Е. Н. „Социальная утопия Платона“. М. 1908, стр. 63 и сл.

По-русски специально о Платоне писали: Владимир Соловьев. Жизненная драма Платона. Сочинения, т. VIII (стр. 246—291). СПб., 1903 г. Трубецкой Евг., кн. Социальная утопия Платона. М. 1908. Новгородцев, П. Сократ и Платон. М. 1908.

Экономические идеи Платона излагали: Железнов. Экономическое мировоззрение древних греков. М. 1916. Булгаков, С. Н. История экономических учений. 1907. Святловский, В. В. История экономических воззрений. 1914.

Очерки о Плотине по-русски писал Блонский: Плотин.

Только-что изложенные социально-экономические воззрения Платона оказали громадное влияние на всех тех последующих писателей и мыслителей, которые задумывались над вопросом о замене окружающего их несправедливого общественного устройства более разумным и справедливым. В итоге Платон явился родоначальником и вдохновителем всех дальнейших сочинений и исканий по социальному вопросу.

В античном мире социальная утопия Платона была не одинока; но большинство древних писателей по социальному вопросу находилось под несомненным влиянием этого философа.

Позднее учение Платона воскресло в Египте, в Александрии, в плотинизме.

В III веке по Р. Хр. александрийский философ Плотин мечтал устроить в Римской Кампанье идеальное государство философов — „Платонополис“. Ему сочувствовал император Галлиен и его жена. Плотин и царская чета находились под сильным влиянием Платона.

3. Остальные социальные утопии античной Греции.

В древней Греции, кроме Платона, мы встречаем еще ряд других писателей, составивших описание утопических государств. Большинство этих сочинений не дошло до нашего времени, о содержании многих из них можно судить или по сохранившимся отрывкам („фрагментам“), или по передаче других писателей. Таковы утопические сочинения: 1) „Меропия“ Фалеса Халкедонского, 2) „Священная Хартия“ („Панхей“) Евгемера из Мессины, 3) „Страна за Океаном“ Феопомпа, 4) „Киммерийский город“ или „В стране Гипербореев“ Гекатея или Гекатаоса с острова Теоса, 5) „Солнечное Государство“ или „Остров великанов“ — Ямбула, появившиеся в большинстве после Платона.

Перечисленные утопии не одинаковы по своей внутренней ценности, хотя окончательное суждение об их достоинствах и недостатках невозможно за отсутствием полного текста этих сочинений. От большинства остались только отдельные куски, небольшие фрагменты, некоторые утопии дошли до нас только в передачах и пересказах других писателей. Вот, например,

что известно об утопическом сочинении Феопомпа Хиосского, ученика Исократы, — „Меропия“. Меропия — одна из многочисленных вымышленных стран, изображенных в излюбленной серии древне-греческих фантазий, известной под названием „Филипповых историй“. Последние возникли, как результат грандиозного восточного похода Александра Македонского, сына царя Филиппа. Меропия — счастливая страна „блаженных или глупцов“. Таких особых фантастических стран у древних известно несколько: „Лаверния“ — страна воров и разбойников, „Панкрополис“ — город или страна злодеев, „Памфигония“ — страна обжор, „Иврония“ — страна пьяниц и т. д. Фантазия рисовала также страны великанов, лилипутов, амазонок и т. д. В некоторых вымыслах место людей занимали животные, в других роль животных исполняли люди. Многие из этих фантазий передавались из поколения в поколение, из столетия в столетие, из страны в страну и дошли до нашего времени.

В частности о вышеназванной „Меропии“ Феопомпа известно следующее:

Пьяный лесной божок, желая освободиться от ареста, прельщает царя Мидаса рассказом о диковинной стране, расположенной за окружающим вселенную великим морем и населенной блаженным племенем. Там люди в два раза выше, чем у нас, жизнь их вдвое продолжительнее нашей, а мир животных, равным образом, превосходит здешний. Сама страна необъятно велика, в ней много больших городов, из которых особенно замечательны два: Эвсеб и Махим. В первом из этих городов обитают такие благочестивые праведники, которых за их добродетель сами боги удостоивают общения с собою. Люди живут, наслаждаясь вечным миром, среди изобилия всякого рода благ; земля дарит им свои произведения без помощи плуга, рабочего скота или посевов. Продолжительная жизнь проходит безболезненно, умирают с радостной улыбкой. Совершенно иначе обстоит дело в городе воителей, где жизнь протекает в ратном поле, в мыслях о битвах и о завоеваниях. При их многочисленности, — их два миллиона, — воителям удалось покорить многие племена и собрать значительные богатства, но золото и серебро далеко не так высоко ценятся у них, как у нас железо. Безмятежное физическое благополучие, которым

наслаждаются обитатели первого благочестивого города, не составляет удела обитателей второго города воителей; тем не менее, и эти последние чувствуют себя счастливыми.

Другой греческий писатель, Гекатей Теосский, рисует социальную утопию северного народа Гипербореев в их „Киммерийском городе“. Хотя утопия не дошла до нас, но, по уверениям современников, здесь было высказано „много прекрасного и возвышенного“. Известны и другие утопии.

Так, в III веке до Р. X. АмOMET пишет рассказ о племени Уттрари-куру, Тимокл — фантастический роман о племени „Змеубийц“, Евгемер — о стране „Панхея“ или „Священную Хартию“ (*Ἱερὰ ἀναγραφὴ*). Эта утопия, к сожалению, полностью не дошла. Сохранились только фрагменты Евгемерова текста в сочинениях древних писателей Лактанция¹, Енния², Евсевия³ и Диодора⁴. Сочинение Евгемера, написанное около 280 г. до Р. X. и озаглавленное: „Ἱερὰ ἀναγραφὴ“, т.е. „Священная надпись“ или „Священная хартия“⁵, интересно, как произведение выдающегося человека древности.

Евгемер — атеист, рационалист и суровый социальный мыслитель. При этом в своем описании Евгемер настолько правдив, что историк Диодор принимает его утопию „Священная Хартия“ за фактическое изложение исторически существующей страны.

Евгемер рассказывает далее о посещении им острова Панхея, отличавшегося богатой природой. Панхейцы — счастливый народ, управляемый особою жреческой аристократией. Последняя живет на коммунистических началах в священном округе,

¹ Лактанций. I кн. *Divinae institutiones*.—*De falsa religione*.

² Енний.

³ Евсевий. II кн. *Praeparatio evangelica* (заимствовано у Диодора).

⁴ Диодор, кн. V, 41—46 и кн. VI, 1.

⁵ Об Евгемере наиболее значительная литература следующая: Zuckerg. Euhemerus und seine „Ἱερὰ ἀναγραφὴ“ bei den christlichen Schriftstellern, статья в журн. „Philologus“, том LXIV за 1905 г., стр. 465—472. R. Pöhlmann. „Geschichte des antiken Kommunismus und Socialismus“, том II. Мюнхен, 1901 г., стр. 55. С. Степанов: Евгемер и евгемеризм. Статья в сборнике в честь проф. С. Ф. Платонова. СПб. 1911 г. Все сохранившиеся об Евгемере отрывки собрал и издал Geuza-Némethy под заглавием: „Euhemerii reliquiae“. Будапешт. 1889 г.

в центре которого возвышается великолепный храм Зевса. Жрецам, несмотря на наличие царя и его чиновников, принадлежит руководящая роль.

Население делится на корпоративно-организованные классы: жрецов, земледельцев и воинов; к числу первых относятся также художники и ремесленники, к воинам — пастухи. Это три высшие группы жителей государства. Управление страны жрецами не создает в Панхее теократии: эти жрецы — не священнослужители, а философы, ученые техники, экономисты, словом — интеллигенция, класс „талантов и знания“. Народным хозяйством ведают особые управляющие коллегии, на которые возлагается попечение о наилучшей постановке производства, распределения и приведения в известность необходимых запасов. У панхейцев, кроме жилища и сада, все имущество, в том числе и земля, общее, но обработка земли совершалась не на коммунистических началах, а на началах индивидуального труда мелких самостоятельных хозяев. Тем не менее в государстве Евгемера весь его хозяйственный аппарат коллективистичен. Государство при этом — собственник орудий производства. Земледельцы служат непосредственно народу и все производят не для себя, а для всего общества. Продукты сдаются в общественные магазины. Скотоводы сдают государству весь убойный скот по тщательной его оценке и взвешиванию. Распределительный аппарат тоже в руках государства: каждый получает то, „что ему подобает“, — по справедливости. Хотя распределение равномерно, но наилучшие земледельцы получают почетные призы, а жрецы — все в двойном количестве. Ремесленники тоже сдают свои произведения государству, которое уже распределяет их между семьями и индивидуумами. Вообще весь доход, даже от дома и сада, сдается жрецам, как представителям государства. В итоге, при панхейском социализме не нужно ни купцов ни денег. При наличии общего владения и производства, индивидуальная семья Евгемером, повидимому, сохранена.

Другие подробности быта в Панхее неизвестны, ибо вся утопия до нас не дошла. Но уже из сказанного можно заключить, что утопия Евгемера, в противоположность Меропии Феопомпа, лишена сказочного элемента и стремится к серьезному поучению.

Не менее любопытен греческий писатель Ямбул, написавший утопию „Солнечное государство“.

Ямбул — социально-экономический Жюль-Верн Греции, стоящий, впрочем, на точке зрения самого радикального и последовательного коммунизма.

Автор — торговец и путешественник из Аравии — попадает в Сомаль, в Африку, а оттуда в плен к эфиопам, приносящим очистительную жертву Океану. Помещенные с этою целью на корабль, автор, вдвоем со спутником-греком, попадает на архипелаг, находящийся под экватором. Это семь круглых, равноотстоящих островов, населенных людьми тожественной жизни. День и ночь здесь равны. Тени нет. Природа чрезвычайно богата. Строй коммунистический. Религия — культ солнца¹.

Регулярный и умеренный образ жизни среди пышной экваториальной природы, труд обитателей этих островов, естественно, минимальный; жизнь, не знающая физических, моральных и социальных бедствий, счастлива, люди красивы, сильны и долговечны. Уроды и хронические больные должны себя убивать, а престарелые самоусыпляться.

Здесь множество диковинок и чудес, между прочим — дрессированные птицы „для испытания мужества детей“.

Государство — коммунистическое товарищество или соединение ряда товариществ для урегулирования всей экономической и социальной жизни на строгих коммунистических началах. Группы из четырехсот человек — с одинаковою для всех обязанностью трудиться и с одинаковым участием каждого во всякого рода работах. „Все поочередно прислуживают, ловят рыбу, занимаются ремеслами или искусствами, заведуют общественными делами“.

Предметы потребления и орудия производства — общие. Систематическое урегулирование потребления, основанного на началах равенства, и одинаковый способ физиологического потребления: общая всем смена растительных и мясных блюд, определенность кушаний и часов приема пищи. Все устройство

¹ Государство Солнца — Кампанеллы, культ солнца у севарамбов Верраса, солнечная река в Панхее, солнечный стол сказочной страны у Геродота и пр.—все это один и тот же мотив, излюбленный в утопических произведениях.

общества по ямбуловской утопии может быть охарактеризовано в следующей формуле: „Обществу, т.е. всем его членам, принадлежит совокупность продуктов труда, причем все обязаны трудиться, пользуясь одинаковыми правами, и каждый получает соответственно своим рационально определяемым потребностям. Освобождение труда требует обобществления орудий труда и общественного регулирования всякого труда, причем его продукты должны общеплезно утилизоваться и справедливо распределяться“¹.

Коммунизм в государстве Ямбула распространялся и на частную жизнь. Жены были общи для всех. Здесь нет ни своего мужа ни своей жены. „Солнечный народ“ полон мудрого самообуздания, воздержания и нравственной чистоты, а потому он изгоняет Ямбула и его спутника, как пришельцев из чуждого им, порочного мира с безнадежно испорченными и неспособными отрешиться от нравов старого мира людьми. При коммунистическом браке естественно, что и дети общие, причем практикуется „подмена новорожденных“. У населения нет честолюбия и эгоизма, господствует безмятежная гармония. Государством правит сильная руководящая власть. Ее исполнитель — строгий авторитет, диктатор, „гегемон“, пожизненный организатор всего товарищества. Гегемон — не член товарищества, чтобы не было партии, а выше его; всем товариществом же руководит старейший. В Солнечном государстве примитивное хозяйство, патриархальный быт. Утопия Ямбула рисует характер строя, противоположного современности. В дни Ямбула эллинизм уже развился до эпохи больших городов и торгового капитализма. Это время мировой торговли, развитой ремесленной промышленности и расцвета утонченной городской культуры. Отсюда реакция у Ямбула, восхищающегося естественной невинностью и рисующего буколическую идиллию мира „пастушек и рыбаков“, ведущих „простую жизнь на лугах“.

Античная идиллия развивается при наличии начал об-

¹ На формулировку идей Ямбула, буквально совпадающую с § 1 Готской программы германской социал-демократии, составленной не в древней Греции, а в 1875 году, указал Каутский, отметив поразительное сходство двух отдаленных друг от друга эпох.

щего и полного коммунизма. Общественный строй у Ямбула существенно отличается от платоновского. Платоновский коммунизм — коммунизм нетрудящихся, коммунизм одного потребления напротив отдельной группы, у Ямбула — для *всех трудящихся во всех сферах деятельности*. Это уже большой шаг вперед в развитии коммунистической идеи в древности. Но самое главное, что отличает платоновскую социальную утопию и утопии, возникшие на почве платоновской философии, это стремление к лучшему социальному устройству в *будущем*. Античный мир жил воспоминаниями о *минувшем* для человечества „Золотом веке“. Об этом Золотом веке, украшавшем розовое утро человечества, рассказывали многие писатели античного мира; о том же говорилось *неоднократно* в поэтических произведениях, в баснях и комедиях¹.

Платон вносит новую традицию — *создание нового строя* на началах разума, построение социального идеала не в прошедшем, а в *будущем*.

4. Социальные идеи после Платона.

1. Космополитизм.

Коммунизм Платона был не общенародный, а кастовый, сословный, привилегированный. Вместе с тем это был коммунизм только в пределах отдельного национального эллинского государства. Это был в то же время коммунизм не производственный, народно-экономический, а коммунизм потребления небольшой аристократической группы. К тому же коммунизм Платона служил не самоцелью, а простым педагогическим средством для воспитания народа, и государственная педагогика должна была, по Платону, создать уже оконченную психику немногих избранников, ради защиты которых от тревожений житейских будней и создавался анти-индивидуалистический строй.

¹ Сведения о Золотом веке, упоминаемом древними писателями, собраны в монографии: „Das Goldene Zeitalter“ (Берлин, 1879) и в книге Роде (Rohde) „Der griechische Roman“.

Эти идеи в атмосфере умственного брожения V века были довольно распространены, так как в них проповедывались: разрыв с прошлым, торжество разума и полный коммунизм. Рост анти-индивидуалистических тенденций и симпатий к идеям общности создал в древней Греции своего рода тоску по коммунизму, которая отразилась в ряде литературных и театральных произведений. Формула пифагорейцев — „у друзей все общее“ тоже содействовала усвоению коммунистических начал. Коммунизм, перерастая национальные рамки, легко сроднился с зачатками идей *космополитизма*, простоты и воздержания. Демокриту принадлежат характерные слова: „я хочу лучше быть бедняком, но жить в свободе в демократии, чем утопать в излишествах и быть зависимым от аристократии“. В фрагменте 245 тот же философ заявляет: „философ может жить везде, и для хорошего человека *весь мир* — отечество“. Ту же космополитическую идею подхватывает трагик Эврипид, выражая ее в краткой формуле: „целый свет — мое отечество“. У него же новая идея о всемирном гражданстве переплетается с экономическим свободомыслием и радикализмом.

В одной из трагедий Эврипида раб смело заявляет: „мы тоже люди, так сказать“. Симпатия автора знаменитых трагедий на стороне этих поднимающих голову обездоленных: „у многих свободных, говорит он, нет столько добродетелей, как у рабов“. При рабском фундаменте всего хозяйства и при отношении к рабу, как к инструменту, которое обнаруживают лучшие умы времени — Платон и Аристотель, эти заявления смелы и новы. Их бросают и в шутку и в комедии, полушутя и полусерьезно. В аристофановской пьесе „Церковники“ один из персонажей, Праксагор, заявляет, что „собственники — главные воры“, и что „в будущем строе воровство исчезнет, ибо и собственности не будет“.

Космополитизм в Греции создался походами Александра Македонского, раздвинувшего рамки греческого мира. Великий полководец предъявил дерзновенно права на мировое господство, на ту „Weltmacht“, которая таким роковым образом предвносилась перед рабами нынешнего империализма — перед современными германцами накануне мировой войны двадцатого века.

Когда узкие рамки эллинского национального сознания разрушались, новый восточный мир, пестрый, красочный и обширный, вливался в соты обособления древне-греческих республик. Гегемония в области духа тоже отходит от греков ко всем этим малоазийцам, фригийцам и сирийцам, которые толпами наполняли Афины. Происходит переворот в понятиях. За какие-нибудь полвека точка зрения Аристотеля становится устарелой. Аристотель хотя и признает рабов орудием труда, но не доволен грубым отношением господствующих классов к чужестранцам, к метекам, к плотам и к крепостным. А полу-греку философу *Зенону* не только дают права гражданства, но воздают честь золотым венком, постановкой статуи и погребением на почетном месте.

Зенон таким образом переносит политическую идею Александра Македонского — космополитизм в схему будущего социального строя.

2. Социальные идеи циников.

Циники дают ряд новых социально-философских построений. Философ *Антисфен* (IV в.), основатель школы, исходит из основных платоновских положений, но делает из них совершенно другие выводы. Усматривая высшее благо во внутренней свободе — в силе духа, он проповедует воздержание, воздержание от всяких наслаждений. Отсюда основная добродетель — нечувствительность к страданиям, равнодушие к благам мира и развитие способности подавления своих страданий и желаний.

Богатство, хозяйство, промыслы, по Антисфену — все это недостойные для добродетельного занятия. „Городская жизнь, — говорит он, — начало всяческой несправедливости“. „Идеал не впереди, а сзади“, „возвратимся же к природе“, и т. д. Этот аскетический нигилизм выразился особенно типично в известной фигуре Диогена Синопского, „сумасшедшего Сократа“, „пса“. Ему подражали Кратес из Фив с женою Гиппархией, а он сам — легендарному герою Гераклу, который за подвиги подвергался „бедности и посмеянию“.

Идеал циников был действенный; его нужно было не только проповедывать, но и осуществлять в жизни. Жизнь

идет не по писанному, а по внутреннему закону жизни, отсюда руководство естественным ходом вещей, т.-е. руководство тем, что позднее назвали „идеей естественного права“.

Из изложенной точки зрения логически вытекает серия „опрощений“ и „отвержений“ циников. Так циники, отвергая все внешние формы, отвергают право, государство, брак и семью, а с ними — суд, полицию, законодательство и, наконец, всю вообще культуру, поскольку она отклоняется от „естественного состояния“.

Циники — космополиты; вся земля — их отечество. Если вспомнить роль античного города, „полиса“, и силу греческого патриотизма, то мысль интернациональности была смела и революционна. Впрочем, большое обоснование и развитие та же идея нашла вскоре у представителей стоической философии, принесших с собою с Востока и идею восточного универсализма.

Ко времени развития после-платоновских идей произошли серьезные изменения в самом строе греческой жизни: политическая самостоятельность греческих демократов падает под игом в начале македонского, а потом римского владычества. „Полис“ разрушается, а с его разложением отпадает ряд первостепенных социально-политических вопросов. На первое место поэтому выдвигаются вопросы *частной и внутренней жизни*, вопросы религии и морали. Отсюда центр тяжести философии этого периода — *в этике практической философии*. Такова основа для всех течений того времени философии *практической жизни*, а именно для течений *индивидуалистического анархизма циников*, этического анархизма представителей *Стои*, умеренного гедонизма эпикурейцев, этих идейных продолжателей киренской школы Аристиппа.

Итак, на развалинах платоновского коммунистического утопизма вырастает новое учение — *анархизм*. Его впервые формулируют афинские циники, пропагандируя идею *свободы личности* и необходимость отказа от внешних регулятивных норм. Отрицая организованное принуждение, циники требуют упрощения экономических отношений, уравнивания социальных групп, и отказываются от всего, что противоречит простому и естественному состоянию.

Отсюда, стоя на изложенной точке зрения, циники могли

легко критиковать современный им социально-экономический и этико-политический строй и успешно вскрывать подоплеку окружавшего их быта. Циники естественно намечали новый строй — социально-свободный, радостный и светлый. Враги всякой религии, как системы мышления, „граждане всего мира“, циники доказывали аллегоричность мифов и Гомера. В их мечте не было места ни законам, ни тюрьмам, ни правительствам, ни принуждению, ни богатству, ни бедности, ни эксплуататорам, ни рабам, все были одинаково свободны, равны и равноценны. Впервые в античном мире раздавался призыв к эгалитаризму, столь чуждый Платону, строившему все на неравенстве. И нужно вспомнить, чем было государство для античного мира, нужно понять весь гипноз обоготворяемого в ту эпоху законодательства, парализовавшего ум грека и волю римлянина, чтобы оценить всю смелость идейного восстания, поднятого циниками. Циники в действительности не были те жалкие и смешные чудаки, какими изображают их плохие историки древности, а представляли собою истинных философов, радикальных мыслителей и революционеров древности. Во многом они превосходят и лучших, более значительных мыслителей античного мира. Так, например, там, где критика благородного Платона остановилась перед гранитными устоями античного строя — перед рабством, циники не спасовали. Никогда в мечте, даже в философской своей республике, великий греческий утопист не осмеливается занести руку на эту ужасную тогдашнюю основу социального строя, — циники не останавливаются. Беспощадно отбрасывая авторитет и традиции, классовые и национальные инстинкты, вековые верования и предрассудки — они смело переходят через этот духовный Рубикон древнего мира и выдвигают лозунг индивидуума.

И мы, умудренные опытом тысячелетних исканий социальной правды, вematриваясь в социально-философскую концепцию грека Антисфена из Афин (371 г. до Р. X.), видим и убеждаемся, что перед нами первые вехи, первые наброски впоследствии так смело развернутой доктрины анархизма.

3. Социальные идеи стоиков и эпикурейцев.

Из рядов цинической школы вышел основатель особого философского учения, Зенон из города Кетиа на о. Крите

(334—262 до Р. Х.), один из основоположников замечательной доктрины *стоицизма*. Зенон сохранил и развил анархические основоположения цинической школы. Некоторые склонны считать, что анархизм впервые был обоснован Зеноном, но его конструкция, тождественная в итоге с циническим воззрением, имеет совершенно иную отправную точку зрения.

Зенон считает отсутствие потребностей наивысшим идеалом человека и отсюда, естественно, отрицает не только всякие потребности, но и все блага, ведущие к их удовлетворению. Это отрицание и обобщение логически приводит к отрицанию всех культурных учреждений, собственности, брака, права, государства, торговли и пр. Особенно обстоятельно Зенон обосновывает свое отрицание государства, его всемогущество („*omnipotentia*“). Не опекающее государство, а законы нравственной, внутренней жизни должны регулировать поведение человечества. И так как они развиваются при жизни совместно с природою, то, кроме жизни, наряду с последней никакого иного воспитания для ребенка не нужно.

Воспитание стремится сделать человека гуманным. Вообще Стоя призывает к свободе и братству людей, как детей одного отца. *Mundus est nobis patria*, т.е. „весь мир—наше отечество“, учили стоики. „*Totius mundi cives sum*“ — „я гражданин всего мира“, чеканит на своих монетах августейший стоик—римский император Марк Аврелий.

„Социальное мировое государство“ Зенона, его социальный космополитизм заставляет обратить внимание на великое древне-философское течение—на Стою.

Стоики иначе решают социальную проблему, чем Платон. Они индивидуалисты и рационалисты, но они чужды и формального коммунизма и эгоизма.

Человечество, по их взглядам,—громadная община, управляемая любовью, симпатиею, правом и честностью.

Их высший руководящий идеал—законы природы и веления разума. Поэтому они за равенство всех людей и за всемирное гражданство. Стоики полагали, что вся вселенная повинуетя мировым законам, но только один человек—в силу своего разума—способен и познавать их и следовать им сознательно. Отсюда—лучшая жизньсообразно природе. Поэтому ценно лишь „сообразное разуму“. Поэтому

только добродетель — благо, а зло — порочность, все же остальное — безразлично. Поэтому для стоического философа жизнь, здоровье, почести, богатство — не благо, также как смерть, позор, бедность — не зло. И так как в человеческой жизни рядом с разумными побуждениями мы встречаем неразумные, или аффекты, то задача философа — их избегать. Добродетель и порочность не могут иметь различия в количестве, их нельзя иметь отчасти: по стоическим воззрениям, можно быть или только добродетельным, или только порочным, только мудрым или только глупцом. Но переход от мудрости к глупости — мгновение.

Мудрец — по воззрениям Стои — идеал всякого совершенства, а совершенство — единственный путь к счастью. Мудрец самоудовлетворен. Он выше внешних отношений и телесных состояний, отсюда единственный выход: добродетельный уход из жизни — *ἑξουσίη*, т. е. самоубийство, обычный результат жизни античных стоиков.

Для стоика важнее связь с человечеством, а не с народом. Вместо платоновской нации они поэтому проповедают идеи космополитизма, а именно: „Все люди родственны, равны, у них один закон и одно государство“. Все подчиняются одному закону, все — граждане одного государства и все поэтому — члены одного тела.

Кроме Греции, учение стоиков имело распространение в древнем Риме. Здесь выделились стоики: Сенека, Мусоний, Эпиктет и император Марк Аврелий.

Иным было направление третьей школы древности — *эпикурейцев*. Здесь господствовал своего рода утилитаризм. Утилитаризм эпикурейцев поучал: „живи тихо“. Но такое учение уже представляло собою признак упадочного настроения. Общественный пафос падает. Над общественной мыслью, взамен вольного и дерзновенного полета, появляется хоругвь византийской церкви и пышная орифламма римского папы. Начинается эпоха приспособления и лицемерия. Обсуждение социального вопроса уступает место религии повиновения и послушания. Место греческой философии занимает христианская религия.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Коммунизм в средние века.

ГЛАВА I.

Христианский коммунизм.

Смена античного мировоззрения христианством явилась крупным всемирным историческим переломом, сыгравшим громадную роль в жизни европейских народов. Произошел колоссальный переворот в духовной жизни Европы, своего рода революция, заменившая старые понятия и отношения новыми. Носителями новых воззрений были низшие слои народных масс, рабы, пролетарии, беднота, но движение, тем не менее, не было пролетарским, как его изображает К. Каутский. Христианство являлось прежде всего и преимущественно этическим (нравственным) учением и этическим движением, сменившим собою сложный строй античного миропонимания античной религии. Центром внимания была духовная жизнь, душа; христианство было дуалистично, оно разделяло два мира — душу и тело, гоня телесное, мирское, греховное. Христианство являлось учением о душе и о спасении ее ради благ загробной жизни.

Христианство, в противоположность буддизму и неоплатонизму, устанавливает положительное отношение к миру, принимая в земной жизни все — порядок, строй и отношения — так, как они существуют. „Воздайте кесарево кесарю, божье — богу“, учит христианство, т. е. принимайте все так, как оно есть, без протеста или стремления к преобразованию или жадности изменения. Эта приемлемость существующего, этот оппортунизм и покорность в социально-экономических отношениях — типичная черта христианства, отвечающая на зло покорностью

или, в крайнем случае, непотворением, на ошибки „власти предрержащей“ — уверением, что в этом тоже перст божий („несть бо власти, аще не от бога“).

Отсутствие активного, боевого, революционного элемента основано в то же время не на равнодушии или на пассивности, а на переносе центра тяжести в другой мир: в сферу, где безразличны и богатства и нищета, и успех и неуспех. И в то же время некоторое, правда, очень слабое и своеобразное противодействие христианство оказывает: смягчением существующей формы зла или несправедливости. Получается следующий выход из коллизии с действительностью.

Несправедливость — это грех, делать несправедливое — это грехопадение, в котором можно раскаяться, и грех прощается. Жестокость — это общее людское свойство, но его можно смягчить милосердием ради любви к ближним. Христианство, например, не восстает против института рабства, как такового, а только рекомендует хозяевам милостиво относиться к своим рабам, а рабам — обезоруживать своих тиранов кротостью и покорностью и внимательно и тщательно исполнять свои обязанности. Таким образом христианство, вообще, не социально-экономическое или протестующее революционное учение, а учение о нравственном идеале, осуществимом при бедности и отказе от земных благ. Путеводною звездой первохристианства, а также его реформации, был апостольский идеал, возвышавшийся в идею до коммунизма. С третьего века появляются новые веяния. В итоге, идеал нового исторического христианства — суровый аскет, бегущий в пустыню или в монастырь от „прелестей и соблазнов“ реальной действительности. Отсюда христианские проповедники постоянно осуждали богатую и праздную жизнь, и многие их заявления легко могут быть приняты за выражения социалистической мысли. К тому же предания о братской и имущественной общности первых христиан, приводимые в „Деяниях Апостольских“, как бы подтверждают наличие сознательного социалистического учения и коммунистического устройства, что уже, разумеется, неверно. Никакой определенной коммунистической теории, как учения, рекомендующего новую, более совершенную форму хозяйственного быта, христианство ни в первые века своего распространения ни позднее решительно не знало.

Христианство было *чуждо критике существующего строя* и вообще мысли, что хозяйственный строй должен быть радикальным образом, да еще к тому же и революционным путем, изменен. Оно принимало всю хозяйственную и социальную жизнь, какою та была в ту эпоху, и никогда революционно не призывало массы к активному выступлению с целью преобразования экономических отношений, что и составляет сущность социализма. К таким преобразованиям христианство относилось в высокой степени безразлично, ибо его интересы лежали в совершенно иной сфере, а именно в сфере чисто-моральной.

Христианство вообще есть учение нравственности, морали, а не социальное или тем более — революционно-социалистическое. Например, оно признает институт рабства, рекомендуя только милость к рабу, а не отвергает самый институт. То же и по отношению к власти („всякая власть от бога“).

Если в отношении хозяев проявляются варварство и эксплуатация рабов, то они должны быть смягчены милостивым отношением (хозяев к своим рабам), а в то же время рабам предписывается внимательное и тщательное исполнение своих обязанностей. Таким образом положение рабов у милосердных хозяев все же улучшается, а хозяева-тираны все же обезоруживаются кротостью, покорностью и исполнительностью раба. Институт рабства, как таковой, не уничтожается, естественному чувству гнева и раздражения дается выход, и революционное возмущение против рабства, как социальной несправедливости, ослабляется. Таким образом вопрос не разрешается немедленно коренным образом, по существу, а обходится цепью софизмов.

Вообще христианство исходит из идеи абсолютной ценности человеческой личности, а отсюда делает призыв к всечеловеческому равенству и братству, стирая при этом национальные, религиозные и классовые грани. Ни эллин ни иудей, ни раб ни свободный, ни варвар ни скиф, ни мужчина или женщина, а все, как дети одного отца, представляют собою братьев одного христианского союза — церкви. Объединяющая их связь — религия. Это союз не политический, национальный или экономический, а религиозный, и смысл новой религии в новой этике. Каковы же обще-этические указания и задачи христианства? Они

отнюдь не касаются внешней жизни человека, а его души, вечной жизни, путей спасения этой души. Все рассматривается исключительно с этой этической точки зрения, и никакая социально-экономическая программа не дается и не развивается, ни буржуазная ни социалистическая. С этой точки зрения суждения о христианском социализме или коммунизме являются *contradictio in adjecto*. Так думают и понимают лица, проникнутые стремлением истолковать в благоприятном смысле христианство, напр., профессор-богослов Гарнак в лекциях „О сущности христианства“, где он говорит: „Социальной программы, направленной на преодоление или устранение бедности или нужды, если понимать под такой программой систему вполне определенных планов и предписаний, Иисус не выставлял. Он не касался экономических и вообще преходящих условий своей эпохи“. Другой богослов, проф. С. Булгаков, свидетельствует: „Было бы ошибочно видеть в евангелии обоснование каких-либо определенных социальных требований, признание или отрицание определенного социально-экономического строя, вообще какую-либо социальную программу или социальный рецепт. Хотя таковые и могут быть выводимы и связываемы с духом евангелия, но само оно их не содержит“. Этому толкованию соответствует и текст евангелия — по центральному вопросу о богатстве в нем говорится в 6-й главе евангелия от Матвея, что соответствует 12 главе евангелия от Луки, где всякая многозаботливость и страх за свою материальную судьбу осуждается, как грех. Евангелие учит „приобретать не блага земные, а блага небесные, ибо где сокровища ваши, там и сердце ваше“. „Посему не заботьтесь для вашей души, что вам есть, ни для тела, во что вам одеваться. Душа больше пищи и тело больше одежды“. „Взгляните на птиц небесных, они не сеют, не собирают в житницы, и отец наш небесный питает их“. „Итак, не ищите, что вам есть или что пить, и не беспокойтесь, потому что всего этого ищут люди мира сего, ваш же отец знает, что вы имеете нужду в том. И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они цветут. Не трудятся, не прядут. Ищите прежде всего царства божия и правды его, а это все — приложится вам“.

Конечно, было бы извращением рассматривать эти поучения, как отрицание евангелистами всякой хозяйственной деятель-

ности и хозяйственной заботы вообще, это только утверждение смысла христианства — необходимость внутренней свободы от богатства и имущества. Этот же идеал — внутреннего освобождения от зависимости от материальных благ — разделялся и индивидуалистами-циниками, и коллективистами-стоиками, и неоплатоником Плотиним, и несоблюдение и неследование этому идеалу вызывали религиозные волнения и обосновывали требования реформы церкви (реформацию).

Согласно этому идеалу христианство дает не так называемый „мироотреченный аскетизм, разрывающий с миром“, а „христианский аскетизм, принципиально принимающий мир“. Хотя мир искажен грехом и тлением, но он создан для бессмертия, а тело наше предназначено „для преобразования и просветления“ и „воскресшие тела составят вечный храм духа“. Тут, следовательно, нет места для буддийской брезгливости к миру и телу, и аскетизм ограничен миропризнанием. Признание мира обязывает к его анализу, его мы находим в послании апостола Иакова к христианам из евреев. Дело в том, что среди так назыв. „евреев рассеянных“ (диаспора) были такие, которые занимались торговлей и были представителями денежного капитала, на него же затем приобреталась недвижимость, земельные имущества, где эксплуатировался труд наемных рабочих или рабов. Положение этих рабочих и вообще отношения между рабами и владельцами, богатыми и бедными, были несоответствующими понятиям христианства. В послании Иакова мы находим резкую критику и указание общих норм экономических отношений, как отношений нравственных, между хозяином и рабами, богатыми и бедными. „Если брат твой и сестра наги и не имеют дневного пропитания, а кто-нибудь из вас скажет: идите с миром, грейтесь и питайтесь, но не даст им потребного для тела, что пользы?“ (II, 15—16). „Послушайте, вы, богатые, плачьте и рыдайте о бедствиях ваших, находящихся на вас. Богатство ваше сгнило, и одежды ваши изъедены молью. Золото и серебро изоржавело, и ржавчина их будет свидетельством против вас и съест вашу плоть, как огонь: вы собрали себе сокровище на последние дни. Вот плата, удержанная вами у работников, пожавших поля ваши, вопиет, и вопли жнецов дошли до слуха господина Саваофа“.

Это, конечно, не значит, что распространение христианства

в древнем мире не являлось по-своему симптомом величайшей культурной революции, революции, которая естественно способствовала созданию новых хозяйственных форм. Но религиозно-нравственная идея, увлекавшая в то время низшие слои древнего общества, не заключала в себе сознательного выражения социалистического учения.

Ни существовавшие социальные отношения, ни тот или иной строй производств совершенно не останавливали на себе внимания христианских философов. Поэтому нельзя приписывать христианству, хотя бы в его якобы более древней и более упрощенной редакции, коммунистического характера и вообще говорить о христианском коммунизме. Это значит или не знать ни христианства ни коммунизма, или преследовать какие-либо добавочные цели, а не цели истинного знания.

Конечно, не следует при этом думать, что первоначальное христианство являлось как бы учением, вполне санкционирующим существующий хозяйственный порядок. Новое религиозное движение, охватившее широкие слои угнетенного народа и увлекшее за собой тех представителей господствующих классов, которые уже предчувствовали неизбежную смерть старой культуры и старых форм общественной жизни, — оставаясь индифферентным к данному социальному политическому строю, не могло выставлять новых идеалов общежития, радикальным образом расходившихся с господствовавшими в то время формами.

Всякое новое религиозное движение *in statu nascendi*, т.е. пока оно остается в широком смысле революционным, если даже непосредственно и не означало восстания против существующих властей, обнаруживает склонность именно к коммунистическим началам. Вспомним хотя бы историю учения Будды. Первые группы последователей новой истины, монахи и аскеты, устраивают мужские и женские общины, в которых царит равенство и общность имущества. То же можно сказать про первых глашатаев анабаптизма, мормонства и других религиозных, а впоследствии революционных учений. Но такой коммунизм не проникнут определенной коммунистической теорией; он не выражается в проповеди нового экономического строя, а сводится к установлению известных этических положений и практических требований с ярко выраженной общинной

окраской. В этом, и только в этом смысле, коммунизм отнюдь не был чужд христианству.

Итак, как движение, ознаменовавшее собой великий исторический перелом, христианство, прежде всего, создало такой подъем общего настроения, который, уже по самой религиозной сущности своей, не мог не увести человеческую мысль далеко от простых забот об устройении жизни, хотя бы и жизни целого общества; все идеалы христианства находили выражение в форме верований в некоторые „вечные и божественные“ этические истины, отсюда — идея отказа от индивидуального владения и идея общности, как формы жизни, а не новой экономической сущности.

Нельзя видеть, кроме того, в христианстве первых веков какого-либо единого социально-экономического учения. Так может представляться дело только людям, стоящим на „церковной“ точке зрения и готовым считать нехристианскими те учения, которые расходятся с установившимися в церкви догматами. Но если принять во внимание все огромное количество различных сект и общин, выступивших под знаменем учения Христа, или, даже шире, все религиозное движение той эпохи, то нельзя не признать значительности в этом движении проповеди и практического осуществления коммунизма.

Всеякий религиозный коммунизм во все исторические эпохи был, прежде всего, коммунизмом *потребления*. Христианство в этом отношении не дало ничего нового.

О социалистической организации *производства* или *распределения* христианские реформаторы не мечтали. Ничего нравственно-предосудительного в том или ином способе производства не усматривалось. Им казалось, что все бедствия, от которых страдало человечество, обусловлены его нравственным несовершенством. И самая общность имущества, как мы уже видели, обосновывалась ими, как требование этического порядка.

Первоначально коммунизм *потребления* для христианских общин был одним из существенных признаков. Всему этому имеются многочисленные свидетельства. Так, первая община, по свидетельству „Деяний Апостольских“ (гл. IV, ст. 32, 34), была организована на своего рода коммунистических началах: „Им нельзя было ничего называть своим, а все у них было

общее. Не было между ними никого нуждающегося, ибо все, которые владели землями и домами, продавали их, приносили цену проданного и полагали к ногам апостолов. И каждому давалось, кто в чем имел нужду". Естественным следствием такого обычая были общие трапезы и общие дома. Здесь, таким образом, проводился принцип: каждому по его потребностям. В своей „Апологии“ Тертуллиан удостоверяет о наличии *общности имущества* у христиан его эпохи. „Мы живем, — говорит он, — по-братски на счет общности имущества, между тем как у вас эти имущества производят ежедневно раздоры между братьями. Составляя между собою одно сердце, одну душу, можем ли мы отказаться от общности имущества? Все у нас общее, исключая жен“. „Зная дух христиан, ничего нет удивительного, что у них общие столы“.

В том же духе говорит Климент Александрийский († 215) и Киприан Карфагенский († 258), которые усматривают признак христианского совершенства в отказе от собственности и стоят за общее пользование.

Василий Великий († 374) в своих „Беседах“ считает христианина-собственника только случайным хранителем собственности: „Алчущему, — говорит он, — принадлежит хлеб, который ты у себя удерживаешь; обнаженному — одежда, которую охраняешь в своих кладовых; необутому — обувь, которая гниет у тебя; нуждающемуся — серебро, которое зарыто у тебя“. Те же идеи распространяет Амвросий Медиоланский († 391): „Земля, — говорит он, — принадлежит всем, а не только богатым“. В том же духе высказывались в IV веке Руник, Григорий Нисский, Хризостом в VI веке, папа Григорий Великий (590 — 604).

Но никто из духовных писателей, даже наиболее последовательный и радикальный блаженный Иероним, не предлагает уничтожить самый *институт частной собственности*. Они рекомендуют в лучшем случае „отречение“ (бл. Иероним — „Письмо к Евстихии“), в худшем — „воздержание“ (бл. Августин — „Беседа на псалом XXXI“).

Тот же *чисто-этический дух* в постановке социально-экономических вопросов встречаем мы и в трактовании проблемы роскоши, денег, торговли, ростовщичества. Но определенного экономического учения во всем этом отнюдь не содержится. Да и во-

обще коммунизм потребления никогда не может стать общей формой жизни. Он неминуемо сталкивается со старую индивидуалистической формой производства, с принципом частной собственности на орудия производства и с основами денежного хозяйства. Отсюда его быстрое разложение, приводящее к отказу от проведения его в жизнь, а затем и от принципиального признания. С исчезновением того религиозного энтузиазма, которым вообще характеризуются первые шаги всякого нового движения, исчезает из сознания христиан и коммунистический идеал. Следы этого идеала продолжают еще сохраняться в тех обособленных монашеских общинах, или киновиях, которые, находясь, в конце концов, на иждивении у „мирян“, символизируют „уход из жизни“. В этот период „отцы церкви“ уже относятся неодобрительно к тем, которые продолжают упорно отстаивать принципы старого коммунизма; они уже являются еретиками и отступниками от ортодоксии. Правда, некоторые следы бывшего коммунистического настроения долго продолжают еще жить в этических воззрениях церковных учителей и богословских писателей. Так, например, Иероним говорит, что „излишнее владение есть ограбление общества“. Василий Великий заявляет, что „богатый — это вор“. Иоанн Богослов, предвосхищая Прудона, провозглашает, что „собственник — это грабитель“. Исходя из того же круга идей, Амвросий Медиоланский считает всякую „частную собственность узурпациею“.

Приведенные и сходные заявления никогда не означали прямого исповедывания коммунистических идей. Это, в лучшем случае, не более, чем проповедь бедности, милосердия и братства, в худшем — неизбежная при агитации среди бедноты морализирующая социалистическая декламация.

И только проникая в массы, религиозное искание, как единственная форма правдомыслия и правдоискательства, попадает на готовую почву социального неудовольствия и готовности к взрыву и превращается в то особое социально-религиозное движение, которым насыщена была народная атмосфера всего средневековья. Это движение, в силу своих идей, получило образное наименование „еретического коммунизма“.

ГЛАВА II.

Еретический или сектантский коммунизм.

I. Религиозные движения.

Социально-оппозиционные настроения первых христиан вновь пробудились в средние века. Социально-экономическая жизнь европейских народов протекала в средние века в мало-благоприятной обстановке. Постепенно развивавшийся и надолго установившийся феодальный порядок создавал однообразную, как бы застывшую форму народного быта. Феодализм постоянно притеснял те группы народонаселения, которые не являлись ни обладателями политических прав, ни владельцами экономических ценностей. Многочисленные слои деревенских вилланов и крепостных барского двора страдали от нищеты и бесправия, от гнёта и произвола феодала. По временам эти давящие условия жизни становились для обездоленных масс настолько тяжелыми и невыносимыми, что даже привыкшие к вековой нищете и рабству полурабы теряли терпение и покорность и восставали.

Взрывы народного гнева разражались с необычною силою и протекали при условиях яркой ожесточенности, дикого буйства, кровавого и мстительного зверства. Отталкивающий по своим формам массовый стихийный протест был обыкновенно необычно свиреп и, чаще всего, лишен формулировки требований и сознательного выражения своего негодования. Народные массы, ненавидя и своих притеснителей и строй, поставивший их в тяжелое положение, не умели ни выразить своих пожеланий, ни возвыситься до противопоставления ужасным условиям действительности какого-либо определенного общественного идеала или нового плана жизни. Пробуждающееся сознание масс, их неудовлетворенность и негодование выливались в бессмысленных формах и не направлялись еще, как впоследствии, и не оформлялись, как еще позднее, никакой программой, никаким интеллектуальным освещением. Интеллигенция, просветительная философия, индивидуалистическая мотивировка, экономическая доктрина еще не касались этой сферы, и народные массы были предоставлены самим себе.

Единственный источник света, единственный целебный родник, к которому в эту эпоху мог обращаться народ, была *религия*. Священное писание, за которое он брался и в убогой хижине и в лагере крестьянского восстания, являлось единственной ему доступной теорией. Здесь в негодовании пророков и в притчах Христа, в истории страданий Иисуса и в апокалиптических предсказаниях народ находил себе утешение, конечно, при этом совершенно произвольно толкуя факты и тексты библии и нового завета. Быт первых христиан и заповеди блаженства казались ему чарующим откровением.

Отсюда происходила та религиозная окраска всех социальных движений средневековья, отсюда и это необычайно широкое массовое монашеское движение, где монах превращался в народного трибуна, а амвон служил кафедрой для призыва к революционному действию.

Итак, в священном писании люди искали и по-своему находили социально-политические идеалы и разрешение мучительным вопросам современности. Учение церкви всегда перерабатывалось на тот лад, который требовался народу в данный момент. Так возник сектантский и так называемый еретический коммунизм, имевший широкое и прочное распространение в массах. Общие основания воззрений этой эпохи следующие. Естественно-хозяйственный уклад, в котором жили низшие слои средневекового европейского общества, легко находил в христианстве родственную себе идеологию — идеологию отречения от мирских благ, идеи аскетизма, коммунизм кинувии-монастыря, монашеский коммунизм. Но прямое усвоение аскетизма привело бы к созданию новой бездейственной хозяйственной идеологии, а народные массы приходили в движение, проявляли в моменты вспышки активность и волю. Восставший народ нуждался в инициативном и деятельном начале, а его-то и не давало евангелие.

Противоположность настроения масс и форме и господствующему духу священного писания диктовала необходимость переработки религии и проявления в старом того нового духа, который соответствовал бы желанию и моменту. Таким новым духом являлась доктрина, скоро ставшая аксиоматичной — о лживости официальной церкви, о заблуждениях и греховности ее верховной иерархии, в частности, напр., и о необхо-

димости возврата к истинной церкви, к первым векам апостольского христианства.

И вот к борьбе с политической и экономической силой феодалов прибавилась борьба против духовенства и церкви, которую наиболее ярко представлял римский престол.

Великолепие и языческая роскошь богатейшего двора верховного владыки выдвигались, как противоположность нищенствующему монашеству и идеалам аскетизма. К тому же совершенно светский римский папизм и возрастающую экономическую силу церковной иерархии было легко критиковать с точки зрения евангельской бедности. Само собою напрашивалось горячее осуждение роскоши и неумеренности римской церкви, и становилось уместным чрезмерное восхваление идиллического уклада христиан эпохи „Деяний Апостольских“. Положительным идеалом движений становятся бедность и равенство, общность имущества и примитивный хозяйственный коммунизм. Активное поведение направляется в сторону приближения к „жизни апостольской“, к апостольскому братству, к „обручению“ с добровольно беднотою, словом, к „подражанию Христу“.

Эта новая точка зрения логически приводила к все более радикальным выводам и вызывала жгучее стремление к опрощению и к желанию немедленно осуществить на земле „заветы Спона“.

И скоро через вуаль религиозной мечты, в тоске по праведной евангельской жизни, начали проступать первые абрисы коммунистических и анархических воззрений в их наиболее неожиданных и примитивных вариантах. Все это завершилось замечательным, героическим аккордом во всемирно-исторической драме — коммунизмом „царя“ Иоанна Лейденского, павшего жертвою воспринятой и развитой им идеи. Это имело место уже в XVI столетии. Между тем так называемые средневековые коммунисты появляются весьма рано в европейской истории. Родниками и первыми очагами религиозного движения были монастыри, или *каинобии* (каинос — общий, биос — жизнь, общежитие), где „ушедшие от мира“, живя в одиночестве или группами одиночек, прокармливались вместе исключительно физическим трудом. Коммунистическая жизнь в каинобиях, или цинобиях, приводила монашество с одной стороны — к край-

ностям одиночества, к отшельничеству, ананхоретству, одиночеству, затворничеству, с другой — к сплочению, к общежитию или кинувитству. И то и другое было только разновидностями одного и того же явления. Основателем кинувитного монашества считается ученик Антония (250 — 356), Пахомий Великий, составивший в первой половине IV века первый писанный устав для такого рода общежитий или монастырей. В VI веке Бенедикт Нурсийский (480 — 543) реформировал жизнь западных монастырей, основывая монашеские общежития на обетах нестяжания, целомудрия, повиновения и постоянства. Его последователи, монахи-бенедиктинцы сыграли роль миссионеров и насадителей культуры. В 1098 г. Бернард Клервоский основал в Клуэни монастырь и орден нового типа: с суровым режимом и нищенским ритуалом. В начале XIII века возникли и другие нищенские ордена (*францисканцы, доминиканцы*), представлявшие собою при возникновении организации странствующих монахов-проповедников, чуждавшихся первоначально как частной, так и общественной собственности. Во главе ордена обычно стоял „генерал“, которому подчинялись „провинциалы“, руководители местных конгрегаций. Каждый орден ревниво оберегал сферу своего влияния и честолюбиво боролся за свой приоритет. Францисканский орден сумел связать себя с духовно-папскою властью, а доминиканцы — с светскою, получив в свои руки влияние на инквизицию и духовную цензуру книг, а затем и вообще образование (парижский университет).

От начала XIII века до самой реформации названные нищенствующие ордена оказали сильное влияние на всю духовную жизнь Западной Европы. Из этой среды выдвинулись следующие замечательные представители науки и искусства: доминиканцы Фома Аквинский, Фра Анжелико и Альберт Великий, францисканцы Рожер Бекон, Дунс Скот, Бонавентура. Задуманные с высокою целью ордена постепенно отошли от суровых идеалов, значившихся в уставах их организаций. С течением времени монастыри разбогатели, а строгость нравов упала.

Вырождение монастырей и извращение их обетов вызвало широкое и сильное движение против монастырей, папизма, духовенства, а затем и вообще против католической религии.

Первоначально разложение настолько охватило нищенские

ордена, что часть их была объявлена еретическими, сурово осуждено было учение францисканцев о бедности Христа и ало-столов, что было признано ересью, а ее распространители — еретиками.

Монастырский быт и традиции были враждебны частной собственности и затем, логически, и индивидуальному браку. Поэтому еще в X веке по Р. Хр. некоторые из сект и направлений, возникавших с этого времени в различных углах и центрах Европы, представляли собою религиозно-коммунистические течения. Они, по своему направлению, стали противниками новых настроений церкви и монастырей, отходивших от строгих заветов основателей монашества, мечтавших об осуществлении идей перво-христиан.

Если взять народно-религиозные течения все вместе на протяжении ряда веков, можно прийти к следующим выводам:

1) Все они носят общий характер так назыв. еретического коммунизма.

2) У большинства сект и течений коммунизм — условный, часто типично-аскетический, т.е. коммунизм потребления.

3) Анархистские тенденции там, где они проявляются, представляют по сути простое стремление к упрощению и натурально-хозяйственному укладу и к воссозданию аграрного примитивизма.

Отсюда ясно, что средневековое социальное правдоискательство неизбежно принимало чисто-сектантский характер, радикальный и обособленный. Каждое фанатичное вероучение экзальтированно вело своих адептов в определенном направлении, неизбежно заканчиваясь крахом вследствие противоречия с условиями действительности.

Одною из наиболее ранних религиозно-коммунистических сект была секта катаров, т.е. „чистых“, появившихся в середине XI века на юго-западе Европы и продержавшихся там около столетия. Катары, или „очищенные“ (по-гречески катарос — „чистый“), отличались высокою нравственностью и чистотою жизни и вели свое происхождение от болгарских богомилов, секты, в свою очередь, выросшей из так назыв. ереси манихеев. Катары считали войну и убийства, как и обладание имуществом, „ржавчинами души“ и требовали безусловного нищенства и целомудрия. Они отрешались от мира и обще-

ства, от брака и семьи. Движение это не ограничивалось отдельным классом населения, а было общенародным движением против папской эксплуатации и официальной церкви. Вся Франция вскоре была заражена учением катаров, вызвавшим особое раздражение и мстительность папского престола. Катары известны под многими названиями: патаренов, ломбардских и лионских бедняков, гумилатов (покорных), коммунатов, вальденцев, альбигойцев и пр. Церковные соборы их осуждали, светская власть преследовала, особенно свирепствовала против них инквизиция. Катары не оставили о себе литературной памяти и были истреблены светской властью в эпоху так называемой *альбигойской войны* (XII в.; Альби — город южной Франции, один из центров движения). Помимо катаров избивались и различные другие секты, объединявшиеся под именем „вальденцев“, последователей „лионского бедняка“, средневекового „ересарха“ Петра Вальдеса, или Ваольтуса, который роздал в 1170 году свое большое имущество, резко критиковал папскую власть и проповедывал коммунистические воззрения. Общность имущества и общий брак были завершением „совершенства“, но последнее допускалось только для „совершенных“ сочленов общины; зато новички или ученики жили „в миру“, с индивидуальным имуществом и в индивидуальной семье, давая средства для существования „совершенных“.

Богатство и безнравственная жизнь духовенства, служившие в XI, XII и XIII веках поводом к протестам вальденцев и альбигойцев, были осознаны и самой католическою церковью. Появились требования возврата к апостольской жизни и стремления личным примером и учреждением соответствующих братств поднять престиж религии. В 1208 году появляется орден миноритов, нищих монахов-идеалистов. Духовным идеалом той эпохи являлись два монаха: Франциск Ассизский и калабриец Иоаким из Флориса, или Флорийский (Джеванино дель-Фиоре) (1141—1202).

Лучезарный образ Франциска Ассизского, этого величайшего святого западной церкви, „на все времена тихою радостью светит человечеству“, — говорит наш экономист-священник С. Булгаков. Но ни Франциск, духовный вождь XII века, ни Иоаким из Флориса, идейный вдохновитель этой эпохи, не были ни коммунистами, ни вообще не интересовались экономи-

ческой проблемой. Они по своему мировоззрению чуждались хозяйства, будь то самое упрощенное, и собственности, будь то коммунальная. Они, согласно духу своего учения, искали свободы от всякого хозяйства и от всякой собственности. Франциск Ассизский укреплял свой аскетизм личным подвигом, а Иоаким из Флориса — мистическими идеями о будущем Третьем царстве, о третьем завете, о „царстве свободы и духа“.

Иоаким — теоретик монашеского коммунизма (1141 — 1202), исследователь прошлых и настоящих судеб народов, полагающий, что современный ему феодальный строй должен погибнуть и замениться другим — новым, лучшим, братским, демократическим. Тогда наступит истинное царство святого духа, при котором воцарятся равенство и справедливость. Его высоко-талантливые сочинения, получившие наименование „вечного евангелия“, позднее были признаны господствующей церковью еретическими. Продолжением идей Иоакима Флорисского был Амальрик из города Бены († 1202 г.), еще более крайний „еретик“, он отрицал и брак и собственность. Идеи Иоакима нашли себе вскоре последователей-практиков. Таковы итальянский схоластик, ученик философа Абеляра — Арнольд Брешианский, Гергард, Иоанн из Пармы, Вальдус, Дольчино и др.

Одна из францисканских групп, полумонашеская, полубщинная, основанная еще самим Франциском, получила название *терциариев* и вербовалась среди городского населения; она состояла из „сочувствующих“ и прониклась идеями иоакимизма. Вскоре она выделила и особое суровое течение *апостольских братьев*, ригористически исполнявших заветы своего учителя.

Проникшее к ним вскоре учение Иоакима из Флориса послужило источником для создания в их среде движения беггардов, уже явно коммунистического направления. Единственно в Италии возникает полусоциалистическое, полусектантское движение *фратичелли*, воодушевленных идеями того же Иоакима об апостольской жизни и устройстве церкви без священства.

Первый завет — это служение плоти — эпоха до Христа, второй — служение плоти и духа — эпоха от Христа до Иоакима,

и, наконец, третий — он начинается со времени, когда люди будут служить только духу, и выльется во всечеловеческое монашество.

Идеалы Франциска Ассизского и Иоакима из Флориса были усвоены их многочисленными последователями, но часто без их высокого аскетического и мистического содержания. Апостольская бедность и отказ от индивидуальных благ и имущества выражали их социально-экономические устремления. В XIV веке движение превратилось в движение беггардов (дословно — нищих).

Вместо свободы от хозяйства фратичелли думали о коммунизме, вместо царства духа беггарды и катары мечтали о наступлении коммунистического тысячелетнего рая на земле. Воззрения хилиазма („хилиасты“ и „милленарии“), столь с этого времени распространенные на Западе, и апокалиптические мечтания разлагающегося иудаизма свили себе прочное гнездо у этих сектантов, стремившихся ускорить осуществление своих вожделений путем политической и социальной революции.

В XIII веке секты окрепли под влиянием двух духовных героев той эпохи — Джерардо Сегарелли из Пармы и его последователя Дольчино. Их приключения, их жизнь, как и судьбы их последователей-апостоликов, полны трагизма: они заплатились смертью и костром за свои идеалы.

С подавлением вызванного ими движения секты все же сохраняются. Начиная с XIII века мы видим в Болгарии — богомилов, в Италии — арнольдистов, гумиллатов, апостольских братьев, во Франции — вальденцев, альбигойцев, бегинов и беггардов, лоллардов, а затем широкое распространение продолжателей названных сект в Германии. Из Италии беггарды распространяются на севере Германии и в Голландии. На юге Франции религиозное движение свивает прочное гнездо среди ткачей, которые начинают вести коммунальное хозяйство („братья совместной жизни“). На севере Франции от них выделились „братья и сестры свободного духа“, обусловленные в своей идеологии „амальриканцами“, последователями профессора-мистика Амальрика из Бены, явно-анархистского проповедника. Сходные течения распространились в Моравии („моравские братья“), в Испании, в Нидерландах и в Англии, где на-

чалось движение лоллардов, связанное с реформатором священником Виклифом.

Итак, каждая из сект вызывала ряд подражаний. Многие имели обширное число последователей¹. Массы приучались к реформаторской мысли, к коммунистическим идеалам, к восприятию тех сильных и оригинальных учений, которые появлялись с XII столетия. Длинный ряд их руководится замечательными средневековыми реформаторами. Здесь мы видим знаменитого философа Абеяра (1142) и Арнольда Брешианского (1158). От них заимствовали свои идеи: Вальдес, Франциск Ассизский, Сегарелли и Дольчино. Идеалом служила бедная жизнь апостолов. Франциск Ассизский питал глубочайшее отвращение к собственности, капиталу и деньгам. Деньги, полагал он, не что иное, как сам дьявол². Вообще, проповедуя „истинное счастье“ и „настоящую свободу“ в добровольной бедности, средневековые реформаторы критиковали существовавший в их дни нравственный, политический и экономический строй. Противоположность их воззрений с окружающей действительностью не могла не наводить умы на те социальные и экономические идеи, которые вскоре и были сформулированы коммунистами. Еще до появления коммунизма, в X веке при крестьянских восстаниях уже громко распевали на улицах революционную песню, где спрашивалось: „когда Адам пахал, а Ева пряла, где тогда был дворянин?“...

Особенно ярко и характерно социально-религиозное движение вылилось далее в двух странах — в Англии и в Германии.

Еще богаче социально-религиозные движения XIV века. Здесь выдвигается ряд новых веяний во Франции, Англии, Италии и Германии. Во Франции в самом начале XIV века появляется первая и надолго единственная политическая утопия Пьера Дюбуа (Petrus de Bosco) под заглавием „De resurre-

¹ Гаусрат, Адольф. „Средневековые реформаторы“, пер. под редакцией Радлова, Т. I. „Абеляр—Арнольд Брешианский“. СПб., 1900 г. Т. II. (Арнольдинцы, вальденсы, Франциск Ассизский, Вечное евангелие, Сегарелли, Дольчино). СПб. (изд. Л. Ф. Пантелеева), 1900 г.

² Герье, В. „Франциск, апостол нищеты и любви“, стр. 188. Москва, 1908 г.

ratione Terrae Sacrae" (1307), обратившая на себя общее внимание. В этом сочинении предлагалось организовать крестовый поход в грандиозных размерах для завоевания святой земли. Для этой цели необходимо, по мнению Дюбуа, предварительно изменить общественно-политический строй европейских государств в духе теократизма. Главы последних должны собраться на конгресс в Тулузе, заключить вечный мир и организовать международный третейский трибунал, под верховенством римского папы, лишенного светской власти и церковных владений. Затем, после грандиозного похода в Палестину, в последней организуется государство гроба господня, где каждый народ получает свою территорию. Во главе становится французский принц с титулом латинского императора. Наконец происходит и мирное завоевание Востока при помощи европейских женщин, изучивших медицину и отсюда имеющих доступ в мусульманские гаремы. Социальный вопрос здесь отсутствует, но вопрос о воспитании детей и образовании женщин его беспокоит. Женщинам он рекомендует заняться медициной.

Тяжелое экономическое положение крестьян в эту эпоху понемногу вызывает в свет особое повсеместное движение — *крестьянское*. Крестьянское движение во Франции развивается в XV в. под именем „Жакерии“. Оно становится повсеместным. Оно получило название от насмешливого прозвища крестьян Жак Боном (Яков - простак) и было кроваво подавлено.

Крестьянские войны в Германии тоже представляли собою социальный протест угнетенного крестьянства.

Движения крестьян в Европе родственны нашему более позднему движению Степана Разина (Стеньки Разина) и Емельяна Пугачева.

Почти одновременно с континентом, в тогда еще многочисленном крестьянстве Англии начинается продолжительное социально-религиозное движение. В Англии движение с самого начала носит народный характер и тесно связано с земельными условиями, уже в ту эпоху совершенно ненормальными.

Во второй половине XIV века священник Виклиф, переводчик библии на английский язык, рекомендует арендаторам не отбывать барщины и не платить аренды тем, кто ведет „нечестивую жизнь“. Основанный Виклифом орден странствующих монахов, или „нищих попов“, как его называли, разносил идеи

своего учителя по деревням и содействовал организации тайных крестьянских и рабочих союзов, в которых подготавливалось революционное движение.

Здесь „Виклифово движение“, или движение „нищих попов“, сменяется проповедью лоллардов — одного из разветвлений континентальных беггардов, и развертывается вскоре после кровавой „крестьянской войны 1381 г.“. Эта война, или, как ее называют, „бунт Уота Тайлора“, вождя восставших, или „великое восстание“, представляет собою массовое движение против материальных прав помещиков, против барщины и вилланства. Дни восстаний совпали с пламенными перемнами странствующего проповедника „евангельской бедности“ — пастора Джона Болля. Его „пастырские послания“ поддерживали энтузиазм повстанцев и придавали всему движению более широкий характер¹.

В том же XIV веке в Англии появляется народный поэт Уильям Лэнгленд (1332), автор замечательной поэмы „Петр-пахарь“. Здесь в ярких образах проповеваются социальное равенство, отмена привилегий и всеобщий труд. Автор, выразитель народных дум того времени, пламенно защищает угнетенных и требует радикального изменения отношения к ним. „На том свете, — думает автор, — трудно будет разобрать, кто дворянин, кто мужик. Все равны и все равно должны трудиться“.

Списки поэмы разносились по всей стране бродячим духовенством, теми „нищими попами“, которые в эту эпоху являлись яркими агитаторами и пропагандистами новых социально-религиозных идей. Среди этих бродячих проповедников особенно выделился Джон Болль, двадцать лет гневно обличавший имущих и несправедливых и трагически окончивший жизнь. Лендлорды, — говорит один английский историк, — считали Джона Болля сумасшедшим, но в его проповедях Англия впервые услышала декларацию естественного равенства и прав человека². В итоге, в 1381 году вспыхнуло крестьянское вос-

¹ Вопреки мнению Т. Роджерса, исследования Андро Ревилля и Омана доказали, что все движение мало подвинуло социальный вопрос в Англии. См. Ч. Оман, „Великое восстание 1381 года в Англии“, русск. пер. Москва, 1907 г.

² Грин, Д. „История английского народа“, русск. пер. Николаева. Т. I, стр. 345.

стание. Оно началось Уотом Тайлором и быстро охватило всю страну. Тюрьмы были раскрыты, податные списки сожжены, и толпа двинулась на Лондон, в который вступила 13 июня 1381 года. Королевский замок Тоуэр был взят приступом, архиепископ и казначей умерщвлены. Ричард II пошел на капитуляцию, успокоил обещаниями восставших, а когда они вернулись домой и сложили оружие, начал кроваво расправляться с участниками движения. Было казнено свыше 7000 человек, в их числе упомянутый выше Джон Болль.

2. Коммунистическое движение в Чехии.

Анабаптисты.

В начале XV века, под влиянием идей вальденцев и сочинений Виклифа, в Чехии началось религиозно-политическое движение последователей Иоанна Гусса (1369—1415), или гусситов. Сам Гусс был поклонник народного суверенитета и коммунист. Он вместе с своими сочинениями был сожжен на костре. Той же участи подвергся в 1416 году его ученик Иероним Пражский. Из среды гусситов вскоре выделилась особая народно-коммунистическая группа жителей городка Табора, или таборитов. Они придерживались правил умеренного коммунизма и считались самыми честными и надежными людьми своего времени. Из группы таборитов впоследствии выделилось более крайнее течение николаитов, или адамитов, вскоре подавленное силою самими гусситами.

Другое крайнее таборитское течение получило наименование богемских братьев и руководилось писателем Петром Чельчицким или Хельчицким. Это был образованный и талантливый писатель, автор ряда важных произведений. Около 1420 года Хельчицкий написал сочинение „Сеть веры“, в котором он отрицает суд и всякую принудительную власть, восстает против папы и императора, как искажителей идеи первоначального христианства, и ярко порицает жизнь всех нетрудящихся сословий. Особенно энергично П. Хельчицкий нападает на дворянство. „Оно,—говорит он,—так размножилось, что земли ему становится мало. Все хотят господствовать в богатстве, а работ стыдятся. Обширнейшими и наилучшими землями

овладели паны и обратили их в пустыню, и волки по ним бегают. Сами они только по-придворному встают и садятся и проводят все время в бесконечных разговорах о разных новостях". Последователи Хельчицкого основали ряд религиозных коммунистических общин, славящихся чистотой нравов, трудолюбием и зажиточностью. Они исчезли в тяжелые годы „тридцатилетней войны“ (XVII в.), когда Чехия была совершенно разорена. Некоторые рассеянные остатки „богемских братьев“, из которых наиболее известны геригутеры, уцелели вплоть до середины XIX столетия.

Коммунистические настроения возникали в народе и в следующем XVI веке в Германии, когда значительная часть населения участвовала в многолетней кровавой „Великой крестьянской войне“, закончившейся поражением восставших. В эту эпоху особенно выделилась секта „перекрещенцев“, или „анабаптистов“, стоявших за общность имущества. Анабаптизм был распространен в Швейцарии и Германии; последователи его жили особыми полуккоммунистическими общинами. Они крестились взрослыми, соблюдали величайшую строгость в брачных делах, сообща воспитывали детей и отрицали частную собственность. Это учение было сформулировано в 1525 году Николаем Шторком и Фомою Мюнцером, убежденным коммунистом. В середине пятидесятих годов XVI столетия анабаптисты, под предводительством Иоанна Матиса и Иоанна Бокельсона Лейденского, захватили власть в богатом вестфальском городе Мюнстере, столице Вестфалии. Здесь в 1535 году они основали коммунистическое государство „Новый Иерусалим“, или „Новый Сион“, в котором ввели коммунистическое устройство, а в силу осады их правительственными войсками прибегли для поддержания порядка в городе к террору. Власть получили двенадцать старейшин во главе с диктатором — „пророком“ Иоанном Лейденским. Владение деньгами и торговля на деньги были запрещены. Введены были общие трапезы, принудительные работы и многоженство. Последнее носило экономический характер, причем ряд женщин не состоял в фактическом браке, а только приписывался к немногим оставшимся и уцелевшим в городе мужчинам, как к своим покровителям.

После девятимесячной героической защиты осажденный

город Мюнстер был взят и анабаптисты перебиты, захваченные вожди движения подвергнуты долгим мучительным пыткам и казнены только через год. Движение анабаптистов было подавлено.

Подробности об этом анабаптистском коммунистическом государстве XVI в. можно прочесть по-русски только в последней главе первого тома сочинения К. Каутского: „Предшественники социализма“, СПб. 1907, а также у Михайлова (Шеллера): „Революционный анабаптизм“, СПб. 1892. Розенов, „Томас Мюнцер, вождь крестьян“, СПб. 1907. Виппер, „Общество, государство и культура на Западе в XVI веке“, „Мир Божий“ за 1897 год. Тумбюльт, „Перекрещенцы“ (русск. пер.). Зато немецкая, не переведенная на русский язык литература об анабаптистах очень обстоятельна и обширна. Особенно солидны труды Keller'a, Hase, Trölsn'a.

О Петре Хельчицком и его „Сети веры“ (1440) подробные сведения в диссертации петроградского профессора Н. Ястребова, „Этюды о Петре Хельчицком и его времени“, СПб. 1908. Л. Толстой, „Сеть веры“, издание „Посредника“.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Коммунизм нового времени.

Г Л А В А I.

Англия.

В XVII столетии утопическая литература расцветает в Англии, живущей в этом веке особенно интенсивною жизнью. Центральным историческим пунктом является *английская революция* (1649 — 1653 — 1660), совершенная народом во главе с индипендентами, „независимыми“ в религиозном смысле, возглавляемыми Оливером Кромвелем († 1658). Социальная и духовная жизнь Англии глубоко всколыхнулась. Целый ряд писателей: Берклей, Франциск Бэкон, Самуил Гартлиб, Джон Лильборн, Джерард Уинстенли, Плокбой, Джон Беллерс, Джеймс Гаррингтон и др. пишут разного рода утопические произведения. Ввиду их своеобразия необходимо рассмотреть каждого из них в отдельности.

Джон Берклей (1582—1621) написал многословный политический с утопическим и аллегорическим оттенком роман: „Аргенис“ (Argenis, 1621). Роман, написанный на великолепном латинском языке, получил в свое время необычайно широкое распространение. Современники Берклея, знаменитый французский кардинал Ришелье, выдающийся германский философ Лейбниц и даровитый испанский поэт и драматург Кальдерон — зачитывались „Аргенис“, аллегорически изображавшей политические события их эпохи. Ее в свое время перевели на многие языки, не исключая и русского. Героиня романа Аргенис, дочь сицилийского царя Мелеандра, аллегорически изображает Францию в эпоху религиозных войн. Роман кончается браком Аргенис с ее возлюбленным.

Канцлер Англии Франциск Бэкон (1561—1626) оставил незаконченную утопию „Новая Атлантида“ („Nova Atlantis“, 1620), отличающуюся философским характером и рекомендующую устройство центрального института наук и искусств, названного им „Дом Соломона“. Это учреждение типа университета или академии наук. Бэкон ставит во главу угла научный *экспериментальный* (индуктивный или „бэконовский“) метод и положительную философию. Он экспериментальным путем изучал происхождение организма и в своей центральной естественнонаучной лаборатории стремился производить опыты преобразования органов и путем изменения видов найти причины размножения и дифференциации.

В „Новой Атлантиде“ или в „Бенсалеме“, как она иначе называется, сохранено социальное и имущественное неравенство с его неизбежным спутником — денежной системой. Сохранено здесь также неравенство, как результат неравенства происхождения и различного воспитания, а также английская склонность к этикету и чопорности. Но все же, вопреки мнения Каутского, „Новая Атлантида“ не простая улучшенная копия с быта Англии XVII века, а картина коренного преобразования современного ей общества путем захвата экономического, а вместе с ним политического влияния замкнутой коллегии ученых изобретателей.

Бэкон в своем изложении отступает от установившейся с XVI века новой традиции трактовки коммунистического общества будущего, которую установили Томас Мор и Томазо Кампанелла. Бэкон предпочитает более старинную, более эпическую и спокойную манеру Платона. „Новая Атлантида“ не только по наименованию, — в платоновском диалоге „Критий“ описывается быт на легендарном исчезнувшем материке „Атлантиды“, — но и по духу изложения возвращает утопическое описание к его первоначальной, старинной форме.

Все же несколько уступая новым веяниям, Бэкон полагает, что весь социально-политический строй покоится на организации *собственности*, — мысль, которую философ проводит также в своем сочинении о знании („De dignitate et augmentis scientiarum“).

Гораздо определеннее формулирует тот же тезис зависимости строя от экономических условий, в частности от соб-

ственности, другой английский утопист, Джемс Гаррингтон (1640—1677) в своей утопии: „The commonwealth of Oceana“, „Оцеана“ (1659). Эта утопия лишена романтической фэбулы и поэтических описаний. Это сухой, радикальный *политический памфлет*, аллегорически изображающий Англию XVII века, но не лишенный и глубокого экономического смысла: характер всякого государственного строя по Гаррингтону вполне зависит от системы распределения в стране земельной собственности. Сам Гаррингтон рекомендует ограничение размеров земельного владения, определяя его для отдельного английского майората годовой земельной рентой не свыше 50 тыс. ффранков. „Оцеана“ была посвящена „лорду протектору“, т.е. Кромвеллю, и издана последователем автора, Джоном Толандом. Утопия Гаррингтона настолько полна разного рода проектами и предположениями, настолько в ней обильны различные аллегории, что даже для современников потребовалась общедоступная и краткая расшифровка этого произведения. Так появилось второе сочинение Гаррингтона: „Искусство законодательства“ („Art of lowgiving“), где идеалом политического устройства выставлена конституция венецианской республики, дополненная измышлениями Гаррингтона. По своим основным воззрениям Гаррингтон придавал исключительное значение „воле народа“, а английскую конституцию требовал организовать „слоем за слоем, снизу вверх“. При этом он полагал, что политическое равновесие выжидается на равновесии экономическом. Его ученики — оригинал-ирландец Толанд и Генрих Невиль признают только естественную религию и являются первыми английскими свободомыслящими.

Социально-религиозное движение XVII века вызвало несколько утопий английских „уравнителей“, или левеллеров. Так, в 1641 году левеллер Самуил Гартлиб (1610—1660) опубликовал свое „Описание славного королевства Макерия“, отчасти скопированного с утопии Томаса Мора и с „Новой Атлантиды“ Бэкона. В этой утопии выступает и тот вопрос, который издавна волновал малоземельное английское население — вопрос *земельный*.

Вообще в английских утопиях центр внимания направлен на земледелие и землевладение. Народные бедствия в Англии в значительной мере зависели от земельной тесноты.

Народное движение, руководимое сектантами, всегда стремилось к земельному *уравнию* населения. Особенно горячо стремились к этому более крайние *левеллеры*, или уравнители. Левеллеры делились на несколько течений. Наиболее крайние, коммунистически и революционно настроенные, носили название *истинных левеллеров*. Среди последних писателю Уинстенли принадлежат две значительных утопии: „Поднятие знамени истинных левеллеров или общественного государства“ (1649) и „Закон свободы“ (1661). В них Уинстенли жалуется на два высших сословия: дворянство и духовенство, и на крайний недостаток земли у бедных. Весь социальный вопрос сводится у него, как и у большинства английских утопистов этой эпохи, к вопросу аграрному, который он разрешает коммунистически. „Истинная республиканская свобода“ у него сводится „к свободному и равному пользованию землею“. Так же смотрят вышеупомянутый Самуил Гартлиб и Джон Лильборн, вожди движения „истинных“ левеллеров, или уравнителей. Здесь перед нами определенное *коммунистическое* течение обширных и революционно-настроенных пролетарских масс. Лильборн — их действительный, умелый и энергичный вождь, подвергавшийся бесчисленным преследованиям за свои речи и многочисленные резкие памфлеты и листки против государственного порядка и буржуазной культуры.

Другое утопическое течение носит более умеренный и деловой характер, не задающийся широкими и радикальными, но практически мало-осуществимыми планами. Оно возглавляется англизированным голландцем Плокбоем и англичанином квакером Беллерсом.

Более практически настроенный Петр Корнелиус Плокбой написал утопию: „Предложение способа сделать бедняков счастливыми“ (1659), а Джон Беллерс составил „Проект учреждения рабочего колледжа всех полезных ремесел и сельского хозяйства“ (1695). Плокбой желал от мечтаний перейти к организации, правда, еще устроенной „по подписке“, но все же „маленькой республики“, т. е. небольшой автономной коммунистической общины. Члены последней, кроме своего личного труда, прибегают и к наемничеству, но вносят во все свои отношения к посторонним, в том числе и к наемным рабочим, идею гуманности и нравственного долга. Итак, в хозяйственном смысле

их „республика“ — просто кооперативное товарищество. Эта кооперативная организация Плокбоя являлась совершенно новой идеей, стремившейся тем самым внести реальное изменение в существующем строе и заложить основу для нового, но уже без прежней религиозной или утопической окраски.

План „рабочего колледжа“ квакера Джона Беллера более обширен и более радикален. Это сельскохозяйственная и ремесленная коммунистическая община, в которой и производство и потребление организованы на общих началах. Громадное внимание уделено воспитанию и образованию подрастающего поколения. „Старые люди, — говорит Беллерс, — подобны глиняной посуде: их не легко переделать, дети же больше похожи на свежую глину, только-что взятую из ямы“. Основой „колледжа“ являются не деньги, а труд. Порядок в „колледже-товариществе“, пишет Беллерс, „сделается меридом, с помощью которого будут оцениваться все предметы потребления и труд, не как прежде на деньги. Хотя вообще деньги представляют некоторое удобство в обыденной жизни и, ввиду недостатка доверия между людьми, они являются своего рода залогом и вызывают дурные последствия: ведь не даром наш Спаситель назвал их „демоном бесчестности“. Рабочие руки составляют истинное богатство нации, а не деньги, которыми страна обладает“.

В сочинениях Беллера содержится много верных замечаний по различным экономическим вопросам; вот почему часто цитирующий Беллера Карл Маркс называет его „настоящим феноменом в истории политической экономии“. Не один Маркс высокого мнения о Беллере. Эдуард Бернштейн считает Беллера предтечей современного кооперативного движения и одним из лучших представителей коммунистической идеи в Англии конца XVII и начала XVIII столетий.

В конце XVII столетия в Англии выдвигается Мандеваль, издавший в 1714 году знаменитую „басню о пчелах“, которая содержит зачатки учения Фурье о полезности всех страстей, не исключая и дурных, и аграрный социалист Томас Спенс (1750—1819), опубликовавший в 1775 году утопию „Спенсонию“ и возглавлявший целое движение, — многих в ту эпоху увлекли идеи Спенса, построенные на учении естественного права, руководящей философско-политической теории этого столетия. О Спенсе и его последователях мы скажем ниже подробнее.

В XVIII столетии не только в Англии, но и вообще в Европе утопическая литература не прекращалась. Рядом с этим главным течением в социализме тогдашней эпохи уже начало пробиваться и другое, более *революционное* течение, от мечтаний стремившееся перейти к практическому осуществлению намечаемых идеалов.

„Революционное“ течение свило себе гнездо не в Англии, где все вопросы охотнее рассматривались сквозь призму религии, а во Франции, где социальные отношения в течение XVIII века более обострились и обнажились.

ГЛАВА II.

Франция.

Помимо Англии утопизм получает особенно сильное выражение в XVIII веке во Франции, в особенности после Руссо. Здесь появляется целая серия интересных утопий, в основе своей покоящихся на рационалистическом начале и теориях „естественного права“. Таковы утопии:

Габриэля Фуаньи: „Приключения Жака Садера при открытии австралийских земель“ (1676). Нелепо-фантастическая утопия, связанная с описанием баснословных приключений. Здесь царствует „полный“ коммунизм; затем живут двухполые существа. Семейная жизнь и употребление платья — неизвестны. В том же духе появляется в Германии утопия Людвиг фон-Гольберга: „Подземное путешествие Николая Климма“ (Лейпциг, 1741 г.), переведенная в XVIII веке на русский язык. В том же веке появились утопии короля польского Станислава Лещинского¹, англичанина Листоная², француза Фонтенеля³, утопии рационалистов и руссоистов и утопии *моралистов*. Во главе моралистов этой эпохи должен быть поставлен аббат Фенелон. Этот тип наставительного повествования идет с древности, где в греческой „Киропедии“ можно видеть зародыш такого нравоучительного рассказа. Для

¹ „Беседа одного европейца с островитянином царства Дюмокола“. Париж, 1752.

² „Путешественник-философ в неизвестной стране“. Амстердам, 1761.

³ „Республика философов“. Женева, 1768.

XVIII века „Телемак“ — новый образец такого нравоучительного повествования для юношества.

Знаменитый для своего времени наставительный рассказ — „Телемак“ аббата Фенелона появился впервые тайно в 1698 году, затем в 1700 году, в Париже, после чего много раз переиздавался, так как принадлежал к числу наиболее читаемых в свое время сочинений для юношества. Это нравоучительные беседы воспитателя-ментора со своим воспитанником Телемаком, написанные аббатом для внуков „Короля-Солнца“ Людовика XIV. В идеальном государстве Телемака — Саленте — население благоденствует, ибо руководится мудрым и добродетельным монархом. Такие поучения были вполне своевременны в дни крайнего развития неограниченного самодержавия короля, считавшего, что „l'état c'est moi“ („государство — это я“).

В таком же наставительном („менторском“) духе для аристократии были написаны по-французски:

Рамсей. „Путешествие Кира“, 1727.

Террисон. „Сетос“, 1732, и — по-немецки — в самом конце XVII века составленная неизвестным автором утопия „Государство Офирское“, Лейпциг, 1699.

Здесь, как основное правило жизни, провозглашено, что не только все потребности, но и все страсти человека должны быть удовлетворены. Будущий строй — коммунистический, без частной собственности. Индивидуальной семьи нет, мужчины и женщины соединяются на более или менее продолжительное время по свободному желанию, а дети — предмет заботы государства.

К этой же эпохе относится еще одно сочинение — венец утопизма XVII века — утопия Верраса „История Севарамбов“.

„История Севарамбов“, утопия Дениса Верраса д'Алле, появилась в Париже в 1677 году. Это произведение конца XVII века представляет собой очень живой и интересный рассказ о приключениях некоего капитана Сидена, потерпевшего кораблекрушение и выброшенного с частью экипажа на австралийский материк. Вся „история“ делится на пять частей. В ней планы устройства государства будущего переплетаются с разного рода приключениями и массой интересных картин быта воображаемого народа Севарамбов.

Первая часть знакомит нас с самим капитаном Сиденом

давая ряд автобиографических сведений о нем вплоть до того момента, когда он сел на корабль „Золотой Дракон“, направляющийся в Ост-Индию. Корабль терпит кораблекрушение, и 374 пассажира оказываются выброшенными на неизвестную им землю. Следует очень детальное описание их лагеря, его устройства, внутреннего распорядка, дисциплины, характера и жизни, рыбной ловли и охоты. Обращает на себя внимание недостаток женщин, которых всего 74, и приходится ввести полигамию, сохранив отдельных жен только для высших чинов. Но земля, окружающая этот лагерь, суха и бесплодна. Предпринимается целый ряд экспедиций в глубь страны, так как ясно, что местность неподходящая во всех отношениях для длительного пребывания. Из остатков корабля строятся лодки и суда, одно из которых отправляется в Батавию, с просьбой оказать помощь потерпевшим. Так проходит неделя за неделей, ничем не нарушая мирного течения лагерной жизни. Результат экспедиций один и тот же — полное отсутствие каких бы то ни было жителей. Товарищ капитана Сидена, Морис, отправившись на разведки водным путем, попадает в большое озеро, где они бросают на ночь якорь, а на утро видят себя окруженными массой народа. Они оказываются пленниками; их везут в город Спорунд, к губернатору его Альбикормасу. Рассказав ему все свои злоключения, они через гонца, отправленного к вице-королю в Севоронд, главный город Севарамбии, получают право жительство в Севарамбии.

Вторая часть и есть переезд всего лагеря в Севоронд, через страну, называемую Спорумбией; следует описание ее. Путешественники восторгаются и постройками, осмазиями, состоящими из огромных каменных строений, вмещающих в себе около тысячи человек, и разного рода работами, исполненными самим народом. Описывается публичное телесное наказание женщины, неверной супруги одного из жителей Севарамбии. Эта прелестная маленькая женщина, нежная красота которой должна была через несколько минут быть осквернена жестокими руками палача, возбуждает всеобщее сострадание. Перед началом казни кто-то приближается в последнюю минуту с криками: „остановитесь, остановитесь“. Это обманутый супруг. Он не может допустить, чтобы слабое тело его жены подвергалось позорящим палочным ударам, и выражает готовность, — что допускается

местными законами, когда дело касается женщины, — подвергнуть себя назначенному неверной жене наказанию и принимает палочные удары. Все, конечно, очень тронуты. Но путешественники должны продолжать свой путь. Они мчатся через горы и доли, изучают экономические отношения, рыболовство, звероловство и т. п., а также организацию армии, в состав которой входят как мужчины, так и женщины. С четырнадцатилетнего возраста и до 49 лет все должны находиться на военной службе, а с семилетнего возраста начинают обучать всех владеть оружием. В течение каждых трех лет всякий гражданин должен отдать 90 дней военной службе; это значит, что в течение триместра он должен находиться в армии средним числом 11 — 12 дней. Армейские корпуса состояются из людей трех категорий: неженатых мужчин, незамужних женщин и из лиц, состоящих в браке, так что жены сражаются бок о бок со своими мужьями.

В третьем томе рассказана история этого народца, монархического и наивного.

Образ правления в этом государстве монархический, деспотический, теократический или, лучше, гелиократический. Солнце есть бог и царь, и Севарамбия могла бы быть названа „Городом Солнца“. Демократическая особенность этого государства заключается в следующем: все должностные лица избираются; правом выбора на должность государя пользуются только те, которые прошли все степени иерархической лестницы. Совет избирает четырех кандидатов, и тот, кому досталось по жребию изображение солнца, становится государем, или, правильнее говоря, законным представителем бога Солнца. Верховный глава государства несменяем, однако в случае, если он страдает умопомешательством, он может быть отдан под опеку великого совета. Таким образом мы имеем здесь соединение самодержавной власти с независимым самоуправлением. Низшие чиновники, до главы *осмази*, избираются народом. Эти осмазионты составляют законодательное собрание, Великий Совет. Ординарный Совет составляется из его среды, потому что каждый восьмой осмазионт, входящий в его состав, становится бромасионтом; 24 старейших члена назначаются сенаторами и занимают высшие государственные должности.

Под сенью такого образа правления выработался в течение

веков прекрасный народ. Севарамбы поразительно развиты в физическом отношении: некоторые достигают роста в 7 футов. Их одежда очень проста: шелковая лента красного цвета — вот и все украшение одежды отца или матери, получаемое за каждого ребенка, воспитанного до семилетнего возраста. Ввиду отсутствия частной собственности, в этом государстве нет также и гражданских законов. Но, невпример другим, Веррас принадлежит к рассудительным утопистам, понимающим, что никакой совершенный образ правления не может еще уничтожить преступлений, и что месть, любовь, ненависть и ревность будут существовать также и в этих государствах. Приговоры по уголовным делам постановляются своего рода судом присяжных, почти всегда состоящим из трех, восьми или двенадцати членов. Смертная казнь не применяется, как не гуманная и бесполезная мера. На первом же плане стоит тюремное заключение; таким образом идеал, выдвинутый веком философов, предвосхищен в этой фантазии на сто лет раньше. С другой стороны, система наказаний в этом государстве носит на себе отпечаток идей XVII столетия. Так, например, заключенных время от времени водили по улицам и наказывали публично палочными ударами.

Господствующие там половые отношения свидетельствуют о высокой нравственности населения. Это следует приписать в частности одному оригинальному постановлению, в силу которого холостякам строго запрещено употребление спиртных напитков. Представьте себе только, что подобная мера была бы применена в наших городах....

Браки совершаются по достижении брачного возраста, который наступает для молодых людей мужского пола в девятнадцать лет, а для девушек в шестнадцать. Под наблюдением особых чиновников устраиваются балы и другие увеселения, и тогда молодые люди делают свой выбор. Вступление в брак обязательно, и бракосочетания совершаются 4 раза в году. Вообще там существует моногамический брак с той особенностью, что при взаимном согласии двух пар можно один раз в жизни обмениваться женами. Следует обратить внимание еще на одну особенность, составляющую поразительное нарушение равенства: высшим сановникам предоставляется право иметь по нескольку жен. Заметим еще, что каждый имеет право вла-

деть таким количеством рабынь, сколько у него жен. Таким образом эта моногамия, существующая у Севарамбов, несколько сомнительного свойства. Но так как, сверх того, для путешественников содержатся на счет государства рабыни, то там царит до известной степени нравственность, отступления от которой бывают очень редки. Однако насчет благопристойности там существуют странные взгляды; так, например, не считается неприличным, чтобы находящиеся в браке мужчины и женщины купались вместе, между тем как для холостых существуют отдельные купальни для каждого пола. Мертвых в этой стране предают сожжению. В наше время начинают повсюду устраивать кремационные печи; но 200 лет тому назад гораздо больше увлекались мыслию о сожжении трупов. У Севарамбов сожжение трупов обязательно, и они дают такое прекрасное объяснение этому обычаю: когда тело сжигают, то дым уносит с собой самые тонкие частицы, т.-е. душу, к солнцу, а на земле остаются в виде пепла только одни животные части.

Затем сообщаются большие подробности относительно религии Севарамбов. Главным образом рассказывается об антипророке Струкарасе, останавливавшем свой выбор на самых красивых девушках. Описываются с большими подробностями разные скабрёзные церемонии, которые невозможно передать здесь. Дальше рассказывается о празднествах, напоминающих во многих отношениях празднества японские и буддистские.

В году бывает только четыре праздника: праздник бракосочетания, усыновления детей, весны и летнего солнцестояния; за три дня до этого последнего праздника тушатся все огни, для того, чтобы зажечь их потом с новым солнцем. В разных частях города часто происходят собрания, на которых обсуждаются религиозные вопросы, и автор описывает одно подобное собрание. Нужно быть признательным тому, кто открыто проповедывал в то время религиозную терпимость; эта проповедь производит тем более приятное впечатление, что история Севарамбов написана лишь за несколько лет до драгоннад и отмены Нантского эдикта (1685 г.).

Севарамбам присуще глубокое религиозное чувство на ряду с широким взглядом на вещи, как это видно из их молитвы к своему великому богу.

Автор сообщает нам эту молитву. Ее можно было бы перевести следующим образом: „Царь духов, всезнающий, всемогущий, бесконечный, вечный и бессмертный, невидимый, непостижимый, единодержавный, существо существ“....

Затем Веррас знакомит нас с вымышленным им языком Севарамбов, приводит образцы и посвящает целую главу их грамматике, примерам и т. д.

Стихосложение у Севарамбов метрическое, без рифм. Автору кажется смешным, когда ребенок, крестьянин и вообще человек из простонародья говорит со сцены рифмами.

В заключение Веррас делает небольшое замечание относительно своей собственной жизни в Севарамбии. Он и его товарищи были водворены в осмазию и пользовались всем, что только делает жизнь приятной. Они сильно окрепли физически и вызывали всеобщее удивление. Благодаря умеренной жизни они даже помолодели с виду. Что касается его самого, то в нем пробуждается желание найти свою первую жену и возвратиться в свое отдаленное отечество к своей первой любовной страсти. Поэтому он решает покинуть счастливый остров, хотя при этом ему приходится расстаться с тремя женами и 16 детьми. Выехавши из Споранды, он после шестидесятивосьмидневного пребывания в пути прибыл к персидским берегам, а оттуда в свое отечество — Францию.

Эта последняя мысль, столь простая и столь естественная, почти нигде не встречается в других утопических романах. Заключение автора поучительно: проживши некоторое время в идеальном государстве, человек стремится возвратиться в мир действительности. Беззаботная жизнь, совершенный образ правления, даже физическое возрождение — все это ни к чему не ведет: наступает момент, когда человека охватывает желание возвратиться к своему прежнему образу жизни, к своей прежней простой и спокойной жизни. На этой утопии Верраса XVII век заканчивает свой цикл утопических произведений.

Наступает новый XVIII век с его более сложною экономическою жизнью, с разорением *крестьянства* — опоры падающего и разлагающегося феодализма, с появлением нового класса — промышленных *скутчиков*, разлагающих устои старого, замкнутого цехового строя, с появлением нового вида промышлен-

ности — мануфактуры. Прежний ремесленный подмастерье постепенно из самостоятельного распорядителя ремесла становится наемником, „вечным подмастерьем“. Надвигается новая эпоха — капитализм, начинающий сказываться в более развитых и промышленных странах Европы. Население сдвигается с вековых устоев, становится сознательнее, подвижнее и революционнее. Идеалы церкви и феодальных отношений утрачивают свою силу.

Начало века открывается формулированием новых *революционных* идей — священником Жаком Мелье, середина столетия — глубоким идеологическим переломом, своего рода *интеллектуальной революцией*, пережитой первоначально во французской, а затем и во всей европейской жизни — новой социальной философией Жан-Жака Руссо. Влияние идей Руссо настолько глубоко и значительно, что оно внедрило новый характер в мировоззрение писателей-утопистов XVIII столетия, создав целый ряд последователей идей Руссо — „руссоистов“ утопизма.

Наконец, бурный XVIII век завершился грандиозной, поучительной, но неудачной революционной попыткой осуществить на практике идеи социального равенства — вождями „заговора равных“ — землемером Гракхом Бабефом и членом конвента Д'Арте. *Бабунизм* явился заключительной картиной социалистического движения во Франции конца последних дней Великой Французской Революции. Каждый из этих моментов великого исторического века заслуживает нашего особого внимания.

О мечтах Жака Мелье и попытке их осуществления сказано особо в главе V — „История идеи революционизма“. Теперь займемся Руссо.

ГЛАВА III.

Руссо и руссоисты.

Философия Руссо накладывает сильнейший отпечаток на свою эпоху. Писатели становятся *руссоистами*, впитывающими себя задачи и идеалы великого философа.

Наиболее типичными утопиями эпохи Руссо были сочинения: Луи-Себастьяна Мерсье, аббата Морелли и Мабли.

Утопия Мерсье — „2440 год“. Морелли пишет: 1) „Базилиаду“ или „Крушение плавучих островов“, 1753 и 2) „Кодекс законов природы“, 1755.

В „Кодексе“ или „Своде законов природы“ Морелли облекает свои утопические идеи в более догматическую форму. Для реорганизации общества необходима отмена частной собственности, и обязанность каждого содействовать общему благу. За это он обязан работать. С десятого года жизни начинается обучение ремеслу. Вступают в брак в возрасте 15—18 лет. От 20 до 25 лет каждый занимается земледелием или находящимися с ним в связи работами. Только после этого можно обратиться к своей профессии. Каждой отрасли производства управляет особый начальник. После сорока лет все становятся „свободными работниками“ и не принуждаются больше к труду. Купля и продажа внутри государства запрещены. Каждый гражданин работает для общества и потому содержится обществом. Мать обязана сама кормить ребенка, который после пяти лет переходит в общественное воспитательное заведение. Для каждой общины определено точно количество ученых и артистов. Образование их начинается рано, но они не освобождаются от земледельческого труда. Знание законов обязательно. Философия ограничивается определением бога и человеческого разума с оговоркой о непостижимости тайны существа духа и загробной жизни. В своде всех наук записываются новые истины, полученные в результате изучения естествознания. Но в философии и в установленных принципах поведения, т. е. в этике не допускаются никакие добавления.

Убийца, или пытавшийся изменить основной закон или ввести частную собственность, как безумец или враг человечества, заключается в гробовой камере на кладбище. Имя его вычеркивается из списка граждан, а семье его дается другое имя. Супружеская неверность карается тюрьмой. Законы неизменны. Формула всякого распоряжения — „разум желает, а закон приказывает“.

Себя самого Морелли считал „наперсником природы“, раскрывшей ему свою тайную волю.

Определенным радикальным критическим духом проникнуты сочинения Мабли и Верраса. Расстояние между ними — целое столетие.

Утопия аббата Габриэля Мабли: „Беседы с Фокионом“, 1763 г., как и другие его сочинения, направлена против учения физиократов — с одной стороны и существующего строя — с другой.

„Только общность имуществ создает добрых граждан“, говорит Мабли. „Богатые всегда предпочитают личное благо — благу общественному“. Считая, что цель жизни не в наслаждении, а в добродетели, Мабли рекомендует умеренность и придает своим общественным идеалам несколько аскетический характер. Жадность и честолюбие, по его мнению, всегда будут тормозить дело законодателя, а потому он не надеется на полное осуществление своих идеалов. Идеалом законодателя в глазах Мабли является Ликург, древний греческий законодатель, обуздавший, по преданию, чрезмерность.

В только-что приведенном перечне французских утопий, — а их вообще появлялось немало в ту эпоху, — здесь приведены только более выдающиеся произведения французской утопической литературы того времени. Большинство из них совершенно лишено чувства исторической перспективы и понимания хода исторического развития. Утопии этого периода покоятся на наивном и неверном представлении о совершенстве человека, не испорченного цивилизацией и достигающего идеала лишь тогда, когда он находится в так называемом естественном состоянии, как „Робинзон на острове“. По воззрениям той эпохи, все первобытные люди и так называемые *дикари* повинуются в своем поведении „Кодексу законов природы“, и лишь с того момента, когда они подпадают под действие норм положительного права, искусственно-созданного, они утрачивают свое первоначальное счастливое состояние и впадают в пагубную испорченность.

Идеи „естественного права“ — этого продукта рационалистического мировоззрения XVIII столетия — получили, как известно, особенно глубокое обоснование в сочинениях гениального философа и политика XVIII века Жан-Жака Руссо, подчинившего своему влиянию весь тогдашний цивилизованный мир. Воззрения Руссо отразились и на утопиях той эпохи. Среди утопистов в духе Руссо, так называемых руссоистов, но отрицающая частную собственность, в которой усматривается корень нравственной порчи, выделяются Луи-Себастьян

Мерсье, Ретиф де-ла-Бретонь и особенно вышеназванный аббат Морелли, который в обоих своих сочинениях („Базилладе“ и „Кодексе природы“) проповедует коммунизм. Частная собственность, по Морелли, источник и первопричина всех общественных зол. Она питает „стоглавую гидру“ пороков — жадность, лежащую в основе всех нравственных бедствий. Вообще Морелли подходит к социальному вопросу, как моралист, и рассматривает экономические вопросы, важность которых он вполне понимает, только с нравственной точки зрения. Естественно поэтому, что Морелли вынес существующему строю самый суровый приговор и наметил проект радикального преобразования.

Идеи Морелли сложились под влиянием Томаса Мора и оказали сильное влияние на социалистов эпохи Великой Французской Революции, в частности на Гракха Бабефа и на великого утописта Шарля Фурье.

Морелли — типичный образчик *рационалистического* социализма. Историческая перспектива ему чужда так же, как и понимание движущих сил общественности. У Морелли воскресает рационалистический вариант старинной легенды о Золотом веке, который был так красив у Гюго Гроция и во французской беллетристике того века. Морелли говорит: „Природа нравственного порядка — едина, постоянна и неизменна; она — основа всей жизни. Портятся нации, а не природа. Человек удаляется от истины, но истина не уничтожается“. Поэтому, по Морелли, задача законодателя — найти положение, когда человек меньше всего уклонялся бы от природы. И так как у человека нет ни „природных“ идей, ни природных склонностей, то законодательство вообще должно играть громадную роль. Погружение индивидуума в безразличие и самосохранение не создают общественности; она возникает только при сплоченности и солидарности. Общее владение неделимо, индивидууму подлежит только равное право пользования. Законы должны стремиться к восстановлению естественного порядка, разрушенного цивилизацией. Частная собственность — источник всех зол. Прогресс — всеобщий залог природы, в основе же его — прогрессе разума.

ГЛАВА IV.

Россия.

В XVIII веке утопическая литература появилась в России, где перевели на русский язык ряд утопий (Томаса Мора, Гольберга и др.), а некоторые русские писатели сами составили первые утопии на русском языке. Они были умеренного социально-политического характера, проникнутые в большинстве случаев модными тогда идеалами масонства. Лучшая из русских утопий XVIII века — „Путешествие в государство Офирское“ выдающегося писателя Екатерининской эпохи, князя М. М. Щербатова (1796 г.). Щербатов был склонен к масонским идеалам, которыми проникнуты воззрения высшего общества того времени. Кроме Щербатова утопии писали Лёвшин, Херасков, Эмин, Дмитриев-Мамонов и др. (об них см. Святловский, В. В. Русский утопический роман. Петроград, 1922). В середине XIX века утопизм вновь начал усиливаться. Лучшей утопией явилась повесть князя В. Ф. Одоевского „4338 год“¹. Утопия Одоевского копирует по замыслу утопию руссоиста Мерсье — „2440 год“ (1771) и утопию Ретифа де-ла-Бретоня — „Австралийское открытие“ (1781 г.). Она лишена социального радикализма, дает только новые варианты обычной темы. Дальнейшая история утопического романа в России уже относится к иной эпохе, к XIX и XX вв.

Вообще утопическая литература до *индустриальной революции* XVIII века (1770 — 1800), изменившей социальные отношения Европы, была довольно однообразна до и после эпохи Руссо. Она рисовала картины будущего без связи с настоящим. Историческая перспектива отсутствовала. Фабула скрывалась за

¹ О князе М. М. Щербатове — Чечулин: „Русский социальный роман XVII в.“, Пыпин: „Полузабытый писатель XVIII века“, статья в журн. „Вестник Европы“ за ноябрь 1896 г. О князе В. Ф. Одоевском и его утопии „4338 год“ — Сакулин: „Из истории русского идеализма“, т. I. Москва, 1913 г. Святловский, В. В.: „Русский утопический роман“. СПб. 1922 г.

бесплодную и непрактичную фантазией. Обыкновенно фантастический вымысел не знал ни удержу ни предела. Реже появлялись утопические произведения более спокойного и делового типа; так, например, совсем обнажено от вымысла сочинение коммуниста Симеона Ленге: „Теория гражданских законов“, 1767, в которой бичуется неравенство, но защищается ее источник, частная собственность. Страдающее население призывается к терпению. „Терпи и пребывай в оковах“, призывает Ленге. Это увещавание в ту эпоху провоцировало население и возбуждало его революционное настроение. Вообще вторая половина XVIII века была обильна утопиями. Их составляют философы и моралисты, писатели и общественные деятели, стремящиеся пересоздать общество на основе естественного права. Отсюда призыв к простоте, к приближению к природе и к отказу от условной „ложной“ цивилизации.

Кроме указанных здесь стран, утопическая литература нашла себе выражение во всех остальных европейских странах.

В этом обзоре переименованы только более видные, интересные и значительные утопии. С первого взгляда, они в общем кажутся довольно сходны между собой. Но все же, по сути, литературные произведения этого рода весьма многочисленны и мало изучены.

Общая всем утопиям черта — это отсутствие прямых указаний на *способ* и *программу* осуществления того строя, который в каждой из них намечается. В тех же редких случаях, где такого рода указание имеется, оно не выходит за пределы полученных. Между тем реальная жизнь требовала иного; она требовала активного революционного вмешательства. Великая французская революция, спадая, выдвинула и эту идею в бабвистском движении.

Из числа утопий, имеющих явно выраженное социально-политическое содержание, можно отметить около пятидесяти более значительных произведений. Немецкие ученые делали попытки классифицировать утопии по их внутреннему содержанию, выделяя группу социальных утопий. Но главнейшие классификаторы — Моль (Robert von Mohl), Кленвехтер, Кирхгейм, Каутский, Фейгт и др. — принимали во внимание не все, а только более известные утопические сочинения (см.

В. В. Святловский: Каталог утопий. Петроград, 1923, и сочинения об утопическом социализме—Щеглов, Кирхгейм, Свентоховский и др.,—отмеченные в указателе в начале обзора).

ГЛАВА V.

История идеи революционизма.

1. Зарождение революционизма.

Практическая безысходность утопизма становится очевидно к началу XVII столетия.

„Если к правде святой мир дороги найти не сумеет, честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой“, — вот образное изображение мысли, оправдывающей утопические настроения.

Социальные утопии действительно представляют собою произведения подъема социальной фантазии, те грезы и золотые сны страждущего человечества, в которых оно ищет утешения от тяжести реальной жизни. Эти фантазии отличаются одной общей чертой—они не указывают путей и способов выхода из существующего положения. Как волшебные замки с роскошной внутренней отделкой, утопии эти—здания „без окон и дверей“. Рисуемое в них будущее лучезарно и прекрасно, но дороги к нему не указаны.

Человечество любит мираж, трепетно ощущает все штрихи его картины, но мираж так и остается сонною грезой, несбыточным далеким видением... Мы уже видели, что утопия античного мира в лице гениального Платона мало чем различалась от замыслов утопистов нового времени. Никто, ни родоначальники новой утопии Томас Мор и Томазо Кампанелла, ни их рационалистические подражатели, как Мабли или Морелли, ни—как мы далее убедимся—великие утописты (Шарль Фурье, Анри де-Сен-Симон, Роберт Оуэн) не указали путей, непосредственно ведущих к осуществлению нового строя. Если что в практическом смысле и можно установить у некоторых из них, то это, самое большее, убеждение, что первый удачный пример сам собою неизбежно вызовет подражание. „Лиха, так сказать, беда—начало“, как бы думают социальные

мечтатели. Утописты XIX века, особенно их наиболее проникательный вождь Этьен Кабэ, полагали, что пропаганда необходимости, или, другими словами, убеждение — единственно верный путь для осуществления их идеалов.

К началу революционного движения 40-х годов маниловщина и беззубость утопизма стали особенно очевидны; назрел вопрос о практической программе. Она тесно связалась с идеею революционизма, с вопросом об активном выступлении. Не ожидание и убеждение, а насильственное внедрение осознанного идеала стало очередным вопросом дня.

Эта идея, впрочем, была не совсем нова. Ее принес с собою XVIII век. В недрах его красочных переживаний есть место нескольким приверженцам идеи революции, как единственно верного пути для социального преобразования. На такой исход наталкивала, впрочем, сама жизнь. Пионером этой идеи явился французский священник Жан Мелье, продолжателем — Гракх Бабеф, предтеча бабувистов 30-х годов и великого заговорщика Огюста Бланки, который, в свою очередь, уже намечает идеи революционного марксизма.

2. Жан Мелье (1664 — 1729).

Биография этого честного, проникательного и человеколюбивого человека — совершенно особая глава в истории социализма. Простая и идейная жизнь его полна неподдельного трагизма и высокого исторического величия.

Жан Мелье родился в деревне Мазерни, в провинции Шампань, в 1664 или 1668 году, что точно не установлено. Он был воспитанником местного сельского священника, подготовившего и поместившего его в духовную семинарию. Получив здесь основательное по тому времени богословское и философское образование, Мелье сделался деревенским священником в той же Шампани, где безвыездно и прожил всю остальную жизнь. Крайняя бедность, умеренность, почти аскетизм, тщательное исполнение своих пастырских обязанностей, постоянная сильная благотворительность, а главное — энергичное и неустанное заступничество за бедноту перед сильными — вот основные черты его безвестной и скромной жизни. Если добавить к этому, что Мелье изредка посещал двух соседних свя-

щенников и много читал, то, вместе с тем, мы исчерпаем все известные о нем сведения. На склоне дней своих он пишет свое единственное сочинение: „Мое завещание“ (1729), которым он при жизни ни с кем не делился и которое извлекло впоследствии из неизвестности имя этого бедного французского деревенского священника. Силу своего „Завещания“ Мелье решается подкрепить страшным оружием — своею смертью; чтобы его слова дошли до ушей его сограждан, он уморил себя голодной смертью, оставив после себя три копии с завещания, из которых одна была впоследствии передана Вольтеру.

По своим воззрениям Мелье был одним из ранних французских материалистов и коммунистов первой половины XVIII столетия. Коммунизм Мелье — коммунизм, так сказать, федеративный. Ряд коммун, приходовых общин. Его „Завещание“, по которому мы и знакомимся с его мировоззрением, было написано в самом конце двадцатых годов этого интересного и бурного века. Трудно определить, откуда взялись у деревенского священника его радикальное направление и его революционность. Повидимому, перед нами самоучка и самостоятельный наблюдатель и мыслитель. Анализ окружающих условий привел к тем выводам, которые он подкрепляет доводами из библии и отцов церкви, с которыми к тому же он коренным образом расходился, считая их писания и глухими и смешными, цитатами из классиков, из которых, как Лукреция и Овидия, он особенно охотно цитирует, и наконец взглядами Фенелона, Монтеня, Декарта и Мальбранша, к которым он относится совершенно самостоятельно. Целые главы „Завещания“ посвящены опровержению философских суждений Декарта и Мальбранша. Зато ему близки взгляды Монтеня и Фенелона, особенно первого. Из своего медвежьего угла Мелье следит также за развитием исторической и политической литературы века, цитируя ряд произведений этого времени. Мелье идет дальше своего века; он не дейст, как Руссо или Робеспьер, а атеист.

Филантропия и защита интересов местного крестьянства, — а тогда был период его глубочайшей бедности, бесправия и разорения, — поставили Мелье во враждебные отношения с местным сеньором. Ряд столкновений с крепостническим режимом обнаружил всю глубину бессилия бедного священника и подготовил почву для его пессимизма. Он не ждет

ничего от филантропии и „убеждения“, он требует насилия и революции, он за восстание. Но сам лично он не может выступить ни с идеями атеизма ни с проповедью революционного переворота. Жизнь оскорбляемого и унижаемого самолюбивого, честного и гордого священника стала современем настолько невыносима, что он покончил свою жизнь самоубийством. Готовясь к смерти, он составил „Завещание“ — сочинение, о котором он сам в обращении к друзьям говорит следующее: „Я не могу сказать вам при жизни того, что я думаю, и решил поделиться с вами своими мыслями после смерти. Мне хотелось бы перед смертью поговорить с вами, но я не знаю, будет ли у меня в мои последние минуты время и присутствие духа, и потому я предпочитаю изложить то, что я хотел сказать, в письменной форме... Я не сделал в своей жизни ничего преступного. Но на меня, несомненно, будут клеветать после моей смерти, будут оскорблять меня, и только за то, что я осмелился сказать правду. Пусть думают, что хотят, пусть судят, как хотят, пусть говорят и делают все, что хотят, это меня ничуть не беспокоит... Я почти не принимаю участия в том, что делается в мире; мертвецы — а я теперь с ними — не беспокоятся и не заботятся ни о чем“.

„Завещание“ с исключительной силой проникнуто страстными чувствами отчаяния, гнева и ненависти к правителям и сильным мира, к политическим и социальным несправедливостям. Автор оставил рукопись в трех экземплярах, которые послужили оригиналом для множества посмертных копий. Спустя шесть лет после самоубийства Мелье, одна копия была доставлена Вольтеру, оценившему значение этого „Завещания“ много позднее. Вольтер только в 1772 году опубликовал выдержки из первой части сочинения, выбросив из него все резкое в религиозном и политическом отношении. Философ Гольбах и анархист эпохи Великой Революции Сильвен Марешаль также издали отрывки из „Завещания“. Р. Шарль, нашедший один рукописный экземпляр „Завещания“ в Голландии, полностью опубликовал его в Амстердаме, в 1864 году, под заглавием: „Le Testament de Jean Meslier“¹.

¹ По-русски о Мелье писали: В. П. Волгин. „Революционный коммунист XVIII в. (Жан Мелье и его „Завещание“)“ в журнале „Минувшие

В дни Великой Французской Революции вспомнили о Мелье: атеист Анахарсис Клоц, этот, как тогда называли, „бешеный“, предложил Конвенту воздвигнуть памятник Мелье, и Конвент принял это предложение и издал соответствующий декрет. Правда, и инициатор и власть ценили в Мелье, в духе времени, только „первого восставшего против религии священника“, проходя мимо Мелье, как социалистического мыслителя. Но только XX век — с его стремлением к социальной борьбе и к социальной революции, с его жуткою местью тиранам и тиранствующим — смог в полной мере оценить этого первого провинциального и забытого пропагандиста революционного отношения к социальному вопросу.

ГЛАВА VI.

Великая Французская Революция.

(1789 — 1793 — 1797).

Великая Французская Революция была в своей основе революцией только *буржуазной*. Исторический смысл ее заключался в том, что революция бурно оформила выявление нараставшей и усиливавшейся буржуазии, как класса, впервые захватившего политическую власть в свои руки. Начавшись в 1789 году взятием Бастилии, революция в 1792 году прекратила монархический режим, — последний Капет, Людовик XVI был гильотинирован, — и достигла своего высшего напряжения в Конвенте (Робеспьер, Марат, Дантон, жирондисты и монтаньяры). Идеологи этой революции проповедывали важность *частной собственности* и *индивидуальной инициативы*, возводя их на степень „священных прав человека“. Но этим характер эпохи Великой Французской Революции не исчерпывается. За

Годы“, №№ 1—3 за 1918 год, а также в отдельном издании. М. (изд. Моск. Совдепа), 1919. В истории социализма о Мелье упоминают в переводной социал-демокр. „Народной Энциклопедии“ (Вурма) и в лекциях Н. Рожкова. Петроград, 1919. Антирелигиозные выдержки по-русски помещены в брошюре: „Правда о боге“. М., 1919, а также в книге Шахова: „Вольтер и его время“. СПб., 1912. Взгляды Мелье излагает Ксения Горбач: „Зарождение революц. социализма“ в № 3 „Записок Научного Общества марксистов“ за 1922 г. (Петроград).

главным, широким и основным течением — буржуазным — является и другое, более глубокое, но имевшее малое число приверженцев, течение социалистическое. Оно не настолько значительно, чтобы придать характер всему времени, но не может быть обойдено молчанием, как то делали многие близорукие историки этого великого времени.

Наличность социалистического элемента вполне понятна. Великая Французская Революция представляла собою смену владычества двух социальных классов — феодальной буржуазии, дворянства и духовенства — буржуазиею городской, т.е., в конечном счете, представляла собою смену режимов не только политических, но и социальных. Эта катастрофическая перемена происходила при участии всего народа, который при этом, как таковой, хотя ничего не выигрывал, но искренне полагал, что выгадывает. Как отдельные руководители народных масс, так и сама масса наивно думали, что эта революция „их“, и вкладывали к нее свое содержание, т.е. стремление к действительному равенству и социальной справедливости. О том, что их симпатии и чаяния расходятся и что им даже совершенно противоположна классовая идеология вождей революции, они понимали, да и вообще во Франции поняли только много позднее. Тем не менее социалистические тенденции имели место. Таким образом естественно, что рядом с основным и господствующим течением — охраны буржуазных идеалов — пробивалось и другое, более радикальное и даже коммунистическое. При этом, конечно, буржуазные идеологи, говоря с массою, невольно выдвигали на первый план преимущественно социальные элементы. Поэтому протесты против крайнего неравенства имущества составляли обычный ораторский прием представителей всех партий именно в то самое время, когда и в Учредительном Собрании и в Конвенте зорко стояли на страже существующего порядка и частной собственности. „Эта декламация, — как указывает французский историк социализма этой эпохи Лихтенберже, — составляла своего рода свидетельство гражданской добродетели и революционных чувств, но ни к чему не обязывала“. Таким образом, так как в действительности никаких социальных преобразований не происходило, то немногие искренне стремившиеся к фактическому осуществлению социального равенства стояли вне общего течения.

В тумане неизвестного будущего Франции смутно в ту эпоху вырисовывался грозный и пугающий призрак: „аграрный закон“, символ земельного уравнивания и борьбы с неравенством, идея своего рода черного передела. Последний являлся логическим выводом из провозглашенного принципа равенства, но революционная буржуазия к нему не приходила, да и прийти не могла. Все же, когда нужно, „аграрным законом“ угрожали, а за симпатию к нему обвиняли и отсылали на гильотину.

Трепет перед „аграрным законом“ был тем сильнее, чем меньше и неопределеннее его формулировали. Но дыхание этого, казалось, неизбежного и неотразимого социального шага уже чувствовалось в воздухе и понемногу привлекало и проникало в умы и сердца. Так, в начале еще чисто-умозрительное, но определенно социалистическое течение еще без определенных выводов и реальных приближений начинает кое-где и кое-в-чем формулироваться. К тому же и великий вулкан социально-политического и нравственно-филологического подъема вообще всколыхнул все интересы и все инстинкты, в которых буржуазные составляли только часть. Противоположное, анти-буржуазное вскоре тоже начало разгораться в пепле общего костра, прорываясь иногда в заметные пламя. Накануне революции утописты говорят уже вполне революционным языком. „Собственность — это дочь насилия“, — утверждает Симеон Линде, автор „Теории гражданских законов“ (1767) и редактор популярных тогда „Политических, гражданских и литературных ежегодников XVIII века“. Симеон Линде — коммунист, один из немногих в эту эпоху. Частною собственностью создано общество, нужное победителям за сохранение добычи. „Кто говорит: общество, тот говорит: богатство и нищета, подавание и кража“. Положение современного рабочего, отвоевавшего себе только „свободу умирать от голода“, хуже положения прежнего невольника. „Общество живет, уничтожая свободу, как хищные звери живут, пожирая трусливых животных“. „Мир превращен обществом в громадную тюрьму, в которой пользуются свободой только надзиратели над арестантами“. Те же идеи всплывают в дни революции.

Так, в 1790 году в Париже, в секциях уже говорят об ограничении излишеств собственности. Депутаты Кон-

вента Сен-Жюст и Колло-д'Эрбуа требуют более равномерного распределения богатств. Основанный в этом году „Социальный кружок“ в своей газете „Железное Жерло“ тоже рекомендует пресечение излишков крайнего богатства. Вдохновитель и руководитель кружка и газеты, аббат Фоше яро ратует против образования поместий с крупными доходами и за издание особых ограничительных законов о браках и наследствах, т.-е. тех актов, при которых невозможна концентрация частных земельных имуществ. Крупными, а следовательно недопустимыми к существованию поместьями Фоше считает недвижимости, приносящие свыше пятидесяти тысяч ливров дохода. „Равенство, говорит Фоше, составляет душу республики“.

Значительно дальше и радикальнее идет жирондист Бриссо. Он представляет собою исключение в своей, в общем, интеллигентской и умеренной партии. „Философское исследование собственности и кражи“, оригинальное и смелое сочинение Бриссо, излагающее принципы коммунизма, было напечатано в Париже за 9 лет до революции, а именно в 1780 году. Здесь во имя естественного права Бриссо энергично требует обуздания собственности и признания „первоначальных прав человека“, ведущих к имущественному равенству и примитивизму. Это шло вразрез с господствующей идеологией века, и книжка Бриссо имела слабое распространение. Она служила Бриссо научною диссертациею и была разыскана и выдвинута роялистом и социалистом аббатом Морелли в дни революции. Сам Бриссо, повидимому, был в это время уже, как жирондист, склонен отрещиваться от этого греха своей юности.

Другой деятель эпохи — Кондорсэ — еще типичнее. Он в своем „Историческом очерке развития человеческого духа“ видит конечную цель социального строительства в эгалитаризме, т.-е. в общем уравнивании. Он проникнут радикальным экономическим оптимизмом. Он полагает, что „в будущем неравенство еще уменьшится“, а для этой цели рекомендует содействовать основанию частных товариществ, организации касс для стариков и развитию образования женщин и детей. Кондорсэ предсказывает бесконечное совершенствование человеческого рода, полное уничтожение предрассудков и традиций и усиление благосостояния, в результате которого явится увеличение средней продолжительности жизни. Просвещение

и нравственность, по мнению Кондорсэ, будут прогрессировать, идя рука об руку.

Итак, среди принципов, провозглашенных Великой Французской Революцией, принцип равенства был важнейшей идеей экономического порядка. Недаром равенство Фоме называл „душою революции“, но не один только Фоме.

Рабо Сент-Этьен в „*Парижской хронике*“ говорит о равенстве, как идеале для его современников. Неравенство порождает бедствия и политические раздоры, поэтому бедные классы пламенно стремятся к имущественному равенству, но он при этом полагает, что силу нельзя насадить равенства. Оно может проводиться только законодательным путем, причем законы, постепенно внедряющие в общество этот принцип, могут издаваться в двух направлениях: законы, облегчающие равномерность раздела общего имущества, и законы, охраняющие насаждаемое равенство.

Анонимный автор брошюры: „Четыре вопля патриота“ относится пренебрежительно к вопросам политики при тяжелых материальных условиях. „К чему, — говорит он, — разумная конституция для народа, состоящего из людей, обращенных голодом в скелеты“.

Руссоист Луи-Себастьян Мерсье в своем сочинении „Париж во время революции“, радикально и социалистически настроенный, смертельно боится принудительного осуществления имущественного равенства. Революционер при старом режиме, он в эпоху революции пугается призрака аграрного закона и думает, что Руссо и Вольтер с ужасом и отвращением отвернулись бы от бабувистов.

Иначе смотрит руссоист Ретиф де-ла-Бретонь, автор утопий „Андрограф“ и „Тесмограф“, наделавших в свое время много шума. В своем сочинении „Философия господина Никола“ (1796) он — определенно выраженный идеолог коммунизма. Но тот же автор полагает, что завершение революции периодом насильственной социальной революции не осуществится, и что такой конец представил бы собою самую ужасную историческую катастрофу. Необходимо, повторяем, отметить, что коммунистические течения находят себе только отдельных выразителей, а господствующие партии ему чужды.

Вообще, как было сказано, Великая Французская Револю-

ция совершенно ясно формулирует свои буржуазные принципы. В „Декларации прав гражданина“ прямо говорится, что „право собственности ненаруσιμο и священно“. Да и вообще все господствующее течение экономической мысли было проникнуто идеями физиократов, горячих и убежденных защитников частной собственности, особенно земельной.

В том же духе высказывался и корифей тогдашней общественной мысли Жан-Жак Руссо, хотя он стоял за равенство в собственности; в том же духе формулируются законы того времени. Руссо в своей статье „Économie politique“ с особым пафосом восклицал: „Право собственности — самое священное из всех прав гражданина“.

Логика экономии и революционного процесса естественно вступила в противоречие с буржуазной идеологией. Идея равенства требовала фактического уравнивания, а следовательно социального изменения в земельных отношениях.

На этой почве выдвинулся целый ряд писателей и мыслителей, из которых наиболее крайние получили название „бешеных“. Таковы: монтаньяр Билье Варрен, высказывавшийся вообще против крупной собственности; Арманд, проповедывавший „возврат собственности ограбленному народу“; аббаты-коммунисты Жак Ру, Варле, Доливе, Шалье д'Анж, заговорщики-эгалитаристы Филипп Буонаротти, д'Арте, Сильвен Марешаль, Ламберт, Дюбуа-де-Тассо, Бабеф, определенно высказывавшиеся за коммунистические идеалы. Коммунизм впервые формулируется ими в 1793 и 1794 годах. В следующие два года определяется и практическая программа его проведения, так сказать, тактика коммунизма. Это дело Гракха Бабефа и его группы, которая решила, что до коммунизма можно прийти путем заговора и насильственного государственного переворота. Орудием последнего должна быть тайная организация, которая должна захватить власть в свои руки. Так возникло заговорщическое „Общество Равных“.

ГЛАВА VII.

Заговор Бабефа и „Общество Равных“.

Первоначально монтаньяры в борьбе с жирондистами опирались на группу „бешеных“ и делали им уступки. Так, Робеспьер в своем проекте „Декларации прав“ (1793 года) выска-

зался даже за ограничение прав собственности, хотя это шло вразрез с убеждениями главной массы деятелей и вождей Великой Революции. В феврале 1793 года произошли беспорядки, вдохновлявшиеся „бешеными“, и Конвент резко переменял к ним свое отношение. Коммунисты „бешеные“ были объявлены сообщниками духовенства и эмигрантов, т.-е. контр-революционерами. 18 марта того же 1793 года Конвент декретировал „смертную казнь тем, кто будет предлагать аграрный закон, нарушающий земельную собственность общинную или личную“. Восстать против такой декларации буржуазного принципа требовало энергии и смелости. Ее и проявила группа революционеров, не желавшая после 9-го термидора катиться вниз с революционного гребня вместе с наступившею контр-революционной реакцией.

Революционное действие вносит представитель идей коммунизма этой эпохи, „бешеный“ Франсуа-Ноэль Бабёф (1760—1797), прозванный в духе времени „Каем Гракхом“ и явившийся представителем *элитарного социализма*, или *бабувизма*. Бабёф — духовный ученик руссоиста Морелли и Дениса Дидро, а следовательно принципиальный *враг частной собственности*. Трудно отделить Бабёфа от его единомышленников и товарищей по борьбе. Не все важные документы заговора 1796 года им написаны: „Манифест Равных“, излагающий идеи этой группы и отвергнутый Бабёфом, был написан Сильвеном Марешалем. Точно также важнейшие произведения группы „равных“ — „Акт восстания“, „Анализ“ и „Органический декрет“ и другие главнейшие прокламации этой группы только отражают идеи Бабёфа. Все же Бабёф — глава течения и душа заговора.

Бабёф, или, — как он был назван в честь римского трибуна, отстаивавшего идеи аграрного социализма, — Кай Гракх Бабёф родился в 1760 году, в С.-Кантене. Он происходил из небогатой семьи, обучался землемерному искусству и по окончании учения поступил на службу в местную кадастровую комиссию. Эта работа, связанная с поездками по деревням, дала ему богатое поле для наблюдений над разоренною сельскою жизнью и яркою народной нищетою его времени. Поэтому Бабёф усмотрел корень социального зла в неравенстве земельных отношений. Великая революция дальше увлекла за собою впечатлительного Бабёфа; 29 лет Бабёф берется за перо и из-

лагает в „Вечном кадастре“ (1789), а затем в небольшом сочинении „О налогах“ (1790) свои воззрения. В то же время Бабёф начинает сотрудничать в газетах, из которых самая важная „Народный Трибун“, которую он сам руководит, начиная с 1794 года.

Недовольный ходом революции, Бабёф в своей газете энергично развивает идеи общности и равенства имуществ и четко и определенно выставляет требования коренного изменения социального устройства. Для этого Бабёф находил необходимым не устную или письменную пропаганду, а применение непосредственного „воздействия“, исполнения. Бабёф отстаивал идею обязательного труда и не допускал роскоши. Собственность он считал величайшим злом для человечества, науки должны быть только практического характера. Над нравами и печатью должна быть установлена строжайшая цензура. Идея равенства должна проводиться с суровой последовательностью и без уступок.

Бабёф был крайним якобинцем, стоял за диктатуру и террор, но высказывался и за свержение Робеспьера, остававшегося, по его мнению, на полумерах и последовательно не защищавшего трудящихся и бедноту. Вскоре Бабёф попал в немилость к правящей группе и очутился в тюрьме. Здесь Бабёф под влиянием как товарищей по заключению, так и чтения сочинений Руссо и Морелли, стал коммунистом. Это был „эгалитарный“ коммунизм или коммунизм равенства, вводимый в жизнь революционным путем группой заговорщиков. Народ приходил к коммунизму не самостоятельно, а через добродетельное меньшинство.

Будучи амнистирован и выйдя из заключения, Бабёф усилил свою активную пропаганду социальной революции, вначале в своей газете „Народный Трибун“ (с 5 июня 1795 по 24 апреля 1796 г.), где рекомендовал немедленный раздел земельной собственности между трудящимися и полное их экономическое равенство, затем в особой организации: он стал во главе тайного революционного союза „Общество Равных“ (*Société des égaux*). Его целью было насильственным путем, путем заговора, ниспровергнуть социальный строй Франции, захватив власть в свои руки.

В тайную организацию, „Тайную Директорию“, вошли: член

Конвента д'Артэ, писатель карбонарий Филипп Буонаротти (1761—1837) и др. социалисты того времени. Они выделили из своей среды „военный комитет“ и агентов „связи“.

Организация подготовила ряд мер и воззваний и решила внезапным нападением ниспровергнуть Директорию и, захватив власть, ввести коммунизм. Предполагалось занять вооруженною рукою магазины и склады провианта, конфисковать имения и организовать национальную общность имущества. К участию в „Обществе Равных“ был привлечен не определенный класс, а разношерстная масса, обширная по числу, в ней было до 17 тысяч заговорщиков, главным образом из среды недовольных солдат, полиции, жандармов и бывших активных деятелей революции, негодовавших на падение революционного духа, что особенно проявилось после 9-го термидора, т.е. после свержения Робеспьера. Легальным девизом движения было требование восстановления „истинной“ конституции— „конституции 1793 года“, от принципов которой отошла Директория. Несмотря на свой пестрый состав, организация заговорщиков крепла и расширялась. Делались все необходимые приготовления к вооруженному восстанию. Один из участников заговора, капитан Гризель, тайно предал всю организацию. Заговорщиков арестовали 10 мая 1796 года, почти накануне их выступления. Меры правительства были нерешительны, так как общее настроение парижан было в пользу заговорщиков, многим из идей которых масса сочувствовала. Верховный суд в Вандоме приговорил к смертной казни только двоих, Гракха Бабёфа и д'Артэ, развивавших на суде свои взгляды. Услышав приговор, оба осужденных, по примеру древних римлян, пытались заколоться кинжалами, но неудачно. Их вскоре гильотинировали (29 мая 1797 года). Энергичный соучастник заговора, бывший итальянский карбонарий Филипп Буонаротти отделался тюремным заключением, после которого по-прежнему ревностно пропагандировал идеи Бабёфа. Буонаротти описал весь заговор и изложил идеи своей группы в сочинении: „Заговор равных“ (1827). Распространение идей бабувизма надолго прекратилось; на сцену выступили более умеренные течения, преимущественно утопического характера. С начала XIX века наступила эпоха „великих утопистов“, попытавшихся соединить коммунистические идеалы с критикой су-

ществующего строя, но без революционности бабувизма. Тем не менее, бабувизм не умер. Он разгорелся в 30-ые годы следующего XIX столетия в лице революционера-заговорщика Огюста Бланки (1805—1882) и нашел себе многих подражателей.

В лице Огюста Бланки идея революционной активности дошла до небывалого и исключительного напряжения. Вся долгая жизнь Бланки представляла собою одно непрерывное и неуклонное служение делу революции, доведенное до крайних пределов. Половину своей жизни—37 лет—Бланки провел в тюрьмах Франции, в суровых лишениях. Каждый раз, когда Бланки освобождался, он выходил из заключения попрежнему энергичным и непреклонным, как аскет былых времен. Его исключительная воля создала ему ореол святого революции и прозвище „вечного инсургента“. Бланки верил в мощь революционного почина решившегося меньшинства, в организованный успех заговора, в конспирацию и дисциплину. Безумная смелость и патриотизм всегда руководили поведением этого неустанного революционера и заговорщика. Личная жизнь Бланки совершенно исключительная по героизму эпопея. Бланки был идеалист и коммунист. В течение долгого ряда лет он участник всех многочисленных движений Франции XIX века. Ряд восстаний подняты или лично им, или его приверженцами (бланкистами), увлеченными его примером, красноречием или пламенными сочинениями.

С именем Бланки связано целое направление в социализме — бланкизм, представляющее собою особое учение о революционной тактике, покоящееся на убеждении в успехе решительности героической личности. Исключительные личные качества непреклонного революционера возведены в теорию и систему. Бланкизм порывал вместе с тем с прекраснодушием и нерешительностью утопизма. Он внес волю и темперамент, организованность, конспирацию и дисциплину в социалистическое движение. Идеи бабувизма достигли в бланкизме крайнего выражения и повлияли на подъем революционности всех последующих выступлений и теорий. Бабеф и Бланки высоко ставились всеми истинными революционерами XIX века, не исключая Карла Маркса. Поэтому традиции бланкизма не могли не передаться и революционному марксизму, уже основывавшему свою тактику на выступлениях трудящихся масс.

Обнаженность стремлений к смелому порыву и немедленности действия приводила к кристаллизации противоположных идей, к тактике осторожности, медлительности (кунктаторство), к выжиданию „назревания“ развития (эволюции) и своевременности. Создавалось два течения, — в конечном итоге, революционное и эволюционное, на которые распались движения и партии. Эволюционизм в социализме приводил к предпочтению реформ — революции, выжидания — немедленному действию. Поведение русских социалистов и дало образец превращения этих двух тенденций в два различных и противоположных теоретизированных течения.

Литература о бабувизме и бланкизме. Сочинений Бабёфа и Бланки на русском языке не имеется. Представление о жизни и деятельности, сочинениях и идеях Бабёфа можно получить по-русски из работ: Альберт Тома. Бабёф, учение равных (1901); Поль Луи. Французские мыслители и деятели XIX века (1905), а также из книги бабувиста Филиппа Буонаротти: Заговор равных и Гракх Бабёф. Перев. Ксении Горбач, 1923.

О Бланки по-русски: В. М. Величкина (Бонч-Бруевич). Жизнь и деятельность Бланки. 1920; Жоффруа. Заключенный, пер. с фр.; Горев, Б. Огюст Бланки. М. 1921, 2 изд. 1922; Александр Зеваэс. Огюст Бланки, пер. с фр. П. 1922; Святловский, В. В. Святой революции (Л. О. Бланки) в журнале „Красный Балтиец“ за 1921 год., № 4.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Великие утописты.

ГЛАВА I.

Сен-Симон. — Фурье. — Оуэн.

XIX век соединил утопические построения с глубокой критикой буржуазного строя, получившего особенно определенные контуры под влиянием опыта Великой Французской Революции и развившегося и окрепшего промышленного капитализма. Усилились и развились бедствия пролетариата, ставшие типичными и яркими. На таком фоне отрицательные стороны буржуазного хозяйства выступили еще резче, еще образнее.

Формулировать очередную задачу социалистической мысли выпало на долю трех замечательных писателей, почти современников, получивших наименование *великих утопистов*. Это два французских писателя — граф Анри де-Сен-Симон и Шарль Фурье, и один английский — Роберт Оуэн. Им, по указаниям Энгельса, многим обязан последующий научный социализм. „Немецкий научный социализм, говорит Энгельс, никогда не забудет, что он стоит на плечах Сен-Симона, Фурье и Оуэна, трех мужей, принадлежащих, при всей фантастичности и утопизме их учений, к наиболее выдающимся умам всех времен, гениально предвидевших и предвосхитивших множество вещей, правильность которых мы теперь доказываем научно“.

Чем же оказали влияние „великие утописты“ на мировоззрение научного социализма? На этот вопрос дает ответ Д. Рязанов, определяя степень значения каждого из них силою влияния на Карла Маркса.

„Меньше всего влияние Сен-Симона на Маркса, — говорит Д. Рязанов. — Маркс ни разу не ссылается на Сен-Симона в подтверждение своих взглядов ни во всех четырех томах „Капитала“, ни в каком другом своем произведении“. К тому же, когда Маркс уже в 1843 году был последовательным материалистом, Сен-Симон был идеалистом. Иное дело — влияние Фурье и Оуэна, к которым, „придя к заключению, что критику общества нужно искать в критике его экономики, очень скоро пришел Маркс“. Во-первых, и Фурье и Оуэн были оба материалистами; а „без строго последовательного материализма, изгоняющего всякую мистику из области человеческих отношений и их истории, не может быть и последовательного коммунизма“.

„Фурье оказал большое влияние как на Энгельса, так и на Маркса. И в „Святом Семействе“ и в ряде других произведений Маркс цитирует Фурье в подтверждение своих взглядов. Его критику брака и семьи в буржуазном обществе Маркс называет мастерской, его взгляды на воспитание он называет „лучшим“, что существует в этой области, и содержащим „гениальнейшие наблюдения“. Энгельс собирался издать по-немецки главные сочинения Фурье, к которому „он чувствует не только уважение, но и личную симпатию“.

Не менее глубоко было влияние Оуэна как на Энгельса, который во время своего первого пребывания в Англии уже работал в органе Оуэна, так и в еще большей степени на Маркса.

В „Капитале“ в нескольких местах указывается, какое большое значение имеет система Оуэна и именно потому, что „в своих опытах он не только фактически исходил из фабричной системы, но и теоретически провозгласил ее исходным пунктом социальной революции“. Он в этом отношении стоит выше не только Сен-Симона, но и Фурье, настолько же выше, насколько Англия его времени, как капиталистическая страна, стояла выше Франции с ее еще слабо развитой крупной промышленностью. После своего перехода к коммунизму, он начал страстную борьбу с главными препятствиями, загоразвившими путь к преобразованию буржуазного общества в коммунистическое: с частной собственностью, религией и современной формой брака. Решительный материалист, он исходил из положения, что характер человека представляет продукт внешних

влияний, что у него нет никаких прирожденных или вложенных ему какой-нибудь сверхъестественной силой идей и способностей или совести. „В действительности, совесть есть такой же продукт рук человеческих, как хлопчатобумажная материя или любой другой продукт“ — положение, которое имеет более глубокий смысл, чем все положения вульгарного, исторического материализма. Он был главным пионером — и теоретическим и практическим — рабочего законодательства, он первый выдвинул соединение производительного труда с воспитанием детей, как задачу настоящего дня, он же был отцом кооперативных мастерских и рабочих базаров, отнюдь не разделяя иллюзий своих подражателей относительно значения этих изолированных элементов преобразования, на которые он смотрел только как на переходную ступень к коммунистическому строю. Никто, кроме Фурье, не разработал так основательно вопрос о необходимости и условиях уничтожения противоположности между городом и деревней.

Таким образом влияние великих утопистов Сен-Симона, Фурье и Оуэна на Карла Маркса, а следовательно на последующий научный социализм, было не одинаковым.

Рассмотрим мировоззрения каждого из великих утопистов в отдельности.

ГЛАВА II.

Анри де-Сен-Симон (1760—1825).

I.

Сен-Симон в XIX веке, как и Жан-Жак Руссо в XVIII в., оказал колоссальное влияние на все столетие.

Воззрения Сен-Симона совпали с общим направлением всего хода развития и устремлений социалистической мысли. Сен-Симон, идеалист и приверженец теократии, чистокровный интеллигент и противник всякой борьбы и революции, все же оказал громадное содействие развитию идей социальной борьбы и социальной революции. Враг коммунизма и классовой борьбы, Сен-Симон оказал максимальное содействие пониманию и усвоению необходимости и неизбежности экономической перестройки всего общественного здания, покоящегося на индивидуализме и анархии производства.

Сен-Симон первый определенно указал на всю важность *исторического процесса*, на смену форм исторического развития, на необходимость *регулирования* и *централизации* всего хозяйственного аппарата, на важность классовой структуры общества, на все значение промышленной эпохи, т.е. подготовил к восприятию и усвоению целого ряда новых идей, ставших руководящими в XIX веке.

Сен-Симон — гениальный провидец событий и отношений, пророчливо определивший многое, что выявилось с достаточной ясностью только впоследствии. Поэтому он основатель и духовный глава целого нового социалистического комплекса мыслей — целой *школы сен-симонистов*, которая разработала и углубила воззрения своего учителя, разойдясь с ним во многом основном, но, в общем и целом, продолжая историческую миссию своего вдохновителя.

Сен-Симон и сен-симонисты — два разных мира. Тот естественный и логический шаг к пролетариату и коммунизму, к которому только подходил Сен-Симон, был отчасти совершен его учениками. Отсюда необходимость различать воззрения самого „великого утописта“ от взглядов и положений его учеников и последователей, отсюда необходимость отделения сочинения, лично принадлежавшего самому Сен-Симону, от всей остальной массы трактатов и суждений, изложенных многочисленными сен-симонистами.

Как взгляды буржуазного Рикардо разнятся от воззрений его английских учеников и последователей, получивших даже особое наименование рикардиевских социалистов, так и мнения самого Сен-Симона и воззрения, переработанные и изложенные его учениками, находясь на одной и той же исторической траектории, значительно расходятся между собою. В вопросе с Сен-Симоном перед нами аналогичное явление: учитель и его ученики — два разных мира, несмотря на их духовное родство и родовое сходство многих основных положений. Своими выводами и оформленными из только слабо намеченного или только слегка указанного их главою, своею определенностью и ясностью, своею систематизацией и сводкою, сен-симонисты дают нечто большее, чем повторение воззрений учителя. Они уже социалисты, они уже определенные предшественники и Луи Блана, и Вейтлинга и, что еще важнее, Карла Маркса. Через них свя-

зываются две эпохи — начала и середины века, они определенно порывают с рационализмом и индивидуализмом XVIII века и прокладывают пути историзму и детерминизму.

Воззрения Сен-Симона во многом объясняются ходом развития его личности и характером исторической обстановки, среди которой проходила его жизнь. Его воззрения тесно сливаются с индивидуальным ходом его исключительной личной жизни. Поэтому биография Сен-Симона поучительна и своеобразна. Его воззрения и мысли — яркие органические продукты той среды и тех переживаний, которые так богато выпали на долю этой исключительно богатой натуры. Поэтому Сен-Симон так резко отличается от той блестящей плеяды мыслителей начала XIX века, которая объединена в одну общую рубрику „великих утопистов“.

Сен-Симон, в конце концов, меньше всего утопист, он резко отделяется от диаметрально противоположных ему Шарля Фурье или Роберта Оуэна, с которыми его так часто соединяют. Сен-Симон не утопист и даже не социалист в общепринятом смысле этого слова. И между тем в общем ходе истории мысли — он и социалист и исторический материалист, а все русло, важнейшим этапом которого является учение Маркса о классах — многим обязано воззрениям этого гениального и своеобразного мыслителя XIX века. Как колоссальный и мощный маяк мысли, Сен-Симон стоит на пути духовного развития своей эпохи. Можно без преувеличения сказать, что XIX век развивался под знаком Сен-Симона. Он — узловая станция великих магистралей своего времени. Поэтому история его личной жизни заслуживает особого внимания.

II.

Клод-Анри-де-Рувруа, граф де-Сен-Симон, родился 17 октября 1760 года, во Франции. Он происходил из знатного рода, ведшего свою генеалогию от Карла Великого, и получил дома блестящее светское воспитание. Хотя он готовился, согласно традициям семьи и времени, стать кавалерийским офицером, но развитие его юности было не шаблонно. Его воспитанию содействовали выдающиеся ученые, между прочим знаменитый энциклопедист и математик д'Аламбер, что отразилось на его

мировоззрении — энциклопедизме и идеализме, и на глубоком уважении и беззаветной любви к синтезирующему знанию, к науке.

О детстве и юности Сен-Симона мало что известно. По рассказам, тринадцати лет от роду подросток был заключен в тюрьму своим отцом за открытый отказ от католицизма, традиционной религии семьи. Из тюрьмы юноша бежал, добываясь перемен к нему отношения родителей. Вскоре, впрочем, он их лишился. Будучи 17 лет, он приказал своему слуге Диару ежедневно будить его со словами: „Вставайте, сударь, сегодня вам предстоит исполнить что-либо великое“, возбуждая тем самым свою нервную, подвижную и склонную к энтузиазму натуру. Энтузиазм навсегда остался основной чертой характера Сен-Симона.

Будучи еще совсем молодым, Сен-Симон принял участие в войне за независимость английских колоний в Северной Америке. Он приехал туда вместе со своим троюродным кузеном, герцогом де-Сен-Симоном, но не Луи — автором знаменитых мемуаров о французском дворе. Они вступили в число офицеров французских войск, отправленных в помощь американским инсургентам, положившим основание к образованию независимых Северо-Американских Соединенных Штатов. В Америке молодой офицер служил под начальством Буилье и Вашингтона и отличался выдающейся храбростью. В течение пятилетнего пребывания в Новом Свете Сен-Симон быстро выдвинулся по службе и получил чин подковника. Однако его интересовала не столько сама война, с ее риском и мрачными эффектами, не жизнь воюки среди тревог и опасностей, не победы и слава, но „цель войны“. Сен-Симон — борец-мыслитель: он полагает, что американская революция вызовет „большие изменения в социальном строе Европы“, что она даст в политике „великий урок человечеству“. Здесь же в Америке он послал вице-королю Мексики свой проект соединения двух океанов каналом у Панамского перешейка, — идея, которая, как известно, была осуществлена столетием позже.

Вернувшись на родину, юный полковник был назначен комендантом важной пограничной крепости Мец, где прослужил, впрочем, недолго. Покинув военную службу, Сен-Симон отправился путешествовать по Европе, побывал в Англии и Герма-

нии, „наблюдал и размышлял“, как он писал в одном из своих писем того времени. В Испании он обратился к королю с проектом соединить Мадрид с морем, превратив тем самым испанскую столицу в портовый город.

В дни Великой Революции Сен-Симон вернулся на родину, в свое родовое имение. Он был всегда равнодушен к политике — отличительная черта многих социалистически мыслящих этой эпохи, — поэтому не участвовал в Революции. Свое общее отношение к движению он выразил отказом от титула и отклонением предложения быть избранным в местные мэры, ввиду своего принципиально-отрицательного отношения к избранию дворянина на такого рода пост.

В это время его материальное благосостояние пошатнулось: родовое имение было конфисковано, и он решил искать средств к жизни личным трудом. Но работать Сен-Симону не пришлось.

Неким графом Редерном, прусским послом при английском дворе, он был вовлечен в обычную в ту эпоху земельную спекуляцию. Это, как он его называл, „финансовое использование времени среди бурь революции“ являлось с его стороны последовательным осуществлением его взгляда, что на развалинах прошлого возможность действовать будет принадлежать только тому, в чьих руках будут деньги, эта единственная реальность, остающаяся от старого мира. Однако теория обогащения С.-Симона оказалась более устойчивой, чем практика. Компания скоро заработала колоссальное состояние, но Редерн, пользуясь безграничною доверчивостью и простодушием Сен-Симона, обобрал последнего и оставил ему только ничтожный годовой доход.

Вторичная потеря имущества не обескуражила благородного человека; он знал, что в его распоряжении осталось другое богатство, и что ему, как он выразился, предстоит „подняться на сухую и скалистую гору, на вершине которой находится алтарь славы“. Он охотно предоставил Редерну „собрать сокровища, измеряемые деньгами“, сам же мечтал о славе провозвестника новой истины. Во время террора он был арестован, но и стены тюрьмы не могли сковать его свободной мысли. В своем вдохновенном экстазе Сен-Симон доходит до галлюцинаций: сам Карл Великий, чья кровь текла в его жилах, явившись ночью, сказал ему, что его успехи, как философа, сравнятся

с теми, каких он, Карл Великий, достиг как воин и политик. В этот момент определилась его „миссия“: он должен воздействовать на людей, стать преобразователем, спасителем гибнущего общества. Всегда восторженный и экзальтированный, Сен-Симон стал смотреть на себя, как на пророка. Чтобы не разделить участи неудачников, он наметил основные принципы своего метода жизни; они сводились к следующим 4 пунктам:

1) пока есть силы, вести жизнь возможно более активную и возможно более оригинальную;

2) основательно знакомиться со всеми теориями и со всем происходящим;

3) побывать во всех классах общества, лично занимать самые разнообразные социальные положения и даже создавать отношения, каких до сих пор не существовало;

4) употребить, наконец, свою старость для подведения итога всей своей деятельности как по отношению к другим, так и к себе, и сделать из этого итога принципиальные выводы.

Почувствовав в себе призвание преобразовать всю философию и все человечество, Сен-Симон принялся изучать до тех пор ему мало известные научные предметы. Здесь сказался его недоуменный и в высшей степени оригинальный склад ума. Не погружаясь в кропотливое изучение научных трудов, он стремится воспринять и водворить в своем сознании важнейшие приобретения человеческого гения. Знакомясь с наукой без всякой системы и полагаясь не столько на память и на добросовестный анализ, сколько на свою творческую силу, он легко схватывает и обобщает индуктивные науки. Ему казалось, что обществоведение — только часть естествознания, и что в общественной жизни господствуют те же естественные законы. Он поддерживает знакомство с учеными и профессорами медицинских и политехнических школ, но усваивает и улавливает в беседах с ними все то, что ему нужно для построения своего нового мировоззрения. На ряду с этим Сен-Симон пытается проникнуть в тайны жизни и человеческих страданий путем общения с более или менее широким кругом лиц. С этой целью он делает из своего дома салон, куда приглашает выдающихся людей своего времени. Одно время он мечтал о женитьбе на г-же де-Сталь, которую считал наиболее выдающеюся женщиною века. Сватовство, ради которого он ездил к ней в Женеву

в самом начале столетия, не удалось. Тогда, женившись на красивой и интересной женщине и ведя роскошную жизнь, насколько позволяли ему остатки его состояния, Сен-Симон приобретает обширный круг знакомств, особенно среди ученых, и оказывается в состоянии с большим успехом производить свои наблюдения. Жена его покинула, а жизнь на широкую ногу отняла у него последние средства, и он спустя год очутился в положении нищего.

Сен-Симону было теперь 40 лет; с этого времени начинается период его творческой работы. Затруднительные обстоятельства, правда, не могли не отражаться неблагоприятно на его занятиях, но он стойчески выносил все лишения и упорно продолжал верить в свою миссию, несмотря на все неудачи, постигавшие его попытки обратить на себя внимание ученого мира.

Весьма характерна для этой благородной, чуждой всего мещанского натуры та свобода от всяких собственнических предрассудков, от буржуазного самолюбия, которую проявил Сен-Симон в этот период своей жизни. Он ставил себя выше мелких уколов жизни и всегда намечал себе высокие задачи.

Лишенный к сорока годам жизни всяких средств к существованию, Сен-Симон с трогательною наивностью обращается с просьбою о поддержке его ради его идей ко многим выдающимся людям своего времени, в том числе к Наполеону. Он посылает им свои произведения, собственноручно, за неимением средств для напечатания, переписанные, но никто их даже не читает. В 1812 г. он пишет: „Вот уже две недели, как я питаюсь одним только хлебом с водою, я работаю в холодной, не отапливаемой комнате и продал все, даже платье“.

Ему кое-как удается найти место писца в ломбарде, где он обязан работать 9 часов в сутки за ничтожное вознаграждение. В итоге бедствий он попадает на иждивение своего слуги Диара, который дает ему и средства для напечатания некоторых произведений. Но вскоре Диар умирает, и Сен-Симон вновь на улице. Он переписывает свои сочинения и рассылает их, сопровождая письмами следующего содержания: „Милостивый государь, будьте моим спасителем. Я умираю с голоду. Мое положение отнимает у меня возможность изложить мои идеи достойным образом, но значение моего открытия не зависит от способа изложения. Достиг ли я того, чтобы проложить новую

философскую дорогу, — вот вопрос. Если вы возьмете на себя труд прочитать мое сочинение, я спасен“.

В другом письме он говорит о „великих обязательствах“, наложенных на него судьбою. „Я бросил меч, чтобы взяться за перо, так как чувствовал, что природа влекла меня к великим целям на научном поприще“.

В достижениях этих целей им руководил энтузиазм — чувство, которому идеалист Сен-Симон всегда придавал громадное значение в жизни. „Безумие не что иное, как высшая экзальтация, — писал он в одном письме, — и эта экзальтация необходима для совершения великих дел“. „В храм славы, — говорил он, — входят только клиенты домов сумасшедших, но не все клиенты домов сумасшедших попадают в храм славы. На миллион одному удастся войти — остальные свертывают себе шею“.

Сен-Симон и жил как человек, сознательно идущий в храм всемирной славы: равнодушный к мелочам и терниям жизни, с гордою и высоко поднятою головою, с открытою, простою и бесхитростною душою. Для него были не на словах только все равны — и его слуга Диар и император французов Наполеон. Последнему он указал средство сокрушить морское могущество Англии; это средство — отказ от завоевательных планов, от политики, сказали бы мы теперь, империализма, „иначе, — писал Сен-Симон, — Наполеон погубит и себя и Францию“. Наполеон не вдумался в смысл этого пророчества и только приказал полиции внимательнее следить за Сен-Симоном.

Крайняя наивность и детская вера в людей, постоянная экзальтация и грандиозные замыслы и планы, необычайное богатство внутреннего мира — все это, в конце концов, создало Сен-Симону на склоне дней несколько горячих приверженцев. Из числа их особенно выделились: философ, обоснователь позитивизма и социологии Огюст Конт, историк Огюстен Тьерри, писатели Анфантен, Базар, братья Перейра и Олинд Родриг (Rodrigues). В эти годы он написал еще несколько сочинений, напечатанных в период с 1818 по 1822 годы.

Приближалась старость, силы падали, материальная необеспеченность росла. В 1823 году он решился на самоубийство, но не убил себя, а только прострелил себе глаз и изуродовал свое лицо.

Через два года, а именно в 1825 году, Сен-Симон скончался на руках своих верных последователей, как философ, признававший высшим благом только познание истины. В последние минуты он сказал своему любимому ученику Олинду Родригу: „Яблоко созрело, вы его сорвете. Мой последний труд „Новое христианство“ не будет понят немедленно. Думали, что религия должна исчезнуть, потому что католицизм одряхлел. Это — ошибка: религия не может исчезнуть из мира, она только преобразуется... Родриг, не забывайте этого!... И помните: чтобы совершать великие дела, нужно быть вдохновенным... Вся моя жизнь резюмируется одною мыслью: обеспечить всем людям наиболее свободное развитие их способностей... Через двое суток после нашей второй публикации партия рабочих образуется. Будущее принадлежит нам“. С этими словами он навсегда закрыл глаза.

Так этот непризнанный современниками реформатор, искавший спасения общества сначала в естествознании, а затем в истории, направил свои последние поиски в область религии, правда, очень своеобразно конструированной религии, которая, по мысли Сен-Симона, должна была стать путеводной звездой рабочего класса.

III.

Сочинения Сен-Симона получили большое распространение, но они писались вместе с помогавшими ему учениками, а потому громоздки и обширны.

В одном с Анфантемом собрании „сочинения“ составили свыше 40 томов, но личные сочинения Сен-Симона очень кратки и отрывочны. Это скорее заметки, наброски мыслей и вдохновенные высказывания, чем спокойное научное изложение. Все остальные литературные произведения, связанные с именем Сен-Симона, — а число и объем их велики, — результат труда, где Сен-Симон дал только идею, план или инициативу. Поэтому в его обширном литературном наследстве необходимо строго отличать то, что написано самим Сен-Симоном и что продукт творчества его последователей, потому что, как уже было сказано, сам глава школы резко разнится во взглядах от своих последователей.

Первая работа Сен-Симона появилась в Женеве в 1802 г. Она представляет собою маленькую брошюрку, написанную странным языком в подражание библейскому. Она озаглавлена „Письмо обитателя Женевы“ и содержит призыв к образованию особого руководящего „Собрания избранных человечества“. Это „Собрание“ являлось конечным выводом из приведенных здесь же размышлений о необходимости спасения общества. Падение старого социального строя привело мир к анархии, поэтому нужна какая-то организующая сила, однако толпа не может взять эту роль на себя, и „господство должно распределиться пропорционально образованности“. Просвещенные люди, собираясь у могилы Ньютона, смогут устанавливать факты действительности и указывать целесообразные пути дальнейшей деятельности общества. Такая задача по силам только ученым, так как только они могут правильно находить соотношение между физическими и духовными явлениями; знать же это соотношение необходимо, так как человек является по отношению ко вселенной „только карманными часиками, заключенными в большие башенные часы, которые приводят эти часики в движение“.

Потому-то во главе общества должен стать Совет Ньютона, состоящий из выбранных обществом ученых и людей искусства, которым интернациональная подписка обеспечит материальную независимость. „Откройте подписку над могилой Ньютона, — предлагает Сен-Симон, — подписывайтесь все на любую сумму, какую пожелаете. Пусть каждый подписчик назовет имена трех математиков, трех физиков, трех химиков, трех физиологов, трех литераторов, трех художников и трех музыкантов. Возобновляя подписку и повторяя анкету, можно создать громадный денежный фонд, который, распределенный между тройками знания и гения, пожизненно обеспечит последних и даст вождям человечества возможность развить максимум энергии и дарования. Избранники положат все свои силы на благо человечества“. Этот призыв поставить во главе общества лучшие интеллектуальные силы общества Сен-Симон направляет к трем общественным классам, на которые, по его мнению, распадается все общество. История представляет собою историю классов, взаимно сменяющихся. При этом каждый из классов характеризуется с экономической и интеллектуальной его

стороны, так как Сен-Симон признавал одновременность воздействия двух основных пружин человеческого развития: прогресса знания и развития форм хозяйства. Сообразно этим двум сторонам исторического процесса, — а в понимании его — и вообще постановке данного вопроса, — вся новизна и сила сен-симонизма, — и власть в государстве должна делиться на духовную (люди знания и мысли) и светскую (руководители процессом производства). Необходимо уничтожить пропасть между религией и наукою, создав новую позитивную религию („новое христианство“). Ее основною движущею силою должен быть энтузиазм к добру, так как вообще энтузиазм — высший дар человеческого духа.

Оригинальная брошюра прошла совершенно незамеченною, но это не обескуражило автора: он продолжал развивать грандиозные планы, исходя из только-что изложенных идей. Они представляют собою в зародыше абрис того учения, которое Сен-Симон постепенно развил, и составляют основное содержание сочинений Сен-Симона. Значительная часть его воззрений легла в основу идей развитого впоследствии учения исторического материализма.

Свои воззрения Сен-Симон изложил в ряде сочинений, из которых не все появились при его жизни. Важнейшие сочинения Сен-Симона следующие:

1. „Парабола“, или „Притча“ (1819).
2. Журнал „Организатор“ (1819).
3. „Промышленная система“ (1821).
4. „Новое христианство“ (1825).
5. „Катехизис промышленников“ (1823 — 1824).

В этих работах содержатся наброски целого ряда новых и важных мыслей. Здесь изложены и доказываются следующие идеи:

1. Важность и неизбежность исторического процесса развития.
2. Деление человеческого общества на классы.
3. Необходимость радикального социального изменения.
4. Выяснение роли индустриализма и рабочего класса.
5. Постепенность духовной эволюции: религия, метафизика, наука.
6. „Новое христианство“, как последний этап духовной эволюции Сен-Симона.

Центральным пунктом его мировоззрения и его главнейшею заслугою в истории развития социалистической мысли является философия *исторического развития*. Ко всем общественным явлениям и социальным институтам Сен-Симон подходит со стороны их происхождения и эволюции. Он связывает, тем самым, действительность данного момента с прошлым и будущим; социальный вопрос получает, таким образом, генезис и перспективу, и выясняется *направление*, в котором движется общество. А так как Сен-Симон считает, что человеческое общество беспрестанно движется к лучшему будущему, то является возможность установить и идеал этого движения.

Таким образом весь социальный вопрос и все хозяйственное развитие общества впервые получают *историческое* освещение и понимание. Сен-Симон сам ясно оценивает всю важность и глубину этой новой постановки вопроса и справедливо считает это великим „открытием“.

История человеческого общества представляет собою, с точки зрения Сен-Симона, смену различных форм *социальной* организации, покоящейся, в конечном счете, на преобладании того или иного вида собственности, то-есть на „*законе собственности*“.

Другими словами, в основе изменяющихся форм экономического развития лежат прежде всего *отношения собственности*. Закон, определяющий форму собственности, является наиболее важным: „он служит базисом социального здания“. Однако Сен-Симон не дает сколько-нибудь полного и обстоятельного анализа самого „закона собственности“ и его роли в хозяйственной жизни, а лишь в самых общих чертах указывает на руководящее значение собственности в ту или другую из рассматриваемых им исторических эпох. Сен-Симон, как современник Реставрации, наблюдал борьбу между феодально-клерикальными элементами общества и новым классом „промышленников“ и характеризовал различие между этими двумя эпохами. „Современный кризис,— говорит Сен-Симон,— состоит главным образом в *переходе* от феодального и теологического к индустриальному и научному строю“. По духу решения вопроса о собственности Сен-Симон — не социалист. Но в силу развития форм жизни, по Сен-Симону, создается „*необходимость* общей перестройки всей социальной системы“. Таким образом

Сен-Симону близка идея радикального *социального* переворота, что резко отличает его от современников — идеологов *политической* революции, но в то же время Сен-Симон не коммунист, каким его иногда желают видеть.

Он, таким образом, в отношении вопроса об устройстве общества стоит на общей социалистической позиции — на необходимости изменения; об ее отмене начали говорить позднее ученики Сен-Симона. Заслуживают внимания его мысли об эволюции форм собственности. Каждой стадии развития соответствует определенная форма собственности, основа экономической ступени. На ней высится „организация“, всегда, по Сен-Симону, дуалистическая — духовная (идеологическая) и политическая. Та стадия развития общества, которая переживала свой расцвет в средние века и следы которой сохранились до самого конца XVIII в., характеризуется Сен-Симоном, как „период преобладания земельной собственности“. Соответственно этому, ее духовно-политическая „настройка“, или, как выражается Сен-Симон, „организация“ представляет собою современную *систему*, т.е. комбинацию теологически-папской власти с феодально-военной. Первая является остатком того времени, когда христианство являлось господствующей религией, вторая — наследие эпохи, когда воинственные франки стали собственниками земли и подчинили себе галлов, сделав их неимущими. Общая власть церкви и феодалов стала подвергаться опасности с тех пор, как в развившихся городах появилась новая сила в лице класса *промышленников*, или „*индустриалов*“, как он их называет. Этот класс обнимает все производительные классы общества — от предпринимателей и ученых до чернорабочих и носильщиков.

Этот новый класс, вступивший на арену истории, несет с собой и новую форму собственности, собственности промышленной, а следовательно и новую общественную организацию; этот класс должен утвердить свое господство путем борьбы с представителями старого режима. В этом, по мнению Сен-Симона, смысл всей Великой Французской Революции. Здесь мы видим, таким образом, еще один пункт, в котором мысль Сен-Симона приближается к точке зрения будущего марксизма. Он устанавливает ту истину, что процесс изменения общественных форм происходит в форме *антагонизма классов*, так как идея

классовой структуры, классового деления общества — его основная мысль.

Борьба, происходящая между земельными собственниками и промышленниками, должна, по мнению Сен-Симона, окончиться победой последних; в результате — установление системы *индустриализма*. Характеристика этого нового строя не закончена и неопределенна, как и термин „индустриалов“ Особенно вредит ясности идеи Сен-Симона его спутанное представление о самом классе индустриалов. Его анализ классовых отношений не проник настолько глубоко, чтобы вскрыть противоречия, уже намечавшиеся в этом классе, представлявшемся Сен-Симону единым. Противоположности между представителями промышленного капитала и рабочим классом, лишенным средств производства, как между классами антагонистическими, он не замечал. Если внутри класса индустриалов он и усматривал некоторое расслоение, то оно сводилось к противоположности между „промышленниками“, в число которых Сен-Симон включает и рабочих и предпринимателей, и *денежную аристократию*, выделяющуюся в класс промышленников. Это новообразование, как бы предвидя в будущем проявление героев *финансового капитала*, Сен-Симон рассматривал, как силу, враждебную классу промышленников. Вообще же роли банков и обмена вообще Сен-Симон придавал исключительно важное значение, поэтому ученики Сен-Симона были ревностными насадителями банкового и кредитного дела.

Опьяненные идеями Сен-Симона, его ученики бросились на практическую экономическую деятельность, имевшую большой успех. Увлечение охватило всю молодежь Франции. Они примиряют частные и общественные интересы, облагораживают и духовно возвышают предпринимательскую деятельность, которая окружается своего рода ореолом. Они начинают строить железные дороги, организовать банки, рыть каналы, устраивать портовые сооружения и промышленные предприятия. Имена Эйхгала, братьев Перейра, Фердинанда Лессепса, Мишеля Шевалье, Талабота, Бартеlemi и других предприимчивых и смелых сен-симонистов становятся отныне известными. „Индустриалы“ действительно начали играть роль. На эту сторону сен-симонизма впоследствии указывал Карл Маркс. Он говорит: „Критически прочтя сочинения Сен-Симона и его по-

следователей, мы не будем удивляться тому, что реализацией их кредитных и банковых грез явился основанный экс-сен-симонистом Эмилем Перейра *Crédit Mobilier*, — фирма, которая, впрочем, могла стать господствующей лишь в такой стране, как Франция, где ни кредитная система ни крупная промышленность не достигли еще современного уровня. В Англии или Америке ничто подобное не было бы возможно¹. И тут же Маркс цитирует выдержки из „Изложения учения Сен-Симона“, свидетельствующие об „иллюзиях относительно чудодейственной силы кредитного и банкового дела в социалистическом смысле“².

Сен-симонисты действительно формулировали свои задачи, как освобождение народов путем развития кредита и труда, путем создания железных дорог, организации банков, соединения миров и океанов путем прорытия каналов. Сен-симонисты содействовали прорытию Суэцкого и Панамского перешейков, устройству „движимого кредита“ (*Crédit Mobilier*), оказавшего громадное влияние на все развитие банкового дела³. Вдохновляемые сен-симонистами финансовые и экономические журналы пропагандировали обмен, как основу человеческого благосостояния и способ решения социальной проблемы. В деятельность банков сен-симонисты ищут способа регулировать экономическую жизнь и тем самым выйти из анархии производства и распределения. Вместе с тем кредит — основной рычаг, насаждающий, по их мнению, крупную промышленность. Тогдашние иллюзии сен-симонистов оживили промышленную деятельность, но в итоге только обогатили французскую, а за нею и мировую буржуазию.

Ошибка теории Сен-Симона заключается в том, что он рассматривал капиталистов-предпринимателей тоже как *трудящихся* и признал их собственность вполне законною. К тому же условия времени, в котором он жил, и неверность подхода не позволяли видеть противоречия интересов труда и капитала. Ка-

¹ Маркс: Капитал, т. III, ч. 2, русск. перев. под ред. Базарова и Степанова, М., 1908, стр. 143.

² Там же, стр. 145.

³ См. Н. З.: Исаак Перейра и его влияние на биржу, в журнале „Юридический Вестник“, октябрь 1880 г.

питализм был еще недостаточно развит, антагонизм между интересами труда и капитала еще не обострен, а буржуазия и пролетариат в эпоху Реставрации, в которую и происходило дело, как бы находились во временном союзе: им тогда приходилось вести совместную борьбу с пережитками старых феодальных порядков. Ясности в понимании вопроса еще не было. Сен-Симон стоял ниже своих английских современников, опиравшихся на вскрытый Рикардо антагонизм между трудом и капиталом.

Все сочувствие Сен-Симона, понимавшего нелепость анархии стихийного производства, было на стороне „индустриалов“, в лице которых он видел носителей лучшего общественного порядка и вообще порядка. При этом, по его мнению, установление индустриализма повлечет за собою и урегулирование экономического порядка, что уже и тогда требовалось жизнью, и уничтожение классового антагонизма, а в конце концов, даже и устранение национальных противоречий. „На этой ступени человеческой культуры философ будет в состоянии окинуть взором все прошедшее и будущее человечество. На заднем фоне картины он увидит рабство, затем сможет с полным удовольствием проследить, как рабство постепенно смягчалось, пока, наконец, не исчезли самые слабые его формы и не образовалась социальная организация, которая должна непосредственно стремиться к счастью большего числа своих членов. Когда философ будущего будет рассматривать прошедшее, он увидит народы находящимися в ожесточенной борьбе друг с другом, тогда как в будущем ему представится лишь картина счастливых наций, соперничающих одна с другою лишь в сфере науки, индустрии, морали“. *Индустриализм*, повидимому, представлялся Сен-Симону таким строем, при котором возможно осуществление высшего идеала человечества, понимаемого нашим философом, как „мирный и прочный порядок вещей“, обеспечивающий человеку развитие всех его способностей. К этому идеалу должно привести развитие индустрии — и поэтому, по мнению Сен-Симона, вся социальная деятельность должна быть сведена к мероприятиям, способствующим утверждению и укреплению индустриализма. Поэтому-то и эпитафией к издававшемуся им сборнику „Промышленность“ („L'Industrie“) он взял выражение: „Все через промышленность, все для нее“

(„tout par l'industrie, tout pour elle“). Таким образом будущее — неизбежный результат всего предшествующего исторического развития. Но средство осуществления будущего — отнюдь не политическая борьба, а новая наука и новая мораль.

В связи с таким воззрением на конечный идеал человеческого развития стоит и его оценка *политического* значения класса промышленников. Этот последний, как утверждал Сен-Симон, имеет наибольшие способности к управлению делами государства. Вместе с тем Сен-Симон требовал от промышленников, чтобы они с полным сознанием своей миссии направили свою деятельность к обеспечению существования беднейших слоев населения. Передавая политическую власть преимущественно промышленникам, Сен-Симон рассчитывал при этом на их собственный интерес. Промышленники, по его мнению, „всего более заинтересованы в поддержании общественного спокойствия, в умеренности публичных издержек. Они же больше всех приспособлены к административной деятельности, так как их промышленные успехи в частных предприятиях служат живым примером их способностей в этом роде“. Интересен в этом отношении, — как показатель, до чего доходило иногда преклонение Сен-Симона пред промышленниками, — следующий отрывок из „Исповедания веры основателей положительной политики“: „Верую, что богатые промышленники, повелевая рабочими в ежедневных трудах, через это являются начальниками народа, которого они составляют необходимую часть; откуда следует, что они прямые, естественные руководители нации, единственные, которых нравственность и здравый смысл позволят дать им права политические“. Но целью всей политики промышленного класса всегда было для него „обеспечение участи пролетариата“, причем работоспособным должна быть гарантирована работа, а неспособным к работе — содержание. Пред смертью он завещал даже, как мы видели, *организацию партии рабочих*, которым, судя по этому, он не отказывал в самостоятельной роли в общественной жизни. По его предположению, участь неимущих должна быть улучшена в том смысле, чтобы рабочие стали членами предпринимательских организаций, собственниками, стоящими друг к другу в отношении сотрудников. Во всем этом можно уже различать в зародыше идею *ассоциации*, впоследствии подробно развитую учениками Сен-Симона.

Что касается вообще практических предложений, которые определили бы направление деятельности последователей новой религии, то Сен-Симон в этом отношении большею частью ограничивался лишь общими местами. Прежде всего, он устанавливал тот принцип, что в основе деятельности новых апостолов должна лежать *мирная пропаганда* идей, им возведенных. Необходимо, по его мнению, прежде всего „*воодушевить* массу“. Осуществление практических мероприятий в духе предлагаемой им реформы он возлагал на лиц, обладающих властью. Сен-Симон был революционером без революционной тактики — обстоятельство, в значительной мере являющееся причиной неуспеха его теорий в практической жизни и объясняющее всю неустойчивость его политических позиций. Сторонник Великой Французской Революции, он, при виде неспособности республиканцев создать твердую власть, мирится с военной диктатурой и приветствует Бонапарта; но когда Наполеон свергнут, Сен-Симон перестает быть бонапартистом, он уже приветствует Реставрацию. Вся надежда теперь на парламент, и Сен-Симон мечтает о союзе французского и английского парламентов, который приведет к созданию единого европейского парламента с двумя палатами и „европейским королем“. Наконец, не встречая и здесь отклика, Сен-Симон обращает свои взоры к промышленникам, этой грядущей власти капитализма. И последние строки его оставшейся незаконченной книги „Новое христианство“ — это не что иное, как призыв к сильным мира сего: „Правители! Внемлите гласу бога, глаголющему моими устами; станьте добрыми христианами, перестаньте считать наемные армии, дворян, еретическое духовенство и неправедных судей своей главной опорой; приобщившись к имени христианства, сумеете выполнить все обязанности, возлагаемые им на власть имущих; помните, что оно повелевает им употребить свое могущество на создание социального счастья беднейшего класса“ („Новое христ.“, стр. 192). Самым крупным практическим требованием Сен-Симона являлось его требование *уничтожения всех наследственных привилегий*. Сен-Симон указывает, между прочим, ряд частных мер законодательного характера, долженствующих привести положение промышленности к более нормальному состоянию. Необходимо, по его мнению, облегчить переход земельной собственности из одних

рук в другие, предоставить политические права не землевладельцам, а земледельцам, и т. д.

Индустриальный строй не предполагает, однако, демократического равенства. Власть и при нем продолжает оставаться *иерархической*, напоминающей власть *церкви*. Соответственно тому догмату новой религии, по которому дух и материя признаются одинаково святыми и который, следовательно, устраняет из понимания жизни и из этики внесенный в них христианством старый дуализм, власть в новом обществе будущего также становится *единою*. Это — одновременно и светская и духовная власть. Физическими носителями ее должны быть ученые и философы во главе с верховным вождем — первосвященником.

Человечество уже вообще вступило в тот период своего развития, когда оно должно распрощаться с чисто-умозрительным взглядом на мир и его судьбы, т. е. с „метафизикой“, и перейти к новой религии, основанной на точном знании. Отсюда наука становится на место старой философии и, вместе с тем, реформирует „религию“. Точного определения своего понимания религии Сен-Симон не дал, но, по смыслу его учения, можно понимать „религию“, как идеологию, ибо каждой фазе развития человеческого мышления соответствует, по Сен-Симону, его „религия“ или идеология.

Новая религия или „новое христианство“ должно, по Сен-Симону, стать непосредственной руководительницей человеческой деятельности, направленной на достижение высших конечных целей.

Однако высшую цель человеческой деятельности и идеалы, открываемые его новой религией, Сен-Симон понимал не так, как понимали ее все прежние религиозные системы. В этом отношении он являлся типичным выразителем духа своей эпохи, проникнутой утилитаризмом.

„Наступит день, — говорил он в своей первой работе, в „Письмах женевого обитателя“, — когда земля будет раем“. „Религия должна, — пишет он в последнем своем труде, „Новое христианство“ („Nouveau christianisme“, 1825), — направлять общество к великой цели возможно скорого улучшения участи беднейшего и самого многочисленного общественного класса“. „Первый долг состоит в том, — говорит в том же сочинении

Сен-Симон, — чтобы употреблять все находящиеся в распоряжении людей средства на возможно быстрое улучшение нравственной и физической жизни бедных“. Это улучшение участи людей он понимал, как „обеспечение им свободного развития их способностей“. Истинное христианство учит также, что „богатые, увеличивая счастье бедняков, тем самым улучшили бы и свое собственное существование“. Сведение религиозных идеалов с неба на землю стоит у Сен-Симона в теснейшей связи с той идеей, которая, по его учению, отличала новое христианство от старого. Подвергая критике христианскую религию, Сен-Симон останавливается, главным образом, на *этических* заповедях христианства. Признавая в общем эти заповеди, он считает ошибочным и, во всяком случае, непригодным для нового человечества учение о необходимости подавлять требования плоти. Старое христианство по самому существу своему враждебно плоти и ставит своим идеалом отказ от плотской жизни, как от жизни греховной, во имя исключительно духовного совершенствования. Поэтому задачей нового христианства Сен-Симон считал признание святости плоти, осуществление рая на земле, в этой жизни, где дух и тело одинаково ценны. Самой же существенной этической заповедью христианства Сен-Симон считает принцип, что все люди — братья и что они должны друг друга любить.

Однако, несмотря на такую чисто-утилитарную и скорее этическую, нежели религиозную интерпретацию учения Христа, Сен-Симон не отрицает божественного происхождения христианства. Если же в христианстве, каким мы его знаем, встречается много наивного, несогласного и не удовлетворяющего этическим требованиям „нового христианства“, то это потому, что бог, основавший христианство, передавал его истины людям, приспособляясь к их пониманию и к их нравственному состоянию.

Новое христианство, как религия, должно быть — по идее Сен-Симона — очищено от всех противоречащих науке положений. Но в нем останутся и культ и церковная организация, но только как „аксессуары“. Оно также будет иметь свое духовенство, с той же иерархической лестницей, как и прежде. Культ, однако, будет иметь своей главной целью „обобщать внимание верных всех классов на нравственность“. „Обязан-

ности духовенства будут сведены к тому, чтобы проповедывать новое христианское учение, об усовершенствовании которого будут постоянно заботиться главы церкви“.

Беря на себя задачу *примирения религии с наукою*, Сен-Симон думал достичь этого не только путем реформирования современного христианства, но и путем одновременного реформирования современной науки. Его целью было „проложить новую дорогу человеческому пониманию — дорогу физико-математическую“.

Наука должна сделать шаг вперед к общему знанию. В общей системе наук, которые должны быть не разрозненными дисциплинами, занятыми каждая своею областью, а *единым* связным знанием, Сен-Симоном отводится одно из главных мест науке *о человеке и о человеческом обществе*. Ученые, по словам Сен-Симона, забыли *человека* для своих мелочных исследований о телах неорганических. Сен-Симон возмущался тем, что ученые не разрешают вопросов о лучших формах социальной жизни, предоставляя разрешение столь важного вопроса изобретателям-фантазерам, строящим свои планы на ничем не обоснованных измышлениях. Таким образом уже здесь Сен-Симон как бы намечает тот план построения научной философии, который затем был усвоен позитивистской школой.

Сен-Симоном принадлежит мысль о трех стадиях развития человечества, идея обобщенного и систематизированного знания и указание на важность особой науки об обществе (социологии), которая должна заменить „произвольные построения политиков“.

В силу этого некоторые считают Сен-Симона родоначальником европейского позитивизма. Действительно, прав немецкий биограф Сен-Симона, Мукле, который говорит: „можно без преувеличения сказать, что все руководящие социальные идеи Конта взяты у Сен-Симона, которому потомство до сих пор еще не воздвигло надлежащего памятника“.

Что касается собственно науки, то в этой области главной заслугой Сен-Симона является разграничение понятий *общества и государства*. Современная ему политическая жизнь с достаточною ясностью показала Сен-Симону, что форма правления не имеет того всеразрешающего значения, какое ей приписывали философы революционной эпохи. Общественное раз-

витие, по учению Сен-Симона, подобно естествознанию, имеет свои законы, которые должны быть открыты наукою для того, чтобы можно было предвидеть исторический ход развития общественных форм. Он, однако, продолжает еще сохранять старые представления о роли идей в истории, он верит в то, что изменения в общественной жизни обуславливаются интеллектуальным развитием человечества. Он полагает, что философия активно влияет на исторический процесс. Словом, он типично-идеалистически подходит к истории. И в то же самое время впервые с полной определенностью выдвинута мысль о зависимости общественного прогресса от изменений, совершающихся в сфере хозяйственных отношений. В этом отношении Сен-Симон является провозвестником не только позднейшего позитивизма, но и так называемого исторического материализма. Сен-Симон стоит, таким образом, на дуалистической точке зрения. Но объяснение общественной эволюции, как явления, обуславливаемого изменением в материальных условиях общественной жизни, занимает в его мирозерцании центральное место. Базисом социального строя являются для него факты хозяйственной жизни и, прежде всего, определенные явления экономической жизни и техники. „Вот почему, — как говорит Мукле, — Сен-Симон принужден был считать политическую экономию, объектом которой служат хозяйственные отношения, основой политики“.

Энгельс полагал, что главною заслугою Сен-Симона является то, что ему удалось уловить зародыш почти всех социалистических идей, которые не относятся к области чистой экономики. „Только в одном пункте, — и это уже подчеркнуто в „Манифесте“, — в вопросе о превращении государства в простое управление производством Сен-Симон мог, и действительно повлиял на марксистское учение о государстве“.

„В 1816 году Сен-Симон заявляет, что политика есть наука о производстве, и заранее предсказывает ее дальнейшее поглощение экономикой. Если понятие о происхождении политических учреждений из экономических оснований здесь лишь в зародыше, зато совершенно ясно выражена та мысль, что политическая власть превратится в управление вещами; в заведение процессами производства, т.е. придет к „упразднению государства“.

IV.

Идеи Сен-Симона, оставшиеся в его собственных трудах в незаконченном и неразвитом виде, были восприняты его учениками и изложены в собрании лекций, носящем название: „Изложение учений Сен-Симона“. Вдохнителем этих лекций был Анфантен, а само изложение принадлежит, главным образом, Базару. Здесь подвергнуто жестокой критике современное состояние европейского общества и провозглашаются принципы будущего, более совершенного социального строя. Недостатки современного общественного порядка представляются сен-симонистам в значительной мере обусловленными хаотическим состоянием современной науки, уделяющей слишком много внимания частным областям естествознания и оставляющей почти без изучения само человеческое общество и управляющие им законы. Виной неудачи Великой Революции они считают независимость личности и свободное исследование, что вызвало анархию мнений. Тот же хаос наблюдается, по их мнению, и в промышленном мире. Они решительно восстают против распространенного в их время учения либералов о свободе; оно приводит только к торжеству немногих счастливых, к нищете масс и полной анархии в производстве.

Только господство науки может спасти общество. Нужно подчинить все проявления жизни одному господствующему принципу. Новая наука должна иметь характер религиозной системы. Новая наука, которая должна сделать возможным и новый общественный порядок, будет одним крупным, планомерно ведомым и потому целесообразно пользующимся силами предприятием. Она подвергнет исследованию общественные законы и укажет различные формы в развитии общества. Это поможет людям пользоваться уроками истории и применять к жизни ее указания. Наука откроет нам, что человечество будет счастливо только тогда, когда на место существующей до сих пор эксплуатации человека человеком будет провозглашен принцип „всеобщей ассоциации“. „Всякому по способностям, всякой способности по ее делам“ — так формулировали сен-симонисты в своем „Учении“ основное положение будущего права. В трудах учеников уже довольно ясно отмечается анта-

гоним интересов. Они говорят о революции, которая покончит с эксплуатацией, основанной на праве собственности.

Для достижения нового порядка вещей необходимо прежде всего реформировать собственность, но сен-симонисты не были коммунистами. Они только желали „преобразовать“ ее и „отменить“ уже отжившие права собственности. Так как собственность есть основа неравенства, так как она служит источником эксплуатации, то необходимо, чтобы собственность стала достоянием тех, кто имеет на нее право по своей способности к мирному труду. Всякую же передачу собственности по праву рождения, т.-е. по наследству, также нужно отменить. Устами Сен-Симона, говорит Базар, человечество провозглашает: „нет более наследства“. Здесь мы видим попытку систематизации и дальнейшего развития идей Сен-Симона в их приложении к вопросам практической политики. Особенно интересно развивают сен-симонисты учение своего главы о различных формах исторического процесса. По их мнению, в истории замечается смена так называемых органических эпох эпохами критическими и обратно. Под первыми понимаются эпохи, которые характеризуются общепризнанным авторитетом известных идей и общей работой для одной определенной цели. Напротив, критические эпохи характеризуются разрушением старых авторитетов и традиций, исчезновением общности чувств и мыслей, распадом общественного целого и заменой его толпою индивидуумов, из которых каждый преследует только свои интересы. Переживаемая Европой стадия общественного развития представлялась им эпохой критической, которая должна была смениться более устойчивой органической эпохой индустриализма. Как на симптом приближения новой органической эпохи, Базар указывает на широкое распространение банковых предприятий, которые являются посредниками между работниками, нуждающимися в капитале, и владельцами капитала, не желающими почему-либо его эксплуатировать. Эти банки должны только перейти от частных лиц, преследующих свои личные цели, в руки общества для того, чтобы обнаружилась во всем своем значении социально-реформаторская роль такого рода учреждений. Базар возлагает громадные надежды на эту реформу банков. Ему кажется, что такая реформа избавит промышленность от кризисов, гармонизирует отдельные отрасли труда,

обеспечит свободу личности, не создавая, вместе с тем, социального неравенства, и т. д.

Но для того, чтобы человек приспособился к новым условиям жизни, он должен быть соответствующим образом воспитан. Отсюда вообще вытекают заботы о воспитании детей, которым сен-симонисты в своем „Учении“ уделяли довольно много места. К этой же цели должны быть направлены и законодательство и религиозная проповедь, соединенная с культом. В „Учении“ подробно развивается также тот догмат „нового христианства“, который отличает его от старой религии, — это необходимость отказаться от противопоставления духа и материи. Дух и материя представляют не две различных субстанции, а только „два вида одного и того же бытия“.

Вся нравственность должна быть основана на любви. „Любовь — так преподается в „Учении“ — это жизнь в самом единстве. Понимание, сила — только виды ее проявления. Люди, у которых любовь есть господствующее чувство, единственно должны быть начальниками общества, и так как любовь охватывает в одно время и конечное и бесконечное, и так как она ищет бога и найдет его в будущем, то отсюда следует, что начальниками общества могут быть только представители религии, священники“. Социальный священник представляется в „Учении“, как „живой закон“, определяющий и мораль и право общества.

У сен-симонистов заметна уже тенденция понять индустриальный строй исключительно как строй, который требует от людей, прежде всего, участия в производительном труде. Идеал индустриализма заставляет сен-симонистов склоняться к такому толкованию слова „промышленник“, при котором оно должно было бы совпадать со словом: непосредственный производитель, рабочий.

Идея классовой борьбы, оставшаяся у ее основоположника Сен-Симона нераскрытой во всем своем содержании, находит себе у его учеников более ясное выражение. Для них передовым классом, несущим с собой новый общественный порядок, является уже не класс индустриалов, охватывающий как представителей труда, так и представителей капитала, а только класс рабочих, „единственно производительный класс общества“.

Этим сен-симонизм еще более, чем сам Сен-Симон, определил дорогу последующего марксизма, заимствовавшего во французском утопическом социализме ряд основных историко-философских положений.

Та сторона учения Сен-Симона, которая теснейшим образом была связана с задачами общественной борьбы и которая сделала имя Сен-Симона бессмертным, была усвоена не философами, а практическими деятелями социалистического движения, наиболее яркими представителями которого являются два основателя сен-симонистской „церкви“ — Сент-Аманд Базар и Проспер Анфантен. Кроме них, среди сен-симонистов выделились: братья Перейра, Бюше, Олинд Родриг, Галеви, Адольф Бланки, Арман Каррель, Огюст Конт и некоторые другие.

Первоначальное ядро „школы“ составляли в последние годы жизни Сен-Симона Олинд Родриг, Проспер Анфантен, Руан, Галеви и Дювержье. Они по смерти „учителя“ объединились вокруг журнала „Производитель“ („Le Producteur“), который появился в октябре 1825 года. Здесь, кроме названных лиц, принимали участие Огюст Конт, Бюше, Лоран и Базар. Журнал был закрыт в начале 1826 года из-за отсутствия средств и равнодушия публики. Но агитация и пропаганда идей продолжались, особенно среди молодежи.

После закрытия журнала школа объединялась первоначально на попытке объединяться в сфере банковской, возникла *Ипотечная касса* (Caisse hypothécaire), руководителями которой были Базар, Анфантен, Родриг и Бюше, а затем на собраниях, где излагались важнейшие стороны учения Сен-Симона. Здесь выступил главный докладчик воззрений Базар, игравший роль в течение 1829 и 1830 годов. Затем начались раздоры между Базаром и Анфантеном, после чего школа официально распалась.

В 1828—29 годах было напечатано важнейшее сочинение школы — „Exposition de la doctrine“ — изложение доктрины Сен-Симона, уже указанное ¹.

¹ В Москве появился перевод „Exposition“. Изложение учения сен-симонистов (1828—29), под редакцией В. П. Волгина. Это сочинение является очень важным и ценным для знакомства и изучения сен-симонизма.

Здесь систематически изложены воззрения сен-симонистов на исторический процесс, важность понимания которого они усиленно подчеркивают и который они считают продуктом закономерного детерминизма. Смысл этого процесса — теологический по существу, определяется высшею волею и стремлением к усовершенствованию. Он выявляется при все большем проникновении идеей ассоциации и все большим освобождением от начала борьбы и антагонизма. От вражды и войны к взаимно поддерживающей ассоциации, от семьи к человечеству, этому венцу всемирного объединения трудящихся. Прогрессивное развитие человечества совершается не только в материальном, но и в *нравственном* смысле. Мораль — своего рода современная религия, руководимая духовными иерархами человечества. Будущее христианство не знает двойственности материального и духовного. Плоть облагораживается и эмансипируется, материальное становится духовным, а духовное — земным. Религия нового человечества становится земною, приемолющею реальное, как оно есть. Получается своего рода социальный акмеизм, который и составляет сущность сен-симонистского христианства.

Выясняя содержание воззрений учителя, двое из наиболее видных „учеников“, Ст.-Аманд-Базар и Проспер Анфантен разошлись.

Еще в 1827 году между Анфантенем и Базаром происходили споры относительно роли чувства, положения и назначения женщины, и их разногласия вначале не выходили за пределы „школы“ и не имели большого значения. 15 августа 1829 г. ученики Сен-Симона вошли сотрудниками в журнал „Globe“, в котором участвовали Лоран, Карно, Жюль Аллис, Фурнель, Трансон, д'Эйхталь, Дюверье. Чтобы объединить все возрастающий круг последователей, кружку потребовалась иерархия.

И вот школа к 1830 году из кружка теоретических единомышленников постепенно превратилась в религиозное братство, в „церковь“. Появился свой особый костюм: короткий синий камзол, белые панталоны и красная фуражка. Волосы носили до плеч, завели своеобразный образ жизни, совместные пение и трапезы, свой календарь. Составлено было основное руководство — „Новая книга“, распадавшаяся на Катехизис и

Книгу Бытия. Она, впрочем, так и не была напечатана. Базар и Анфантен были избраны главами церкви, вокруг которых группировалось приблизительно 40 лиц, включавших большое число учеников третьей, четвертой и высших степеней... Был куплен дом в улице Монсиньи, где была устроена и типография и зал для собраний, это и стало центральным помещением сен-симонизма. В силу подъема, связанного с июльской революцией 1830 года, деятельность школы чрезвычайно оживилась. Базар выступил на первый план. Осенью 1830 года он издал циркуляр „к иногородним ученикам школы“, в котором призывал их к спокойствию, так как „их время еще не наступило“, а также пытался, но безуспешно, привлечь к своим планам своего старого друга Лафайета. 30 июля 1830 года Базар и Анфантен расклеили на углах парижских улиц прокламации, в которых призывали народ к организации, единственно могущей дать им новый социальный порядок. Затем появилось их письмо во французскую палату, в ответ на нападки депутатов Могэна и Дюпэна за их „общность имуществ и жен“. Письмо это вкратце излагало учение школы и устанавливало отрицательное отношение к коммунизму.

Что касается коммунизма вообще, то сен-симонисты в нем отвергают равное распределение имуществ, так как именно природное *неравенство* людей считают они базисом ассоциации и необходимым условием социального порядка. Они отвергают систему общности благ, так как эта общность была бы открытым оскорблением первого из всех нравственных законов, проповедывать который они считают своей миссией и который требует, чтобы в будущем каждому отводилось место по его способностям и воздавалось по его делам. Но они требуют уничтожения *всех* привилегий рождения и, согласно с этим, уничтожения права наследования, этой величайшей, охватывающей все другие привилегии, действие которой предоставляет распределение общественных преимуществ игре случая и обрекает многочисленный класс на нищету, развращение и невежество. Они требуют, чтобы все орудия труда, земля и капиталы, образующие в настоящее время раздробленный фонд отдельных имуществ, были соединены в один специальный фонд, и чтобы этот фонд подлежал иерархической эксплуатации общества, — так, чтобы дневной труд каждого был выражением его способности

и его богатство — мерилом его трудов. Сен-симонисты нападают на собственность лишь постольку, поскольку она предоставляет одним безбожное право жить трудами других и поскольку она позволяет случайности наследования предопределять социальное положение индивидуума.

„Христианство освободило женщину из рабства, но сковало ее религиозными, политическими и гражданскими узам. Сен-симонисты требуют полного ее освобождения, не уничтожая этим священного установления брака; они выполняют это установление в тем большей степени, что сообщают силе и неприкосновенности сочетания новую святость. Они требуют, чтобы каждый мужчина имел одну жену, но чтобы женщина была связана с мужчиной в тройной функции: храма, государства и семьи, — так, чтобы отныне социальный индивидуум представлял не один мужчина, но мужчина и женщина вместе. Религия Сен-Симона кладет конец позорной брачной сделке, легальной проституции, так часто теперь освящающей под именем брака чудовищное соединение преданности и эгоизма, образованности и невежества, юности и дряхлости“.

Величайшее значение для распространения школы имело приобретение журнала „Globe“, который уже с середины 1830 г. помещал статьи о сен-симонизме, но только с начала 1831 г. был открыто объявлен органом последнего. Редакция избрала теперь лозунгом три положения: 1) все социальные установления должны иметь целью улучшение нравственных, материальных и духовных условий беднейшего и многочисленного класса; 2) все преимущества рождения, без исключения, должны быть уничтожены; 3) каждому по его способностям, каждой способности — по ее делам. Сен-симонисты старались приобрести последователей между рабочими. Карно, Дюжье, Фурнель, Клэр и Базар читали им лекции о понятии и сущности ассоциации, короче, школа с величайшим усердием преследовала политику, имевшую целью доставить рабочим такое же положение, какое завоевала себе буржуазия в 1789 г. В это время Базар избегал экстравагантностей в руководительстве школой; эта политика привела школу к расцвету. Однако Анфантен не оставлял женского вопроса в покое. *Эмансипация женщины* казалась ему важнейшим, совершеннейшим плодом учения в религии сен-симонизма. Учение о реабилита-

ции плоти играло в нем центральную роль. Плоть порождает инстинкт наслаждения, колеблющий религии и их мораль, и ни одной религии не удалось еще донныне подвести итог борьбе между духом и плотью. Христианство тоже внесло это противоречие во все жизненные отношения. Но так как тело так же, как и дух, создано богом, то их гармония есть цель земной жизни, и задача новой религии — снова ввести плоть в ее права. Освящайтесь трудом и наслаждением — вот ее лозунг. Однако Анфантен не остановился на этом; он вступил на опасный путь борьбы за женскую эмансипацию и защищал этот принцип в тесном кругу. Базар решительнейшим образом ему оппонировал. Вопрос сводился к признанию за женщиной в социальной жизни положения, равного положению мужчины. Дело дошло до схваток, при которых Анфантен боролся не столько с помощью доводов, сколько с помощью обвинений. Базар чувствовал себя глубоко оскорбленным личными нападками и боялся, что приходит близкий конец школе. Через несколько месяцев эти раздоры довели его до разрыва сердца († 19 ноября 1831 г.). Анфантен созвал общее собрание, чтобы заставить школу принять его точку зрения. Базар не явился. Здесь Анфантен изложил свою теорию. Только сен-симонизму предназначено освободить женщину из рабства, в котором ее держало христианство. „Женщина и мужчина — вот социальный индивидуум; только женщина может заявлять о том, что она чувствует и чего желает. Никакой мужчина не может навязывать ей закон. Миссией священнослужителя будет развитие чувственных и плотских побуждений; она будет их регулировать и заботиться о возможно большей красоте сочетания прелести стыдливости с грацией самоабвения и желания“⁴. Спор был горяч и кончился выходом из школы базардистов: Карно, Пьера Леру, Казо, Шартона, Шерона, Жана Рейно, Трансона, Лепевалье. „Отец“ — Анфантен остался единственным главой школы и в своих попытках найти миссию другого пола, „жену“, растратывал деньги общества. Финансовая спекуляция Родрига также не удалась. Произошел крах. Родриг был удален. Анфантен скрылся с остатками своих приверженцев в свое вотчинное имение Менильмонтан. За ним последовали его приверженцы. Здесь появилась туманная книга, в которой учения Сен-Симона были приведены в такую тесную связь с математи-

кой, что получилась совершенно непонятная смесь. Жизнь в Менильмонтане, в общем скромная, но совершенно не производительная, продолжалась недолго. 27 августа 1832 года Анфантен с участниками был привлечен к судебной ответственности по обвинению в составлении противозаконного сообщества и в преступлении против нравственности. Его защита, изобилывавшая в равной мере пафосами и нелепостями, была бесплодна. Процесс выяснил нежизненность и невинность идей этих новых сектантов¹. Анфантен с его учениками был приговорен к одному году тюремного заключения. Семья верующих рассеялась. Только вокруг Анфантена еще два года в Египте продолжалась маленькая община. Вернувшись во Францию, Анфантен поступил на службу в провинции в качестве почтмейстера. Таков был бесславный конец сен-симонистской школы.

Из сен-симонистов мы укажем еще на Фердинанда Лессепа, гениального инженера, и на экономиста Мишеля Шевалье, на Монтанелли, губернатора в Ливорно, основавшего в 1848 году в Пизе сен-симонистскую школу, и на замечательных основателей „Движимого кредита“ братьев Перейра, которые выдвинули важный для теории сен-симонизма вопрос о кредите и роли банков, пособников процесса обращения. Затем видную роль сыграл сен-симонист Огюст Конт, основатель философии позитивизма. Сен-симонизм в 30-х годах был видным и модным течением в общественной жизни Европы. В эту эпоху он достиг и до русской интеллигенции. Александр Иванович Герцен и его друг поэт Н. Огарев были первыми русскими сен-симонистами. „Герцен,—писал Анненков,—носился со своим Сен-Симоном, как с Кораном“. Огарев в „Колоколе“² особенно рекомендовал устройство банков в духе Сен-Симона. Сен-симонизм—этот ранний утопический социализм—повлиял на Герцена двумя основными мотивами: освобождением женщины и оправданием плоти. „Вот,—воскликает Герцен,—великие слова, заключающие в себе целый мир новых отноше-

¹ См. Procès en la cour d'assises de la Seine, les 27 et 28 août 1832, помещен полностью в 47 томе Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin. Париж, 1878.

² „Колокол“, № 89, 1861 года.

ний между людьми, мир здоровья, мир духа, мир красоты, мир естественно-нравственный, а потому нравственно-чистый“.

Сен-симонизм, как вообще социализм, не воспринимался Герценом, как узкое *экономическое* мировоззрение. Нет, это было для него общее мировоззрение, целое „благовещение нового мира“.

Поэтому в сен-симонизме Герцен высоко ценит религиозный характер. Сен-симонизм ему ближе фурьеризма. „У Фурье, — говорит он, — убийственная прозаичность, жалкие мелочи и подробности, поставленные на колоссальном основании; счастье, что ученики Фурье заслонили учителя своими сочинениями“. „В широком светлом фаланстере фурьеристов тесновато“.

Герцену не по душе фурьеристская регламентация брака и семьи, они ему кажутся и лицемерными и католическими. „Фурье вообще, — думает Герцен, — не понимал женщины“.

Вообще утопизм обеих систем по Герцену только „величайшие пророчества будущего“, но не рецепты для данного момента. Герцен, увлекавшийся многими левыми направлениями — Прудоном и Консидераном, как ранее Фейербахом и Гегелем, начал свое духовное развитие с сен-симонизма.

История сен-симонизма в России еще не исследована. Между тем несомненно, что петербургский кружок Евгения Ивановича Ламанского (В. Безобразов, В. Вернадский, Ю. Гагемейстер, Л. Тенгоборский, петрашевец И. Ястржембский и др.), сыгравший роль в истории развития русского банкового дела и вступивший в непосредственные отношения с Перейрой и Шевалье, был кружок сен-симонистский. Это доказал в своей диссертации петроградский доцент И. И. Левин¹. Вообще в первой половине XIX века идея Сен-Симона оказывала определенное влияние на склад мысли русской интеллигенции.

¹ И. И. Левин: Акционерные коммерческие банки в России, т. I. Петроград, 1917 г. То же доказывает и П. Н. Сакулин: Русская литература во второй четверти века („История России в XIX веке“, т. II, вып. 4, стр. 483—486). См. „Воспоминания Е. Ламанского“, „Русская Старина“, январь 1915 г.

V.

Литература о Сен-Симоне и сен-симонизме весьма обширна. Всю относящуюся сюда библиографию можно разделить на три периода. Во-первых, литература самих сен-симонистов, а также обширная полемическая, преимущественно легкомысленно-презрительного или насмешливого тона, литература современников движения. С 1850 г., т.-е. со времени появления книги Лоренца фон-Штейна: *Geschichte der socialen Bewegung in Frankreich* (Лейпциг, 1850 г., 3 тома), равно со времени усиления внимания к теоретикам социализма, наступает второй период изучения и реабилитации сен-симонизма, реабилитации, доходящей до панегириков. Важнейшие сочинения этого периода перечислены ниже в рубрике — литература о Сен-Симоне. В 1894 году в изучении сен-симонизма наступает новая эра. В этом году, согласно завещанию Анфантена, в Арсенале (парижском) вскрывается сундук с документами того времени, проливающими новый свет на всю эпоху. Результатом изучения нового драгоценного наследия являются два труда: Georges Weill: *L'École Saint-Simonienne, son histoire, son influence jusqu'à nos jours*. Париж (Felix Alcan), 1896 и Sébastien Charléty: *Histoire du Saint-Simonisme (1825—1864)*. (Ouvrage couronné par l'Académie française). Париж (Hachette et Cie), 1886.

После опубликования этих работ Вейля и Шарлети, создалась возможность лучшего изучения сен-симонизма и его истории.

VI.

Сочинения Сен-Симона.

Lettres d'un habitant de Genève à ses contemporains. Париж, 1803.

Introduction aux travaux scientifiques du XIX siècle. Париж, 1807.

Lettres au bureau des longitudes. Париж, 1813.

De la réorganisation de la société européenne ou de la nécessité etc. (вместе с Огюстеном Тъери). Париж, 1814.

L'Organisateur. Париж, 1819—1820. Есть несколько изданий. Полное: 1-й выпуск в 3-х изд., 2-й выпуск во 2-м изд.

L'industrie ou discussions politiques, morales et philosophiques dans l'intérêt de tous les hommes livrés à des travaux utiles et indépendants. 4 тома. Париж, 1817—1818.

Du système industriel. Париж, 1821—1822, 3 parties in 8°.

Nouveau Christianisme. Париж, 1825, английский перевод J. Smith'a: Лондон, 1834.

Catechisme des industriels. Paris, 1823, 1824, 1832.

Saint Simon: Oeuvres choisies. Брюссель, 1859.

Собрание сочинений Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin. Париж, 1865—1878, 47 томов, из них посвященных самому Сен-Симону тома: 1, 15, 18—23, 37—40. Том 47 посвящен документам процесса сен-симонистов (1832). Это собрание сочинений редактировал „Совет“ (Дерур, Артур Анфантен, Цезарь Абитавж, Лоран, Фурнель и Гиеро).

Сочинения о Сен-Симоне по-русски.

Штейнберг, С. Общественные и исторические взгляды Сен-Симона. „Жизнь“ 1900 г., кн. II.

Иванов, Ив. проф. Сен-Симон и сен-симонизм. Москва, 1901.

Инсаров, Х. Сен-Симон и сен-симонизм. „Научн. Обзор.“ 1903 г., № 1.

В—ий, М. Сен-Симон. Энциклопед. словарь Брокгауза и Эфрона.

Щеглов, Д. История социальных систем. Т. I, стр. 275—436. Спб., 1870.

Чернышевский, Н. Июльская монархия, в журнале „Современник“ 1860 г., № 5, стр. 129 и сл.

Туган-Барановский, М. И. Современный социализм. Спб., 1906. Его же. Очерки по новейшей истории политической экономии и социализма. 1907.

Чичерин, Б. Сен-Симон и его школа. „Вопросы Философии и Психологии“ 1901, кн. 60.

Виппер, Р. Социальная философия Сен-Симона. „Мир Божий“ 1901, кн. 12.

Святловский, В. В. Предисловие к т. I собрания сочинений Сен-Симона. Спб. 1912, тоже к собранию сочинений. Петроград, 1923.

Волгин, В. П. Предисловие к „Изложению учения Сен-Симона“ (1828—1829). М. 1923.

ГЛАВА III.

Шарль Фурье.

1772—1837.

I.

Вскоре после Сен-Симона на общественном горизонте Франции, привлекавшей и тогда внимание всей Европы, появился новый „учитель и пророк“ — Франсуа-Мари-Шарль Фурье (1772—1837). Он выдвигался очень медленно, его теории были трудны для понимания; самоучка, бедняк и оригинал Фурье был принят многими за помешанного мечтателя.

Так же, как Сен-Симон, Фурье представлял собою горячую, необычайно даровитую, совершенно исключительную натуру; это был гений, не укладывавшийся в условные и шаблонные, общепринятые рамки, прозорливый, но хаотичный, долго считавшийся безумным и непонятным. Фанатичная вера в себя, как в Мессию нового социального строя, своеобразие воззрений и глубокомыслие едкой критики пробили, в конце концов, лед общего невнимания и пренебрежения и вынудили заинтересоваться новым „пророком“. Но, когда к Фурье приблизились, его идеи начали увлекать тех, кто ими интересовался. Образовался кружок друзей и последователей, которых сплотило опубликование „Земледельческой домашней ассоциации“ — основного труда Фурье. В 1825 г. группа „друзей“ была еще немногочисленна, но состояла из лиц выдающихся и талантливых. Впереди других — знаменитый впоследствии Виктор Консидеран, автор ряда первоклассных сочинений, писательница Кларисса Вигуре, фабрикант Годэн, получивший вскоре своим „Фамилистером“ мировую известность, блестящий публицист Мюирон и несколько других, менее известных. Через несколько лет к этой группе примкнул кружок сен-симонистов во главе с Лешевалье и Трансоном. Образовавшийся кружок последователей начал с 1830 годов издавать первый фурьеристский журнал „Фаланстер“, а несколько позднее организовал курсы для пропаганды идей своего учителя.

Их идеология представила собою новый вариант крайне либерального миролюбивого утопического социализма с некоторым

анархистским уклоном. Фурьеризм лишен был всякой революционности, чуждался коммунизма и идеализации пролетарских слоев населения. Крайне гедонистические по замыслу, реальные по сути и фантастические по внешней форме, идеи Фурье оказались с течением времени в значительной мере осуществимыми, так как вполне совпадали с общим направлением той европейской цивилизации, которую хотел в корень разрушить и перестроить на новых основаниях ее суровый критик Фурье. *Фурьеризм*, таким образом, представлял собою двойственное учение, во многом практически вполне осуществимое и во многом несбыточное своим стремлением коренного преобразования всех основ европейской культуры. Но, пока это было понято, „новое слово“ Фурье вытеснило увлечение сен-симонизмом. С конца 1830 годов, особенно после смерти Фурье (1837) и до революционного подъема 1848 года, фурьеризм имел максимальное развитие. Из Франции, где число „учеников“ насчитывалось свыше 3½ тысяч, в том числе будущий император Луи Бонапарт, фурьеризм распространился по всей Европе, не исключая России, где печальная участь группы ни в чем неповинных петрашевцев ярко озарила темный произвол николаевской реакции. И когда фурьеризм в узком смысле, фурьеризм, как школа или сектантское учение, сошел со сцены, а народившиеся фурьеристские журналы „Фаланга“ и „Фаланстер“ прекратились, идеи Фурье продолжали жить и в широко развившемся *кооперативном* движении, и в разного рода стремлениях построения социального строя с гарантией минимума благ (Лимузен, Ипполит Дэстрем, Секретан, Брисбен), и в непрекращавшихся попытках осуществления на практике „*социетарного*“ строя, как сам Фурье называл свою систему.

Биография Фурье, как и биография Сен-Симона, заслуживает особого внимания. Хотя дошедшие до нашего времени сведения о жизни этого скромного и тихого человека очень скудны, но и то, что о нем известно, позволяет различить контуры одного из оригинальнейших профилей первой половины XIX века.

Франсуа-Мари-Шарль Фурье, младший ребенок и единственный сын зажиточного торговца, родился 7 апреля 1772 г. в провинциальном французском городке Безансоне. Все офи-

циальное образование болезненного ребенка свелось к пребыванию до 12 лет в школе, где он увлекался естествознанием. Но зато он дальше приобретает колоссальные познания путем энергичного и равностороннего самообразования. Гениальный самоучка ряд лет поглощает громадные количества книг по анатомии, физике и естественной истории. Он внимательно изучает географию, штудировал Платона, Ньютона и Лейбница. В то же время он обнаруживает сильную волю и доведенную до болезненной крайности честность, напоминающую честность древнего Аристида. С такими наклонностями Фурье вынуждается семьею идти за прилавок. Получается никуда негодный приказчик, притом в ту эпоху, когда торговля особенно была далека от этических начал, а положение приказчиков немногим возвышалось над бессловесной челядью. Фурье остался на всю жизнь приказчиком и коммивояжером, „слугою лабазника“, как он себя называет, самоучкою, читавшим урывками в читальнях и библиотеках, бедняком-чудаком, всю жизнь не знавшим уюта семьи.

Занятие торговлею было для Фурье истинным мучением. После ряда неудачных попыток он поступает, наконец, к одному купцу в Лионе, в центре тогдашней торговли и промышленности. Здесь Фурье становится заклятым врагом торговли, которая отныне представляется ему наиболее серьезным злом цивилизации. Создалось твердое обоснование к уничтожению в будущем строе самой системы частных товарных посредников и замене купца особою ассоциациею — потребительской кооперациею. Каждый, входящий ныне в кооператив, должен вспомнить, что мысль о нем зародилась у Фурье из гнева и размышления об уничтожении торговой эксплуатации.

О чувствах, волновавших Фурье в те годы, он сам красноречиво рассказывает: „Разоблачить все интриги биржи и маклеров — значит предпринять один из подвигов Геракла. Я сомневаюсь, чтобы этот полубог, принимаясь за очистку авгиевых конюшен, претерпел столько отвращения, сколько испытываю я, роясь в той клоаке нравственных нечистот, которая называется биржевым и маклерским притоном, — предмет, который не был даже задет наукою“.

В 1792 г. Фурье, получив от отца наследство в 80 тысяч ливров, открывает в Лионе собственную торговлю, но его само-

стоятельное хозяйничанье длится недолго. Обманываемый со всех сторон, Фурье теряет все свое имущество при подавлении лионского восстания. Усмирители — войска Конвента — приговаривают Фурье к расстрелу, от которого неудачный коммерсант спасается только бегством. В том же году Фурье берут в народное ополчение, где он проводит несколько месяцев и отпускается только по своему болезненному состоянию, затем вновь попадает в приказчики к одному хлебному торговцу в г. Марсели. Однажды его патрон — дело было в голодном 1794 г. — выбросил, чтобы поддержать цены на подобающей высоте, целую партию риса в море. Этот случай жестокосердного уничтожения полезного для народной массы продукта произвел на Фурье неизгладимое впечатление. Его отвращение к торговой деятельности превратилось в гневную ненависть; он еще более укрепился в мнении о вреде класса торговцев и торговли вообще.

После службы у хлеботорговца Фурье нигде долго не оставался; он жил в Париже, путешествовал по Европе, был маклером в Лионе, затем пять лет провел в Швейцарии, пока, наконец, не приехал опять в Париж, где и прожил последние 10 лет своей жизни. В его переездах Лион сыграл особую роль. Здесь он впервые выступает на литературном поприще в местных журналах.

Сочинения Фурье. В декабре 1803 г. газета „Бюллетень города Лиона“ поместила статью Фурье по международной политике: „Континентальный триумвират и вечный мир через 30 лет“. Статья наделала много шума, автором остались недовольны и общественное мнение и Наполеон, воспретивший тогда подобного рода выступления в печати.

В этой статье, интересной по своему пророческому предвидению, Фурье обсуждал возможные условия умиротворения истрадавшей от войн Европы. Оно могло, по его мнению, наступить только после следующих политических комбинаций: подавления Пруссии, раздела Польши и раздела Австрии между Францией и Россией, вступающими между собою после этого в войну из-за мировой гегемонии. Победитель захватывает Индию, ключ к владычеству Англии. В итоге последняя покоряется, чем уничтожается и ненавистный для Фурье „очаг коммерческой низости“.

В 1808 г. в Лдоне Фурье издает свое первое основное сочинение: „Теория четырех движений“, содержащее основы его мировоззрения. Он вооружается не столько против окружающего его буржуазного строя, а против основ европейской культуры. Фурье резко отмечает главные недостатки цивилизации и наук, ею созданных. Интереснейшее сочинение, радикальное и смелое, поглотив остатки средств, не имело никакого успеха. О нем вспомнили лишь по смерти Фурье (в 1837 г.) и переиздали вторично лишь в 1841 году.

В 1812 г. Фурье получил от матери небольшое наследство, дававшее ему 900 франков ренты в год. Получилась возможность заняться только писанием. После пятилетней подготовки он выпустил (в 1822 г.) „Трактат о домашней и земледельческой ассоциации“. Эта двухтомная книга, вновь излагавшая его основные мысли, приобрела ему друзей. Этот „Трактат“, также после смерти Фурье, был переиздан под новым заглавием: „Теория универсального единства“ (3 т., 1838). В него кроме того вошли и добавления, позже написанные Фурье.

В 1828 г. Фурье выпустил труд: „Новый промышленный и социетарный мир“ — сочинение, опять излагающее те же основные взгляды Фурье, но на этот раз настолько более ясно законченное, что один из фурьеристов считал эту книгу „квинт-эссенцией теорий Фурье“.

За год до смерти великого утописта вышло и последнее из крупных сочинений Фурье: „Ложная промышленность“ (2 т., 1835 — 1836) — трактат, мало удачный и ничего нового не внесший в его систему.

Кроме перечисленных сочинений, перу Фурье принадлежал еще ряд статей и заметок, а также при жизни не напечатанных рукописей; все это позднее было издано его единомышленниками. Так появились „Манускрипты“ (Париж, 1851 г.) и статьи в „Фаланге“ за 1845—1850 годы. Они завершили „собрание“ его сочинений. Один из последних редакторов „Избранных сочинений Фурье“, проф. Ш. Жид говорит: „Вид этих огромных томов, без оглавления, без нумерации страниц, это намеренное отсутствие всякого плана, которое он гордо именует „рассеянным порядком“ и которое было бы правильнее назвать „порядком несвязности“, эти названия глав и отделов, состоящие под рубрикою „Прямого стержня“, „Обратного

стержня“, „Интермедии“, это „Введение“, помещаемое в самом конце книги, эти страницы с доказательствами, которые обрываются или изменяются ни с того ни с сего и которые имеют вид, будто наборщик в беспорядке вылил на них весь имевшийся у него под руками приффт, эти „иксы“ и „игреки“, которые пляшут какой-то дикий танец и которые стоят то прямо, то косо, то кверху ногами — все это производит впечатление какой-то тарабарщины, черной и белой магии из весьма отдаленных, сказочных времен“.

Некоторым облегчением чтения его сочинений является тождественное содержание его произведений. В каждом из них повторяются основоположения его системы, и совершенно прав проф. Жид, утверждая, что „кто прочел хотя бы один том, особенно его „Домашнюю и земледельческую ассоциацию“, тот прочел всего Фурье“.

„Системы“ и „учения“ у Фурье все же нет; их приходится реконструировать, как современные архитекторы воссоздают Акрополь по его развалинам. Это не мешает Фурье быть о себе чрезвычайно высокого мнения; тут самомнение граничит с маниакальностью¹.

Фурье пишет и издает свои сочинения в полном духовном одиночестве. В 1825 г. к нему примыкает первый последователь — глухой чиновник Жюст Мюиرون, давший ему средства на издание трактата 1828 г.; затем постепенно около Фурье начинает группироваться парижская интеллигенция. Среди них выделяются Греа, Кларисса Вигуре, Годэн, Виктор Консидеран, впоследствии вождь французских фурьеристов, еще при жизни учителя ставший во главе кружков его последователей.

С 1832 г. возникают фурьеристские журналы; в первых из них сотрудничает и сам Фурье.

Фурье выступает и пишет, как особый, отмеченный свыше человек. Все проникает редкая вера в себя и свое „призва-

¹ „Я один, — пишет он, — вычеркнул двадцать столетий политического идиотизма, и все настоящие и будущие поколения обязаны своим огромным счастьем лишь мне одному... Обладая книгою судеб, я пришел, чтобы рассеять политический и моральный мрак, и на развалинах недостоверных наук я воздвигаю теорию всемирной гармонии: *Exegi monumentum aere perennius!*“ (Фурье, „Теория четырех движений“. Эпилог).

ние". Фурье считает себя Мессиею, пророком нового социально-философского строя. В связи со стремлением все радикально реформировать, создается неудержимый поток всяких смелых и широких проектов. Еще в молодости Фурье поглощен реформаторскими проектами, которые он подает и префекту, и депутатам, и правительству, всегда в надежде, что кто-либо из них поможет ему в их осуществлении. Список лиц, на которых Фурье возлагает свои упования, бесконечен. Так, он по очереди пытался склонить на свою сторону Наполеона, французских депутатов, дворянство и духовенство Реставрации, Бурбонов, английских вельмож, которые были в ту пору заинтересованы оуэновским проектом ассоциаций в Нью-Ланарке, либералов, потом своих жесточайших противников-философов, Ротшильда, которому он рисовал в перспективе Иерусалимское царство, лорда Байрона, Жорж Занд, а после июльской революции господ Лафита и Тьера, эмигрантов-поляков и т. д. Наконец он пытался сойтись с сен-симонистами, особенно с Анфантенем. Но все было безуспешно. Особенно огорчился Фурье неудачей с сен-симонистами, заимствовавшими у него некоторые идеи. Обиженный Фурье пишет против них злой полемический памфлет.

Но, несмотря на все это, Фурье, как человек, полагавший возможным изменить социальный строй усилиями одного миллионера или императора, не терял надежды на осуществление своих идей каким-либо долженствующим появиться в один прекрасный день „кандидатом“. При этом Фурье насчитывал в различных странах Европы до 4 тысяч таких кандидатов, которые, по его мнению, могли осуществить его проекты. В одном из своих сочинений Фурье объявил даже приемные часы для „кандидатов“ и так был уверен, что подобное лицо появится, что ежедневно, до самой смерти, в назначенное время поджидал его.

Фурье умер в Париже 9 октября 1837 г., 65 лет от роду.

Знакомство с идеями Фурье требует предварительного преодоления его лексикона; нужно раньше войти в смысл его выражений, чтобы понять скрытую в них мысль. Вообще язык Фурье своеобразен, он вводит множество новых слов, терминов

и выражений. Тут — „анти-львы“, „анти-акулы“, „аромальные“ и „пивотальные“ (свойства), (страсти), „папильоны“, „кабалисты“, „композицы“ и пр., „фаланги“ и „фаланстеры“, „орды“, „группы“ и „серии“, „ядро простое“, „ядро сложное“, „стержень“, „противовес“, „тон“ и т. д. Система будущего общества — *гармонизм*, подготовительная и переходная к ней эпоха — *гарантизм*.

Общее мировоззрение Фурье следующее. Мир покоится на трех вечных началах: божестве или духе, материи и справедливости, выливающейся в математические законы. Эти три начала, „три принципа“ — активный, пассивный и регулирующий. По аналогии со вселенной функционирует и человек, три начала о потребности человека — дух (активный), тело или материя (пассивный), интеллект (регулирующий принцип). Между всем этим полная гармония, нарушаемая только тогда, когда потребности не могут быть обнаружены или удовлетворены. Виною этого — плохая организация общества. А так как человек создан для счастья, которое состоит в полном удовлетворении его потребностей, а между тем современный строй этого не дает, то поэтому весь строй общества должен быть так реформирован, чтобы человек мог наслаждаться всем, чем он пожелает. Все потребности, вместе взятые, заставляют человека стремиться к здоровью, богатству и комфорту. По Фурье, это стремление осуществляется удовлетворением как ряда чувственных, так равно и духовных потребностей, которые он группирует в девять категорий. Кроме них имеются еще три особенных сдерживающих потребности, как бы доминирующие над другими. Это *кабалист* — стремление к объединению в своей деятельности с другими, *альтернат* или *папильон* — стремление к разнообразию в деятельности, и *композиц* — стремление к энтузиазму и высшим идеалам.

Удовлетворив все свои потребности, люди достигнут значительной продолжительности жизни, при которой однобрачие станет и бессмыслицею и тормозом к удовлетворению чувственных потребностей. Между тем мир, по Фурье, именно и создан, чтобы человек при жизни отдавался любви. Даже по смерти, переходя с планеты на планету, человек неизменно стремится к личному счастью. Каждая планета, рождаясь, имеет свою фазу развития, как и все человечество.

Человечеству суждено прожить на земле 80 тысяч лет в 4-х неравных фазах, делящихся на 32 периода развития. Четырьмя фазами — детства, развития, упадка и дряхлости — заканчивается жизнь не только человечества, но и земного шара. В XIX веке человечество заканчивает первую фазу и пятый период развития; между тем самая интересная — вторая фаза, а в ней восьмой период. Этот период — заря истинного счастья, начало переворота как социального, так и космического. „Страстные влечения“ людей найдут себе в эту эпоху наиболее полное выражение.

Когда весь земной шар покроется фалангами, то их всех окажется 2 миллиона с 4 миллиардами населения. Константинополь тогда превратится в центр мира с „омниархом во главе“; вообще во главе фаланг, их групп и федераций стоят различные „монархи“, повелители демокративного типа.

II.

Центральным пунктом социалистической доктрины Фурье является „теория страстного влечения“. Современная цивилизация стоит, по его убеждению, на ложном пути, так как человечество стеснено в проявлении своих страстей. Только тот строй будет справедлив, в котором будет возможен полный выход всем страстным влечениям, этой основе человеческой природы. Влечения — от бога; кто хочет знать намерения бога — должен изучать влечения, т.-е. самую природу человека.

Законы страстного влечения согласны с законом притяжения материи, а отсюда уже, как вывод, следует „сходство четырех движений: материального, органического, животного и общественного, или сходство видоизменений материй с математической теорией страстей человека и животных“. Страсти — не что иное, как „указания нашей деятельности“ — истолкование видов промысла. Страсти побуждают к деятельности. Только тот, кто следует своим природным страстям, будет всем доволен и вполне счастлив. Организация удовлетворения страстей и есть единственный правильный социальный строй, строй будущего, гармонический или социетарный.

В страстях имеются свой порядок и своя система, свои соответствия, а именно:

Звуки.	Страсти.	Цвета.	Процессы.	Формы.	Металлы.
Ut	Дружба	Лиловый	Сложение	Круг	Железо
Mi	Любовь	Голубой	Деление	Эллипс	Олово
Sol	Самолюбие	Желтый	Вычитание	Парабола	Свинец
Si	Честолюбие	Красный	Умножение	Гипербола	Медь
Re	Страсть к интриге	Индиго	Прогрессия	Спираль	Серебро
Fa	Непостоянство	Зеленый	Пропорция	Квадратура	Платина
La	Энтузиазм	Оранжевый	Логарифм	Логарифмирование	Золото
Ut	Единство	Белый	Циклода	Меркурий	Ртуть

Между ними тесная зависимость и соотношение. Всех „главных“ страстей 12; путем их комбинации получается 810 различных характеров, которые Фурье называет „плавной клавиатурой характеров“.

Так как, по Фурье, необходимо действовать согласно страстям, то в гармонии страстей — счастье каждого отдельного человека и всего человечества. Наша цивилизация, по Фурье, только переходный период. Дать *исподство гармоническому действию страстей*, говорит Фурье, *предназначено будущему гармоническому порядку, „гармонизму“, который будет следовать за периодом цивилизации.* Этот новый порядок Фурье осуществится „земледельческой ассоциацией“. Фурье энергично доказывает выгодность крупной ассоциации для промышленности и земледелия; так, напр., он говорит: „Триста поселян, соединившись в ассоциацию, имели бы один прекрасный сарай, вместо трехсот никуда негодных, имели бы одно хорошее заведение для выделки вина, вместо трехсот плохих; в разных случаях, особенно летом, они разводили бы три или четыре очага вместо трехсот; они посылали бы в город только одну молочницу с бочкою молока, привешенной на рессорах, вследствие чего они имели бы экономию ста полудней, теряемых ста молочницами, которые несут в город по кувшину молока“.

Осуществление на практике идеала „земледельческой ассоциации“ зависит от первого удачного опыта. Его успех — залог всему. Тогда все увидят превосходство „земледельческой ассоциации“ над существующим порядком вещей и все вступят в ассоциацию. Этому поможет и страсть к богатству и удовольствиям, которые будет доставлять ассоциация своим членам; в ассоциацию войдут и богатые и бедные, так как страсти у них одни и те же.

Ассоциацию, обрабатывающую какой-либо участок, Фурье

называет *фалангой*. Фаланга, состоящая приблизительно из 1600 человек, будет разделена на 16 *триб*, которые делятся на *хоры*, хор мужской и хор женский. Каждая триба имеет определенное количество человек, соединяющихся в трибы сообразно своим наклонностям, характеру и т. п. Но кроме этого деления в фаланге будет существовать еще и деление на группы и *страстные серии*. „Страстная серия — говорит Фурье — есть союз, соединенные различных небольших корпораций или групп, из которых в каждой господствует какой-нибудь вид одной и той же страсти, которая, следовательно, составляет общую, родовую страсть для целой серии. Двадцать групп, возделывающих двадцать сортов роз, образуют родовую серию розистов и видовые серии бело-розистов, махрово-розистов. Таков единственный рычаг, применяемый в ассоциации“.

Рабочие группы и серии — вот основа социального здания социэтарного строя. Они заменяют собою жизнь „в одиночку“ и „семьями“ и необходимы для создания и укрепления уз общестственности.

„В каждой многочисленной ассоциации надо разбить участников на группы, однородные по своим вкусам и наклонностям, и присоединить эти группы к сериям“. В них будет действовать, главным образом, игра трех важнейших страстей, а именно: ревнивые интриги и соперничества (кабалист), частые и обычные смены функций (папильон) и порыв к труду, общий энтузиазм (композит). Входя и выходя из групп и серий, каждый развивает различные свои страсти и наклонности, а кратковременность рабочих сеансов допускает разнообразие в связях деловых и дружеских. В итоге достигается „идеальная гармония и единение, при которых личный эгоизм и интересы растворяются в общем единении масс“. Работа серий организуется так, чтобы создать *привлекательность* труда, что достигается рядом способов, между прочим, частою сменой видов труда, участием в прибылях, изяществом и чистотой мастерских, разделением труда, удачным распределением работы, гарантиєю минимума, избавляющей от забот о себе и близких, и т. д.

Привлекательность труда, неравенство и участие в сериях лучше всего осуществляются при организации фаланги, ассоциации в 1500 — 1600 человек, владеющих площадью в одну

квадратную милю. „Здание, в котором живет фаланга, не похоже ни на одну из наших построек, ни городских ни сельских, ни на Версальский дворец ни на монастырь Эскуриал“. Это здание — типа „Осмазии“ утопии Верраса.

„Жилища, поля, плантации и конюшни фаланги, работающей сериями, также должны значительно отличаться от наших сел и деревень, где живут люди, не связанные никакой ассоциацией и работающие вразброд: вместо беспорядочного хаоса жалких домишек, превосходящих друг друга грязью и бесформенностью, фаланга строит правильное здание, расположенное приблизительно следующим образом. Центральная часть дворца, или фаланстер, предназначается для бесшумных, требующих покоя функций — для столовых, биржевых и иных собраний, библиотеки, научных занятий и проч. В этом центре находятся: храм, башня порядка, телеграф, почтовые голуби, колокола для торжественных церемоний, обсерватория, крытый зимний сад, расположенный позади главного подъезда двора. В одном крыле здания должны быть сосредоточены все мастерские, работающие с шумом, как, напр., кузница, столярная, слесарная, там же должны быть расположены и все детские мастерские, так как дети очень любят шум не только в работе, но даже в музыке“. В другом крыле должен быть устроен „каравансарай“ (гостиница); там расположены балльные залы и помещения для приезжающих“.

Здания сообщаются между собою или мощеными подземными ходами, или крытыми улицами-галлереями, отапливаемыми зимою и вентилируемыми летом. Улицы-галлереи или перистиль устраиваются на высоте первого этажа, чтобы не мешать уличному движению.

Население фаланстера будет питаться из 4 или 5 очагов, соответственно подразделению гармонистов фаланстера на столько же классов по благосостоянию. Главное занятие фаланстера — плодоводство и огородничество, ското- и птицеводство и вообще земледелие. Промышленные занятия на втором плане, каждая работа длится не более полутора часов и сменяется отдыхом или другой работой. Каждый человек ежедневно занят от 8 до 10 часов приятной, разнообразной и отвечающей его вкусам и склонностям работой, выполнение которой дает ему одно наслаждение.

Большую часть тяжелой и неприятной работы охотно исполняют дети в возрасте от 5 до 15 лет, которые организуются в „маленькие орды“. Эти орды делятся на три класса. Первый класс удаляет грязь, чистит улицы и канавки, устраняет кухонные и мясные отбросы. Второй выполняет опасные работы, преследует гадов, убивает мелких хищников и т. д. Третий является резервом. Этим путем воспитывается альтруизм и самоотверженность, за которые „орды“ получают высокие общественные моральные награды.

Вообще вопрос о воспитании детей занимает в фаланстере серьезное и важное место, и этому вопросу Фурье уделяет много внимания. Он предупредил ряд идей, развитых впоследствии и педагогами и апостолами детской самодеятельности и организации. Многие принципы бойскаутизма нашего времени были намечены в воспитательных идеях Фурье.

Вся воспитательная система Фурье основана на свободном развитии чувств и влечений, на конкуренции и соревновании. В ней нет места принуждению и наказаниям.

Вообще новый социальный порядок должен всецело покоиться на свободном влечении, поэтому Фурье не допускает никакого *принуждения*. „Все, что держится на принуждении, не прочно и обнаруживает отсутствие ума“, — говорит он, и поэтому в его системе нигде нет элементов принудительной власти. Его строят чужды и правительство, и законодательство, и авторитет вообще. В то же время Фурье очень высоко ценит симметрию и порядок, они у него во всем и везде.

Пути осуществления нового строя одни — *заразительность первого удачного примера*. Отсюда *отрицательное отношение Фурье к революции*. При этом Фурье — консерватор в политике, в религии и в экономике. Он даже не республиканец, а монархист; Фурье против коммунизма и ратует за сохранение права частной собственности и права наследования, уничтожение которых рекомендуют сен-симонисты.

Неравенство между людьми, наличность бедности и богатства, по мнению Фурье, вполне естественно; оно „входит в план творца“, и все попытки уравнивать богатства заранее обречены на неудачу. В фаланстере также сохраняется неравенство имущества: каждый член фаланги владеет своим собственным достоянием.

Фурье никогда не обращается к трудящимся классам, к бедноте, а только к *богатым*. Он хочет их сделать еще богаче. Вообще все должны быть, по Фурье, богатыми, очень богатыми. Новый гармонический строй должен сделать все человечество необычайно богатым, все будут утопать в избытке и роскоши. Особенно еда будет обильна и разнообразна, удовольствия — многочисленны, сильны и беспрерывны.

Свой взгляд на *собственность* Фурье точно определил в письме к своему ученику Макрону после посещения собрания сенсимонистов. „Их догматы, — говорит он, — неприемлемы и чудовищны: проповедывать в XIX веке уничтожение собственности и прав наследования, — это столь нелепо, что остается только пожалть плечами!“

Фаланстер Фурье — не коммунистическое учреждение; здесь, к тому же, не спят в общих спальнях и не едят из общего котла. Это скорее громадные пансионаты-гостиницы с общими залами для бесед, обедов и развлечений, но и с отдельными помещениями для желающих жить и есть изолированно. В фаланстере помещения и стол на всякую цену, это как бы гостиница с особым столом для больных и детей.

К такой гостинице-пансиону Фурье присоединяет коллективные промышленные и сельскохозяйственные работы, причем участники работают на тех же основаниях, что и в акционерных обществах. Каждый получает доходы пропорционально своему вступительному взносу или сбережениям, им сделанным в фаланстере. Правда, частная собственность в фалангах постепенно преобразуется в коллективную, но все же основы строя в фаланстере чисто-буржуазные. При этом Фурье довольно непоследовательно мечтает дать каждому в фаланстере известный „скромный, но вполне приличный минимум в пище, одежде и развлечениях“. Этот минимум будет даже получаться без всякой компенсации, даже без каких-либо обязательств со стороны „гармониста“. В этом, по его мнению, и состоит основное различие между старым строем, где существует баланс между приходом и расходом, правами и обязанностями, и новым, где этого нет и все основано на влечении и привлекательности труда.

Системы солерията в фаланстере тоже не будет; вместо оплаты труда — система участия в прибылях.

Так как основное социальное зло, по Фурье, заключается в общей бедности, в недостатке богатств, то целью реформы должно быть увеличение их производства, в изменении самой организации производительных сил.

Дело, таким образом, не в равенстве или наличности бедных, а в общем массовом подъеме благосостояния. Оно достигается не индустриальным, а тем сельскохозяйственным производством, которое ведется в широком масштабе и отдает предпочтение не зерновому хозяйству, а плодоводству и огородничеству. При этом проводится с наивозможною полнотою принцип разделения труда, а во избежание излишеств специализации он смягчается частою переменою родов труда. Массовое потребление и уничтожение всякого посредничества — все это путем организации разного рода ассоциаций — значительно удешевит жизнь и сделает возможным массовое обогащение.

Вместе с тем реформируется и духовная жизнь. Во-первых, в фаланстере изменятся *отношения между полами*. „Расширение прав женщин является главным основанием всякого социального прогресса“, — говорит Фурье.

„Женщины должны взяться за освободительную деятельность, стать спартаками в политике, употребить весь свой гений на то, чтобы как-нибудь вывести свой пол из состояния порабощения. На женщинах лежит весь гнет цивилизации; женщины и должны были первыми вступить в борьбу с нею. Какова теперь их жизнь? Она составлена из одних лишений даже в области труда, где все заполнено мужчинами, а женщинам приходится заниматься тяжелыми полевыми работами. Разве не скандально видеть, как тридцатилетние атлеты сидят перед своими бюро, держа в огромных ручищах чашечку кофе, в то время, как женщины изнывают от непосильного физического труда; разве мало женщин и детей, которые могли бы заменить мужчин в легком конторском и хозяйственном труде?“

„Каковы источники существования женщин, лишенных состояния? Ткацкий станок или собственная красота, если таковая имеется, да проституция, более или менее замаскированная, — вот их единственный ресурс, и то отнимаемый у них философией, вот омерзительная участь, которая уготована им этой цивилизацией, этим рабством брака, от которого они и не пытаются освободиться“.

Социальный прогресс и смена периодов развития происходят на почве прогрессивного раскрепощения женщин, а регресс и упадок социального строя — на почве закрепощения. „Вот, — говорит Фурье, — общая формула. Конечно, другие факторы влияют на перемены, но ни один так, как судьба женщины. Достаточно нам завести у себя гаремы, чтобы вернуться к варварству, и достаточно закрыть гаремы, чтобы варвары перешли к цивилизации“.

В период гарантизма исчезнут все прежние брачные стеснения, развод станет вполне свободен, как и заключение брака. Женщина в фаланстере будет пользоваться полною свободою отдаваться, кому захочет и кого любит. Между тем именно в фаланстере скромность, стыдливость и целомудрие будут в особом почете. „Весталат“ — особое учреждение для девиц и юношей, создающее им особый почет и особые привилегии.

Фурье насчитывает несколько форм брака, а именно: ультрагамия, омнигамия и экстрогогамия. Их смысл, в конечном счете, полная эмансипация женщины.

В этом смысле Фурье расходится со всеми другими утопистами, которые исповедывали единовременность женской эмансипации и коллективного хозяйства. Между тем Фурье не коммунист, он и в фаланстере стоит за *неравенство* и за деление продуктов не поровну, но по заслугам или по труду, пропорционально *труду, капиталу и таланту*, вложенным в общее дело.

Пропорции Фурье следующие:

$\frac{4}{12}$	продукта идут капиталистам,
$\frac{5}{12}$	” трудящимся и
$\frac{3}{12}$	” представителям науки и техники.

Акции, выдаваемые участникам фаланги взамен их взносов, по оценке всего собранного — земли, денег и вещей — распределяют между участниками фаланстера также пропорционально.

По мнению Фурье, привлекательность труда и условия его существования в социетарном строе постепенно привлекают всех на сторону его системы.

Фурье не считал, что хозяйственный труд по своему существу должен быть неприятен человеку. Наоборот, он полагал,

что при правильной организации строя труд должен превращаться в наслаждение; нужно только создать энтузиазм к труду.

Фурье считает, что новый феодализм — „промышленный, финансовый и торговый“ — не меньшее зло, и притом зло для трудящихся, чем феодализм старого режима. Указывая на бедственное положение трудящихся классов, Фурье подвергает жестокой критике современную ему экономическую деятельность. „Цивилизация не удовлетворяет, — говорит Фурье, — первому требованию, которое следует предъявить к хорошей организации, — требованию создания возможно большей суммы богатств“. Цивилизованное общество состоит, по его мнению, на две трети из непроизводительных элементов, т.-е. из *паразитов*, которым Фурье дает особый список. Значительная доля остальных жителей земли — „хищные звери и дикари“, „варвары и головорезы“ и „цивилизованные воры, похваляющиеся своим превосходством и умножающие нищету и разврат“.

Отрицательно Фурье относится к биологическому размножению населения; он приверженец идей Мальтуса.

Положительная система, которую усиленно рекомендует Фурье, — это *ассоциация*. Здесь его фантазия особенно энергична и богата. Ассоциационные идеи Фурье не остались на бумаге, они с течением времени были осуществлены. В итоге от его мыслей возник могущественный толчок *кооперативному* движению. Фурье справедливо считается отцом кооперации.

Не менее важно его новое обоснование идеи „*права на труд*“, послужившей основой для многих социальных теорий последующего времени.

В общем Фурье — очень своеобразный социалист, признающий многие буржуазные основоположения. Во всяком случае, в его экономической неопределенности ясна одна тенденция — ненависть к централизму и приверженность к федерации. В этом смысле Фурье сходен с Томпсоном и Робертом Оуэном и отчасти с Евгением Дюрингом.

Фурьеризм распространялся при помощи двух фурьеристских журналов и сочинений последователей Фурье. Среди „фурьеристов“ особое место занял талантливый писатель Виктор Консидеран (1808—1893). Консидеран был выдающимся журналистом и общественным деятелем. Он был депутатом в дни революции 1848 года, эмигрировал в Бельгию во время реак-

ции и всю жизнь пропагандировал идеи Фурье. Пытался организовать фаланстер „Reunion“ в Техасе (Северная Америка), разрушенный войною Техаса с южными штатами. Последние годы жизни он прожил уединенно в Париже. Перу Консидерана, между прочим, принадлежит интересное сочинение: „Социальное предназначение“, 1844—1845, и „Манифест социетарной школы“, 1841. С ним школа Фурье приобрела ряд новых последователей, отчасти сен-симонистов, как, напр., аббата Трансона и Лешевалье. Близок к Фурье был Жюст Мюирон (1787—1881), написавший свои „Социальные преобразования“ еще в 1824 г., и Ф. Видаль, автор работы „Социальная экономия под влиянием паровой машины“, 1839. Из остальных фурьеристов обращают на себя внимание: поляки — Ж. Чинский: „Будущее рабочих“, 1839, и Цветковский: „Кредит и обращение“, 1839, А. Туснель: „Евреи, короли эпохи“, 1840, Ипполит Рено: „Солидарность“, 1842, Брисбен: „Социальные предназначения человека“, 1846, и Эннекен: „Феодализм и ассоциация“, 1846. Фурьеристы произвели ряд опытов по практическому осуществлению его проектов. Опыты во Франции не удались. Несколько удачнее было дело в Соединенных Штатах Северной Америки, где таких опытов известно до 30. Фаланга в штате Нью-Джерси просуществовала 12 лет и в конце концов распалась. Эти неудачи сильно охладили фурьеристов, людей чувства и фантазии, и большинство из них, утратив веру, ушло из школы.

С *фурьеристами в России* можно ознакомиться по литературе о русском фурьеристе М. В. Буташевиче-Петрашевском и кружке петрашевцев.

Идеи Фурье излагал также в „Современнике“ и „Отечественных Записках“ В. А. Милютин. Сторонником взглядов Фурье был наш знаменитый сатирик М. Е. Салтыков-Щедрин („Мелочи жизни“). Большое значение придавал Фурье Н. Г. Чернышевский, излагавший, между прочим, его учение о привлекательности труда. Н. Г. Чернышевский в своем знаменитом романе: „Что делать?“, во сне Веры Павловны увлекательно описал жизнь в фаланстере.

О Фурье в России писали: Водовозов, Н. В.: Фурье. Опыт критического разбора, в журнале „Русская Мысль“ 1892 г., № 9; Исаев, А. А.: Место Фурье в общественно-хозяйственной науке, „Юридиче-

ский Вестник“ 1880, кн. 5 и 6; Бибииков, П. А.: Современные утописты — изложение Фурье в „Критических очерках“, Спб. 1865; Б. П.: Фурье и фурьеризм, Казань, 1905; Тотомианц, В. О.: Фурье и кооперация, в журн. „Образование“ 1905 г., кн. 11—12 и отдельно, Спб. 1906 г., Русанов, Н.: Социалисты Запада и России (Фурье, Маркс, Лассаль и др.), Спб. 1905. Более обстоятельная монография — Август Бебель: Шарль Фурье, его жизнь и учение, под ред. В. Базарова, Спб. 1906. Зато сочинениям Фурье в России не посчастливилось: до сих пор переведены по-русски только отрывки в книжке Щеглова, т. II (История социальных систем), Спб. 1889, и в издании Шарль Фурье: Избранные сочинения, с редакцией и биографией Фурье проф. Ш. Жидо, М. 1918; Арк. Ан. Фурье М. 1923.

III.

Школа Фурье.

Виктор Консидеран родился 12 октября 1808 г. в маленьком городке Салин, у подножия Юры, в буржуазной семье. Его отец, образованный гуманист, автор многих английских переводов, между прочим, перевел в 1808 г. „Английскую историю“, был библиотекарем города. Виктор был прелестный мальчик, привязчивый, откровенный, с гибким умом, подававший большие надежды. По окончании учения в родном городе, его отправляют в Безансон, в лицей, для подготовки в политехническую школу. Там-то он получил первые сведения об учении Фурье, которое определило всю его жизнь. В это время в Безансоне Жюст Мюирон основал маленькую группу, преданную учению Фурье. В этой же группе участвовала и m-me Вигуре, знавшая хорошо семью Консидеран, и Виктор по своему приезду в Безансон находит двери ее дома открытыми для себя.

Разговоры, слышанные им, возбуждают его любопытство. Став учеником политехникума, он все свои досуги посвящает учению Фурье. Его юношеское воображение и чуткая душа увлечены перспективой гармоничного и радостного труда. С первого же года он покорен и начинает пропаганду среди своих товарищей, которую он и продолжает, будучи затем в военной школе. В городе распространяются разговоры о новом учении, обыватели им интересуются. Они хотят тоже услышать „новообращенного“. С разрешения властей Консидеран устраивает в мэрии публичную лекцию. Зал был полон, и публика расходится, если не убежденная, то захваченная искренностью и юношеским пылом оратора.

До этого времени учение Фурье, исповедуемое ярыми, но малочисленными его учениками, распространялось медленно и трудно. Нельзя сказать, чтобы оно встречало мрачную оппозицию, — нет, еще хуже того: его просто не принимали в серьез, им не занимались вовсе. Только через 16 лет после опубликования первой работы и через два года по опубликовании второй появился отчет барона Феррюсака в его „Всеобщем бюллетене наук и промышленности“ за февраль 1824 года, а в следующем году Генассе, секретарь безансонской академии, сделал доклад, благоприятный

для Фурье. Поэтому взоры учеников Фурье обратились с надеждой на молодого офицера, который в этот момент кончает школу. Но захочет ли он принести в жертву свою обеспеченную и блестящую карьеру неизвестному будущему? Однако вера требует жертвы, и Консидеран не колеблется. Он идет против желания семьи и особенно своего брата; получив офицерский чин, он пишет военному министру, маршалу Сульфу, прося об отставке, не потому, что он не уважает и не любит свое дело, а потому, что он видит в учении Фурье спасение мира и хочет целиком отдаться пропаганде его идей. Маршал ему ответил, что „Высшее управление нуждается в таких офицерах и не принимает его отставки, но я вам предлагаю бессрочный отпуск. Если вам не удадутся ваши реформаторские планы, вы вернетесь в армию и займете в ней то место, которое вам принадлежит“. Покинув Мец, Консидеран отправляется в свою „безансонскую“ группу, которая его встречает с распростертыми объятиями. Все полны надежд и вместе строят планы будущего.

Париж, где живет Фурье, намечается центром пропаганды. Г-жа Вигуре туда часто наезжает. Теперь же она устраивается вместе со своей дочерью на улице Тарана, и Консидеран, вскоре ставший ее зятем, селится вблизи их. Фурьеристы, разрозненные в провинции, наконец имеют общую точку соприкосновения. Они собираются. Подписка организуется правильно; ищут помещение для собраний, готовят печать еженедельного журнала „Фаланстер“. Первый номер появляется в июне 1832 г. Главными сотрудниками Консидерана являются: Эйнар-де-ла-Тур, Баде Дюлари, Жюль Лешевалье, Жюст Мюирон, Амеде Паже, Пелларин, Темизье, Ипполит Кено, Кларисса Вигуре, Лемуан. Сам Фурье обещал статьи. Муирон принимает на себя редактирование умеренно-либеральной газеты „Импариал“, в которой будет проводиться защита этого учения. Образовав школу, ученики бросают название *фурьеристов* и принимают название *фаланстерьянцев*, от слова „фаланстер“ или „фаланга“, а всему учению присваивают название *сосиетарного*, для того, чтобы точнее указать, что оно исходит не от одного человека, а от науки, науки об *обществе* (сосиетэ).

Фурье не противится этой новой организации, но остается ей чуждым. Он не дает ни советов, ни инициативы, ни поддержки. 9 октября 1837 г. Фурье умирает. Эта смерть произвела глубокое впечатление на молодую школу, хотя он и не вмешивался в их работу, — одно его присутствие уже поддерживало души. На похоронах Виктор Консидеран произносит речь о жизни и деятельности Фурье. „Фурье, — говорит он в заключение, — не принадлежит маленькой группе лиц, которая одна лишь до сих пор понимала его слова. Он принадлежит всему человечеству. Его похороны могут быть совершены всем земным шаром, которому он принес истину, свободу, справедливость и счастье. Нам, ученикам, остается одно — воздвигнуть памятник в его честь: этот памятник — есть фаланстер“...

Мало людей имело такое влияние на себе подобных исключительно благодаря своим личным качествам. Высокого роста, худой и тонкий, Виктор Консидеран обладал изяществом манер и грацией движений. Его

черты характерны и изящны, его взгляд лучезарен, его улыбка добра и кротка. Густые каштановые волосы, длинные, согласно тогдашней моде, оттеняли его прекрасную и благородную голову. Морально Консидеран пропитан противоречиями. Способность к обобщению, вкус к философии и наукам соединялись в нем с воображением артиста и энтузиазмом верующего.

ГЛАВА IV.

Роберт Оуэн.

Фабричное производство в Англии стало развиваться с конца XVIII столетия, и вместе с тем начало ухудшаться материальное положение английских рабочих. Бедственное положение промышленного пролетариата рано обратило на себя внимание английской интеллигенции. Ряд представителей последней — Остлер, лорд Шефтсбюри, Роберт Оуэн — вмешались в это дело, указывая средства изменения, за что и получили наименование „фабричных реформистов“. Впереди других выдвинулся фабрикант Роберт Оуэн (1771—1875), заслуживший вскоре своею деятельностью и сочинениями мировую известность и ставший одним из наиболее выдающихся людей Европы той эпохи. Начав со скромной реформы на своем заводе, он постепенно превратился в одного из наиболее радикальных утопистов XIX века и является одним из трех членов замечательной плеяды „великих“, которые знаменуют собою завершение утопического и зарождение нового научного периода в истории развития социализма.

Биография Оуэна во всех смыслах интересна и поучительна. Он родился 14 мая 1771 г. в небольшом городке Нью-Тауне, графства Монгомери, в Уэльсе, где отец Оуэна владел небольшою лавкою и содержал почтовую станцию. Маленький Оуэн с пяти лет начал посещать элементарную школу; к десяти годам завершилось его формальное образование, так как он был в этом возрасте отдан в приказчики в одну из лондонских лавок. Здесь он вскоре обнаружил редкую практическую сметливость. В детстве Оуэн был очень слабого здоровья. Неправильное пищеварение принуждало к строгой диете, к правильному и весьма умеренному образу жизни, чему он не изменил в продолжение всей своей долгой жизни. В силу этого Оуэн

стал человеком исключительной умственной и физической выдержки и трудоспособности; при этом он с раннего детства обнаружил твердый характер, выносливость и любовь к справедливости.

Семья Оуэна принадлежала к господствующей церкви, но была свободна от религиозного фанатизма. Поиски „истинной религии“ рано начали занимать пытливый ум Оуэна, приводя его к скептическому отношению к религиозному принципу вообще. Уже в юности, защищая воскресный отдых, как благотворительную меру для трудящихся, он старался лишить его религиозного характера. Первым общественным выступлением Оуэна было его детское письмо к главе правительства, знаменитому Питту, с требованием строгого соблюдения закона о праздничном отдыхе.

На 20 году жизни Оуэн сделался директором большой бумагопрядильни, найдя новые способы для обработки американского хлопка. Успех практического деятеля и даже „дельца“ не изменил характера и интересов Оуэна, прославившего в среде фабрикантов и вообще представителей делового мира — „чудаком“; он избегал обычных развлечений этой среды, не находя в них удовольствия, и все свои досуги отдавал книгам и „Литературно-философскому обществу“, где сблизился с поэтом Кольриджем, химиком Дальтоном и строителем первого парохода Фультоном. Последнему Оуэн оказывал значительную материальную поддержку при его опытах.

Жизнь Оуэна распадается на три отдельных периода: первый, с 1800 г. по 1819 г., — время фабричной филантропии, приведшей Оуэна к идеям государственного социализма, в частности — к требованиям законодательства по охране труда. Вторым, с 1819 г. по 1829 г., — десятилетие нарастания коммунистического идеала. Оуэн от идей трудовой помощи постепенно приходит к аграрному социализму, к идее принудительной общины. Третий и последний, с 1830 г. по 1858 г., — время коммунистических опытов, воззвание „нового нравственного мира“ и идеи, что труд — источник и мерило всех ценностей.

Начнем с первого. Став директором нью-ланаркской фабрики, Оуэн скоро приобрел широкую известность как успехами в области техники, так и реформами в положении занятых на его фабрике рабочих. Женившись на дочери владельца

фабрики Дэля, Оуэн вскоре приобрел от тестя это предприятие и стал его полным хозяином. Нью-ланаркская фабрика была расположена на реке Кляйде, в Шотландии, с целью использовать водяную силу водопада. За малочисленностью рабочих здесь прибегали к детскому труду, доставая ребятшек из приютов и детских домов. Работа длилась от 13 до 14 часов в сутки. Помещения и питание были ужасны, рабочий люд пьянствовал и жил порочною и нездоровою жизнью, дети часто убегали.

Став во главе предприятия, Оуэн повысил качество изделий и преобразовал условия труда, памятуя, что „людей создают условия“. По примеру филантропов, Оуэн выстроил в нью-ланаркском поселке хорошие и здоровые жилища, организовал впервые в Англии при фабрике ясли, школу, столовую, завел лавку с продуктами первой необходимости, где все продавалось по ценам оптовой закупки. Хорошее жилье и питание, разумные развлечения и возможность иметь часы отдыха и досуга повлияли на характер жизни рабочих; появились: чистоплотность, бережливость и трезвость. Кроме того, сам Оуэн воздействовал на рабочих Нью-Ланарка личными беседами, советами и увещаниями. Все виды практиковавшихся наказаний были отменены. При этом, конечно, заработная плата была повышена и рабочий день сокращен до 10½ часов в сутки. Примером своей фабрики новый директор стремился доказать, что обязанность высших классов — заботиться о низших — вполне совпадает с правильно понятыми интересами самих высших классов. Он ввел у себя все то сам, что позднее завели у себя все фабриканты по принуждению, после тяжелой борьбы. Труд малолетних был совсем упразднен, все детишки до 10-летнего возраста обязательно посещали школу. В итоге — в Нью-Ланарке сложился кадр образцовых рабочих.

Коммерческий успех нью-ланаркской фабрики, руководимой Оуэном, и возрастание благосостояния его рабочих ежегодно привлекали множество посетителей со всех концов образованного мира; среди них, между прочим, был и русский великий князь, впоследствии император Николай Первый. Они увлекались „мирным“ и „филантропическим“ подходом к решению назревавшего рабочего вопроса.

Свои взгляды на человека и на необходимость социальных

реформ, „проверенных успехом в большом практическом деле“, Оуэн изложил в своем первом сочинении: „Этюд об образовании характера“ (1813 г.).

В 1815 году Оуэн обратился в парламент с мемуаром („Глазговская речь“), в котором настаивал на издании особого закона, охраняющего время труда рабочего. Он мотивировал свой проект, с одной стороны, правом рабочего на свободное время, с другой — повышением производительности труда при сокращении рабочего времени. Чтобы провести билль, Оуэн посетил более влиятельных членов обеих палат, стараясь заинтересовать их своим мемуаром, и добился внесения законодательного проекта Робертом Пилем, творцом английского рабочего законодательства. Пиллю уже принадлежал первый по времени законодательный акт о рабочих, первый не только в Англии, но и вообще в Европе. Этот „закон об охране здоровья и нравственности ремесленных учеников“ вышел в 1802 году.

Роберт Пиль на этот раз не торопился. Четыре сессии длилась борьба за проведение оуэновского проекта, против которого яростно ополчились крупные промышленники. Была представлена масса возражений, многие принципиального характера; было организовано несколько анкет и комиссий, в которых Оуэн энергично отстаивал свою позицию, ссылаясь на свои опыты в Нью-Ланарке.

Наконец, в 1819 году появился билль о рабочем времени, хотя и в измененном против оуэновского проекта виде, но все же важный шаг в истории рабочего законодательства Европы. Отныне в Англии дети до 9-летнего возраста не могли попадать в промышленные предприятия, а подростки от 9 до 16 лет работали не более 12 часов. Закон распространялся вначале только на хлопчатобумажные фабрики, а надзор за его исполнением возлагался попрежнему на мировых судей. Но и это уже было громадным завоеванием.

В этот же период времени Оуэн был привлечен к участию в парламентской комиссии по изучению причин тогдашнего экономического кризиса. Ему было поручено составить доклад о средствах против кризиса. Доклад был представлен в палату общин, отказавшуюся, впрочем, принять его к обсуждению за необычайностью подхода к делу. К этому же времени отно-

ся: его торжественная публичная декларация религиозной независимости (1817), встреченная английским обществом отрицательно, поездка по Европе (1817), издание „доклада 17 года“ и „Мемория“ монархам Ахенского конгресса.

В 1820 году вышел его „Доклад графству Ланарк“ о его фабричных реформах, доставивший Оуэну громкую известность.

Оставляя постепенно филантропию, Оуэн все более переходил на почву более радикальных мер и начал увлекаться образованием *производительной ассоциации*. В ней он усматривал путь к „организации всеобщего счастья“ и старался не только обосновать свою идею теоретически, но и выработать план практического проведения ее в жизнь.

Но общественное мнение было консервативно. Оуэна начали считать „опасным мечтателем“ и особенно не прощали ему разрыва с религиею.

Когда в Лондоне, в 1817 же году, Оуэн был приглашен к участию в парламентской комиссии, выяснявшей причины экономического кризиса, разразившегося в те годы в Англии, он составил специальный доклад „Об исследовании причин нищеты бедных классов и о мерах борьбы с нею“, в котором он усматривает первоисточник кризиса в машинном производстве, вытеснившем труд опытного мастера, обесценившем вообще ручной труд и приведшем трудящихся к уменьшенному потреблению. Между тем то же машинное производство выбрасывает на рынок все более значительное количество товаров, создает перепроизводство и несоответствие со спросом. „Виною кризиса является несоответствие между потребительною силою и средствами производства“. Единственным выходом отсюда является предоставление безработным платных занятий, ибо „машина должна помогать человеку“, а не заменять его. Другую меру Оуэна является организация сбыта продуктов. Это, в свою очередь, может произойти лишь при коренной замене нынешней системы денежного обращения и обмена новою. Она должна покоиться на признании труда мерилом всех ценностей, с установлением точной ценности единицы труда или рабочего дня и с обозначением меновой ценности каждого продукта по количеству времени, затраченного на его производство, — такая система и может иметь место. Предметы будут

обменивать сообразно количеству заключенного в них труда „Рынки всего мира, — говорит Оуэн, — будут всецело и единственно зависеть от вознаграждения за работу-трудящихся масс, а их потребительная способность будет пропорциональна этому вознаграждению“. Так впервые формулировались Оуэном те идеи, которые впоследствии легли в основу его системы. В духе этих соображений, много позже, а именно в 1832 году, Оуэн основывает в Лондоне „Биржу трудового обмена“ — предприятие, приобретающее все готовые изделия по количеству часов затраченного труда (шесть пенсов — час), уплачивая за все „трудовыми квитанциями“, за которые можно было тут же получить равноценные товары.

Первое время „Биржа“ имела успех, но вскоре обанкротилась, переполнившись залежью из-за выборки из складов всего более ценного. Конечно, конкуренты-купцы энергично помогали провалу „затеи“ Оуэна. Много удачнее были его начинания в области *кооперативного* движения, стремившегося устранить из торговли прибыль. Инициатива и энергия Оуэна в этой сфере были настолько значительны, что он справедливо был причислен к числу „отцов“ кооперации.

Последнюю часть своей жизни Оуэн окончательно становится на социалистическую точку зрения и уже требует радикального преобразования всего экономического строя. Он с несколькими своими друзьями пытался организовать опыт устройства новой жизни в особом поселении в штате Индиана, Северной Америки, названном им „Новая Гармония“. Оуэн удачно купил громадный участок земли с готовыми постройками у общины раппистов. Съехалось около 1000 лиц, но раздоры среди разношерстных по составу и задачам членов общины быстро привели дело к падению. Оуэн несколько раз лично ездил в Штаты, но этот эксперимент, как и несколько других, более мелких, не имел успеха, и Оуэн потерял значительную часть своего большого состояния.

В эту эпоху он проповедывал борьбу с „троицею зла“, — частною собственностью, иррациональными религиозными системами и браком, основанным на частной собственности и религиозных системах.

Оуэн, как и Фурье, не был писателем. Его сочинения страдают неясностью и повторением. Его главное значение не

в них, а в его общественной деятельности, направленной к практическому осуществлению его идей. Но так как Оуэн в течение своей жизни становился все радикальнее и все глубже желал реформировать существующий строй, то его проекты становились все менее легкими для их осуществления. Поскольку успешны были его начинания в области филантропических улучшений быта нью-ланаркских рабочих, постольку неудачны были его опыты, шедшие вразрез с установлениями буржуазного порядка, с которым Оуэн порывал все более.

Основную мысль Оуэна было стремление изменить человека, изменяя условия окружающей его жизни. „Людей, — твердил Оуэн, — создают условия их жизни“. Человек является продуктом окружающих его внешних условий и воспитания. Чем они совершеннее, тем более облагораживается и совершенствуется человек. Особенным мотивом всех поступков является жажда счастья, прирожденная человеку. Способностью создавать идеи, из которых слагается знание, человек отличается от животных, движущие стремления которых, однако, тоже присущи человеку. Счастье человека зависит от тех степеней знания, каких достигают он и его окружающие. Поэтому Оуэн придает громадное значение влиянию воспитания, которому прежде всего ставит задачей устранение предрассудка, являющегося источником заблуждений, будто бы развитие характера зависит от самого человека. Достичь личного счастья легче всего заботами о счастье других. Положив эти идеи в основание своего первого нью-ланаркского эксперимента, Оуэн убедился в том, что подобные примеры „не заразительны“. Это привело его к борьбе за государственное вмешательство в положение рабочих путем фабричного законодательства. Неудача этой агитации, дальнейшее углубление мысли по вопросам социального порядка и возрастающая вера в торжество разума привели Оуэна к его утопическим планам, к организации „всеобщего счастья“, которое должно осуществиться при посредстве „системы единства и кооперации, основанной на всеобщей любви к ближнему и истинном познании его человеческой природы“. Это приведет к полному преобразованию всей промышленной системы, которая вообще построена на ложных основаниях. Разделение труда ухудшает расу, соперничество создает столкновение противоречивых интересов. Интерес общества

всегда в том, чтобы предложение товаров превышало спрос, а между тем получение прибыли, на которой зиждется вся нынешняя промышленная система, возможно только тогда, когда спрос равен предложению и превышает его. Оттого с изобретением машин вся промышленная система не может выйти из критического положения, грозящего разорением фабрикантам и голодовкой рабочим. Из этих положений Оуэна и всей его социалистической критики системы промышленного капитализма вытекает теория кризисов, объясняющая их несоответствием производства с потребительными бюджетами масс. Устранение всех социальных зол произойдет только в том случае, если группы производителей, пользуясь почти безграничными производительными силами, соединятся в кооперации для производства при помощи собственного труда и капитала. При этом Оуэн мечтал заглушить индустрию земледелием. Ассоциация земледельцев, сельская коммуна должна стать новой социальной ячейкой, а средством для этой реформы он считал коммунистическое устройство землевладения и создание больших земледельческих поселков. Вера во всемогущество разума и очевидность истины внушает Оуэну убеждение, что достаточно одного счастливого опыта для просвещения невежественных умов. Для достижения социального идеала он обращается с призывом к разуму всех просвещенных людей, а для усиления голоса разума — к правительствам. По мысли Оуэна, государственная власть должна явиться проводником социальной реформы. Построения Оуэна во многом родственны с построениями Фурье. Подобно последнему, Оуэн проектировал устройство пробного фаланстера в деревне и отводил первое место сельскому труду. Подобно Фурье, полагававшему, что достаточно одного счастливого опыта для внушения людям желания предпочесть организацию, обеспечивающую столько счастья, Оуэн утверждал: „Ни одна из этих ассоциаций не образуется без того, чтобы не внушить обществу желания организовать другие: они быстро будут размножаться... Перемены в характере и поведении людей, под влиянием новой системы, тотчас же станут наглядным доказательством превосходства нового порядка вещей над старым, и старое общество не замедлит распасться“. Рабство человека, по учению Оуэна, зиждется на частной собственности, браке и религии. Брак противен при-

роде и личному счастью, основан не на естественных склонностях и взаимных симпатиях, а на семейных и имущественных расчетах; он противоречит принципу равенства и приводит к плачевным результатам как в смысле нравственности мужчины и женщины, так и для их счастья. Искусственным бракам старого безнравственного мира Оуэн противопоставляет естественные союзы „нового нравственного мира“, основанные на обоюдной симпатии, взаимной искренности и привязанности. В новом нравственном мире лица, желающие вступить в брак, объявляют об этом публично на воскресном собрании. Если через три месяца они остаются при своем намерении, то заявляют об этом вторично, и это заявление регистрируется обществом. При формальном своем атеизме учение Оуэна бессознательно проникнуто христианством и, как говорит Долеанс, — „сам Оуэн имел душу христианина времен апостольских“. Религиозные взгляды Оуэна исчерпываются тремя положениями: 1) существует всемогущая причина творения, непостижимая для человеческого разума, 2) человеческая природа не ответственна и может быть изменена внешними обстоятельствами, 3) близкое наступление земного рая при исполнении заповеди милосердия и любви.

Вызванное Оуэном движение прекратилось вскоре после его смерти (1858); из остатков оуэнистов развилось так назыв. движение свободомыслящих, уже лишенное оуэновского радикализма.

Наиболее видными оуэнистами были сочетавшие свои мысли с идеями Рикардо (так назыв. *рикардианские социалисты*); из них выделились двое: Д. Годскин. Защита труда против прав капитала, 1825. И. Морган. Восстание пчел, 1821.

Затем лучший Вильям Томпсон: Исследование о распределении богатства, 1829, о котором будет еще речь впереди.

И. Ф. Брей. Как эксплуатируется труд, 1839.

Чарльз Брей. Философия нужды, 1841.

Т. Эдмонс. Практическая, нравственная и политическая экономия, 1828.

Джон Грей. Социальная система, 1831.

В. Пэр. Справедливая торговля, 1854.

В России оуэнистов не было.

Из многочисленных сочинений Р. Оуэна переведено на

русский язык одно: „Об образовании человеческого характера“, СПб. 1893 г.

По-русски об Оуэне писали:

Добролюбов, Н. „Р. Оуэн и его попытка общественных реформ“ в „Современнике“ № 1 за 1859 год. Перепечатывается во всех изданиях сочинений Добролюбова.

Каменский. „Р. Оуэн, его жизнь и общественная деятельность“. Биографический очерк, изд. Павленкова.

Волкова, Е. Ф. „Пророк разумного общества Р. Оуэн его жизнь и деятельность“ („Научно-популярная библиотека“ № 7, изд. „Польза“, Москва).

Из переводных сочинений о Р. Оуэне можно указать:

Долеанс, Э. „Р. Оуэн (1771 — 1858)“. Москва, 1906.

Либкнехт, В. „Р. Оуэн. Его жизнь и общественно-политическая деятельность“. СПб., 1905, изд. „Молот“.

Об оуэновских коммунистических опытах в Соединенных Штатах Америки говорит Морис Халкуит, „История социализма в Соединенных Штатах“, 2 изд. Петербург, 1919.

Затем оценку Р. Оуэна дают: Энгельс, „Положение рабочего класса в Англии“; Гельд, „Развитие крупной промышленности в Англии“; Вебб, „Социализм в Англии“; Тойнби, „Промышленный переворот в Англии в XVIII столетии“ и др.

ГЛАВА V.

Этьен Кабэ (1788—1856) и икарыйский коммунизм.

Великими утопистами не исчерпывается история утопического социализма в XIX столетии. Утопический социализм первой половины этого столетия и после времени, когда вызванные великими утопистами движения их последователей — *сен-симонистов*, *фурьеристов* и *оуэнистов* — сходят со сцены, продолжает жить в двух направлениях: в форме постепенно нарастающего *революционного* утопизма и в форме *мирного*. Особенно значительна была вспышка, вызванная во Франции Кабэ, обосновавшим мирный „икарийский коммунизм“.

Утопист Этьен Кабэ (1788 — 1856) — сын простого рабочего-бондаря. Он посвятил себя адвокатуре с целью защищать

бедных и слабых. Под влиянием „Утопии“ Кабэ стал коммунистом и в 1840 году издал свое основное сочинение, утопию „Путешествие в Икарию“, самую популярную накануне февральской революции во Франции утопию. Кабэ надеялся „осуществить свою утопию, в условиях капиталистического окружения, путем создания в действительной Америке — Нового Иерусалима“. Кабэ обращался не только к человеколюбию буржуазных сердец“. Пользуясь большими симпатиями в рабочих массах, он в 1847 году выступает с планом переселения в Америку, чтобы организовать там маленькую Икарию. За помощью он обратился к различным рабочим обществам, в том числе и к „Просветительному Обществу“ в Лондоне, руководители которого Вауэр, Милль, Шаппер, Лесснер — играли такую выдающуюся роль в организации „Союза Коммунистов“. Но, признавая все заслуги Кабэ в борьбе за дело рабочих, они высказались против его плана. В 1847 г. Кабэ, с целью практического осуществления своих идей, купил землю в Сев. Америке и туда в феврале отправил первую партию французских рабочих, а затем в следующем году — другие партии. Рабочие, таким образом, уходили в наиболее острое время от живой и непосредственной борьбы со старым миром. Здесь рабочие вскоре разочаровались и возвращались деревуляционизированными обратно. Когда колония начала терпеть неудачи, Кабэ лично отправился туда и временно добился некоторого ее благосостояния, но не надолго. Изгнанный в конце концов из колонии и осужденный учениками, Кабэ умер в 1856 году.

Учение Кабэ проникнуто сентиментально-этическим характером. „Путешествие в Икарию“, в котором Кабэ изложил его, написано в форме путевых записок некоего английского лорда, посетившего „Икарию“, страну с идеальным государственным строем. „Народ Икарии — брат всем народам“ — такова надпись на громадной арке городских ворот столицы Икарии. Коммунистический строй был осуществлен в Икарии „постепенно“, без революции, путем мирного распространения идей. Убедившись в несовершенстве старого социального строя, икарийцы избрали Икара диктатором, возложив на него постепенное осуществление коммунистического идеала в течение 50 лет. Лорд встал этот идеал уже осуществленным. Все государство разделено на сто провинций, в каждой провинции 10 общин.

В центре каждой провинции город, разбитый по плану столицы. Каба подробно описывает не только план города и его устройство, но и устройство квартир, мебель, украшения и все самые мельчайшие подробности. Жители Икарии заботятся о соединении прекрасного с полезным. Даже из реклам они делают украшения для стен. Произведениями искусства не приходится любоваться в тесных музеях: они всюду — в садах, на улицах. У икарийцев общее имущество, общий труд, общие права и обязанности, общее бремя и общее пользование. Труд в Икарии обязателен от 6 до 7 часов для взрослых, причем каждый гражданин избирает себе отрасль труда по своим способностям. Однако раз избранная работа навсегда становится специальностью гражданина. Труд приятен настолько, что никто от него не уклоняется. Грязные и тяжелые работы исполняются машинами. Все в Икарии строго регулировано законом — время и порядок работы, даже домашняя жизнь. Во всем соблюдается строгое равенство. Гений не награждается лучше других: своими дарованиями он обязан природе, а их развитием — общественным учреждениям. Всем владеет республика, она организует промышленность, обработку земли, производит все необходимое для жизни и доставляет гражданам пищу, помещение, мебель. Брак почитается священным, супруги равны, заключается брак по собственному выбору, развод допускается только в виде исключения. Супружеской неверности не бывает. Имея в виду потомство, государство весьма заботливо относится к браку. Молодежь снабжается руководствами по анатомии, физиологии и гигиене. Женщинам читаются лекции по гигиене беременности. Оттого икарийцы рождаются хорошо сложенными.

Воспитывают детей в семье. С 5 до 18 лет мальчики и до 17 лет девочки посещают школу. Обучение совместное. В каждой школе ученики и ученицы вырабатывают нравственный кодекс, имеют свой выборный товарищеский суд, благодаря чему с раннего возраста дети развиваются, как граждане. Все урегулировав, икарийцы организовали и религию. „Как и все учреждения Икарии, религия представляет собою произведение самого народа“. Это — чистый деизм, причем каждому предлагается следовать тем или иным догматам. Ученики знакомятся с религией по окончании образовательной школы. Преподается она не священником, а профессором философии.

Жрецы существуют не для богослужения, а только для нравственных назиданий. Печать в Икарии находится под строгой цензурой, так как Икар решил, что свобода печати необходима только для борьбы с аристократией и монархизмом. Правители избираются, но власть избранных правителей не ограничена. Мнения большинства получают силу закона не только в вопросах общественного благоустройства, но и в вопросах науки и искусства.

Излагая в конце своего сочинения исповедание своей веры, внушившей ему его утопию, Кабэ говорит, что верит в несчастное создание мира. Он создан первопричиной — природой; исследовать ее бесполезно, ибо она превосходит силу нашего разума. „Природа желала, чтобы человек был счастлив“. Природа — общая мать, поэтому люди должны считать себя братьями и образовать одну семью. Несчастье людей проистекает от невежества и дурного социального устройства, более всего от неравенства, источника преступлений; неравенство же является следствием частной собственности. Равенство не должно иметь никаких границ, кроме невозможного. „Естественная справедливость не допускает, чтобы один имел излишек, когда другой лишен необходимого. Не природа создала частную собственность, она — человеческое изобретение“.

Кабэ отличался чрезвычайной нетерпимостью к чужим мнениям. Он считал себя единственным пророком коммунизма и полагал, что было бы полезно сжечь все книги, напечатанные до него. Кабэ не был самостоятельным мыслителем, и его утопия является только соединением различных мыслей из предыдущих теорий. Но он был способным агитатором, и влияние его учения на французский пролетариат того времени было весьма значительно.

„Икарийская попытка“ была последним отголоском в XIX в. идей великих утопистов, хотя мирная утопическая форма распространения своих взглядов удержалась до середины века. В XIX веке был отвергнут и самый способ осуществления нового строя путем организации небольших показательных общин, вкрапленных в старое буржуазное общество. Вместе с тем пала вера в отдельных преобразователей, „пророков“ и меценатов, способных единоличным своим талантом или деньгами изменить социальную структуру общества.

Единовременно с „мирным“ коммунизмом жил и развивался и *революционный* коммунизм, идеи которого проповедывали бланкисты и особенно в первой половине 40-х годов Теодор Дезами и его товарищи.

Так наступила эпоха разочарования утопизмом и началось время определения новых путей, что составило содержание *переходной* эпохи 30-х и 40-х годов в Европе. Появляются новые учения, служащие мостом от утопизма к будущему научному социализму, учения Вильгельма Вейтлинга, Луи Блана, Дезами, Прудона и некоторых других писателей, выступавших до революции 1848 года.

Относительно Кабэ русская литература очень небогата.

Люкс, Г. Этьен Кабэ и икарыйский коммунизм. СПб.

Гепнер, Адольф. Икарыйцы в Северной Америке. СПб. („Знание“), 1906 г.

ГЛАВА VI.

Социализм в Англии.

1. Ранние английские аграрные социалисты.

XVIII век в Англии завершился тою индустриальною революциею (1770—1800), которая бесспорно является одним из величайших исторических событий нового времени. „Все человечество, — говорит один историк социализма в Англии, — вовлекалось на путь индустриальной революции, причем ее влияние было несравненно шире и глубже влияния других исторических событий — античной культуры, крестовых походов, реформации, великой французской революции, наполеоновских войн, национальной борьбы и новейшего империализма“¹.

Индустриальная революция, вводя новую систему производства, тем самым создавала основу для нового социального уклада, выдвигала новые средства для устранения бедности и эксплуатации, угнетения и подавления человека и рабочего класса; словом, она создавала современный социализм, эту идеологию

¹ М. Беер. „История социализма в Англии“ (по-немецки). Штуттгарт, 1913 г. Рус. пер. Москва (Госиздат), 1923.

революционного — отныне складывающегося в новый грозный общественный класс — пролетариата.

В Англии промышленная революция к концу XVIII века выразилась и в обострении классовой борьбы, и в быстрой пролетаризации масс, и в усиленном введении машин, и в концентрации капиталов. Стачечная борьба этой эпохи была энергична и длительна. Материальное положение английского пролетариата было совсем невыносимо. Трехтомное исследование — первое в Англии в этом роде — некоего сэра Мортона Эдена („История рабочих классов в Англии“, Лондон, 1797) рисует очень тяжелую и беспросветную картину нужды и горя. Она волнует более отзывчивые слои английского общества, тем более, что и раньше уже раздавались серьезные и предостерегающие голоса. Так, еще в 1756 году в Англии появилась обратившая на себя внимание анонимная брошюра, принятая первоначально за сочинение влиятельного лорда Болинброка: „В защиту естественного общества“. Здесь указывалось, что все социальное зло происходит от неравенства и отступлений от естественного порядка. Этот талантливо написанный памфлет оказался принадлежащим перу молодого Эдмунда Борка (Ed. Burke), впоследствии ярого реакционера и влиятельного врага идеологии великой французской революции. Памфлет проникнут тогдашними передовыми идеями „естественного порядка“ Морелли и рассуждениями о неравенстве Жан-Жака Руссо. Весь строй мыслей Борка носит явно-социалистический характер. В отличие от Руссо, автор главное зло современности усматривает в государстве. Впоследствии, став влиятельным вельможею, Борк, хотя и переиздал свой памфлет, но, стыдясь идей своей молодости, в предисловии ко второму изданию пытается, но неудачно, придать своему сочинению характер сатиры на идеи естественного права.

2. Томас Спенс и его последователи — спенсонианцы.

Совсем в ином духе развивалась социалистическая критика другого писателя Томаса Спенса (1750 — 1814).

Перед нами — оригинальная и мужественная фигура. Историк социализма в Англии Беер говорит, что Спенс „первый про-

летарский бунтарь против существующих порядков, человек твердых и глубоких убеждений, высокого мужества, — мученик преобразовательных идей социализма“. Вся история жизни Спенса подтверждает сказанное.

Томас Спенс родился в 1750 году в Ньюкестле, небольшом городке на реке Тайне. Здесь отец его, хотя был только вязальщиком рыболовных сетей и сапожником, сумел превратить свою мастерскую в классную для своих многочисленных детей. Работая, дети читали и пересказывали прочитанное своими словами и рассуждали. Современные писатели и вопросы естественного права и нравственной философии были подробно обсуждены отцом и детьми. Среди последних выделился сын Томас, ставший вскоре бухгалтером, а затем учителем в организованной им самой маленькой школе. Спенс существовал этою школою, но ее пришлось закрыть из-за протестов местного населения, раздраженного воззрениями учителя, изложенными в его докладе Ньюкестльскому Философскому Обществу — о преобразовании общества путем отмены частной собственности на землю. Оставшись таким образом без заработка, двадцатипятилетний Спенс был вынужден перебраться в Лондон. Начался новый период его жизни.

Доклад Спенса был навеян как идеями Локка, так и тогдашними социальными условиями: судебными процессами горожан против „огораживания“ полей городскими общинами, продолжавшими хищническую политику лендлордов, злоупотреблениями при выборах и крайним бюрократизмом английского управления. Текст и заглавие ньюкестльского доклада Спенса не сохранились, но основные его идеи, с переездом автора в Лондон, где он занялся уличной книжной торговлею, стали известны как из опубликованной им брошюры: „Действительные права человека“ (1793) и следовавшего за нею памфлета: „Полуденное солнце свободы“ (1796), так и из его листков и медалей, выбитой с лозунгами его социального плана. Листки и медаль он раздавал и распространял среди лондонской публики. Всю свою жизнь, начиная с 1775 года, Спенс резко и энергично агитировал за превращение частной земельной собственности в собственность коллективную. Наличие *лендлордизма*, т.-е. чрезмерно-крупных земельных владений в руках отдельных частных лиц, преимущественно богатых и влиятельных лор-

дов, создавала почву для пропаганды Спенса и встретила горячее сочувствие среди трудящихся. В Англии население издавна остро испытывало неисчислимые неудобства и стеснения от земельной тесноты и несправедливого захвата земель богачами. Поэтому страстная, неутомимая и открытая агитация Спенса волновала английское население, всегда чутко отзывавшееся на идеи *аграрного социализма*.

С 1793 года Спенс начал издавать небольшой критический еженедельник под названием: „Pig's Meat“, т.-е. „Свиное мясо“ или „Свиной корм, или поучение свинскому населению“, посвященный „трудящейся части человечества“, с целью сообщить ей правильные идеи об ее действительном положении, ее значении и правах. Странное для социалистического журнала заглавие было заимствовано из грубого окрика по адресу социалистов, произнесенного в парламенте Эдмундом Борком, ставшим тогда врагом революции и народа.

Журнал Спенса выходил в дни Великой Французской Революции, волновавшей Англию, в течение трех лет (1793—1795), когда за тон и пропагандируемые в журнале идеи Спенс был арестован и заключен на полгода в тюрьму. В виду успеха „Свиного корма“ среди рабочих и ремесленников, журнал в 1796 г. был переиздан в одном компактном томе. В том же году Спенс опубликовал „Конец гнета“, а в следующем — „Права детей“. Здесь он отстаивал „естественное право матерей на долю продуктов, достаточную, чтобы вскормить и поставить на ноги потомство“, а также полемизировал с Томасом Пэнном, знаменитым публицистом своего времени, заявляя, что никакое улучшение социальных условий в Англии невозможно, пока земля остается частной собственностью.

В 1801 году Спенс издал „Возвращение общества к его естественному состоянию“ — сочинение, в котором, в виде писем, содержится открытый призыв к борьбе за аграрный социализм и демократию. За опубликование этого сочинения Спенса привлекли к судебной ответственности, обвиняя его в распространении „мятежных“ мнений. Суд приговорил Спенса к годовому тюремному заключению и денежному штрафу. На суде Спенс защищался сам и превратил судебное заседание в арену для распространения и защиты своих взглядов. В своей защитительной речи обвиняемый умело изложил историю своей

жизни, богатую нуждою и борьбою, прочитал свои брошюры и воззвания, комментируя их образными справками из социальной истории Великобритании. Получилась сильная картина. Вся лондонская печать была вынуждена заняться учением Спенса. Спенсионизм уже нельзя было замолчать.

В 1805 году было опубликовано последнее сочинение Спенса, наброски которого появились впервые в 1798 году: „Руководство к созданию тысячелетнего царства или счастливого мира, извлечение из конституции и декларации прав Спенсонии“. Это сочинение больше известно под названием „Спенсонии“, своего рода утопии. Спенс составил конституцию для своей волшебной страны „Спенсонии“, лежащей между Утопиею и Океаной. Конституция распадается на две части: 1) провозглашение „демократических принципов“ — дословное повторение известной „Декларации прав человека и гражданина“ Великой Французской Революции, и 2) „Социально-аграрный кодекс“, представляющий, между прочим, гражданские права женщинам и уничтожающий право частной собственности на землю.

Главнейший пункт конституции будущего общества гласит, что „все люди равны по своей природе и перед законом; все они имеют вечное неотчуждаемое право на землю и на ее продукты“. Для осуществления этого в „Спенсонии“ вводится аграрный коммунизм, частное землевладение конфискуется государством без всякой компенсации за это землевладельцев. При этом Спенс рассуждал следующим образом: некоторые думают, — указывает Спенс, — что собственники должны быть вознаграждены за те улучшения, за ту обработку почвы, какую они произведи, обладая землею. Спенс протестует против такого вознаграждения: ведь руками рабочего класса произведены, главным образом, все мелиоративные работы. Руки собственников обычно трудятся очень мало. Зачем же их вознаграждать за чужой труд?

Итак, земля должна быть передана обществу. Под обществом Спенс понимает не большой коллектив — государство или провинцию, а маленькую общину. Земля должна быть передана городским и сельским общинам. Но сама община не будет вести хозяйства. Всегда найдется достаточное количество лиц, желающих снять у общины ее землю. Земля поэтому делится на участки и сдается в аренду с аукциона тем лицам, которые

дадут большую арендную плату. Из собранных арендных сумм сначала уплачиваются государственные и провинциальные налоги, удовлетворяются общественные нужды и потребности, остаток же средств (Спенс верит, что такой остаток будет делиться между жителями общины на совершенно равные доли для всех, не различая богатых и бедных, мужчин и женщин, взрослых и детей. „Все мужчины, женщины и дети, как брачные, так и внебрачные (ведь природа и справедливость ничего не знают о незаконности рождения), имеют равные права на арендные деньги родной общины. Деньги делятся каждую четверть года, и раздел может быть произведен лишь по уплате государству и провинции прямых налогов и после покрытия расходов общины“. Так гласит параграф шестой „конституции Спенсонии“.

Проповедь такого рода идей в дни политической реакции, наступившей после казни Людовика XVI и террора, введенного Конвентом, превратила скромного, но настойчивого и мужественного Спенса в олицетворение „ужасов“ революции. За ним стали строго следить и преследовать. Спенс был дважды арестован и содержится в тюрьме.

Все же, в конце концов, неутомимая и непреклонная проповедь аграрно-социалистических идей принесла свои плоды. В 1812 году, уже стариком, за два года до своей смерти, Спенс основал Союз приверженцев своего учения, получивший наименование „Спенсианских филантропов“. Союз „спенсонянцев“, состоявший из 40 человек, набранных среди пролетариев и сочувствовавших им отдельных интеллигентов, начал энергично и смело агитировать. Агитация спенсонянцев совпала и сливалась с энергичной политической агитацией защитников реформы избирательного права. Началась организация людных митингов, а противодействие полиции и властей вызвало желание еще более энергичных действий. Рабочие круги были еще полны мести за кровавую расправу с ними, получившую саркастическое наименование битвы „при Патерло“ (вместо „битвы при Ватерлоо“), где в 1819 году были свирепо расстрелены толпы беззащитных рабочих.

Вообще, со времени окончания наполеоновских войн и наступления экономической депрессии и политической реакции, среди английского пролетариата возникло массовое стихийное

движение, вылившееся в ряд активных террористических выступлений, получившее наименование движения „луддитов“. Объектом ненависти рабочих масс были машины, эта основа крупного промышленного производства. Разрушение машин вызвало кровавые репрессии. В 1813 году мужественно вошли на эшафот трое рабочих, вождей луддитизма, среди них Джордж Меллор, красноречивый и отважный. Затем последовал правительственный террор и ряд новых казней.

Знаменитый поэт лорд Байрон сложил в честь луддитов боевую песнь, в которой сравнивал борьбу рабочих с деятели американской войны за независимость и политическую свободу.

Такое активное революционное настроение охватило и спенсиянцев. Ряд созданных ими многолюдных бурных митингов подготовил выступление. Умелый провокатор направил разросшееся возбуждение против особенно реакционных министров. Подготавливавшееся вооруженное восстание было пресечено помощью полиции и гусаров, осведомленных о выступлениях. В 1819 году „Общество последователей Спенса“ было закрыто, просуществовав пять лет; наиболее энергичные его члены поплатились за неудачную попытку вооруженного восстания арестом и судебным процессом. Пятеро из них были казнены в 1820 году, остальные шестеро сосланы в австралийские каторжные колонии.

К этому же времени относится и появление сочинения социалиста Чарльза Галля (Hall, 1745? — 1825?): „Влияние цивилизации на народные массы европейских государств“ (1805).

3. Чарльз Галль.

Галль имел сильное влияние на развитие идей раннего английского социализма своими воззрениями на происхождение земельной ренты и дохода на капитал, которые он считает несправедливым вычетом из продукта труда. Галль ясно и мотивированно провозгласил право рабочего на полный продукт труда и исследовал влияние прогресса цивилизации на социальное положение трудящихся народных масс. Он определил пагубность этого влияния, как создающего, с одной стороны, рост нетрудового дохода богатых классов, с другой —

увеличение размеров труда для бедных. Галль считает, что это социальное неравенство нигде не достигло такого размера, как в Англии, где, по его мнению, четыре пятых населения пользуются лишь $\frac{1}{8}$ дохода от своего труда. Они, по расчету Галля, работают в сутки на самих себя не более одного часа, расходуя все остальное время на нанимателей. Для проведения в жизнь своих взглядов Галль рекомендовал ограничение прав наследования и изготовления предметов роскоши, введение коллективного владения землею, но с индивидуальной системой пользования, и проведение в жизнь полностью трудового начала.

Спенсонианское движение умерло, уступив место более мирному реформистскому движению, вызванному Робертом Оуэном. Спенсонианство возродилось позднее в учении Генри Джорджа и Альберта Уоллеса. Основное сочинение Г. Джорджа аграрно-социалистического направления — „Прогресс и бедность“ — во второй половине XIX столетия много лет волновало европейское общество многих стран.

1819 год был временем особенно энергичных репрессий. Министерство принца-регента, — король Георг III был стар, слеп и душевно-больной, — спешно провело ряд свирепых исключительных законов, получивших наименование „Шести Актв“. Согласно этим законам, у населения было отобрано огнестрельное оружие, запрещено устройство собраний и закрыты редакции дешевых рабочих газет.

Чуткий и высокоталантливый поэт Шелли в следующих выражениях описывал состояние Англии в 1819 году:

Король — старик презренный и слепой,
Подонки расы отупело-праздной,
Обжоры-принцы, грязь из лужи грязной,
Правители с пустою головой, —

К родной стране прильнул из них любой,
Бесчувственно, пьявкой безобразной,
Войска, смерть воли, омут непролазный,
Народ — голодный, загнанный, немой, —

Свирепые подкупные законы,
Что в петлю завдекают и казнят,
Святоши, что везде рождают стоны,
Гнуснейший хлев, бессмысленный Сенат, —

То черные могилы, из которых
Да встанет призрак с пламенем во взорах!

Шелли, как и все лучшие люди его времени, не мог примириться с описанным положением вещей и рвался к революции. В память мучеников при Патерлоо Шелли написал „Песнь к защитникам свободы“, где призывал народ проснуться и разбить оковы, сомкнутые вокруг свободы, и смело идти в бой. Тогда же была им составлена рабочая марсельеза „Песнь к британцам“. Вот она:

Британцы, зачем вы волочите плуг
Для лордов, что в тесный замкнули вас круг?!
Зачем вы готовите пышные платья
Тиранам, которые шлют вам проклятья?
Зачем бережете вы, жалко стеля,
От первого дня до последнего дня,
Шершней беззастенчивых, пот ваш сосущих, —
Не пот ваш сосущих, а кровь вашу пьющих?
Зачем вы, о, пчелы родимой страны,
Оружье и цепи готовить должны,
Чтоб шершни без жала, презревши заботы,
У вас отнимали добычу работы?
У вас есть достаток, досуг и покой,
Уют и слиянье с душой дорогой?
Что ж вы покупаете этой ценою,
Томленьем, и страхом, и мукой тройною?
Хлеба вы вырастили, — другой их пожнет;
Богатства нашли вы, — другой их возьмет;
Вы платья соткали — кому? — для чужого;
Оружье сковали — для власти другого.
Растите хлеба, — но не наглým глушцам;
Ищите богатства, — не дерзким лжецам;
И тките одежду, — но смерть паразиту,
И куйте оружие — себе на защиту.

4. Вильям Огильви (1736 — 1819).

Идеи необходимости земельной реформы воодушевили и другого англичанина — эдинбургского профессора Вильяма Огильви, выступившего через пять лет после Спенса с анонимным исследованием: „Опыт о праве собственности на землю“ (1780). Огильви усматривал главный источник социальных бедствий в неограниченном праве собственности на землю. Он, — согласно учению естественного права, — полагал, что каждый должен иметь равную долю на землю, и что вся земля, как воз-

дух и вода, дана людям в общее владение. Для того, чтобы согласовать естественное право с современными условиями и с прогрессом сельского хозяйства, который покоится только на частной земельной собственности, Огильви предложил следующий план: государство должно заставить лендлордов сдать в вечную аренду примерно половину своей сельскохозяйственной площади за небольшую годовую ренту, определяемую особыми комиссиями. Площадь каждого из арендуемых участков не должна превышать 40 акров; арендаторы не вправе их дробить, а должны оставлять их в наследство одному из сыновей. В то же время арендаторы должны быть связаны с помещиками известными феодальными правами и обязанностями, чтобы таким образом обеспечить устойчивость всего государства.

Таким образом проект Огильви представляет собою мешанину из естественного права, феодализма и системы мелкокрестьянских аренд. Его „положительные“ воззрения не могли иметь успеха, но вполне значительна его социальная критика, вполне реальная и меткая. Поэтому воззрения Огильви оказали значительное влияние на ряд социалистических и демократических писателей того времени: на Вильяма Годвина (1756 — 1836), Чарльза Холла (Hall, 1745 — 1825) и чартиста Джемса О'Брайена.

5. Вильям Годвин (1756 — 1836).

Вильям Годвин — крупный и радикальный писатель, резко критиковавший социальную систему своего времени. Его большое „Исследование о политической справедливости“ (2 тома, 1793 г.) устанавливало в виде идеала общественное устройство без государственной власти и частной собственности. Книга оказала громадное влияние на современников. Один из них писал, что „трактат Годвина нанес английскому обществу удар прямо в грудь, — удар в своем роде единственный, страшный и сокрушительный“. Автор поставил себе задачей вскрыть все недостатки и пороки существующего общества, установить их общие причины и логически доказать, что всеобщее благо достигается только с принятием „на практике заповедей спра-

ведливости". С точки зрения последней он осуждает частную собственность и высказывается за экономическое равенство.

Второе сочинение Годвина — „Опыт о скупости и щедрости“ содержал идеи социальной критики и обвинял социальное устройство, как источник социальной несправедливости. Это был тот памфлет, против которого был направлен знаменитый труд Роберта Мальтуса „Опыт о народонаселении“.

Перу Годвина принадлежит ряд других сочинений из области истории литературы, беллетристики и злободневных вопросов. Рано умершей жене Годвина, Мэри Вольстонкрафт, принадлежало сочинение „Защита женских прав“, вышедшее в 1792 году.

Анархисты считают Годвина своим английским предтечей, хотя Годвин, по своему анализу вопроса о происхождении дохода на капитал и по отстаиванию права рабочего на полный продукт своего труда, с известным правом может быть зачислен и в ряды ранних английских предшественников научного социализма.

Идеи всех приведенных писателей, от Спенса до Годвина, покоились на этических мотивах и соображениях правового и морального характера, между тем английская жизнь выдвигала ряд серьезных экономических противоречий, которые требовали анализа и выяснения. Эту задачу ставила себе школа Адама Смита, или классическая. Ее учение складывалось в дни индустриальной революции, защищало ее успехи и достижения и тем самым становилось теоретическим изображением новой английской промышленной буржуазии.

Классическая школа являлась, таким образом, определенной классово идеологиею, а книга Смита — своего рода евангелием буржуазии.

То же направление развивали и ближайшие ученики профессора Адама Смита — пастор Роберт Мальтус (1766 — 1834) и банкир Давид Рикардо (1772 — 1823).

В теоретическом смысле для последующего развития науки особенно интересны воззрения Рикардо. Этот выдающийся экономист довел до крайних пределов воззрения промышленной буржуазии и, вскрыв основные противоречия социального уклада, дал исходные пункты для обоснования основных положений социализма. Рикардо таким образом является как бы

узловой станцией для основных направлений экономической науки — буржуазного (смитианство) и социалистического (Рикардианские социалисты).

Последними займемся более внимательно.

6. Рикардинские социалисты.

За группой более ранних аграрных социалистов — Спенс, Огильви,⁴ Галль — с двадцатых годов XIX столетия выступает вторая, обосновавшая свои воззрения на противоречиях, вскрытых Рикардо — *рикардианские социалисты*. Это довольно значительная группа писателей, среди которых имеются два уклона — социалистический и индивидуалистический.

Первый поддерживается идеями Роберта Оуэна, второй отрицательно относится к тактике и целям социализма, хотя с последним их сближает сходство социальной критики.

К первому, социалистическому уклону относятся:

1. Абрам Комб (1785 — 1827),
2. Вильям Томпсон (1785 — 1833),
3. Джон Френсис Брей,
4. Джон Минтер Морган (1782 — 1854).

Ко второму, индивидуалистическому уклону относятся:

1. Перси Равенстон,
2. Анонимный „Памфлетист“,
3. Томас Годскин (Hodgskin, Годжскин, 1789 — 1869).

Среднее место между ними занимает:

Джон Грей (1798 — 1850).

Воззрения только-что перечисленных писателей, объединяемых под общим наименованием „рикардианских социалистов“, складывались в начале XIX века под двойным влиянием: 1) мировоззрения идеологов Великой Французской Революции и 2) социально-экономических наблюдений, сделанных на основе потрясений, вызванных „индустриальной революцией“. В обеих группах суждений не было единства. Такое же отсутствие единства суждений было и в воззрениях духовного главы эпохи — „великого“ утописта Роберта Оуэна, само уче-

ние которого развивалось и изменялось, и социальная проблема у которого заключала в себе двойственность. Оуэн в эпоху между 1815 и 1820 годами развил две социально-критические теории, из которых вытекали две различные социально-политические программы: одна, коммунистическая, усматривавшая источник социального вопроса и путь к его реформе в производстве и распределении, другая — буржуазная, видевшая способ уврачевания социального зла в сохранении частной собственности, денежной системе и в обмене.

Сообразно обоим уклонам складывались и воззрения рикардянцев.

Относительно обоих влияний необходимо заметить следующее.

Идеологи Великой Французской Революции обосновывали свой социализм и свою основную идею равенства на *естественно-правовой и этической* базе. Это было просто и понятно. Сложнее было влияние „индустриальной революции“, где играли роль уже чисто-экономические соображения. Их и рассмотрим.

Как известно, последняя четверть XVIII столетия была эпохой коренного изменения в технике промышленного производства. Ряд вызывавшихся требованиями времени изобретений ¹ произвел полный промышленный переворот в наиболее передовых европейских странах, в особенности в Англии. Под влиянием этой *индустриальной революции* (1770 — 1800) быстро складывался и нарастал индустриализм, привлекавший к себе большие средства и сам — в силу эксплуатации рабочего класса, ряды которого все возрастали — ставший новым источником для роста капитала. Все способствовало развитию и обогащению *новой промышленной буржуазии*.

В 1776 году вышло замечательное сочинение английского философа Адама Смита: „Исследование природы и причины богатства народов“, теоретически оправдывавшее новые экономические условия, созданные промышленною революцией. Хотя личные симпатии Адама Смита были целиком на стороне земледелия и рабочего класса, но его теория, защищавшая си-

¹ Напр., Харгривс в 1765 г. изобрел прядильную машину, Аркрайт в 1767 г. — водяную раму, что произвело переворот в хлопчатобумажной промышленности, Джемс Уатт в 1769 г. — паровую машину и т. д.

стему разделения труда, частную инициативу и свободную конкуренцию, восхваляла экономическую политику промышленников, а поэтому стала рассматриваться, как евангелие новой буржуазии. Адам Смит излагал преимущественно общие теоретические вопросы политической экономии, которую он первый привел в одну стройную систему, получившую в силу своей законченности название классической. Его ближайшие ученики, Давид Рикардо и Роберт Мальтус, распространили его учение на важнейшие вопросы прикладной или практической политической экономии, или так наз. экономической политики. Рикардо доказывал, что громадный земельный доход, „земельная рента“, извлекавшийся английскими крупными землевладельцами (лендлордами) из труда своих арендаторов, происходил от причин, ничего общего с социальными отношениями не имеющих. Рикардо объяснял земельную ренту, как доход, происходящий из разницы (дифференции) между состоянием или плодородием различных земельных участков, а отнюдь не из присвоения труда земледельцев землевладельцами, т.е. он доказывал, что земельная рента не является в результате социальных отношений, а как итог естественных условий.

Роберт Мальтус доказывал, что вообще никакого рабочего вопроса не существует, и что все бедствия рабочего класса, численно к этому времени сильно возросшего, происходят не от социальных причин, а от причин естественных, *биологических*, т.е. усиленного и неурегулированного размножения пролетариата. Он положил основание особому решению рабочего вопроса — мальтузианству, перелавившему ответственность за социальные бедствия с общественного строя и капиталистов на самих рабочих.

Несмотря на свои реакционные социально-экономические воззрения, и Мальтус и особенно Рикардо не могли отрицать принципиального и непримиримого противоречия, обнаруженного ими между интересами труда и капитала. Ультра-буржуазный экономист Рикардо пришел к выводу, что доход от капитала обратно-пропорционален заработной плате. Рикардо доказывал это положение вполне объективно и научно. Эти взгляды Рикардо, изложенные в его „Основаниях политической экономии“, вышедшей в 1817 году, явились исходным пунктом для воззрений ряда английских социалистических писателей

двадцатых и тридцатых годов, получивших общее наименование *рикардианских социалистов*. Они шли дальше Рикардо и доказывали непримиримость основных интересов буржуазии и пролетариата и рассматривали доход капиталиста, как присвоение труда рабочего. Как уже было сказано, учителем коммунизма был в ту эпоху великий утопист Роберт Оуэн (1771—1858), который уже понимал важное значение машин и стремился к новому социальному строю.

А. Рикардианцы коммунистического уклона.

1. Абрам Комб (1785—1827)—энергичный последователь Оуэна, посетивший Нью-Ланаркскую фабрику и увлекшийся идеями его основателя. Он выпустил критикующую социальный строй Англии книжку: „Метафорические очерки старой и новой системы“ (1823) и основал коммунистическую колонию в местечке Орбистоне, близ Глазго. Комб горячо взялся за устройство колонии, но непомерною работою надорвал свои силы и преждевременно скончался. После его смерти начавшаяся было налаживаться колония распалась.

2. Вильям Томпсон (1785—1833)—величайший из числа рикардианцев теоретик, наиболее среди них выдающийся и убежденный писатель-экономист. Первоначально Томпсон был утилитаристом, т.е. последователем идей Иеремии Бен-тама и противником идей Оуэна. Эта точка зрения, но уже в колеблющемся и сомневающимся тоне, изложена им в большой и серьезной теоретической работе: „Исследование о принципах распределения богатств, наиболее соответствующих человеческому счастью“ (1824).

Изучая далее социальные условия, Томпсон все более увлекается идеями Оуэна и становится последовательным коммунистом и критиком системы конкуренции и частно-хозяйственной системы. Новая позиция целиком отразилась в его втором труде: „Вознаграждение труда“ (1827), где он полемизирует с Годскином.

О жизни и образовании Томпсона, ирландца по происхождению, сведений нет. Неизвестен также характер идей, воздействовавших на создание его мировоззрения. Он был личным другом Бентама и уже взрослым человеком подвергся влиянию

Оуэна. Томпсон был владельцем небольшой усадьбы, дававшей ему крохотную ренту, на которую он прожил всю свою скромную жизнь. Одно время Томпсон сильно увлекался кооперацией, на устройство учреждений которой он завещал свою недвижимость. Слабый здоровьем, всегда болезненный, Томпсон был человек кабинетного типа, последовательный и строгий вегетарианец и совершенный трезвенник. Томпсон умер сравнительно рано.

Его идеи несомненно были известны К. Марксу и Прудону. Томпсон, как и Р. Оуэн, агитировал в пользу кооперации. Томпсон доказывал, что ценность, созданная трудом, должна поступать лишь тому, кто явился ее создателем, другими словами, что каждый рабочий имеет право на весь продукт своего труда. А так как в современном строе рабочие получают лишь то, что необходимо только для поддержания их существования, то остаток созданных ими ценностей достается собственникам земли и капитала в форме земельной ренты и прибыли на капитал. Томпсон указывал, что при современном общественном строе, при котором существует частная собственность на землю и капитал, рабочий вынужден отдавать часть своего трудового дохода собственникам помещений, машин, инструментов и сырья. Он полагает, что такое ограничение права на весь продукт труда заходит далее, чем это необходимо даже для соблюдения интересов собственников, и что тем самым создается несправедливый принцип распределения. Но, признавая за рабочими право на весь продукт его труда и рассматривая доход капиталиста, как вычет из всего продукта, Томпсон не делает из этого никакого практического вывода. Вообще, резкий в своей критике существующего строя, Томпсон осторожен в деле предложения изменений и реформ. И хотя несомненно, что перед его умственным взором встает картина будущего социалистического устройства, он стремится к социализму чисто утопическим путем. Так же, как и Роберт Оуэн, который оказал на него громадное влияние, Томпсон желал бы насадить в существующем строе социалистические общины. Группа лиц, могущих совместным трудом произвести предметы, необходимые для удовлетворения потребностей, добровольно соединяется в хозяйственную организацию. Здесь, пользуясь всеми средствами науки и искусства, они сообща производят все им необхо-

димое, согласуя тем самым спрос и предложение. Общины занимаются земледельческим трудом, поскольку это нужно для собственного потребления. Остальная масса труда идет на промышленное производство, как для собственного потребления, так и для обмена. Земля, жилище и инструменты покупаются или, при недостатке средств, арендуются. Все выработанное распределяется не согласно труду, а согласно потребностям, ибо каждый имеет право на существование. Зато все работоспособные члены общества работают одинаковое время. Особое внимание Томпсон уделял вопросу распределения. Типичны три основоположения Томпсона, касающиеся социального распределения:

1. Труд должен быть свободен, как со стороны руководства, так и со стороны его выполнения.
2. Весь продукт труда должен быть обеспечен производителю этого продукта.
3. Обмен этих продуктов должен быть свободен.

Эти положения имеют много сходного с идеями фритредерства, или *манчестерства*, защищающего до конца свободную торговлю и свободный обмен. Таким образом Томпсон и буржуазная английская политическая экономия приходят к различным выводам, хотя исходят из одной и той же точки зрения. Буржуазная экономия классической школы считала своим идеалом проведение принципов полной экономической свободы (экономический либерализм) и стремилась сохранить современный частно-хозяйственный правовой строй с индивидуальной собственностью на землю и капитал. Социалисты начала XIX столетия, под влиянием критики утопистов и наблюдения над положением рабочего класса, настаивали на государственном вмешательстве в экономическую жизнь, на ограничении экономической свободы и на изъятии из рук собственников орудий производства. Они доказывали поэтому, что доход капиталиста — не трудовой доход, что всякая ценность — результат человеческого труда, и по Томпсону — труд единственный источник ценности. Чей труд — того и продукт. Но при существующем строе этого нет. Труд получает только долю, нужную для пропитания (закон Лассалья). Остаток, недополученный трудом, идет на образование ренты и процента владельцам земли и капитала.

Впрочем, Томпсон считает, что рабочий должен выдать владельцу зданий, машин, орудий и сырья вознаграждение за пользование этими материалами. Это вознаграждение не должно быть больше, чем жалованье лучшего мастера того же предприятия.

Но, по мнению Томпсона, многого еще не хватает до такого порядка, ибо капиталисты захватили в свои руки законодательную власть.

Такая организация гарантирует, по мнению Томпсона, наибольшее счастье наибольшему числу людей. Этот, так наз. „великий принцип утилитаризма“, заимствованный им у Бентама¹, Томпсон соединяет с утопизмом Оуэна, т.-е. в области общих образований своих воззрений ничем не отличается от многих своих современников. Но теоретические экономические воззрения Томпсона на прибыль, капитал и ренту выгодно отличаются этого писателя от его современников-экономистов. Томпсон первый в истории социалистической мысли вывел и установил понятие *прибавочной* ценности (*surplus value*), и притом как ценности, создаваемой в итоге неполной отдачи рабочему продукта его труда. Прибавочная ценность, по Томпсону, получается в итоге ограбления рабочего. Кроме идеи *права на полный продукт труда*, Томпсон отстаивает также идею *равенства распределения*. В этом смысле Томпсон является прямым предшественником Карла Маркса, обосновавшего свою систему на тех же принципах.

Основную точку зрения Томпсона разделяет Джон Брей (1798 — 1850), изложивший свои экономические воззрения на производительные и на непроизводительные классы общества, на ценность, как результат труда, защищавший идею права на полный продукт труда в сочинении „Социальная система“ (1831). Джон Брей писал в резком и приподнятом тоне, имевшем в то время успех.

¹ Утилитаризм [от латинского слова *utilis* (*utilis*) — полезный], или нравственно-философская система измерения человеческих поступков исключительно с точки зрения их пользы, была предложена английским философом Иеремиею Бентамом.

Б. Рикардианцы индивидуалистического уклона.

Во главе их стоит Перси Равенстон, опубликовавший в 1821 году: „Кое-какие сомнения насчет правильности некоторых общепринятых взглядов по вопросам политической экономии“. Политическая экономия, по мнению Равенстона, наука о социальной жизни, целью которой является не накопление богатств отдельных лиц за счет рабочего класса, как учили классики, а обоснование человеческого счастья.

Развитие современной социальной жизни стесняют: капитал, высокая земельная рента и чрезмерные налоги. Эти силы разрушают естественное право рабочих на производимые ими хозяйственные блага и непрерывно увеличивают численность непроизводительных классов, получающих все большую долю из продукта рабочих.

Капитал сам по себе не существует: это только *накопленный труд*, пустой звук, гипнотизирующий звон для надувания рабочих. Тем не менее из капитала создали фетиш, метафизическое существо, которому приписывают все завоевания социальной жизни, тогда как на труд, творца действительного капитала, смотрят, как на нищего, обязанного своим существованием милости этого метафизического существа. Прибыль — доля тунеядца в продукте рабочего: тунеядец живет прибавочным продуктом рабочего. Накопленный труд, отнятый у его творцов, превратился в руках непроизводительных классов *во власть*. Последняя с узурпированием ресурсов страны стала *властью политической*.

Экономическая и политическая власть всегда идут рука об руку. Способ распределения собственности определяет собою форму правления, нравы и характер нации. Располагая политической властью, правители начали все больше и больше прижимать труд. *Антагонизм между капиталом и трудом превратился в непроходимую пропасть*. Всякая борьба рабочих тщетна; это борьба между слабостью и силою, между взнузданным конем и вооруженным шпорами всадником.

В судорожной борьбе страдает и разлагается вся нация. Рабочий класс, взятый сам по себе, бессилен. Ему должны прийти на помощь все, кому дорого благо государства. Осво-

бодиться от гнета капитала нация может только путем революции.

Сходные идеи развивает в 1820 г. автор ставшего известным открытого письма к лорду Джону Росселю. Его автор получил наименование анонимного *памфлетиста*.

Содержание письма-памфлета следующее:

Со времени применения машин труд стал чрезвычайно производительен. Отныне капитал или накопленный труд может быть в изобилии создаваем. Тем не менее рабочие вынуждены отдавать капиталистам $\frac{6}{7}$ своего продукта за разрешение пользоваться орудиями производства и сырьем. Процент на капитал, таким образом, очень высок. А чем выше процент на капитал, тем ниже доля рабочих в их собственном продукте, тем беднее производительный класс.

Высокий процент на капитал есть доказательство того, что в наличности имеется еще мало капитала, несмотря на то, что он так легко может быть создан.

Каковы причины этих противоречивых явлений? Они следующие: *внешняя торговля*, обменивающая полезные отечественные произведения на заграничные предметы роскоши; *бумажные деньги*; *войны*; *злабные пошлины*; *законодательные ограничения промышленности*. Эти причины задерживают быстрый рост капитала и следовательно падение процента на капитал, или, — что одно и то же, — мешают повышению доли рабочих в продукте их труда. Ясно, что лекарство — в устранении этих причин, главным образом в установлении промышленной свободы. С введением последней капитал возрастет, процент понизится, положение рабочих улучшится, рабочее время сократится, плата возрастет и т. д. ...

„Падение высоты процента до нуля будет часом освобождения человечества“...

Продолжателем идей Равенстона был публицист Томас Годскин (или Годжскин, Hodgskin, 1787—1869). Он выступил на общественную арену Англии в середине двадцатых годов, т. е. в годы подъема рабочего движения, в эпоху организации самообразования, кооперации и профессиональных союзов. Поэтому, в противоположность Равенстону, Годскин настроен оптимистически и верит в возможность победы рабочих над капиталом. В начале 30-х годов воззрения Годскина ме-

няются; он приходит к убеждению, что „к свободе и равенству поведут“ не организованные пролетарии, а средние классы.

Годскин написал следующие сочинения: „Защита труда“, 1825; „Политическая экономия с точки зрения народных масс“, лекции для рабочих, 1827; „Естественные и искусственные права собственности“, 1832. Экономические воззрения Годскина были внимательно и подробно изучены и разобраны Карлом Марксом, который в своей „Истории теорий прибавочной стоимости“ остановился на некоторых рикардianцах.

Особое место между обоими уклонами занимает:

Джон Грей (1798—1850), первоначально пайщик коммунистической колонии Комба в Орбистоне, написавший в течение 23 лет — с 1825 по 1848 гг. — шесть сочинений. Из них первое: „Лекция о человеческом счастье“, Лондон, 1825, сыграло наибольшую роль, обратив на Грея внимание английского общества. В этой лекции Грей, на основании статистических данных, стремился доказать, что четыре пятых произведенного рабочими в сельском хозяйстве и индустрии отбирается у рабочего класса землевладельцами и капиталистами. Грей считает „непосредственных рабочих“ единственными действительными создателями хозяйственных благ. Все остальные труженики (врачи, чиновники, служащие) хотя и исполняют „полезную работу“, но „не производительную“. Позднее Грей обратил все свое внимание на процесс обмена и усматривал основу социальных недоразумений в денежной системе. Вопросы последней трактовались Греем в его последних сочинениях сороковых годов. Первоначально коммунист, Грей позднее склонялся к сохранению частной собственности и к мелкому ремесленному производству.

В отличие от остальных английских предшественников К. Маркса, Брей доказывал, что экономические силы определяют социальную организацию, и дал экономическое объяснение всему социальному процессу. Но от Маркса Брей отличается непониманием *имманентности* экономического процесса (экономический *детерминизм*) и основывает свою добровольную систему социальной перемены на доводах человеческого *разума*. Противоречия между заработной платой наемных рабочих и нетрудовым доходом капиталистов ясно и определенно форму-

лировал в 30-х годах писатель Эдмонс, а в самом начале 40-х — Чарльз Грей.

Воззрения этой группы социалистических писателей не имели распространения среди английского пролетариата, который в 30-х годах, оставив *экономизм*, увлекался преимущественно *политической* проблемой. Стремление английского рабочего класса к уравниванию своих гражданских прав с имущими нашло себе выражение в движении *чартистов*, волновавшем английский пролетариат целое десятилетие (1838 — 1848). Основные пункты „хартии“, т. е. свода требований, были намечены в английском радикальном лагере еще задолго до начала движения, парализовавшего в конечном итоге развитие социалистической идеологии в Англии.

О движении чартистов можно прочесть по-русски в книгах: Гамедж, Р., „История чартизма“, пер. с англ. СПб. 1907; Брокгейм, С., „Движение чартистов“, пер. с нем. СПб. 1905; Ф. Энгельс, „Положение рабочего класса в Англии“, перев. с нем. СПб. 1905; Гиббинс, „Английские реформаторы“. М. 1896; Метен, „Социализм в Англии“. СПб. 1898; Брентано, „Христианско-социальное движение в Англии“, пер. с нем. М. 1906; Слоссон, „Чартистское движение и причины его упадка“, М. („Мир“), 1923.

ГЛАВА VII.

Социализм в Германии.

1. Тайные общества.

Париж в тридцатых годах XIX столетия представлял собою тот центр, где бурлило море разнообразных социалистических течений и откуда расходились по Европе нити революционного движения. Здесь же соединялись воедино эмигранты из других стран, среди них — особенно немецкие беглецы. В Париже организовался и первый немецкий, вскоре, впрочем, закрытый французским правительством „фёрей“ (союз) для поддержки южно-германской оппозиционной печати.

Здесь, в революционно-настроенных рабочих кварталах был популярен *бланкизм* с его идеями конспирации и дисциплины, заговоров и восстаний. Бланкизм был продолжением бабвизма XVIII века.

Революционная традиция этого движения через Филиппа

Буонаротти, жившего под старость в Швейцарии, восходила к Бабефу, опиравшемуся в своей работе на массы. Таким образом бабувизм сохранялся в течение 30 лет после его официального подавления и вновь возродился в Париже 30-х годов; организовавшиеся первоначально в Париже, немецкие тайные общества таким образом имели свою историю развития.

В 1834 году в Париже возникает „Союз Отверженных“ (Bund der Geächteten).

В 1836 году он перереформируется в „Союз Справедливых“ (Bund der Gerechten), а спустя десять лет, в 1847 году, объединение превратилось в новую организацию, в „Союз Коммунистов“ (Bund der Kommunisten), распавшийся вскоре на две фракции (М. и Э. Виллиха-Шаппера).

Этим трем ступеням развития соответствовали изменения в составе и классовой структуре объединения и трансформации идеологии и программы.

Когда в 1834 году в Париже возник первый тайный демократически-республиканский Союз — Bund der Geächteten (союз „отверженных“, „изгнанников“ или „опальных“), он был революционный, но не националистический. Эта организация ставила себе задачей *освобождение и возрождение* Германии, обоснование и упрочение социального и политического равенства, свободы, гражданской доблести и единства сперва немецкого народа, а затем народов всего мира. Союз представлял собою тайную организацию *со строгою дисциплиною и централизованным управлением*. Центр назывался — „очаг“, группы — „шатры“ и „хижины“. Во главе его стояли два приват-доцента: Вильгельм Шустер из Геттингена и Якобус Венедей из Гейдельберга. Несколько сот молодых людей, из них многие ремесленники, как парижские, так и кочевавшие по городам Германии, входили в состав его членов. Но общество все же просуществовало недолго, так как подвергалось преследованиям полиции, открывшей его в 1840 году. „Шатры“ были обнаружены в пяти германских городах. Союз имел в 1834 году свой, редактировавшийся Венедеем орган, „Изгнанник“, начавший появляться с первого же года основания общества. Сам редактор примыкал к якобинизму и к христианскому социализму в духе Ламенэ, ярким поклонником которого он был. Но у него был и свой мрачный оттенок, который формулировался девизом:

„Нам нечего делать — нам нечего есть“. Ряд членов союза почувствовал коммунизму Бабёфа — бабувизму, некоторые — идеям Сен-Симона и Сисмонди¹. Другой вождь Шустер был более радикален.

В 1836 году из союза во главе с Шустером выделились самые крайние, большею частью пролетарские элементы, которые образовали новый союз под названием: „Союз Справедливых“ (Bund der Gerechten). „Союз Справедливых“ воспринял от „Союза Изгнанников“ *понятие классовой борьбы* и теорию неизбежности *социальной революции*, заменив конспиративную диктатуру выборным началом, добавил и развил ряд новых пунктов программы: уничтожение права собственности на землю и права наследования, план общественных распахек и мелиораций, создание промышленных армий и сочетание воспитания и материального производства. Это были в значительной мере уже старые идеи, но один из участников союза, Вильгельм Вейтлинг, вдохнул в них жизнь и оживил революционные традиции. Союз Справедливых, как и сам Вейтлинг, колебался между пропагандою и социальной революцией и неохотно участвовал в обсуждении активных выступлений. В революционном и социалистическом смысле второй союз был смелее и радикальнее первого, к тому же и состав участников был уже почти пролетарский. Он погиб, вовлеченный в революционную авантюру Вланки и Барбеса в мае 1839 года, когда тайное „Общество времен года“ неожиданно и безуспешно открыло один из кварталов Парижа баррикадами.

Об этих двух организациях Фридрих Энгельс рассказывает следующее:

„В „Материнском Союзе“ остались лишь наиболее сонливые элементы, Якобус Венедей вскоре совершенно заснул: когда в 1840 году полиция выследила несколько секций в Германии, он представлял собою едва лишь тень прежнего“. *Новый союз, напротив, развивался относительно быстро.* Первоначально он был германским отпрыском связанного с *бабувистическими вос-*

¹ Подробности об их платформе можно найти в книге: Шарль Андлер, „Введение и комментарий к Коммунистическому манифесту“, М. 1906 г., стр. 4, и в предисловии Энгельса к работе Маркса: „Кельнский процесс коммунистов“.

поминаниями французского рабочего коммунизма, который около того же времени сформировался в Париже; общность имущества требовалась, как необходимое следствие „равенства“. Цели были те же, что и у парижских тайных обществ того времени: наполовину союз пропаганды, наполовину заговор, причем, однако, центральным пунктом революционных действий всегда считался Париж, хотя далеко не исключалась подготовка возможных вспышек в Германии. Но так как Париж оставался главным полем битвы, то „Союз“ был тогда не более, как немецкой ветвью французских тайных обществ, а именно руководимого Огюстом Бланки и Барбесом „Общества времени года“ (Société des Saisons), с которым он состоял в тесной связи. Французы открыли бой 12 мая 1839 года; секции „Союза“ приняли участие в предприятии и таким образом были вовлечены в общее поражение.

Из немцев были захвачены Карл Шаппер¹ и Генрих Бауэр²; правительство Луи-Филиппа удовольствовалось их высылкой после продолжительного заключения. Шаппер и Бауэр эмигрировали в Лондон, где вместе с часовщиком Иосифом Моллем собрали остатки Союза, сделавшись центром агитации. „Я познакомился со всеми троими в 1843 году в Лондоне, — говорит Энгельс, — это были первые революционеры-пролетарии, которых мне приходилось видеть“. Они уже были коммунистами, опиравшимися исключительно на требования равенства, что несомненно было остатком бабувизма.

Из Лондона Союз Справедливых поддерживал связи с Парижем, Германиею и Швейцариею, где имелись разветвления и секции. Он был, таким образом, зародышем международной организации пролетариата. Там, где законы разрешали

¹ Шаппер из Нассау, будучи студентом, „в 1832 году был членом устроенного Георгом Бюхнером заговора; 3 апреля 1833 года вместе с другими ходил на штурм франкфуртского полицейского участка, бежал за границу и в феврале 1834 года принимал участие в походе Мадзини на Савойю. Богатырский сложения, решительный и энергичный, всегда готовый поставить на карту буржуазное существование и жизнь, он был образцом того профессионального революционера, какой играл известную роль в тридцатых годах“.

² Генрих Бауэр из Франконии был „башмачником по профессии; живой, подвижной, остроумный человек, в маленьком теле которого, однако, тоже крылось много хитрости и решимости“.

устройство легальных организаций, параллельно устраивались открытые общества рабочих. Так, в феврале 1840 года немецкие рабочие-коммунисты основали в Лондоне открытый немецкий образовательный фёрейн (Arbeiter-Bildungsverein), служивший тайному союзу резервуаром для вербовки новых членов. Так как коммунисты, — говорит Энгельс, — были активнейшими и наиболее интеллигентными членами фёрейна, то, само собою разумеется, его управление находилось целиком в руках Союза. Вскоре в Лондоне возникло несколько таких небольших добавочных организаций, именовавшихся хижинами (Hütten).

Ядром „Союза Справедливых“ были рабочие-портные. „Немецкие портные, — говорит Энгельс, — встречались тогда повсюду: в Швейцарии, в Лондоне, в Париже. В последнем городе немецкий язык был настолько господствующим языком этой отрасли промышленности, что мне, например, в 1846 году пришлось познакомиться там с норвежским портным, прибывшим во Францию морским путем, который в течение 18 месяцев не выучил ни единого французского слова, но прекрасно научился говорить по-немецки. Парижские общины в 1847 году состояли преимущественно из портных, одна — из столяров-мебельщиков“.

С того времени, как центр тяжести был перенесен из Парижа в Лондон, на первый план выступил новый момент: Союз из немецкого мало-по-малу сделался *интернациональным*. В рабочем фёрейне, помимо немцев и швейцарцев, встречались представители всех тех национальностей, у которых для сношения с иностранцами служил преимущественно немецкий язык, т.е. скандинавцы, голландцы, венгерцы, чехи, южные славяне, также эльзасцы и русские. „Фёрейн, рассказывает Энгельс, вскоре принял название *„Коммунистического рабочего образовательного фёрейна“*, и на членских билетах стояло изречение: „Все люди — братья“, по меньшей мере на двадцати языках, хотя кое-где и не без грамматических ошибок“. Как открытый фёрейн, так и тайный Союз вскоре тоже приняли более *интернациональный* характер. „Сначала интернациональность его была несколько ограничена; практически интернациональный характер его выражался в различии национальности членов, теоретически же он вытекал из понимания, что

всякая революция, чтобы быть победоносной, должна стать европейской. Далее этого еще не шли, но основы были уже положены. С французскими революционерами через лондонских изгнанников, их боевых товарищей в 1839 году (восстание Бланки), поддерживалась тесная связь. То же и с более радикальными поляками⁴.

И в иных отношениях характер Союза изменился с течением событий. Хотя на Париж все еще смотрели — и тогда с полным правом — как на революционную отчину, все же зависимость от парижских заговорщиков уже исчезла. Распространение Союза подняло его самосознание. Чувствовалось, что он пускал все более и более глубокие корни в немецком рабочем классе, и что эти немецкие рабочие исторически призваны идти впереди рабочих европейского севера и востока. В лице Вейтлинга они нашли коммунистического теоретика, которого смело можно было поставить на ряду с его тогдашними французскими конкурентами. Наконец, опытом 1839 года были научены, что практика революционных вспышек пока ничего не даст. И если все еще продолжали каждое событие истолковывать, как предвестника приближающейся бури, если старые полуконспиративные уставы, в общем, удерживались, то это было скорее результатом старого революционного упрямства, которое уже начинало приходиться в столкновение с надвигающимися более совершенными новыми взглядами.

Напротив, общественная доктрина Союза, как ни неопределенна она была, заключала в себе один весьма крупный, но обусловленный самыми обстоятельствами недостаток. Члены Союза, поскольку они вообще были рабочими, были почти исключительно ремесленниками в собственном смысле. Человек, их эксплуатировавший, сам был в крупных мировых городах большею частью лишь мелким мастером. Даже эксплуатация портняжества в крупном стиле, так называемая теперь „конфекция“, путем превращения портняжного ремесла в домашнюю промышленность за счет одного крупного капиталиста, находилась тогда даже в Лондоне в зародышевом состоянии. С одной стороны, эксплуататор этих ремесленников был сам мелким мастером; с другой стороны, все они надеялись, в конце концов, сами стать мелкими мастерами. И притом тогдашний немецкий ремесленник был еще опутан целою массою унаследо-

ванных цеховых взглядов. К величайшей чести их поэтому служит тот факт, что они, — не представляя собою настоящих пролетариев, но лишь придаток мелкой буржуазии, который находился на пути превращения в современный пролетариат и не стоял в прямой противоположности к буржуазии, то-есть к крупному капиталу, — что эти ремесленники были в состоянии инстинктивно предугадать свое будущее развитие, хотя они еще и не могли с полным сознанием конституироваться в партию пролетариата. Но недостаток этот был и неизбежен, так как старые ремесленные предрассудки каждую минуту подставляли им ногу, как только приходилось подвергать существующее общество детальной критике, то-есть исследовать экономические факты. И я не думаю, чтобы во всем Союзе в то время нашелся хоть один единственный человек, который прочел когда-либо книгу по экономической науке. Но это мало кого смущало; „равенство“, „братство“ и „справедливость“ помогали пока справляться со всякой теоретической трудностью.

В Германии ветви Союза распространялись преимущественно в крупнейших тогдашних городских центрах, как Берлин и Магдебург. Они были многочисленны, но переходящего характера, т.-е. то возникавшие, то распадающиеся.

Оставшуюся без руководителей парижскую секцию Союза в 1840 году собрал портной Вильгельм Вейтлинг, виднейшая фигура того времени, о котором будет еще речь ниже. Переселившись в Швейцарию, Вейтлинг вместе с Августом Беккером создали довольно сильный центр, принявший вскоре особый, именно так наз. „вейтлинговский“ оттенок. Это была своеобразная и по-своему талантливая смесь идей первохристианства и утопических мечтаний с начатками нарождавшегося боевого пролетарского самосознания. К 1847 году „Союз Справедливых“ превратился в новый союз, „Союз Коммунистов“, уже окончательно сформировался и сделал шаг вперед в смысле развития идеологии. „Коммунизм равенства“, которым был проникнут „Союз Справедливых“, и коммунизм Вейтлинга в немецких и швейцарской его группах уже не удовлетворяли вошедших в круг этих идей молодых Маркса и Энгельса, начавших развивать уклон, с одной стороны, в сторону *политики*, с другой — в сторону выработки нового теоретического обоснования социализма — *материалистической теории истории*.

Поэтому Маркс и Энгельс начали вместе с художником Пфендером и портным Эккарпусом создавать параллельно свою обособленную организацию, проникнутую новыми идеями, как они тогда называли, идеями „критического“ коммунизма. Этот новый центр, духовно влиявший одно время на весь „Союз Справедливых“, не окрепнув организационно, к 1847 г. растворился в Союзе, в который теперь окончательно вошли Маркс и Энгельс. Союз идейно окреп, деятельность его оживилась, и в течение 1847 года им было создано два съезда для выработки общей программы и тактики. Здесь-то, — преимущественно на втором съезде, — и был выработан новый краеугольный камень социалистической теории и тактики, бессмертный отныне „Коммунистический манифест“.

Вместе с тем был окончательно реорганизован старый „Союз Справедливых“ и превращен в „Союз Коммунистов“ с центром в Брюсселе, где тогда жил Маркс. Новый центральный комитет был в марте следующего 1848 года арестован, но этим дело не кончилось. Спустя четыре года, а именно осенью 1852 года возник процесс немецкой ветви Союза в Кельне. 12 человек по этому подробно описанному Марксом процессу („Кельнский процесс коммунистов“) были осуждены. „Союз Коммунистов“, утратив свои наиболее живые отделения, распался.

2. Тайные съезды коммунистов и Коммунистический манифест.

„Союз коммунистов“ созвал летом 1847 года первый съезд в Лондоне, куда собрались представители секций Союза разных стран. На съезде, между прочим, присутствовал Фридрих Энгельс, как делегат от парижской группы. Вот что он рассказывает об этом съезде: „Здесь сначала была произведена реорганизация Союза. Что еще оставалось от старого мистического имени из эпохи конспирации, было теперь тоже уничтожено; Союз распался на общины, районы, руководящие районы, центральные учреждения и конгресс и отныне стал называться „Союзом Коммунистов“. Цель Союза — „низвержение буржуазии, господство пролетариата, уничтожение старого, основанного на классовых противоречиях буржуазного общества и основание нового общества без классов и без частной собственности“ — так гласит первый параграф. Самая организация была

вполне демократическая, с избираемыми и сменяемыми властями, и одним этим был положен предел всем конспирационным поползновениям к диктатуре, и Союз, по крайней мере для обыкновенного мирного времени, превратился в чистое общество пропаганды. Эти новые статуты — так демократически стали поступать теперь — были предложены общинам для обсуждения, затем еще раз рассмотрены *вторым* съездом и приняты им окончательно 8-го декабря 1847 г.

Второй съезд происходил в конце ноября и начале декабря того же года. Здесь присутствовал также Карл Маркс и в продолжительных дебатах — съезд продолжался, по крайней мере, десять дней — защищал свою новую теорию. Все возражения и сомнения были устранены; новые основы приняты единогласно, а Марксу и Энгельсу было поручено выработать „Манифест“, что и было ими исполнено. За несколько недель до февральской революции „Манифест“ был отослан в Лондон для напечатания. „С того времени, — говорит Энгельс, — он совершил путешествие вокруг света, переведен почти на все языки и служит еще и теперь в различнейших странах руководящей нитью пролетарского движения“. На место старого фюреристского эпитафия Союза: „Все люди — братья“, был помещен новый боевой клич: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь“, открыто провозглашавший международный характер борьбы. Семнадцать лет спустя этот боевой клич прогремел по свету, как военный лозунг „Международной Ассоциации Рабочих“ (Интернационала). Современный революционный пролетариат всех стран начертал его на своем знамени.

Началась февральская революция. Лондонский центральный комитет перенес свои работы в руководящий округ — в Брюссель. Но „это решение было принято в тот момент, когда в Брюсселе господствовало уже фактически осадное положение, особенно же немцам уже нигде более нельзя было собираться“. „Мы все уже были готовы перебраться в Париж, — рассказывает Энгельс, — и поэтому новый центральный комитет решил также распустить себя, передать все свои прерогативы Марксу и уполномочить его немедленно конституировать в Париже новый центральный комитет. Едва успели разойтись пять человек, принявшие это решение (3 марта 1848 года), как полиция ворвалась в квартиру Маркса, арестовала его и принудила

в течение ближайших дней выехать во Францию, куда он как раз и собирался сам“.

В Париже все вскоре встретились. Там-то и был составлен следующий, подписанный членами нового центрального комитета документ, распространенный затем по всей Германии.

Вот что гласили эти первые „требования“ коммунистической партии в Германии:

1. Вся Германия объявляется единой и нераздельной *республикой*.

2. Народные представители получают *плату*, чтобы в парламенте германского народа могли заседать рабочие.

3. Всеобщее *вооружение* народа.

4. Княжеские и другие поместья, все рудники, шахты и т. д. становятся *государственной собственностью*. В этих поместьях устанавливается крупное земледельческое производство при помощи самых современных средств науки на пользу всего общества.

5. *Ипотеки* на крестьянские имения объявляются государственной собственностью; проценты по этим ипотекам уплачиваются крестьянами государству.

6. В местностях, где развито *арендное* дело, земельная рента или арендный шиллинг уплачивается, как налог *государству*.

7. Все перевозочные средства: железные дороги, каналы, пароходы, пути, почта и т. д. превращаются в государственную собственность и предоставляются в распоряжение неимущего класса.

8. Ограничение права *наследования*.

9. Введение *прогрессивного налога* и уничтожение налогов на предметы потребления.

10. Устройство *национальных мастерских*. Государство гарантирует всем рабочим „право существования“ и призывает неспособных к труду.

11. Всеобщее бесплатное народное *образование*.

„В интересах же германского пролетариата, мелкого буржуазства и крестьянского сословия — немедленно со всей энергией приняться за проведение в жизнь только-что изложенных мер, так как только осуществление их может дать миллионам людей, которые до сих пор эксплуатируются в Германии не-

большой кучкой лиц и которых стараются и дальше держать в угнетении, возможность добиться своих прав и достичь той власти, которая им подобает, как производителям всего народного богатства“. Комитет в лице: Карла Маркса, Карла Шапфера, Г. Бауэра, Ф. Энгельса, И. Молля, В. Вольфа.

1848 год был неблагоприятен для Союза Коммунистов; неудача этой, по-своему первой пролетарской революции целиком отразилась на ее идейном авангарде. Долше всех продержалась немецкая ветвь Союза, но и та окончательно растаяла после кельнского процесса коммунистов. Духовные вожди движения рассеялись. Карл Маркс окончательно водворился в Лондоне, Вильгельм Вейтлинг переехал через океан в Соединенные Штаты. Наступили годы тяжелой реакции. Рабочее движение воспрянуло только в середине 60-х годов.

3. Вильгельм Вейтлинг (1808—1871) и его социализм.

Мы уже видели, что в 30-х годах XIX столетия утопизм из Франции начал распространяться по Европе. Германия не осталась чужда этому движению, хотя немцы в эту эпоху представляли собою одну из консервативных национальностей. „Верхние слои“ общества знакомились с воззрениями Фурье и Сен-Симона из сочинения Лоренца фон-Штейна, одного из первых осведомителей Германии о социализме за границей, из произведений и писем Генриха Гейне и Беттины фон-Арним. Мысль интеллигенции уже и ранее подготовлялась к восприятию социализма, с одной стороны, философом Фихте, который в своем трактате „Изолированное торговое государство“ (1800 г.) решительно порвал с экономическим либерализмом и требовал государственного вмешательства в хозяйственную политику народа, с другой стороны — рядом описательных сочинений, изображавших тяжелое положение трудящихся.

„Низшие слои“, главным образом *ремесленники*, заимствовали коммунистические идеи непосредственно у источника. Их Меккою был Париж, тогда еще вполне гостеприимный немцам. Сюда со всех концов Германии стекались паломники для поклонения новым идеалам. Тут были и просто радикалы, и ех-революционеры, беглецы от зверского прусского сыска, и неудачные политические агитаторы, и модные тогда юноши, „пора-

женные мировой скорью⁴ и разочарованием. Все они тонули в широком потоке странствовавших в силу многовекового обычая своего класса немецких ремесленников. Их бесконечные вереницы неустанно тянулись из города в город, через таможенные границы и за государственные пределы. Побывав в Париже, где они легко обходились одним своим родным языком, немецкие подмастерья возвращались затем в различные концы своей родины, но уже политически и социально вполне определенно настроенные, с жаждою радикальных преобразований, и тем самым подготовляли почву для смены увлечения книжным утопизмом — новым, *пролетарским*. Отныне социалисты из замкнутых и малочисленных кружков *интеллигенции* переходили к массам, к трудовому народу, ко всему германскому пролетариату.

Утопизм, таким образом, из заоблачных мечтаний превращался в серьезное очередное дело трудящихся.

В числе попавших в Париж немецких ремесленников был и Вильгельм Вейтлинг (1808—1871), пролетарий по рождению, бродячий портной по профессии, оригинальный мыслитель и недюжинный агитатор по призванию.

Освоившись в Париже с доктринами французских утопистов, Фурье и Сен-Симона, особенно с учением Этьена Каба, Вейтлинг переработал воспринятое им по-своему и к началу 40-х годов развил свои мысли в целое своеобразное коммунистическое учение. Это учение проникнуто религиозным настроением, полно энтузиазма, убеждения и веры в силы рабочего класса. Пролетариат для него все — и цель и метод. Свои душевные думы Вейтлинг излагал в книжках и в статьях им же издаваемых газет. Друзья его деятельно распространяли его сочинения. Одаренный от природы красотой и мощною фигурой, красноречивый и фанатичный, Вейтлинг говорил племенным полубиблейским языком, напоминающим проповеди первых вождей христианства.

В итоге, упорный и даровитый агитатор не мог не иметь успеха. Его пропаганда вызвала *первое сознательное массовое движение* в пользу коммунизма среди обездоленного рабочего люда тогдашней Германии. Возник пролетарский коммунизм. Внедряя в пролетариат социальное недовольство и начатки стремительного самоопределения, прививая яд идеалистического

искания лучшего будущего, поддерживая энергию и восхваляя борьбу, Вейтлинг тем самым создавал зародыш будущей социал-демократии.

Итак, это он — гениальный рабочий-самоучка — сомкнул цепь идеи и среды, вызвал контакт и, перевернув страницу социальной истории, стал родоначальником немецкого рабочего движения.

Итак, это он — портновский подмастерье и бедняк — схватил первый в свои мозолистые, исколотые иглою и обожженные утюгом руки пылающий факел социализма и высоко поднял над головами масс его волнуемое пламя.

Биография Вейтлинга. Жизнь этого исторического человека интересна и поучительна. Немецкий рабочий Вильгельм Вейтлинг родился 9 октября 1808 г. в немецком городе Магдебурге, в очень бедной семье. Кто был его отцом — мы не знаем. В метрической книге записано имя его матери, Христины Вейдлинген из города Геры, и указаны два воспитанника: сапожник Иоахим Кемпф и каменщик Иоганн Вейдлинг. Таким образом ясно, что новорожденный Вейтлинг был внебрачным ребенком. Он вырос, по собственному указанию, в крайней нищете и больших лишениях. В школе его обучили только начаткам грамоты. Затем юный Вильгельм становится портновским учеником, потом подмастерьем и, по обычаю немецких ремесленников, как подмастерье, уже с двадцатилетнего возраста, т.-е. с 1828 года, ведет бродячую жизнь по всей Германии. Эта „школа жизни“, погубившая многих, обогащала, конечно, наблюдательный ум молодого человека. Она дала возможность обостриться тому горячему чувству негодования против социальной неправды, которая в высшей мере характеризует Вейтлинга. В конце 30-х годов наш странствующий подмастерье попадает в Париж, куда в то время был открыт доступ для всякого немецкого ремесленника. В Париже Вейтлинг остается несколько лет подряд и, работая иглой, кормившей его, и занявшись самообразованием, Вейтлинг не тратит времени даром. Париж того времени был центром борьбы различных коммунистических школ. Властителями дум не только молодых поколений, но, в известной мере, и всех передовых людей того времени были Фурье, сен-симонисты Анфантен и Базар, Кабэ. Бедный немецкий ремесленник, попав в Париж,

быстро проникается коммунистическими идеалами, увлекается ими и с азартом истинного прозелита решает посвятить свою жизнь их проповеди. Все это заставляет Вейтлинга изменить и его прежнюю профессию и все мировоззрение, ранее довольно неопределенное и неинтересное. В свою очередь, французский коммунизм претерпевает решительную переработку в уме талантливого и бывалого немецкого ремесленника.

В Париже Вейтлинг вошел в местный отдел „Союза Справедливых“. В Париже, как позднее в других местах, Вейтлинг, в силу его природного красноречия и благодаря опубликованию его первой и весьма поучительной брошюры: „Человечество, как оно есть и как оно должно быть“, — сразу обратил на себя внимание тогдашних радикальных кружков. Еще больший успех Вейтлинг имел в Швейцарии, куда он переселился из Парижа в 1841 году.

Переезд в Швейцарию был уже по-своему шагом в Германию. Дело в том, что Швейцария в 30 и 40-х годах XIX века играла для Германии ту же роль, что позднее Бельгия для Франции, Лондон и Женева для русских эмигрантов. Из Швейцарии Вейтлингу было легче распространять свои идеи на родине, чем из Парижа.

И вот из Швейцарии, стараниями Вейтлинга, новые французские воззрения проникают в Германию. Страна Флориана Гейера и Томаса Мюнцера вновь начинает прислушиваться к совершенно утраченной ею социальной идее. Франция, таким образом, сыграла роль воскресительницы социального настроения в немецкой стране, погрязшей к тому времени в мещанских и мелко-буржуазных настроениях.

Эта связь была ясно понята и формулирована в 1844 г. Карлом Марксом, который на страницах журнала „Франко-Немецкий Ежегодник“ пророчески возвестил миру следующие замечательные слова: „Эмансипация Германии будет эмансипацией всего человечества, но когда в Германии все будет готово, то восстание вспыхнет только по пробуждающемуся пению галльского петуха“. Как уже было сказано, Вейтлинг в 1841 году поселился в Швейцарии, в Женеве. Здесь его взгляды нашли себе полное сочувствие в среде бедных немецких ремесленников. В многочисленных, ютившихся тогда в Швейцарии немецких рабочих ферейнах горячее слово

Вейтлинга имело большой успех. В Швейцарии Вейтлинг стал еще более радикален и резок, подпав одно время под влияние ученика Прудона, анархиста Мозеса Гесса, оригинальность мысли которого, запальчивость и резкость приемов сильно влияли на людей впечатлительных. В целях более успешной пропаганды Вейтлинг, живя в Веве, с осени 1841 года приступает к изданию рабочей газеты: „Воззвание к немецкой молодежи“. Но вышло только четыре номера этой газеты. Этот орган издавался им позднее под названием: „Молодое Поколение“.

В 1842 году Вейтлинг выпускает в свет свое главное сочинение: „Гарантия гармонии свободы“, в Веве. Эта книжка была отпечатана в значительном для того времени количестве 2 тысяч экземпляров. Верные друзья и единомышленники Вейтлинга, рабочие Август Бекер и Симон Шмидт, переезжали из кантона в кантон, распространяя в рабочей среде, и не без успеха, книжку своего друга.

Отзывы современников об этом сочинении очень внушительны. Карл Маркс считает, что в буржуазной прессе нет сочинения ему равного. „Сравнивая трезвенную робкую посредственность современной немецкой литературы с этим неукладывающимся ни в какие рамки, полным блеска литературным дебютом немецких рабочих, сравнивая это первое выступление пролетариата с миниатюрным политическим багажом буржуазии, мы должны признать, — говорит Карл Маркс, — что немецкий замазашка, когда придет в возраст, будет отличаться необыкновенным ростом“.

Эти слова Маркса оказались пророческими.

Из маленького городка Веве весной 1843 года Вейтлинг отправился в Цюрих, несмотря на предупреждение друзей, доказывавших, что в консервативном швейцарском кантоне ему долго не прожить. Так и случилось. В Цюрихе уже знали Вейтлинга, как автора „Евангелия бедного грешника“, где Христос изображается провозвестником коммунистического учения, высказывается ряд радикальных взглядов на роль духовенства и устанавливается необходимость коренного преобразования социального строя.

В Цюрихе Вейтлинг был арестован. Сидя в тюрьме, он составил сборник „Тюремной поэзии“, который появился в свет с посвящением матери автора. Стихи Вейтлинга просты и про-

чувствованы, — это прекрасный образчик бесхитростной proletарской поэзии.

Выпущенный из тюрьмы Вейтлинг был выслан в Германию. На баденской границе его снова арестовали и выпроводили на север, вначале в Пруссию, а затем в Гамбург. Здесь он познакомился с знаменитым немецким поэтом Генрихом Гейне.

Знакомство их произошло в книжной лавке, и, рассказывая об этом, Гейне попутно характеризует немецкое революционное движение, сравнивая его с английским. Великий германский поэт говорит: „Английские чартисты руководились только голодом, а не идеями; если они утоляют свой голод ростбифом и плум-пуддингом, а жажду — добрым элем, то становятся неопасными: они отваливаются (от социального вопроса), как напившиеся пиявки“. Иное впечатление произвели на него отечественные агитаторы, в частности Вейтлинг. „Более или менее тайные руководители немецких коммунистов, — говорит он далее, — великие логики, а самые сильные из них вышли из школы Гегеля“. „Они единственно живые люди в Германии, — удостоверяет Гейне, — и им, — пророчески добавляет гениальный сатирик, — принадлежит будущее“.

Тюю же верою в будущность немецкого рабочего класса был проникнут и другой замечательный современник Вейтлинга, Карл Маркс, выступивший позднее Вейтлинга на общественную арену. Карл Маркс высоко ставит и Вейтлинга, а суровый Маркс вообще хвалил немногих.

Из Гамбурга Вейтлинг переселился сначала в Брюссель¹, а затем в Лондон, где английские, немецкие и французские социалисты встретили его с распростертыми объятиями, называя „мужественным и высокоталантливым вождем немецких

¹ О пребывании Вейтлинга в Брюсселе осталась следующая заметка Ф. Энгельса: „Он уже не был более наивным юным портяжным подмастерьем, изумляющимся своей собственной одаренности, который старается уяснить самому себе, какой же вид должно иметь коммунистическое общество. Он был великим человеком, преследуемым завистниками за свое превосходство, который повсюду чувствовал соперников, тайных врагов, коварные козни, — гонимый из страны в страну пророк, имевший в кармане готовый рецепт осуществления неба на земле и воображавший, что всякий только о том и думает, чтобы украсть его у него“ (К. Маркс. „Кельнский процесс коммунистов“, русск. изд. 1919 г., стр. 12).

коммунистов". Но в Лондоне Вейтлинг все же не обосновался, а, получив письмо в 1846 году от Кригея, перебрался в Америку, где принял предложенное ему редактирование „Volksbund'a" и где продолжал попрежнему агитировать. Центром его деятельности и пропаганды был „Союз Освобождения"— американское общество немецких коммунистов. Издание „Volksbund'a" не пошло, и литературная склонность Вейтлинга вылилась в издания и личной продаже им же написанных брошюр. Так, впервые появились здесь в 1847 г. „Воззвание к мужам труда и забот" и английский перевод „Евангелия бедного грешника". Друзьями Вейтлинга в этот период его жизни были Альберт Брисман и некоторые другие американские фюреристы. Часть из них принадлежала к обширному по тогдашнему времени „Союзу Освобождения" (Befreiungsbund). Программа Союза представляла собою смесь государственно-социалистических и коммунистических идей, облеченных в масонскую внешность. Пропагандируя свои идеи и агитируя в пользу „Союза Освобождения", неутомимый Вейтлинг предпринял в начале 1848 г. обширную поездку по Соединенным Штатам и доехал до Нового Орлеана. Вернувшись в Нью-Йорк, он узнал о революционном движении в Германии и поспешил на родину.

Революция 1848 года увлекла Вейтлинга в Берлин. Здесь он принял энергичное участие в движении и даже издавал коммунистический листок „Избиратель" („Urwähler"). В октябре того же года он участвовал во втором демократическом конгрессе в качестве делегата от Нью-Йорка, а спустя месяц был выслан из Берлина.

В Гамбурге, где он вновь временно обосновался, ему удалось организовать несколько отделений „Союза Освобождения" с крайней революционной коммунистической программой. Когда в августе 1849 года гамбургская полиция выступила против этой агитации, Вейтлинг вторично уезжает в Америку. Здесь с 1851 года по 1854 г. Вейтлинг издает газету „Республика Рабочих". Он пытался также основать в штате Висконсин коммунистическую общину при содействии организованного им рабочего союза. Но осуществлению его идей помешала распря между его последователями. С этого времени, впрочем, Вейтлинг уже совершенно сходит со сцены. Наступают тяже-

лые дни. Пятидесятилетний Вейтлинг поступает писцом в пере-селенческое бюро, а свое свободное время посвящает астро-номии и изобретению портновской машинки для выделки петель. Но эти занятия были уже совершенно бесплодными; его астрономические открытия, как оказывается, были известны за тысячу лет до него, а секрет остроумной машины для выделки петель так и остался неоткрытым. Безвестным и всеми забытым Вейтлинг умер в Америке 15 января 1871 года, 63 лет от роду.

Так печально окончилась богатая гонениями и лишениями жизнь родоначальника современного немецкого пролетарского движения. И только теперь, в дни великих исторических потрясений, наступило время для изучения и оценки заслуг и сочинений этого замечательного человека.

Присмотримся теперь ближе, в чем содержание его сочи-нений, каковы заключающиеся в них идеи и какое место в исто-рии социализма занимает Вильгельм Вейтлинг.

Сочинения Вейтлинга. I. „Проект общества коммунистического развития“, — до сих пор не напечатанная рукопись. Содержание здесь изложенных идей следующее: пропаганда всегда возможна, ее может вести и небольшое число людей, пользуясь всяким подходящим случаем. Для перехода к лучшему социаль-ному будущему необходимы: общее братство, забвение собствен-ности, обращение на „ты“, прощение обид, постоянное общение и точка зрения на неприятности, как на болезненное явление, обучение и обсуждение всех социальных систем, умеренность. Все сочувствующие этому организуют союз. Принимая нового члена, ему предлагают вопрос: „Мы, рабочие, наконец устали трудиться для лентяев и пр., мы желаем жить вместе новою жизнью; хочешь ли так, как и мы?“.

II. *„Человечество, как оно есть и как оно должно быть“*, 1838 г. Социальное неравенство ныне порождается „неравномер-ностью распределения труда и производимых трудом богатств“. Между тем, „кто не работает, тот не должен и есть“. „Никто не должен иметь больше того, сколько нужно для удовлетво-рения его потребностей“. В итоге „одинаковое для всех мате-риальное положение“, что приводит „к отсутствию забот и к дружелюбию, и следовательно к всеобщему счастью“. Все „дело... только за борьбою, которую вы ведь желаете“, — гово-рит Вейтлинг, обращаясь к рабочим. Он убеждает бросить

„рабский страх, мать трусости“. „Рабочий должен вырвать этот вредный плевел и возлелеять на его месте отвагу и любовь к ближнему“. Истинное счастье, по Вейтлингу, может осуществиться только при соблюдении ряда основоположений, из которых важнейшие: 1) равное для всех распределение труда и одинаковое для всех пользование жизненными благами, 2) одинаковое воспитание и равные для всех права и обязанности, 3) уравнивание правителей с прочими гражданами, 4) уничтожение прав владения и наследования, 5) всеобщее соединение всего человечества в великий семейный союз и уничтожение всех узких и черствых понятий о национальности. Эти новые начала осуществляются в том новом социальном строе, в котором будет общность имущества, но не будет денежной системы.

„Провозгласите свободу и равенство, устраните панов и попов, уничтожьте постоянное войско и обложите налогами богатых, — всем этим вы многого достигнете, но счастья человечества вы далеко еще не утвердите“. Чтобы и это утвердить, „надо устроить жизнь на основе общности имущества, уничтожить денежную систему и поднять нравственность“. „Пока существуют деньги в их современном значении, наш мир никогда не увидит свободы“. „Деньги — смертный грех человечества“. „Порча нравов, обусловленная неравенством состояний, с своей стороны также способствует увеличению нищеты и людских страданий“.

Для практического осуществления этих идей необходимо, по мнению Вейтлинга, *предварительное просвещение народов* и признание народом его проекта конституции общества. „Заблаговременное просвещение народа необходимо“ потому, чтобы народ после крушения старого строя „быстро нашелся и осмотрелся среди новых общественных порядков и не сделался жертвою безначалия или послушным орудием кучки тиранов“. „Конституция великого семейного союза человечества“ покоится на двух основаниях — труд и наслаждение. На труде основывается деловой или рабочий строй, другой — семейный строй или строй наслаждения (потребление) — основывается потреблением, связанным с наслаждением.

Семейный строй предлагаемого Вейтлингом коммунистического устройства покоится на иерархической организации

индивидуальных семей, управляемых старпинами. 1000 семей образуют семейную общину. Десять таких общин — семейный округ, избирающий окружное начальство. От каждого округа выбирается один депутат в верховный „великий семейный союз“, уже из своей среды выбирающий высший законодательный орган — сенат.

Сходным образом устроен и рабочий строй, распадающийся на четыре отдела, или гражданских состояния: земледельцев, лиц промышленного труда, учителей и промышленную армию. Все граждане в возрасте от 15 до 18 лет подлежат особой, обязательной для всех, трудовой повинности. Эта молодежь составляет обширную промышленную армию труда всеобщего союза. Эта армия исполняет все общественные тяжелые, необходимые и неприятные работы, например: очистку гаваней, улиц и зданий.

В государстве Вейтлинга каждая семья получает отдельное жилище с своею обстановкою и садом, но семьи пользуются общею кухнею и общим столом. Все продукты производятся и распределяются коммунально.

Но „одно равномерное распределение труда и средств к жизни не в состоянии дать человечеству продолжительного счастья“. В коммунистическую систему полного равенства необходимо внести поправку. „Строго регламентированное однообразное равенство будет для человечества тем же, что для утомленного дорогою проголодавшегося путника лишнее соли кушанье: на первых порах его едят жадно, затем со дня на день оно становится менее вкусным, а напоследок начинает тошнить“. „Вечно живому, вечно подвижному духу человека должен быть дан простор, чтобы скука и равнодушие не овладели человеком“. Этому началу личной свободы должен быть дан простор, и „каждому должно быть дозволено работать, сверх общенормированного времени (вначале 6 часов), еще добровольно избыточные часы“. Этот избыточный труд также регистрируется и идет на удовлетворение индивидуальных желаний и вкусов. И так как все товары оцениваются и рассчитываются по количеству затраченного на их производство времени, то их можно получить в обмен на удостоверение об избыточном сверхнормированном труде. Владение такими избыточными предметами — только пожизненное. Всякое наследо-

вание, как ведущее к усилению неравенства, вообще отрицается. „Таким образом, — думает Вейтлинг, — мера, предусматривающая институт избыточного труда, открывает полный простор проявлению индивидуальных наклонностей отдельных лиц, а потребление и пользование предметами роскоши скорее возрастет, чем сократится“.

Новый порядок, по мнению Вейтлинга, приносит неисчислимы материальные выгоды. Неравенство исчезает, жизнь удешевляется, количество труда сокращается, сумма наслаждений возрастает. Водворяется умеренность вместо развращающей невоздержанности. Но умеренность не есть ограничение — люди едят не по порциям, а сколько пожелают.

Этот порядок особенно выгоден в эпохи войны, в дни, когда страна в опасности. Тогда только наступает момент „установления точных порций“. Любопытно отношение коммуниста Вейтлинга к войне. Война с врагами — исключительное событие. Она ставит на ноги все сильное и взрослое население. В случае ее „мы обязаны приносить самые большие жертвы“. Члены союза могут тогда делить между собою лишь то, что останется за вычетом потребностей армии, ибо войны наши не должны ни в чем терпеть недостаток. Если бы остальным пришлось испытывать нужду, то нужду эту будут переносить все без исключения, а на миру, как известно, и смерть красна. Мы будем, по крайней мере, избавлены от зрелища, как со ртов немногих течет жир и как в их шкапах висят десятки костюмов, тогда как большинство терпит голод и стужу“. И когда граждане возьмутся за оружие, чтобы бороться за свободу и равенство, то „остальные, конечно, с радостью возьмут на себя во время войны несколько добавочных часов труда сверх установленного, чтобы вновь поднять размеры внезапно сократившегося производства“.

И, „несмотря на все эти неизбежные жертвы, они все же будут жить неизмеримо счастливее, чем преобладающее большинство в современном строе“. Такой самообороняющийся вооруженный народ Вейтлинг считает непобедимым. „Встав на защиту своих прав против народных угнетателей хотя бы всей Европы“, такой народ выходит из этой борьбы только победителем. Но война — редкое событие. В обыкновенное время человек должен стремиться к совершенствованию. „Человек

может все больше приблизиться к нему, но не достигнуть его вполне в своей земной жизни“. „Совершенство — это всемогущий бог, и стремиться достигнуть его значит — сделаться ему более подобным“.

Вейтлинг не считает своего проекта социального преобразования окончательным. Он предлагает его лишь вниманию тех, „кто не имел случая познакомиться с системами общности имуществ, представленными Фурье и многими другими“. „Все до сих пор представленные проекты общественного преобразования представляют доказательства возможности и необходимости его усовершенствования“. „Чем больше книг об этом пишется, тем больше народ может убедиться в справедливости этих доказательств“. „Самую лучшую книгу об этом нам придется написать нашу кровью“, — пророчески думает Вейтлинг.

III. „Гарантии свободы и гармонии“, 1842. Основные идеи этого произведения следующие:

Язык, границы, отечество — все это не нужно, как не нужны и следующие догмы. Люди должны жить общею равною и свободною жизнью. Новая организация общества должна порвать со всем старым. Каждый должен иметь дело на то же удовлетворение потребностей, что и другой. Работа должна давать возможность проявлять все способности.

Коренная причина социальной неурядицы — нарушение гармонии и равновесия между потребностями и способностями. Гармония заключается в дружественном семейном союзе, обнимающем все человечество. Все управление должно находиться в руках ученых и гениев: философов, физиков, механиков. Верхнею инстанцею является „Совет трех“. Во всей системе управления, как в центральных, так и в местных органах — выборное начало. „Центральные компании“ ведают управление „провинциальными компаниями“ и занимаются преимущественно научными и техническими вопросами.

Существуют, по Вейтлингу, три сорта труда: необходимый, полезный и приятный. Первые два определяются в часах и делятся на число способных к труду. По мнению Вейтлинга, примерно, для удовлетворения жизненных потребностей государство должно требовать от каждого шестичасового труда. Самое занятие, выбор вида труда и профессии вполне зависят

от воли каждого. Но так как у каждого человека могут найтись и другие потребности, например, к роскоши, комфорту, то для удовлетворения таких потребностей надо работать большее количество, чем шесть часов. Каждый час сверх общей шестичасовой рабочей нормы заносится в особую „коммерческую“ книгу, как „коммерческий“ час. На деньги, полученные за коммерческие часы, каждый в конце года может приобретать все то, что ему лично нравится. Воспитание детей производится за общественный счет, все дальнейшее образование — также за счет общества. Суд и тюрьмы во всей стране уничтожаются, а все преступники лечатся в особых учреждениях, как больные.

Для реализации этих идей Вейтлинг видел два пути — пропаганду и коренное изменение существующих условий, революцию. Второй путь Вейтлинг считал более действительным. Для предварительного же приведения в исполнение своих планов Вейтлинг считал предварительно необходимым: уничтожение всех грязных жилищ, всего грязного платья и белья, полную отмену всех долгов.

IV. „Евангелие бедного грешника“, Цюрих, 1843. В этом страстно и гневно написанном памфлете Вейтлинг, основываясь на текстах евангелия, пламенно обрушивается на ханжество и лицемерие официальной церкви, которая является союзницей буржуазного общества и правительственной власти. От евангелия попов нужно, по мнению Вейтлинга, обратиться к евангелию любви, мужества и надежды. Пролетарии — эти „бедные грешники“ — не должны смущаться ни своей бедности, ни своих мелких грешков. В существующем строе они и так наказываются в то время, когда крупные проделки сходят большим мошенникам с рук. „Если вам, не обращая внимания на ваши намоленные в работе руки, отравят горьким упреком стакан вина или водки, раскройте это евангелие. В нем вы найдете того, кто не отвергает с презрением радости трапезы, найдете друга мытаря и грешника, пред которым съезжится мораль ваших врагов. Расточительной рукой ты расплескала свой драгоценный елей, кающаяся Магдалина. Грешница с томными глазами! Ты позволяла маленькому божку любви рыться нескромными руками в весенних почках своей красоты и оказывала ему слабое сопротивление. Ты ослабляла страдание, одер-

живая над ним победу за победой. Королева страданий, теперь ты их победила!”

Христос, по мнению Вейтлинга — коммунист. Он требовал уничтожения денег, отмены наказаний, отрицал семью и брак, не уважал частную собственность. Христос рекомендовал свободу и равенство, общность труда и общность наслаждений. Всякий раз, когда христианские реформаторы обращались к христианству, они оживляли свои демократические идеалы. Атеисты и теисты, как Вольтер, — вредны. Каждую из этих мыслей Вейтлинг обосновывает соответственным текстом евангелия, которых приведено в книжке более ста.

4. Характер „вейтлинговского“ социализма и его историческое значение.

Основные идеи Вейтлинга были заимствованы у французских утопистов, но усвоены и переработаны на его, Вейтлинга, упрощенный и притом пролетарский лад. Не даром Энгельс говорит об особом, „вейтлинговском“ коммунизме.

Вейтлинг не просто заимствует и перелагает. Французский утопизм, изысканный и аристократический в своем изящном полете фантазии, превращается в уме Вейтлинга в суровое демократическое учение. Сектантская замкнутость и известное самодовольство, которым проникнуты все эти великолепные картины будущего, сменяются у Вейтлинга боевым настроением разгневанной улицы, революционным порывом. То, что Фурье и Сен-Симон ждали от королей и миллионеров, Вейтлинг ожидает от революции. Вместо чуда он верит в свои силы и силы сплотившихся рабочих. Ведь Вейтлинг, как рабочий, привык полагаться только на себя, справедливо думая, что социальное счастье не дается, а берется с бою. И кто упрекнет энтузиаста-бедняка, что он, этот первый дерзнувший пролетарий, чуждый систематического образования, делает ошибки в своих исторических и философских доводах. Не в них, не в объективной логичности и сухой эрудиции его сила и власть над поколением. И пусть он всю историю культуры наивно считает историей разбоев, пусть он искренно верит в свою убогую, как и его бюджет, бухгалтерию „коммерческих часов“, — его пути

прямее утопистов ведут к цели, его учение дает уже *ничто* всем тем, кто, как и он, перенес на себе все ужасы нищеты, всю тяжесть обратной стороны буржуазной цивилизации.

Итак, общие места и блестящие мысли французского гения Вейтлинг превращает в практические наставления и реальные требования честной немецкой натуры. Вместо изысканного пафоса умозрительного благожелательства у Вейтлинга горькие замечания обездоленного, но глубоко верующего в просвет и победу труженика, беззаветно любящего угнетаемых труженников и пламенно ненавидящего угнетателей. Не чуждый жизни сектант-интеллигент, а пропагандист-агитатор рабочий. Какие искренние и проникновенные ноты находит он для изображения своих чаяний и упований! Он гневен, как пророк, и радостен, как ребенок.

Все это несомненно крупный исторический шаг вперед по пути развития социализма, но все еще — не окончательный. Несмотря на свой революционный демократизм, ремесленник Вейтлинг еще чужд истинной пролетарской, принципиально выдержанной классовой точки зрения, того специфического чувства, той проникновенности определенного и острого мировоззрения, которое дается усвоением учения Карла Маркса. Вейтлинг не отрицает значения политической свободы и политических партий, но, в конце концов, чисто-анархически думал, что при наличности современной денежно-товарной системы никакую политическую борьбу ничего нельзя сделать. Хотя Вейтлинг осуждает Фурье и фурьеристов, по системе которых не только труд, но и талант и капитал получают соответственное вознаграждение, но сам он еще не чужд утопизма и наивного коммунистического сектанства. Его мечты об общих столовых так напоминают эгалитарные предприятия старой социальной рецептуры. В то же время Вейтлинг, хотя и не ясно, но все же признает и значение политической власти для рабочего класса. Вейтлинг к тому же проникнут *религиозностью*, хотя и очищенную идеализацией апостольской жизни первохристианства, и руководится верою в хорошего первобытного человека.

Вейтлинг, по своим воззрениям, почти целиком человек восемнадцатого века. На человека вообще и на историю он смотрит глазами века просвещения. Эволюционные понятия ему

совершенно чужды. Всей революционной роли капитализма этот немецкий ремесленник еще совсем не подозревает. Ему неизвестна возможность роста и победоносного развития пролетариата внутри современных условий. Лишенный исторических перспектив, Вейтлинг во всей предшествовавшей истории видит только одну темную страницу человеческого бытия. В современности он совсем не ценит принципов экономической борьбы и боевого классового объединения. Подобно всем французским коммунистам, Вейтлинг главнейшим оружием социального преобразования считает нравственный порыв энтузиазма и, подобно им, считает своим долгом представить готовый проект лучшего будущего.

В результате, Вейтлинг чужд и последующего пролетарского самосознания, первые проблески которого у него все же замечаются, и того буржуазного рационалистического утопизма предыдущей эпохи, от которого он все же не окончательно освобождается. Другими словами, Вейтлинг — типичная переходная фигура от кабинетного утопизма к пролетарскому социализму, т.е. образная фигура, своего рода символ переходной эпохи.

Стоя еще во многом на почве французских утопистов, Вейтлинг уже революционер нового времени и нового типа и, как первый успешный агитатор немецкого рабочего класса, может быть по справедливости назван и родоначальником немецкого рабочего движения.

Литература социальной истории XIX века несправедлива к Вейтлингу: в исторических описаниях рабочего движения Европы хотя и упоминают имя Вейтлинга, но о роли его забыли и значение его умалили. В исторической перспективе Вейтлинг как бы прячется за великими тенями полубогов дальнейшей истории социализма. Колоссальные фигуры Фердинанда Лассаля и особенно Карла Маркса, Родбертуса и Фридриха Энгельса заслонили скромного рабочего, но ему место рядом с ними.

Это, впрочем, сознавали его современники. Людвиг Фейербах, получив от одного ремесленника книгу Вейтлинга, был поражен силою его слова и воскликнул: „это пророк своего сословия“. Суровый и скупой на похвалы Энгельс называет Вейтлинга „единственным немецким социалистом, который,

действительно, что-либо сделал“. А беспощадный и саркастический Маркс гневно спрашивает, может ли вся блестящая буржуазия указать на такое свое евангелие, как рабочий класс в труде Вейтлинга. „Где те философы и книжники буржуазии, которые могли бы противопоставить по вопросу о политическом освобождении сочинение, подобное „Гарантиям гармонии и свободы“ Вейтлинга?“ — спрашивает Карл Маркс. Он же величает Вейтлинга „атлетом пролетариата“.

И мы должны воздать должное забытому. Вейтлинг открыл триумфальное шествие рабочего движения Запада, первый влил пламенную мысль в дремавший пролетариат. И всюду, где создается классовое движение, всюду, где соединяются обездоленные в защиту своих интересов, должны помнить имя родоначальника немецкого рабочего движения — портного Вильгельма Вейтлинга.

Сам Вейтлинг мало надеется на своих современников. Его мысли и упования — с будущими поколениями. Он думает, что только третье поколение людей, принявших коммунизм, будет, действительно, поколением новых людей. Только у них будут общие — язык, обычаи, образование. Только у них общность имуществ будет осуществлена с железною необходимостью. „И тогда будет один пастух и одно стадо“. „Общность имуществ, — не устает восклицать Вейтлинг, — есть средство спасения для человечества. Оно превратит землю в рай, заменив обязанности правами и уничтожив в корне массу преступлений“. „Но где надежда на его осуществление, и как нам достигь его? — спрашивает Вейтлинг. — Мудростью, отвагою и любовью к ближнему, особенно отвагою“.

„Докажите свою отвагу и решимость принять вызов на борьбу за ваши убеждения. Напишите на ваших знаменах: „Мы не хотим более нищеты и угнетения“. Выбирайте сами своих предводителей, не останавливайте своего взора на богатых и знатных. Пусть ваш генерал не имеет больше прав, чем самый молодой доброволец. Перед лицом врага пусть будет он вашим отцом, за трапезой — вашим братом. Помните, что крестьянину обязана Швейцария своей свободой“.

„Смерть на всех налагает свою руку, и лучше бросить свою юную жизнь на железную чашку ее весов, чем предать ее за корку черствого хлеба в руки кабалы и высокомерия“.

Вейтлинг высоко ценит своих героев и мучеников гражданского долга и революционного подъема. „Пусть будут святы, трижды святы для нас и для потомков наших, — восклицает он, — имена первых мучеников, напоивших со знаменем любви в руках родную землю своею кровью и запечатлевших смертью непоколебимую веру свою... Трижды святы да будут нам имена тех, кто выдержал до конца“... „Итак, пусть мудрость будет вашим вожаком, отвага — вашим счетом, а любовь к ближнему — вашим лозунгом, под этими знаменами вы победите“.

Заветы Вейтлинга — нетленны, они всегда будут живы, пока живет, страдает и борется пролетариат.

О Вейтлинге подробнее можно прочесть:

Франц Меринг, В. Вейтлинг, пер. с нем. Мандельштама. СПб. („Молот“) 1906 (из „Истории германской социал-демократии“, т. I).

Величкина, В. М., В. Вейтлинг. СПб. („Вперед“) 1906.

Кадер, Э., Вильгельм Вейтлинг, его жизнь и учение, СПб. („Просвещение“) 1906. 2 изд. М. 1919.

Святловский, В., Вожди пролетарского движения, в I. Вильгельм Вейтлинг (1808—1871). Петроград, 1918.

На русский язык переведено: „Евангелие бедного грешника“. СПб. („Мысль“) 1907, — „Человечество“, 1906 и 1918.

ГЛАВА VIII.

Социализм во Франции.

1. Тайные общества и бланкизм.

Аудиторию великих утопистов служила интеллигенция. Все последователи Сен-Симона, Фурье и Кабэ, — все эти „сенсимонисты“, „фурьеристы“ и „кабетинцы“ („дикарийцы“) представляли собою небольшие разрозненные, часто враждовавшие между собою группы и кружки писателей, врачей и инженеров. К ним изредка примыкали и представители крупной и мелкой буржуазии, либеральные промышленники, банкиры и рантье. Тогда еще не было обостренной классовой борьбы и классовой антипатии. Из числа страдающих и угнетенных не выделялись трудовые элементы. Симпатии распространялись на „всю бедноту“, на „весь народ“, без выделения трудящихся. Социализм этой эпохи носил головной, филантропический и чисто-

теоретический характер. Иногда этот социализм приобретал религиозно-мистический характер, как это было в тридцатых годах во Франции под влиянием аббата Ламенна. Итак, в этот период социализм носил мечтательно-утопический, по своему духу этический характер, его агитация покоилась на убеждении и примере, а характер социализма был чужд идее революционности. Тем не менее во Франции после Гракха Бабефа идеи бабувизма не умирали. Они тлели в низах трудового народа и готовы были при случае вспыхнуть с новой силой. Революционные традиции, отголосок Великой Революции, питались не только новыми условиями, в которые при капиталистическом производстве все более попадал пролетариат, и мелкая буржуазия, чем ближе к 1848 году, тем все более становилась радикальной. Она давно научилась выработать свои программы и требования в тайных обществах, куда теперь охотно вступали и рабочие.

Эти тайные общества были заговорщические организации. Особенно стройно был организован тайный союз „Общество времен года“. Здесь господствовала полная дисциплина и царствовала строжайшая *конституция*. В основе организации была „неделя“, — каждый заговорщик считался за один день, — „дни“ знали только одного руководителя недели — „воскресенье“. Четыре руководителя недель подчинялись своему старшему — или „месяцу“, четыре „месяца“ составляли верховную ячейку — „сезон“ или „время года“, откуда и самое название Общества. В недрах Общества были два опытных и фанатичных заговорщика — Бернар Барбес и Огюст Бланки. Особенно революционным темпераментом отличался Бланки, вечный заговорщик и вечный узник бесчисленного множества тюрем, где он провел более половины своей героической жизни. Бланки не даром получил наименование „святого революции“, его жизнь — одна из замечательных страниц революционной энергии и решительности. Бланки — продолжатель дела Бабефа, без его непрактичности и мягкости.

2. Луи-Огюст Бланки (1805—1881).

Не менее решительными становятся в эту эпоху и промышленные рабочие Франции. Когда лионские ткачи были доведены наглотью эксплуатации предпринимателей до эксцессов, то они, разбивая и громя машины и жилища нанимателей, выставили своим девизом: „Жить, работая, или умереть в борьбе“. Но лионское восстание являлось только эпизодическим случаем, которых во Франции было немало. В тайных революционных обществах развилась та программа и система заговорщичества и конспирации, которая вскоре получила название *бланкизма*. Это строго-дисциплинированная конспиративная система, направленная на устройство тайных заговоров. Но общей продуманной идейной программы не было. Кустарному и бесплодному образу действия заговорщической кружковщины содействует отсутствие у пролетариата той эпохи хорошей принципиальной, глубоко продуманной теоретической программы.

Отсутствие ее особенно остро почувствовалось в дни первой пролетарской революции, т. е. революции 1848 года, в эпоху обилия мелких социалистических течений. Некоторые из них продолжают в основе дело Фурье (таковы Дезами, Видаль, Бюшэ и Пекер), другие — Сен-Симона (Пьер Леру). Все они мало согласованы между собою, но каждое претендует на внимание. Воззрения некоторых из социалистов этой эпохи заслуживают особого внимания; таковы Дезами, Луи Блан, Прудон, Пьер Леру и некоторые другие.

Теодор Дезами, парижский журналист, выступил в 1842 г. с сочинением „Сборник законов, регулирующих общность имуществ“. В отличие от идеалистического деизма Каба, Дезами борется за материализм и атеизм. Он коммунист, соединивший коммунизм равенства Бабефа с идеями Фурье и Сен-Симона. У Фурье он заимствует некоторые детали будущей организации общества, заменяя фаланстеры „коммунальными дворцами“.

Пьер Леру (1798—1871) резко критиковал капитализм и провозглашал принципы, способные положить начало коммунизму. Но практическая программа у него, как у Сен-Симона, уступала теоретической. Его основная книга „Научная система

человечества“ (1840) проникнута идеями Гегеля, бессистемна и туманна.

Этот период подробно освещен проф. А. А. Боровым: „Коммунизм и религиозно-социалистические учения во Франции перед революцией 1848 года“, в сборнике: „Книги по истории нового времени“, т. IV.

3. Луи Блан.

Луи Блан родился в Мадриде 29 октября 1811 года; сын небогатого чиновника, он получил воспитание в коллеже города Роди. По окончании последнего 17-летний Блан уже должен был снискивать себе пропитание уроками. Окружающие долгое время мало доверяли юному педагогу, бывшему к тому же маленького роста. Переменив ряд профессий (он был клерком, юристом, педагогом), он в конце 30-х годов впервые выступил в качестве литератора. Две его стихотворные поэмы получили премию Аррасской академии, а политические статьи охотно печатались в одной из местных газет.

В 1833 году Л. Блан переселился в Париж, где сотрудничал в газете „Bons Sens“ (Добрые чувства). Статьи его имели большой успех. В 1838 г. он основал свою собственную газету, „Journal du Peuple“, значительное место в которой было отведено рабочему вопросу. В следующем году, за статью против Луи Бонапарта, Луи Блан подвергся внезапному ночному нападению, едва не стоившему ему жизни. Будущий император, тогда только Л. Бонапарт, издал книгу „Идеи Наполеонов“, на которую Блан отвечал резкою критикою. „Вы нам предлагаете, — писал Луи Блан, — все то, что было делом вашего дяди, кроме войны... Ах, милостивый государь, ведь это будет деспотизм, только без славы; это двор над нашими головами, но без Европы у наших ног; это империя, но без императора“. В том же 1839 году на страницах его газеты появилось самое известное его сочинение: „Организация труда“, которое сыграло важную роль в ходе социальных событий Франции. Оказав громадное влияние на рабочих Парижа, эта книга имела выдающийся успех и за пределами Франции. Ошибочно думать, что она содержала что-либо социалистическое: вообще Л. Блан не был социалистом, хотя некоторые сен-симонистские идеи не были ему чужды.

Газета Л. Блана прекратилась в самом начале сороковых годов, так как Луи Блан перешел к ряду исторических работ, обширных по замыслу и талантливых по изложению, — „История десяти лет“, первый том которой вышел в Париже в 1841 году. Покончив с этим сочинением, Л. Блан приступил к новому, самому большому из своих трудов — „История французской революции“. Из 15 напечатанных им томов — до 1848 года вышли два. Обе „Истории“ имели колоссальный успех, особенно „История десяти лет“, которая в короткий промежуток времени выдержала ряд изданий, несмотря на свой большой объем.

В то же время Луи Блан принимал участие во влиятельной парижской газете „Реформа“. В итоге имя его стало настолько известным, что в 1846 году ему предлагали быть членом палаты депутатов. Особенно выдвинула Л. Блана революция 1848 г., в которой передовым бойцом являлся пролетариат. В этом движении были моменты, когда самое осуществление нового социалистического строя казалось практически легко исполнимым, и тогда первые шаги в новом направлении связывались с именем Л. Блана.

Но вскоре восставший пролетариат был раздавлен артиллериею Кавеньяка. Раскрывшаяся таким образом пропасть между пролетариатом и буржуазией больше не исчезала, несмотря на усилия многих перебросить через пропасть спасительные мостики примирения.

Классовый антагонизм стал резко проявляться во Франции еще с самого начала сороковых годов. С этого времени пролетариат все больше приходит в возбуждение, движимый двумя магическими формулами: *организация труда* и *право на труд*. Буржуазия глядела встревоженно на предвестников новой бури. Король, между тем, был занят династическими планами и интригами против мешавших ему английских министров. Когда суровый и набожный Гизо вступил в 1840 г. на пост премьера Франции, против короля и капиталистов в обществе и парламенте подняла голову либеральная оппозиция. Эта оппозиция требовала реформ в самой парламентской системе Франции. „Но среди рабочего населения Парижа, — говорит Файф, — действовали другие силы и другие идеи сравнительно с теми, что занимали политиков собрания. Теории социализма, увлекавшие

в первые годы царствования Луи-Филиппа только немногих мыслителей и читателей, глубоко распространились в массы народы и обратились в символ веры бедняка“.

Смелые парадоксы Сен-Симона и Шарля Фурье разбудили дремавшую мысль, а редкий по фанатизму энтузиазм их последователей и иступленная страстность, непоколебимая вера в свое учение — двинули общество в сторону экономических вопросов. Аполитический экономизм и радикальное переустройство социального строя стали отныне девизом дня. Тут уже не трудно было указать на роль пролетариата, особенно страдавшего от тогдашней экономической системы. И на эту роль впервые указал Луи Блан.

„Идея нового общественного строя, — говорит Л. Штейн, — овладела умами рабочего сословия в предместьях Парижа не в какой-либо сложной форме. Рабочий читал у Луи Блана, самого нового и понятного из преподавателей, о праве труда, об обязанности государства доставлять работу своим гражданам. Это было нечто действительное и обязательное. За это он был готов, в случае надобности, взяться за оружие и был совершенно равнодушен к распространению избирательных прав на другую часть буржуазии или к переходу власти из рук одних искателей мест в руки других“.

Логика общественных событий с неумолимою последовательностью вела к тому, чтобы и в момент дарования парламентской реформы рабочие массы оставались в оппозиции. Действительно, 24 февраля 1848 года пролетариат, несмотря на уступки Луи-Филиппа буржуазии, свергнул трон во Франции. Поводом была поднимавшаяся в то время агитация в пользу реформы выборов. Король в тронной речи в парламенте в 1847 году высказывается против агитации за реформу. Тогда оппозиция организует целый ряд банкетов. Один из них, устроенный в западном Париже, на Елисейских полях, 24 февраля 1848 г., правительство объявило незаконным. Оппозиция, имевшая намерение вместе с банкетом устроить мирную демонстрацию, не хотела доводить дела до кровавого столкновения. Депутаты уклонились даже от участия в банкете. Но явившиеся на улицу рабочие устраивают баррикады. Доселе верная „царю и отечеству“ национальная гвардия на этот раз не обнаруживает особенного желанья „подавлять крамолу“ и изменяет Луи-

Филиппу. Растерявшийся король дает отставку Гизо. В Париже по этому поводу всеобщее ликование, но пролетариат и его вожди деятельно готовятся к новому выступлению. Убийство в тот же день 80 рабочих перед зданием министерства иностранных дел дает сигнал к новому восстанию. Рабочие берутся за оружие снова. На этот раз окончательно перепуганный Луи-Филипп отрекается от престола в пользу своего внука. Но уже поздно. Толпа, ворвавшись в палату депутатов, избирает временное правительство. В числе членов временного правительства был и Луи Блан. Он опирался на многочисленный парижский пролетариат, усиленно предлагавший ему диктатуру. „Если бы Л. Блан, — говорит Л. Штейн, — в этот великий исторический момент имел мужество восстать против своих товарищей по министерству и захватить предлагаемую ему социальную диктатуру, социалистическое государство было бы создано. На долго ли — это другой вопрос, но все же оно существовало бы“.

Итак, 24 февраля 1848 г. Луи Блан попал в число членов временного правительства. Уже на другой день, 25 февраля, по настоянию Л. Блана, временное правительство признает „право на труд“. Далее, так как предложение Блана об учреждении министерства труда было отвергнуто, правительство учредило известную Люксембургскую комиссию, под председательством Блана. Благодаря инициативе этой комиссии было устроено несколько производительных ассоциаций.

Правительство в 1848 году дало ассоциациям заказ на изготовление 100.000 мундиров и седел для кавалерии, что заняло труд 2.000 человек. Впрочем, вскоре, а именно в 1851 г., эта работа сдавалась уже не ассоциациям, а всем желающим — поштучно. Организацией национальных мастерских, „этой — по выражению историка французского социализма, Поля Луи — каррикатурой на социализм“, противники Луи Блана хотели подорвать его авторитет, а главное — дискредитировать социализм.

Тома, стоявший во главе национальных мастерских и составивший их историю, прямо говорит о том, что национальные мастерские были организованы с целью довести до абсурда теоретические построения Луи Блана. На самом же деле ни Луи Блан ни Люксембургская комиссия тут ни при чем. Пра-

вительство восстановило это учреждение, существовавшее, как институт временного характера, в 1789 и 1830 гг. Поэтому все авторы, приписавшие, в противоположность мнению Лассалья, учреждение национальных мастерских влиянию Луи Блана, в этом ошибаются.

После июньских событий и сражения между правительственными войсками и рабочими национальных мастерских, Л. Блан был привлечен к суду за его „преступную“ роль в этих событиях. Луи Блану ничего не оставалось, как бежать в Англию, что он и сделал. В Англии он пробыл 20 лет. Его „Письма из Англии“ (4 тома, Париж, 1865 г.) имели в свое время громадный успех. И только после франко-прусской войны Л. Блан вернулся во Францию, где был немедленно избран членом Национального Собрания. *Коммунары предлагали ему быть диктатором*, но Блан отказался; до своей смерти он был только деятельным членом парламента. Но зато, когда в 1879 году Блан предпринял путешествие по Франции, он был как бы вознагражден за свое 20-летнее изгнание: его повсюду встречали с необычайным триумфом. В 1881 году, 6 декабря, Л. Блан скончался. Похороны его были устроены за счет государства.

Основные воззрения Луи Блана, главным образом, изложены в его сочинении „Организация труда“. Развитию же отдельных вопросов посвящено много места в других его работах исторического и публицистического характера.

В общем, Луи Блан не был социалистом, но его миро-созерцание находится под сильным влиянием сен-симонизма, а отчасти Фурье и Жан-Жака Руссо. Однако ни одно из этих течений вполне не подчинило его себе. Л. Блан во многом расходится и с Руссо, отрицая, напр., его идею непосредственного народного законодательства, и с Фурье, который внушил ему лишь общую идею ассоциации и навел на мысль о значении *привлекательного* труда; расходится Л. Блан и с сен-симонизмом; историческая точка зрения последнего хотя и была им целиком усвоена, но все же с значительными поправками.

Так называемое *идеалистическое* понимание истории, часто заслонявшееся у сен-симонистов прямо-противоположными воззрениями, выдвигается Л. Бланом на первый план. *По его мнению, историческое развитие всецело обуславливается успехами*

знания. Только наука может, поэтому, открыть выход из того ненормального положения, в каком находится современное общество. И, будучи признана, научная истина не может не повлиять на ход истории. Если до сих пор человеческое общество, переживая различные стадии своего развития, не могло освободиться от социальных бедствий, то это объясняется для Луи Блана лишь недостаточным знанием истинных условий общественного благополучия. „Язва общества, — по его мнению, — заключается прежде всего в невежестве, жертвою которого становятся все классы. Нужно повлиять на людей, изменить их нравственное и умственное состояние для того, чтобы люди переменили тогда и свой общественный строй. Этого же можно достигнуть только с помощью науки“. Известно выражение Луи Блана, что „не сила руководит миром, а мысль“, и что „история делается книгами“.

Общественная эволюция рассматривается Луи Бланом, как смена различных стадий умственного развития. Он так же, как и сен-симонисты, находит в истории три главных фазиса, характеризующиеся тремя различными и противоречащими друг другу принципами. Но характеристика этих фазисов не совпадает у него с той, какую дали сен-симонисты. История, по воззрению Луи Блана, предоставляла поочередно преобладание трем принципам: власти, индивидуализму и братству. Власть регулировала жизнь людей с помощью внешнего принуждения и навязываемых верований. Освободившись от слепого подчинения власти, человек провозгласил абсолютное значение своих индивидуальных прав и стал полагаться на свои личные силы. Наконец, третья эпоха истории, и притом только теперь начинающаяся, является эпохой братства: солидарность людей и вытекающая из признания ее необходимость организоваться в гармоническое целое должна устранить как рабство, создаваемое властью, так и все бедствия, связанные с эгоистическим существованием ничем не связанных между собой людей.

Признавая вместе с сен-симонистами факт расслоения общества на классы и преобладания одних классов над другими, Луи Блан не видит, однакоже, в классовой борьбе средства общественного прогресса. Наоборот, для прогресса необходимо устранить антагонизм классов и привлечь всех членов обще-

ства к примирению и сознательному устроению жизни на новых началах. Общество приобретет силу, необходимую для разрешения современных противоречий, лишь в единении и в общей коллективной деятельности. Здесь на помощь является наука, призывающая к разумному отношению к жизни и утверждающая ту истину, что личный интерес человека не противоречит интересам общества, а находится с ним в полной гармонии.

Отрицание классовой борьбы не приводило, однако, Луи Блана к отрицанию революции, как неизбежного момента в развитии общества. Наоборот, он сам называл себя революционером. Развитие новых идей, совершающееся медленно и постепенно, приводит неизбежно к перевороту, который может совершиться более или менее быстро и заключается в замене одной общественной организации другою, ей противоположною. Революция, как ее понимает Луи Блан, не всегда принимает бурный, разрушительный характер. Чем больше в обществе будет распространено правильное, научное понимание вещей, чем большее участие будет принимать народ в законодательстве, тем легче революция может совершиться мирным, бескровным путем. Всеобщая подача голосов, по мнению Луи Блана, окажет в этом отношении неоценимую услугу.

Современный строй, в котором с особенной силой проявляют себя начала индивидуализма, должен быть изменен, если общество не желает погибнуть. Должна произойти революция, которая поставит во главу угла принцип братства. Поэтому необходимо прежде всего подвергнуть критике самые основы современного строя и позаботиться о распространении правильных научных воззрений на общественную жизнь.

Но особенно обстоятельной и жестокой критике подвергается Луи Бланом принцип конкуренции, царящий в современном обществе. Конкуренция является источником всего зла. Она, не в одинаковой, правда, степени, но все же губительна как для рабочих, так и для фабрикантов. Подробно описывая самый процесс так называемого свободного договора между работником и работодателем и указывая причины постоянного понижения цен, к которым рабочие вынуждаются голодом, Луи Блан подчеркивает безвыходность положения рабочего и его полную необеспеченность. Конкуренция создает бедность, а

бедность порождает пороки. Она обуславливает перепроизводство и промышленные кризисы. В среде же предпринимателей конкуренция создает постоянную вражду и служит часто причиною разорения. Мелкая собственность поглощается крупной, и в конце концов создается олигархия „финансовых вельмож“. Конкуренция обращается, по словам Луи Блана, во „всеобщую экспроприацию“.

Луи Блан считает поэтому необходимым бороться с распространенным в его время учением фритредеров, провозглашавших принцип „laissez faire—laissez passer“. По его словам, совершенно непоследовательно для государства, берущего на себя защиту граждан от опасностей, являющихся результатом свободной конкуренции, отказываться от мероприятий, которые могли бы предупредить эти опасности, т.е. от вмешательства в экономическую жизнь.

Но такое зло, как конкуренция, должно быть устранено силой, равной ему по могуществу. От него можно избавить общество, противопоставив конкуренции конкуренцию же, только иначе осуществляемую. Как известно, предприятие, ведущееся в крупных размерах, с более крупным капиталом, в силу своей большей мощности оказывается победителем в борьбе за рынок. Поэтому, — рассуждает Луи Блан, — нужно найти капиталиста, который мог бы померяться с самыми крупными предпринимателями, — и тогда эти последние будут побеждены. Таким капиталистом может явиться только государство, поддерживающее своими капиталами ассоциации производителей. Ассоциация — это единственная форма, которая может избавить человечество от угнетающих его бедствий. Наемный труд должен быть совершенно уничтожен, оплата же труда должна производиться сообразно с количеством рабочих часов. Ассоциация не представляется Луи Блану чем-либо искусственно изобретенным и навязываемым человечеству вопреки его общим стремлениям. Наоборот, это есть наиболее приспособленная к человеческим инстинктам форма труда, так как личное и общественное начала неразрывно связаны в человеке. Всякое право личности, по мнению Луи Блана, получает силу лишь при отождествлении его с общественным интересом. Все граждане должны обратиться постепенно в члены ассоциации. Это последнее требование выставлялось Луи

Бланом, как идеал, к которому должно стремиться общество. Он понимал, что ассоциация может действительно привести к желаемым результатам лишь в том случае, если она является всеобщей, если она охватывает все отрасли промышленности. Именно поэтому Луи Блану представлялось существенно необходимым участие государства в деле организации ассоциаций. Но нельзя сказать, чтобы этот взгляд проводился Луи Бланом последовательно. У него заметно некоторое колебание в вопросе о роли государства. В некоторых местах он даже высказывается так, как будто имеет в виду свободное, самостоятельное образование ассоциаций, без участия государственной власти. Он предлагал иногда иной путь: постепенное завоевание основываемыми самими рабочими, за свой страх и риск, общественными организациями, сперва одной, затем нескольких и, наконец, всех отраслей промышленности. Однако государству вообще принадлежит в системе Луи Блана весьма видное место. Он придает громадное значение организаторской деятельности прогрессивного государства. Поэтому можно сказать с уверенностью, что, в общем, в понимании Луи Блана переход от конкуренции к ассоциации представляется рядом политических мероприятий.

Луи Блан совместно с Видалем и Пикером выработал план организации ассоциации с помощью государства. По этому плану правительство должно было сделать крупный заем, который пойдет на постройку общественных мастерских. Частные мастерские медленно и постепенно будут поглощаться этими крупными предприятиями. Государство же должно обеспечить личности ее право на труд и на помощь, в случае каких-либо бедствий или в виде пособий.

Предоставление государству такой роли не вызывало у Луи Блана никакого смущения, потому что он имел в виду государство, в котором общество решает дела через посредство народных представителей. Для свободы частных лиц организаторская деятельность такого демократического государства не может, по его мнению, представлять никакой опасности.

Вообще же никакого принуждения ко вступлению в ассоциации Луи Блан не предполагает. Он думает, напротив, что ассоциация будет привлекать к себе работников помимо каких бы то ни было обязательных требований со стороны

государства. Государство ограничится помощью желающим образовать ассоциацию. Единственным же стимулом ко вступлению в нее будет привлекательность самого труда в ассоциации. Луи Блан вообще, вслед за Фурье, настаивает на привлекательности труда, которая еще увеличивается в случае коллективной организации работы. В его общественных мастерских работа организуется сама собой, исключительно вследствие привлекательности труда, так как согласованность различных профессий с соответствующими естественными стремлениями сделает из труда наслаждение.

Возлагая все свои надежды на ассоциацию, Луи Блан не был, однако, коммунистом в том смысле, чтобы отрицать вообще всякую собственность. Он уже совершенно отчетливо понимает различие между собственностью на средства производства, на капитал и собственностью на средства потребления. Право собственности вообще им не отрицается, но оно, по его мнению, должно быть подчинено задачам общественного благополучия. Допустима лишь та собственность, которая не противоречит принципам коллективного сотрудничества. Отсюда вытекает, что право собственности должно распространяться лишь на продукт труда, поскольку он является средством потребления; что же касается средств производства, то таковые, при коллективной организации труда, не могут быть частною собственностью. Все орудия производства должны быть только собственностью ассоциации. Собственность же на предметы потребления должна находиться в строгом соответствии с трудом. Поэтому нет никаких оснований для сохранения института наследственной собственности. Обмен, однако, не устраняется Луи Бланом даже и для того идеального строя, где царит вообще ассоциация. И хотя оплата труда производится непосредственно ассоциацией, распределяющий между своими членами все необходимое, однако желающим предоставляется получать взамен продуктов денежные знаки. Но и в этом случае все же предполагается, что оплата труда является не заработной платой в нашем смысле этого слова, а осуществлением прав работника на полный продукт труда. Исходя из этого принципа, Луи Блан отрицает для идеального состояния общества, когда ассоциация станет всеобщей, всякое представление о доходе. Таковой признается им лишь для переходной стадии.

Воззрения Луи Блана, ближе подходя к жизни и не заключаая в себе слишком широких мечтаний, нашли гораздо больше доступа к массе, чем учения Фурье и Сен-Симона. Исходя из коммунизма, Блан от него отрешается и почти подходит к принципам существующего строя, исправляя его только в смысле организации труда за государственный счет.

По-русски о Луи Блане можно прочесть:

Елисеев, А. В. Луи Блан, в „Вестн. Евр.“ за 1888, кн. 1, 3.

Жуковский, Ю. Материалы для общественной науки. Прудон и Луи Блан. СПб. 1866.

Щеглов, И. История социальных систем, т. II, стр. 445—695. СПб. 1889

Поль Луи. Французские мыслители и писатели XIX в. СПб. 1905.

Чернов, И. Луи Блан. („Молодая Россия“). 1906.

Г. К-ша. Национальные мастерские во Франции в 1848 г. Ростов-на-Д. 1906.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

Научный социализм.

ГЛАВА I.

Научный социализм до Карла Маркса.

1. Новые идеи. — Принцип государственности Фихте.

Индустриальная революция создала торжество и социальную мощь промышленной буржуазии, завладевшей орудиями производства и сконцентрировавшей в своих руках все виды крупного капитала. Новый класс осознал свои интересы в блестящей и законченной идеологии — в учении школы Адама Смита, получившей наименование классической. Руководящею мыслью этой идеологии были хозяйственный эгоизм и индивидуализм, лежавший в основе деятельности новой буржуазии. Подготовленная теоретически физиократами, индивидуалистическая идея составила остов экономических воззрений царственного триумvirата Смит-Рикардо-Мальтус и выразилась в ряде направлений, получивших начало в классической школе и наполнивших собою общественную мысль первой половины XIX столетия. В то время, когда мировая промышленная буржуазия нашла свое евангелие в смитианстве, обосновавшем и оправдывавшем ее деятельность и существование, созрел, как итог той же индустриальной революции, новый комплекс идей, совершенно противоположный индивидуализму. В недрах мечтательной германской философии после-кантовского периода начало складываться приводящее к социализму мышление и начали намечаться первые идеи, близкие тому новому классу, который вместе с буржуазиею выносила на по-

верхность истории революция, — класса *пролетариата*. И так, в то время, когда индивидуализм еще переживает свое розовое утро, начинают определяться и вехи его противоположности — *социализма*.

Социализм отстаивает преимущество общества, коллектива, целого, а следовательно идеи государства перед идеею личности. Такую постановку социального вопроса ставит впервые философия начала XIX века.

Немецкий философ Иоганн-Готлиб Фихте в 1800 г. объявляет социальным идеалом такое *государство*, в котором все, не исключая и правительства, являются слугами целого, за что и получают справедливое участие в благах целого („Staat, wo alle Diener des Ganzen sind und dafür den gerechten Anteil empfangen an den Gütern des Ganzen“).

В своем „Замкнутом торговом государстве“ (1880)¹ Фихте набрасывает смелую картину будущего „государства разума“, как он его называет, стремящегося „в корне устранить современную ему свободу ограбления всего остального мира великой европейской компанией, свободу торговли и приобретения, свободу от контроля и полиции, свободу от порядка и нравственности, и установить такие общественные сношения, при которых не смогут уже иметь места ни головкружительные спекуляции, ни случайные барыши, ни внезапные обогащения“ (кн. 3, гл. 8).

Государство не должно быть ни полицейским ни правовым. Государство, по Фихте, должно быть основанным на договоре, на гражданском договоре. Последний распадается на две части: на договор о собственности и договор защитительный².

Без „договора о собственности“ не может быть ни правового общения, ни государства, ни гражданского договора: это первое условие существования государства. Но „договор о собствен-

¹ J.-G. Fichte. „Der geschlossene Handelstaat. Ein philosophischer Entwurf als Anhang zur Rechtlehre“. München 1800 („Собр. соч.“, отд. II, т. I, цитаты взяты из перевода Эссена (Фихте. Замкнутое торговое государство. 1922).

² J.-G. Fichte. Grundlage des Naturrechts nach Principien der Wissenschaftslehre. Zweiter Teil oder angewandtes Naturrecht“. Jena. 1796. § 17, стр. 191, 197, 198 (в „Собрании сочинений“, отд. II, т. II).

ности "Фихте—особый договор; его „собственность“ шире обычного понятия о собственности. Собственность, по Фихте, не только мое признанное владение, но условие, при котором нет не-собственника, нет состояния, при котором кто-либо не имел бы *своего* признанного владения. Каждый признает чужую собственность при признании его, — состояния непризнания, *нужды, отсутствия* — быть не может. Если таковые все же наступают — это угроза безопасности. Отсюда единственный вывод: государство должно заботиться о безопасности и не должно допускать нужды. Не может быть поэтому „ни праздных ни нуждающихся“.

Поэтому-то государство и должно иметь право надзирать за деятельностью отдельного лица, чтобы не допускать праздности. Государство должно также иметь возможность устраивать учреждения вспомоществования (т.-е. учреждения безопасности). Таким образом „бедный имеет абсолютное принудительное право на вспомоществование“. Отсюда не только — обязательство труда, но и „право на труд“. В итоге „государство, по Фихте, — говорит один из его исследователей, — должно следить за тем, чтобы, во-первых, все необходимые для жизненных потребностей объекты создавались в количестве, соответственном числу граждан, и чтобы, во-вторых, каждый мог приобретать своим трудом, в чем он нуждается“¹.

2. Теория замкнутого торгового государства Фихте.

Мы видели, что государство должно охранять „собственность“ каждого, т.-е. право распоряжения продуктом и фабрикатом в пределах, установленных договорами, охраняемыми правительством. Когда же оно может дать такие гарантии? — Только при экономическом строе государства, строго регулируемом.

Основа всякого государственного строя, — думает Фихте, — *земледельческая*, добывание сырья и продуктов питания, т.-е. „производство“, простирающееся до того момента, когда природа заканчивает свою работу“ (кн. I). Она дает сырые про-

¹ Куно Фишер. „История новой философии“, т. VI; Фихте, русск. изд. 1909 г., стр. 432.

дукты. С их количеством должно сообразоваться фабричное производство, а именно не больше перерабатывать, чем нужно для граждан. Отсюда промышленность должна быть замкнутой, строго регламентированною, т.-е. по-своему пеховою. Иначе говоря, *свободы торговли* и *свободы промышленности* в благоустроенном государстве не должно быть. Более тонкие продукты питания и предметы роскоши могут производиться лишь после того, как удовлетворена нужда всех в насущно-необходимом.

Далее, количество купцов должно соразмеряться с числом производителей сырья и числом фабрикантов, а самая торговля — регламентирована и не свободна. Число торговцев должно быть ограничено, а цены установлены твердо. Таможенных пошлин с их спутниками, контрабандой и тайною торговлею — тоже не должно быть. Отсюда наступает состояние равновесия оборота товаров; нет свободы, но нет и нужды. Создается то, что Фихте и называет „*замкнутым торговым государством*“. Естественными его границами являются наличность территории с почвою, достаточною для собственного производства, и *местные деньги*. Создаются: монополия внешней, международной торговли и монополия международных денег. Далее следуют, как естественный результат, полное выявление *национальной физиономии народа*, упрощение *личной жизни*, *отказ от роскоши*. Связь же с другими нациями и участие в общих интересах человечества достигается не через товарообмен, а через науку. Ни одному государству не будет никакого смысла скрывать от других своих открытий (кн. 3, гл. 8); „каждое государство стремится сделать у себя обычными изобретения другого“ — такими словами заканчивает Фихте свое „Замкнутое торговое государство“. Итак, вместо индивидуализма, вместо триумфа самодовлеющей личности, — античная государственная идея, идеал верховного руководства экономической жизнью — новым кумиром, государством. Таково „новое“ государство. Здесь естественно возникает вопрос: почему не быть такому государству монархией? Она ведь может быть социальною — думает Карл Родбертус-Ягетцов, социалист, выступающий в первой трети XIX столетия. Другой ученый, сочувствующий социализму, Лоренц фон-Штейн прямо предлагает теорию „социальной монархии“. Но нужно посмотреть, каких результатов достигла социалистическая идея, — это делает тот же Лоренц фон-Штейн. Он вообще имеет громадно

влияние на своих современников. Отсюда его теория социальной монархии не остается анемичным продуктом кабинетного творчества. Он излагает ее прежде всего в своей „Истории социального движения во Франции“ (первое издание 1842 г., второе 2-томное — 1848 г. и 3-томное — 1850 г.), где делается первый серьезный смотр успехов социализма.

Лоренц фон-Штейн — ученик Гегеля. Гегель, как известно, развивает теорию социальной гармонии, различает понятия: государство и общество, общество, семья и индивидуум. Для удовлетворения своих потребностей индивидуумы должны вступать в связь между собою, отсюда система всесторонней зависимости. Гражданское общество и конструируется на основе удовлетворения потребностей, *разделения труда* и сотрудничества *разных сословий*.

Чем выше разделение труда, тем выше качество труда и тем больше материальное обогащение. Но вместе с тем — антитеза — упрощается труд, давая все больше места машине, которая *вытесняет человека*. Это уже знаменует деградацию работника, создает его отчужденность от капиталистического общества и вызывает растущую зависимость от организаторов производства; итак, образуется толпа, резервная армия — *Röbel, plebs*.

Прогресс человеческого общества, по Гегелю, выражается в росте народонаселения и росте индустрии. Вследствие обобщения взаимных связей людей на почве удовлетворения потребностей и в силу способов, какими добываются средства для удовлетворения их, — на одной стороне увеличивается *накопление*, на другой *разобитие*, зависимость и нужда.

Но при скоплении богатств гражданское общество все же недостаточно богато, чтобы предупредить образование черни и спасти народ от грядущей нищеты.

Социализм, по Штейну, может сложиться и в рамках старого политического строя.

Штейн думает, что каждый обладает рабочей силой, но количество „материал“ ограничено. Собственники не все, а часть. Отсюда располагающие силою попадают под власть собственников. Отсюда разные социальные классы и их борьба. Государство тоже вступает в борьбу с обществом. Внутри его идет развитие идеи социальной демократии. Выявление ее не-

избежно и приведет к диктатуре этой группы, к *диктатуре пролетариата*. Наследственная монархия должна быть внеклассовой; подъем низшего класса должен покоиться на единоличной решимости монарха. Монархия общественной реформы возможна лишь при отсутствии парламентаризма. При его наличии политическая партия пролетариата должна стремиться к власти, в конечном итоге этого стремления — к захвату власти. Отсюда — социалистическая программа ближайшей политической деятельности рабочего класса.

Параллельно с развитием идей Лоренца фон-Штейна, приведших к теории социальной монархии и государственному социализму, идет развитие другого комплекса идей, как итог разложения утопического социализма. Здесь социализм, понимаемый, как смена капитализма, в виде коммунистических общин, сменяется социализмом, как классовым государством пролетариата, завоевываемым с момента революции и захвата власти.

Итак, развитие новых капиталистических отношений выдвигает на первый план рабочий класс — *пролетариат*, как орудие новых целей. Его идеология — *социализм*, который теряет утопическую окраску и становится революционным и политическим. Но пролетариат выступает на историческую арену изолированно, самостоятельно и революционно в 1848 г. и терпит полное поражение: у него нет еще ни определенной программы, ни законченной идеологии, отсюда разгром и поражение.

Пролетариат Европы после 1848 г., т.е. после первой пролетарской революции, смотрит на все иными глазами, он отрешается от прежних верований и готовится к восприятию совершенно иначе конструированной идеологии, зачатки которой он уже разбирает в знаменитом „Коммунистическом манифесте“ 1848 г., где от бывшего коммунизма остается только одно наименование.

Здесь сказалась и вся глубина переворота, происшедшего в философии. Продолжатели Канта, Фихте и Гегель, каждый по-своему, указывают новые пути в сфере социально-политической мысли.

И. - Г. Фихте в своем „Замкнутом торговом государстве“ набрасывает, как мы выше видели, смелую картину будущего социалистического государства, осуществляющего идею „права на труд“ и устранивающего капиталистические отношения.

Гегель дает европейской науке и обществу гениальное оружие — диалектический метод, позволяющий отныне применять к историческому анализу плодотворный эволюционный принцип. „Левые“ последователи этого мыслителя разъясняют всю революционную сущность основоположений Гегеля и дают блестящую критику существующих социальных отношений, убивая всякую иллюзию социального равновесия и естественной социальной гармонии — этот основной принцип экономических построений буржуазной политической экономии.

И Фихте и Гегель, оба с разных точек зрения, выдвигают значение принципа *государства*, роль и значение которого в экономической жизни начинает впервые ясно сознаваться. Новая идея находит, как мы видели, отзвук в сочинениях Лоренца Штейна. Это же государство, как социальную силу, мыслит вскоре и первый по времени систематически-социалистически мыслящий писатель Родбертус-Ягетцов. Но он понимает пока только государство, как социальную монархию. Идеи Родбертуса уже настолько оригинальны, а анализ капиталистических отношений настолько глубок и ярок, что с ним наступает новая эра в социалистической мысли. Она достигает своего наивысшего развития и напряжения у гениального писателя середины XIX века, у Карла Маркса, создающего особое направление — „марксизм“ или *революционный пролетарский социализм*. Последний резко отмежевывается от всех других социалистических направлений, начиная с Вейтлинга, кончая Фердинандом Лассалем. К марксизму близко примыкает группа так наз. государственных социалистов: Марло, Винкельблех, Роберт Мейер, Адольф Вагнер, А. Шефле, как особая разновидность сочувствующего ряду идей социалистического направления.

ГЛАВА II.

Карл Родбертус-Ягетцов (1805—1875).

I.

Карл-Иоганн Родбертус-Ягетцов родился в 1805 году, в городке Грейфсвальде, маленьком университетском центре северной Германии. Он был сыном профессора римского права местного университета, где и сам начал учиться юриспруден-

ции. Прослушав затем лекции в геттингенском и берлинском университетах и сдав установленные экзамены, молодой Родбертус поступил на государственную службу. Чиновничья карьера продолжалась недолго. Двадцати пяти лет он бросает службу и, после ряда лет скитаний по Германии и за границу, в 1836 году оседает, прочно и надолго, в купленном им большом имении „Ягетцов“, где хозяйничает всю свою долгую жизнь. Таким образом Родбертус — крупный землевладелец и образованный человек в глухой немецкой помещичьей провинции, и поэтому значительная часть его сочинений трактует вопросы землевладения и его нужд, например, земельного кредита.

Как большинство экономистов той эпохи, Родбертус чужд политики, в которой он плохо разбирается. В основе он монархист и таким образом дает своеобразный пример сочетания консервативной политики с социалистическими воззрениями в экономике. Эта двойственность типично отразилась на всей его деятельности. Так, Родбертус, в качестве крупного землевладельца, участвовал во всех местных политических собраниях, окружных и провинциальных, а также в провинциальном парламенте („ландтаге“ — 1848 г.), но примкнул не к буржуазно-либеральной партии левого центра, а даже был, правда, только в течение 10 дней, министром в либеральном министерстве Ауэрсвальда в то время, когда его экономические убеждения были на стороне пролетариата. Этим случайным эпизодом политическая деятельность Родбертуса и закончилась. Столкнуть его с позиции безразличия не мог даже его друг Фердинанд Лассаль, который в начале 60-х годов, в разгар своей агитации, пытался увлечь Родбертуса на политическую арену. Дружба с Лассалем и замечательная переписка с вождем германского рабочего движения — яркая страница в жизни стареющего Родбертуса.

В самом начале 70-х годов, в годы объединения немецких государств в одно большое политическое целое, старик Родбертус возлагал большие надежды на „железного канцлера“ (князя Бисмарка), с которым его сближали идеи важности централизма. Он наивно думал, что германское правительство, решив национальный вопрос, перейдет к социальной проблеме. Но связь между „монархией“ и „социализмом“ не только

не создавалась, как он мечтал, а наоборот, эти силы стали врагами. Тут впервые старик Родбертус явно и определенно склоняется к рабочему движению. 30 ноября 1871 года он пишет: „поскольку ядро социал-демократической партии чисто, я могу принять в ней участие“. Узнав об этом, один из представителей парламентской фракции социал-демократов, депутат Газенклевер, вступает в переговоры с Родбертусом об его формальном участии в рабочем движении; о том же просят и рабочие, желающие избрать Родбертуса в депутаты. Но знаменитый экономист все еще в колебании, он хочет поставить некоторые условия. Эти переговоры так и остались не оконченными и не выясненными: в декабре 1875 года Родбертус внезапно скончался.

II.

Основные идеи Родбертуса. Родбертус-социалист во многом — единомышленник Маркса и Энгельса. Теоретические взгляды их сходны, хотя иначе обосновываются, но Родбертус — противник социальной революции, которую он допускает „не ближе, чем через 400 лет“. В то же время он не разделяет лассальянского и луи-блановского взгляда на важность поддерживаемых государством производительных ассоциаций, как способа решения социального вопроса.

Будучи теоретическим врагом основ буржуазного строя — частной собственности и нетрудового начала, примыкая к трудовой теории ценности и становясь на точку зрения пролетариата, Родбертус наивно верит в спасительную силу идеальной *социальной монархии*, как способа без парламента и борьбы сразу и сверху разрешить социальный вопрос.

В основе экономического учения Родбертуса лежит учение об образовании процента на капитал исключительно путем эксплуатации рабочих и создания всех материальных благ исключительно путем труда рабочих. Эту теорию в экономической литературе принято для сокращения называть „теорией эксплуатации“.

Содержание этой теории может быть кратко формулировано следующим образом: все блага, имеющие ценность, представляют собой продукты человеческого труда и притом исклю-

чительно этого труда. Но рабочие не получают всего продукта, который они одни создали, ибо часть его идет к капиталистам, при содействии института частной собственности, давшего капиталистам в руки неустрашимые вспомогательные средства для производства. Формой, в какой совершается эксплуатация, служит договор, при помощи которого рабочая сила действительных производителей, вынужденных к тому голодом, покупается только за часть того, что ею будет сделано. Между тем остаток продукта попадает в руки капиталиста, как *прибыль, полученная без труда*. Таким образом процент на капитал и рента вообще содержит в себе часть продукта чужой работы, полученного путем эксплуатации стесненного положения рабочих.

Для понимания идей Родбертуса нужно вспомнить мысли Рикардо и Прудона о ценности. По Прудону, трудовая ценность представляет собою идеал, не достигнутый еще современным обществом. В то время, как для Рикардо ценность есть теория существующего капиталистического строя, для Прудона трудовая теория ценности — революционная теория будущего — теория освобождения пролетариата. Родбертусу принадлежит третий вариант трудовой теории ценности, так называемая абсолютная теория трудовой ценности. Он говорит, что абсолютная ценность — ценность сама по себе — общественный труд, как бы заключенный и кристаллизованный в трудовом продукте. Труд есть субстанция, существо, природа ценности (познание вещи в себе, нумен). Труд — не главнейший верховный фактор, а сама ценность, единственная ценность. Где нет труда — нет ценности, что не содержит труда — не имеет ценности.

Теория эта находится в противоречии и с теорией Рикардо, признающей и другие источники ценности, и с теорией Прудона, — ибо, если уже теперь абсолютная трудовая ценность осуществлена, то она не может быть идеалом для будущего. Все приведенное было высказано Родбертусом еще в 1842 году, в первом его сочинении к „Повнянию наших государственно-хозяйственных условий“.

Из теории абсолютной трудовой ценности Родбертус выводит и свою теорию земельной ренты; она изложена во втором и третьем социальных письмах к Кирхману и резюмирована в начале четвертого письма, носящего название „Капитал“.

Общественный доход, получающийся в итоге производства, распадается на две главные части: на заработную плату и ренту. Рента вообще есть „часть продукта национального труда рабочих, которая снимается у рабочих благодаря существованию частной собственности“¹. Последняя, в свою очередь, разделяется на прибыль, на капитал и на земельную ренту. Рента представляет собою доход, получаемый также в силу владения имуществом.

Особенно важным являются воззрения на земельную ренту, на разделение труда и на процент. В связи с ними стоят основные взгляды на причины торговых кризисов и источники пауперизма. Он полагает, что все уменьшающаяся доля рабочего при общем росте национального богатства создает хроническое, все усиливающееся недопотребление рабочих, а отсюда небольшие задержки в сбыте и производстве товара.

Отсюда, по его мнению, причина кризиса заключается в том, что в нынешней государственно-хозяйственной организации, при возрастающей производительности труда, заработная плата рабочего класса составляет все меньшую и меньшую долю национального продукта².

Пауперизм Родбертус рассматривает, как факт, неизбежно установленный статистикой, и притом факт новой истории. При прежних отношениях бывало или общее, или частное и притом временное обеднение. С появлением же разделения труда, легшего всею тяжестью на класс рабочих, и с присвоением функций государственно-хозяйственных отдельными земельными собственниками и капиталистами, частичное обеднение общества, и к тому же все одного и того же класса, стало постоянным. Это постоянное обеднение рабочих, растущее быстрее, чем растет народонаселение, развивается параллельно с другим, также постоянным фактом: неуклонным, обгоняющим рост населения возрастанием национального богатства. „Это одновременное обеднение и обогащение возможно в силу того, что только часть общества пользуется национальным имуществом“ (Родбертус, I письмо).

Впрочем, как эти, так и вообще экономические взгляды

¹ Родбертус. „Капитал“, русск. пер., изд. 1906 г., стр. 18.

² Родбертус. „Предисловие к первому социальному письму фон-Кирхману“. СПб. 1906.

Родбертуса не имели при его жизни широкого распространения, хотя многие из них не могли не стать достоянием более передовых писателей его эпохи. На Маркса Родбертус не имел никакого влияния. Только спустя много лет, с ростом социал-демократии, Родбертус был выдвинут умеренными социалистами и радикальными либералами в противовес авторитету Маркса. Из тех же побуждений особенно сильно настаивал на значении Родбертуса его издатель в 80-х годах, берлинский экономист профессор Адольф Вагнер, указывавший на заимствования Маркса у Родбертуса, что, в действительности, не имело места.

Сочинения Родбертуса на русском языке имеются в следующих изданиях:

„Исследования в области национальной экономики и классической ревности“, перевод под ред. И. Тарасова, вып. I. Ярославль. 1881—1887.

„Нормальный рабочий день“. Пер. М. Я. Герпенштейна. „Юридический Вестник“ за 1891 г., т. I.

(I письмо). — „I социальное письмо к фон-Кирхману“. Пер. И. Давыдова, издание „Начало“ (В. В. Святловского). СПб. 1906 г.

(II и III письма). — „К освещению социального вопроса“. Социальные письма к фон-Кирхману, письмо II и III. Пер. проф. М. Н. Соболева. Изд. Глаголева. СПб. 1905.

(IV письмо). — „Капитал“. Четвертое социальное письмо к фон-Кирхману, с портретом автора. Пер. И. Давыдова, изд. „Начало“ (В. В. Святловского). СПб. 1906.

Родбертус. „Теории рент и исследований о капитале“. Сокращенный перевод и введение (т.-е. с предисловием А. А. Кауфмана). М. 1908 г.

О Родбертусе по-русски, между прочим, писали:

Н. Зибер. „Карл Родбертус-Ягетцов“. „Юридический Вестник“ 1881. № 1—3.

„Переписка Родбертуса с Ад. Вагнером“. „Русская Мысль“ 1886. Декабрь.

Кононов, А. (К.). „Родбертус“, в томе XXIV „Энцикл. Словаря“ Брокгауз-Ефрон. СПб. 1899, стр. 891—902.

М. Туган-Барановский. „Очерки по новейшей истории политической экономики“. С.-Петербург, 1903 г., стр. 252—292.

Лучшим на русском языке сочинением о Родбертусе является работа Г. В. Плеханова: „Экономическая теория Карла Родбертуса-Ягетцова“. Напечатанная сначала в „Отечественных Записках“ (за подписью — Валентинов), она вошла затем в том собрания сочинений Плеханова „За двадцать лет“. С.-Петербург. 1906 г. (стр. 503—647).

ГЛАВА III.

Фердинанд Лассаль (1825 — 1864).

I.

Великие утописты — Анри Сен-Симон, Шарль Фурье и Роберт Оуэн — и их последователи в XIX столетии придавали исключительное значение *экономическим* вопросам. Всю социальную проблему они рассматривали только как вопрос *хозяйственный*; вся жизнь человечества сводилась у них к нуждам распределения, обмена и производства, а социальная критика, в которой они были очень сильны, к острому и пронизательному анализу *капиталистического общества и его хозяйства*. О связи *политической* жизни с экономической они не думали. Великий утопист Сен-Симон настолько чужд политическим вопросам своего времени, что совсем не отоваялся на происходящий вокруг него грандиозный водоворот событий Великой Французской Революции. Он даже наивно думает, что самые коренные реформы мог бы ввести в стране любой просвещенный монарх. Фурье ждал избавления от социальных бедствий — от миллионеров и монархов.

Революция 1848 года тоже обошла вопросы политической жизни и парламентаризма, которые в то время являлись монополией буржуазии. Этому положению дел способствовало и тогдашнее политическое бесправие народа, почти повсюду лишенного прямых избирательных прав, а также общее политическое равнодушие широких слоев населения к политической жизни.

Выяснить всю важность политической жизни и политической борьбы, разбудить спавших и создать пламенное желание рабочего класса участвовать в политических переживаниях своей страны, спаять в сильную политическую партию весь пролетариат — вот задача, которая выпала на долю Фердинанда Лассаля, гениального и смелого немецкого ученого, недолгожившего писателя и замечательного оратора середины XIX столетия.

II.

Лассаль — не рабочий, а *интеллигент*, юрист и философ по образованию, писатель и оратор, только к концу своей красивой и бурной жизни ставший во главе им же вызванного в свет массового движения германских рабочих. Он в короткий срок стал истинным *вождем* поднятого им на борьбу германского пролетариата. Назревавшее давно в силу условий времени рабочее движение под его замечательным руководством получило определенный смысл, направление и громадное историческое значение. Это произошло в начале 60-х годов XIX столетия, когда немецкие рабочие были в массе малокультурны, разрознены и совершенно лишены *классового* самосознания. В то время, кроме предпринимателя, против рабочих стояли зоркая полиция и непримиримо-суровая администрация; сами же рабочие еще не знали, как и с чего начать дело своего освобождения. Начать движение, взять его в свои руки и повести вперед — было тогда делом не легким, громадным, по-своему — титаническим. Все это выполнил, когда, конечно, к тому настало время, один человек — Фердинанд Лассаль. Неудивительно поэтому, что вокруг имени Лассалья сложилось много рассказов, легенд, преувеличений, как вообще о каждом герое, которого выдвигают вперед, забывая о массе и об условиях времени. Но герой, как всегда, только *символ*, только сконцентрированный образ, только своего рода *фетиш*, заслоняющий действительную историю. Но человечество не хочет знать правды. Ему легче мыслить упрощенно и красочно, легче запоминать имена королей и полководцев, героев и вождей, чем понимать истинные объективные пружины, движущие народными массами. Субъективизм приятнее и проще, чем сложный и объективный анализ имманентного процесса истории. Поэтому-то вообще история, и история гениев в особенности, знает одно удивительное явление: двойственность лица, два образа — реальный и мифический — одной и той же исторической фигуры. Возьмите, например, Наполеона. Наполеон исторической правды и Наполеон так называемой наполеоновской легенды — это два разных типа, два разных лица, два чуждых друг другу профиля.

Один, — по истории, — раздраженный, одутловатый, мелочный интриган и себялюб, бездушный и алчный тиран, с мясцанскими вкусами и солдатским мировоззрением, случайная игрушка исторически сложившихся условий; другой, — согласно легенде, — красавец, титан энергии и мысли, задумчивый и величественный, гениальный могикан из плеяды величайших кумиров человечества, как Ганнибал, Александр Македонский или Юлий Цезарь. То же и с Фердинандом Лассалем. Мы знаем двух Лассалей: Лассалья исторического исследования и Лассалья легенды.

Второй Лассаль — это Лассаль, так сказать, посмертный, неумирающий от острого ножа исторического анализа и критической проверки фактов, ибо легенда имеет живой источник: она питается духом и формой его произведений, а вся фигура освещается тем грандиозным факелом социального движения, который держится мозолистыми руками все возрастающей многомиллионной массы.

Мы поймем эту двойственность, если обратим внимание на то, что жизнь Лассалья прожита была с такой страстной интенсивностью и такой бурной поспешностью, что „человек как бы пролетел перед современниками, прежде чем они могли опомниться“¹. Весь характер Лассалья как бы поддерживает эту двойственность.

В одном из своих писем, полном нетерпения по поводу медленного развития событий, Лассаль употребляет выражение: „моя пламенная душа“. Из тысячи людей, употребляющих это, ставшее ныне такой опошленной фразой, выражение, Лассаль один произнес его без всякого преувеличения: в глубине его сильной души было действительно нечто, напоминавшее пламя. Его пламенная любовь к науке и расширению своих познаний, его острая жажда справедливости и истины, его высокое одушевление, его исключительный социальный пафос, как и его неукротимое самолюбие, любовь к власти и его глубокое тщеславие — все носило пламенный, всепожирательный характер. „Лассаль был носитель света и носитель пламени; носитель света, смелый и дерзкий, как сам Люцифер, факеломосец,

¹ См. Лассаль. Франц фон-Зиекинген. Перевод А. и С. Криль. СПб. 1873 г., стр. 130.

охотно освещавший самого себя отблеском факела, которым он вносил свет и ясность — grand oiseur et grand poseur. В Гераклитовом мире господствующим принципом было соединение лука и лиры; лира — символ гармонии, т.е. совершенного образования, лук со своей смертоносной огненной стрелой обозначает деятельность и уничтожение. Точно так же и в характере Лассалья господствовало соединение лука и лиры — совершенное теоретическое образование и неутомимая жажда практической деятельности¹. Глубокая, доходящая до страстности преданность, не останавливающаяся перед самопожертвованием, и рядом с ней бьющее через край чувство своей собственной грандиозной личности, уверенность в себе, выражающаяся в самоуверенности, потребность главенствовать и вести за собой — вот та канва, та почва, на которой создавалось то, что дало повод говорить о „двойственности“ Лассалья.

Обратимся теперь к биографии этого выдающегося деятеля на политическом и научном поприщах, и тогда мы легче пойдем как эту „двойственность“, так и его воззрения.

III.

Фердинанд Лассаль родился 11-го апреля 1825 г. в Бреславле. Он был сын купца средней руки, еврея. О жизни Лассалья в юношеском возрасте мы знаем, между прочим, из его юношеского, полного искренности „Дневника“, позднее опубликованного.

В 1840 году, 15 лет от роду, юный Лассаль пишет в своем дневнике следующие характерные строки: „родись я принцем или князем, я был бы душой и телом аристократ; но так как я сын простого буржуа, то буду в свое время демократом“. Как все дети его среды и времени, молодой Лассаль учился сначала в классической гимназии, затем в университете. В гимназии в Бреславле он учился недолго, ибо за свое „легкомыслие“ получал плохие отметки. По собственному желанию и во „избежание столкновений с отцом“, он был переведен в коммерческое училище в Лейпциге. Но и здесь Лассаль не изменился. На его свидетельстве директор отметил: „высочка, дерзок,

¹ Георг Брандес. Литературные портреты, русск. пер., стр. 15 — 16.

беспутен и заносчив“. Естественно, что отношения между Лассалем и педагогическим персоналом становились все более и более натянутыми, и в мае 1841 г. Лассаль заявил в разговоре отцу, что он уходит из школы и избирает теперь предметом изучения „величайшую, обширнейшую науку в мире—историю“. Все же, выдержав экзамен на аттестат зрелости, Лассаль поступил в университет, сначала в бреславльский, затем, спустя два года, в берлинский (1844 г.). Здесь он занимался историей, философией и юриспруденцией. В мае 1845 года Лассаль покидает университет и возвращается домой в Бреславль, но к концу того же года вновь уезжает из дому, на этот раз в Париж—изучать сочинения древне-греческого философа Гераклита в тамошних книгохранилищах.

В Париже Лассаль знакомится с знаменитым германским поэтом Генрихом Гейне; Лассаль оказывает уже больному и стареющему поэту услугу в процессе о наследстве, который тот вел. Лассаль произвел выгодное впечатление на Гейне, и тот (1846 г.) написал свое пророческое письмо: „Мой друг, господин Лассаль, который вам вручит это письмо,—молодой человек с необычайными дарованиями: с основательною ученостью, глубочайшими познаниями, с пронизательностью ума, какой я никогда не встречал, с богатейшим талантом изложения—он соединяет энергию воли и такую *habilité* в действиях, что положительно повергает меня в изумление, и если он не утратит симпатии ко мне, то я жду от него очень существенной помощи. Во всяком случае, это соединение знания и мощи, таланта и воли было для меня приятным явлением... Г-н Лассаль вернейший сын нового времени, не желающего ничего знать о том самоотречении и кротости, с которыми мы в наше время носились, которыми бредили более или менее лицемерно. Это новое поколение хочет наслаждаться и господствовать в мире видимом; мы, старики, смиренно преклонялись перед невидимым, мечтали о поцелуях теней и небесных пахучих цветах отрекались и плакали, и все же были, может-быть, счастливее чем эти суровые гладиаторы, которые так гордо идут навстречу смерти“.

С 1846 г. Лассаль бросает научные занятия, так как одно практическое дело увлекает его на целых восемь лет его жизни (1846—1854). Дело заключалось в следующем.

Вскоре после приезда в Париж Лассаль познакомился с некоею графиней Софией Гацфельд. Угнетаемая и обобранная негодяем мужем, София Гацфельд принуждена была для своего существования начать против мужа судебный процесс, требуя выдела ей части ее же имущества. Прусские суды, под давлением придворных сфер, в которых граф был своим человеком, неоднократно решали дело в пользу графа. Возмущенный несправедливостью и тронутый несчастьем графини, которую он считал правой, Лассаль вмешался в дело в качестве адвоката графини. В своей речи перед судом присяжных (авг. 1848 г., в г. Дюссельдорфе) он объяснил мотивы, побудившие его взяться за дело Гацфельд: „Семья молчала. Но сказано ведь: где молчат люди, там говорят камни. Где оскорблены все человеческие права, где молчит самый голос крови и человека оставляют беспомощным его природные защитники — там по праву восстает первый и последний родственник человека — человек“.

Речь Лассалья была превосходна; такой речи никогда не слышал суд, таким языком никто не говорил с чиновниками этого почтенного учреждения. Лассаль к тому же обвинялся противною стороною *в моральном соучастии* „в краже шкатулки“ т.-е. в том, что для успеха дела якобы подговорил двух молодых людей выкрасть у графа Гацфельда шкатулку, в которой находились важные документы по этому процессу.

„В этом процессе я увидел не частное дело, а воплощение общих принципов и общих основных точек зрения“, — говорил Лассаль в той же защитительной речи, и из его дальнейших слов становится понятно — почему Лассаль с таким упорством и даже упрямством вел борьбу в течение столь долгого времени. „Дело графини, — говорит один биограф, — сразу выбило молодого Лассалья из обыденной колеи, заставив его забыть все его планы относительно ученой карьеры“. Родители его были огорчены, узнав, что филологические занятия брошены, тем более, что такие авторитетные ученые, как Бек и Александр Гумбольдт, уже предсказывали Лассалю блестящую будущность. Но жажда борьбы, жажда достижения раз поставленной, хотя бы и трудной цели — была сильнее.

„Я понял, — говорит как бы о себе сам Лассаль, — для чего
(И для чего так крепко закален; [родился
Я был в горниле тяжких испытаний.
Огнем забушевала кровь во мне,
И бешено, с каким-то сладострастьем,
Я кинулся в великую борьбу,
Как бешено волна стремится в море.
Обрушивал на головы врагов
Я громы грозного негодованья,
Насмешки едким жалом их язвил,
И при единодушном одобрении
И громком хохоте Европы всей,
В своих пародиях неумолимо
Я пригвождал к позорному столбу
Их жалкое ничтожество. Но вызвал
Я этим ненависти целый мир,
И, в рукопашной схватке с этим миром,
Борюсь я грудь о грудь на жизнь и на смерть“.

IV.

Исторический 1848 год — эта первая зарница назревшей пролетарской грозы — застаёт молодого, 23-летнего Лассалья видным деятелем крайней демократической (республиканской) партии в прирейнской Пруссии.

Он сотрудничает в газете „Neue Rheinische Zeitung“, редакторами которой в те дни состояли Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Родственный им по широте кругозора и революционности настроения, молодой Лассаль начал сближаться с более зрелым Марксом, и естественно, что суровый ум Маркса оказал сильное влияние на юного и впечатлительного Лассалья, хотя последний остался до конца своих дней вполне оригинальным.

Вместе с группой Карла Маркса и Энгельса, Лассаль принимает активное участие в революции. Он произносит целый ряд речей, призывая к вооруженной борьбе с правительством. 22 ноября 1848 г. Лассалья арестуют за речь, произнесенную на митинге в городке Нейссе. Его вторая защитительная речь, приготовленная для этого процесса, представляет собою в высшей степени интересный документ. Речь эта, напечатанная до суда, не была им произнесена, так как суд решил дело вести при закрытых дверях, а Лассаль отказался произ-

нести свою речь при такой унижительной обстановке. И эта речь, как и все речи Лассалья, представляет собою образец ораторского искусства.

„Необычайное знание соединяется тут с вполне современным, строго-логическим и строго-деловым красноречием. Между строк сквозит сдержанное одушевление и огонь, которые по временам вспыхивают то тут, то там, неопишуемая смелость натиска поддерживается непоколебимой, стальной твердостью при всяком отражении и защите; язык и стиль сами по себе — целый тип. Ни следа декламации. У автора чересчур много знания и силы, чтобы ему пришла охота декламировать. Но нет следа и научного балласта. Здесь выступает в бой тяжело-вооруженный, но редко кто так легко владел тяжелым оружием“¹.

Последующие пятидесятые годы, особенно конец их, проходят у Лассалья в интенсивной умственной деятельности. Но вся недюжинная мозговая работа этого человека не сосредоточилась на одной теме, одной группе тем или в одной отрасли. Лассаль разбрасывается, давая необычайный диапазон, развернув исключительный размах выдающихся способностей. Он — поэт-драматург, философ, юрист, экономист. В области драматического искусства он создает в это время блестящую социально-историческую пьесу „Франц фон-Зикинген“. В сфере философских изысканий он пишет замечательный трактат — „Гераклит Темный“. В области экономической науки он становится отныне известен, как защитник теории так называемого „железного закона“, и развивает свою программу рабочего движения. В сфере юриспруденции он обогатил науку выдающимся трудом — „Система приобретенных прав“. Всего этого хватило бы на несколько жизней нескольких выдающихся людей, а Лассаль совместил в себе одном.

В итоге, к началу 60-х годов Лассаль становится заметной и видною фигурой. Между тем назревают новые события и настроения в массах. В воздухе чувствуется потребность в новых политических лозунгах. Политическое общественное напряжение сосредоточивает и разрешает неожиданно резко выступивший вперед Фердинанд Лассаль.

¹ Георг Брандес. Там же, стр. 9.

V.

Весною 1862 года Лассаль прочел в Берлине три лекции: „О философии Фихте“, „О сущности конституции“ и „Об особенной связи современного исторического периода с идеей рабочего сословия“. Последнюю он издал в виде брошюры с подзаголовком: „Программа работников“. В ней содержатся пламенные призывы рабочих к действию, к активному политическому выступлению, выставляются требования организованной политической борьбы.

„Высокая всемирно-историческая честь такого предназначения должна преисполнять собою все ваши помыслы“, — говорит Лассаль в „Программе работников“, поднимая вопрос о необходимости для рабочих сделать свою идею руководящей идеей всего общества. „Вы — скала, на которой созиждется церковь настоящего“... „Вы уже достаточно испытали, чтобы знать, что такое цезаризм. Поэтому прочь новый компромисс! Нож к горлу и колено на грудь!“

В другой раз он восклицает: „Важнейшие центры завоеваны, Лейпциг и фабричные округа Саксонии за нас! Гамбург и Франкфурт-на-Майне стали под наши знамена!“ „Прусский Рейн выступает вперед полным маршем. Если Берлин присоединится — движение станет непреодолимым!“ „Захотите ли вы, рабочие Берлина, принять на себя ответственность за то, что своим образом действий задержали это великое германское движение, триумф нашего общего дела? Захотите ли вы, рабочие столицы, навлечь на себя упреки в том, что вы, которые обязаны были шествовать впереди, — последними присоединились к движению?“

„Удары палицы“, „смотр“, „батальоны“ — вот эпитеты и сравнения Лассаля. Это было сильно и ново в ту эпоху, когда рабочий класс еще совершенно безмолвствовал, когда он не подозревал своей политической силы, как класс. Формулируя настроение Лассаля, а с ним и его программу, можно сказать: Лассаль сам еще не хочет революции, но он чувствует, что она наступит. Конечно, революция не наступит, если во-время и сверху у правительства хватит ума исполнить то, что диктует время. Если опоздать, то сила восставшего пролетариата про-

рвется среди всех „конвульсий насилия, с дико-развевающими локонами, с железными сандалиями на ногах“.

Лассаль много думал о социальной революции в Европе и оставил много замечательных мыслей на эту тему. Много думал он и о роли пролетариата в мировой и, в частности, в германской истории. Лассаль еще летом 1862 г. в Лондоне развивал Марксу свои планы относительно широкой агитации среди рабочих. И вот наступил удобный случай для осуществления задуманного. 11 февраля 1863 г. он получил от Комитета для созыва германского конгресса рабочих письмо, в котором, между прочим, говорилось: „Ваша брошюра об особом соотношении в развитии современной исторической эпохи с рабочим сословием встречена с громадным сочувствием среди рабочих“. Такой же лестный отзыв дал Центральный Комитет в своей газете и о вышедших к тому времени памфлетах Лассалья. „В заседании 10 февраля, — говорится далее, — Исполнительный Комитет постановил просить вас в любой, вам кажущейся подходящей форме изложить свои взгляды на средства развития рабочей идеи и особенно на значение ассоциаций“.

На это письмо Лассаль ответил своей знаменитой отныне брошюрой: „Гласный ответ Центральному Комитету, утвержденному для созыва обще-германского рабочего конгресса в Лейпциге“, 1863 г., переведенной вскоре на все европейские языки.

Здесь Лассаль прежде всего возражает тогдашнему представителю либеральной буржуазии Шульце-Деллчу, утверждавшему, что рабочие могут „обходиться“ без собственной политической партии, что рабочие могут не интересоваться политикой. Лассаль, наоборот, полагает, что именно рабочие *не должны идти в хвосте других, хотя бы и прогрессистов*; голос пролетариата должен раздаваться самостоятельно. Об отношении же рабочих к прогрессистам Лассаль говорит: „Всегда сознавать себя и являться партией самостоятельной и совершенно отдельной от партии прогрессистов, поддерживать ее в вопросах и пунктах общего интереса, но решительно отворачиваться от нее и идти против нее, как скоро она удаляется от интересов рабочего сословия; таким образом заставить ее или идти вперед и превзойти свой нынешний уровень, или все глубже погружаться в болото ничтожества и бессилия, в котором она теперь

погрязла уже по колена,— такова должна быть простая тактика германской рабочей партии против партии прогрессистов“.

Организация рабочих в свою *особую политическую партию* является отныне, по мнению Лассалья, *исторической необходимостью*.

Переходя к вопросу об экономическом улучшении положения рабочего класса, Лассаль находит, что „сделать рабочее сословие своим собственным предпринимателем — вот единственное средство устранить железный и жестокий закон, определяющий заработную плату, а это возможно только при производительной ассоциации: единственное средство уничтожить жестокий закон, определяющий заработную плату, закон, к которому рабочее сословие приковано, как к лобному месту, состоит в поощрении и развитии свободных индивидуальных рабочих ассоциаций государством“. „Но как склонить государство к этому вмешательству?“ — спрашивает Лассаль и отвечает: „... и на этот вопрос представляется ясный, как солнце, ответ: — это возможно только при всеобщем и прямом избирательном праве“. Итак, одновременно указывается, как средство борьбы — и политическое и экономическое направление в деятельности рабочего класса.

Во всей той программе, которую Лассаль выставляет в „Гласном ответе“, чувствуется священное рвение, напоминающее рвение религиозных новаторов, — пылкая инициатива, и в то же время бросается в глаза крайне слабая практическая сторона этой программы. Но все недостатки этой программы объясняются и искупаются верою во всемирно-историческое значение данного момента и в признание собственной личности. Здесь Лассаль действовал гораздо более, как политик, чем как социальный теоретик и практик.

В письме к своему дюссельдорфскому другу Леви Лассаль сравнивал свой „Ответ“ с бессмертными виттенбергскими тезисами Мартина Лютера в 1517 году, с тезисами, положившими начало грандиозному движению реформации. Результатом „Гласного ответа“ было то, то 23 мая 1863 г. в Лейпциге состоялось учредительное собрание Обще-Германского Рабочего Союза, на котором присутствовали представители 11 городов.

В основу статута организуемого Союза был положен

принцип *централизации*; президенту Союза принадлежала почти диктаторская власть, и таким президентом был на 5 лет избран Лассаль. Впрочем, приток новых членов в Союз был очень велик: через 3 месяца было всего 900 членов.

Поэтому, желая привлечь новых членов, Лассаль отправился в агитационную поездку. В городах Бармене, Золингене и Дюссельдорфе он произнес речи на тему: „Празднества, пресса и франкфуртская палата депутатов; три симптома общественного настроения“. Его речи и поездки были настоящим триумфальным шествием по Германии. Мощи и красоте слова Лассалья поклонялись все, его раз слышавшие.

VI.

Кипучей натуре Лассалья было мало роли вождя „рабочих батальонов“. Он пытался оказать влияние на ход всей имперской политики. Он давно уже вел осторожные, но полные достоинства негласные переговоры с главою правительства Бисмарком, указывая, что у власти, стремившейся к реформе, и у рабочего класса один общий враг — это либеральная буржуазия. Он предлагал союз правительства и пролетариата на основе дарования последнему всеобщего избирательного права. Это был блестящий тактический шаг, понятый вполне только позднее.

В Золингене с ним произошла известная история с телеграммой Бисмарку. Во время речи Лассалья довольно бурное собрание было распущено прогрессивным бургомистром. Лассаль телеграфировал Бисмарку: „Прогрессивный бургомистр, в сопровождении десяти вооруженных ружьями жандармов и нескольких полицейских с обнаженными шапками, только-что распустил без всякого законного повода созванное мною рабочее собрание. Я тщетно протестовал, ссылаясь на закон о союзах. Я едва удержал народ — около 5.000 человек в большой зале Стрелкового Общества и несколько тысяч вне ее стен — от насилия. Меня сопровождали на телеграф жандармы и десять тысяч народа, которые думали, что я арестован. Знамя эльберфельдских рабочих конфисковано. Прошу самом строгом, самом быстром законном удовлетворении“. За

эту телеграмму Лассалья долго осуждали. Даже историк немецкого рабочего движения Эдуард Бернштейн думает, что посылка ее служит показателем того, как сильно Лассаль начинал уже в это время утрачивать чувство политического такта.

В действительности же поступок Лассалья был строго обдуман; он имел целью вызвать возбуждение, подчеркнуть антиобщественные действия прогрессистов, а также свою личную руководящую роль в начавшемся рабочем движении. Вообще Лассаль полагал, что власти время прислушаться и стать на сторону рабочего движения, а рабочим советовал союз с борющейся против буржуазии правительственной властью и даже рекомендовал в одном случае рабочим подать королю петицию. Подачей рекомендуемого адреса Лассаль хотел „показать правительству силу, чтобы принудить его к решению, которое более всего было нужно ему самому“. Путь получения всеобщего избирательного права под давлением рабочей партии на правительство казался ему слишком долгим. Он сблизился с Бисмарком, надеясь своим влиянием на него укоротить этот путь.

Лассаль знал о намерении убеждаемого им Бисмарка ввести всеобщее избирательное право, и потому-то он в берлинской защитительной речи сказал, что Бисмарк сыграет роль Роберта Пиля. Но тактические приемы Лассалья мало кем тогда были поняты. „К счастью для доброго имени революционера Лассалья, к счастью для великого дела выработки самосознания немецких рабочих, которое он так хорошо начал и которое он теперь коверкал, физические силы Лассалья летом 1864 года совершенно исчерпались“¹.

Хроническая болезнь горла требовала лечения, и Лассаль отправляется на горы, в Риги-Кульм. Здесь он встречается с дочерью баварского дипломата Денигеса — Еленой, которую он знал еще в Берлине. В это время она была невестой румынского магната Янко фон-Раковица, но из-за Лассалья она отказывается от жениха. Вскоре Лассаль сделал предложение ей и просил руки Елены у ее отца, но получил отказ. Мы не бу-

дем приводить здесь данные печальной дуэли Лассалья¹. Результат ее — смерть трибуна, последовавшая 31 августа 1864 г.

Когда великого человека не стало, члены Лассалевского Союза долго не хотели верить, что их вождь так бесславно закончил свое земное поприще. Они твердо были убеждены, что „убийство“ совершено на политической подкладке. В своем завещании Лассаль рекомендовал Союзу в свои преемники Бернгарда Беккера. Союзу он оставил 500 талеров ежегодной ренты. Похоронен Лассаль на еврейском кладбище в Бреславле. На могиле его имеется эпитафия знаменитого знатока классической филологии Августа Бека: „Здесь покоится то, что осталось смертного от Лассалья, мыслителя и борца“.

„Смерть, — говорит Бернштейн², — вернула Лассалья рабочему движению“. Мы думаем, что он с ним никогда не расставался, только пути его были не прямолинейны, а сложны, как сама его жизнь.

VII.

Имя Лассалья стало знаменем, так как он первый сломил лед *политического* индифферентизма рабочих масс. Оценки и характеристики Лассалья разнообразны. Француз Э. де-Лавелэ преувеличенно говорит: „Ф. Лассалья его приверженцы считают мессией социализма. При его жизни они его слушали, как оракула, а по смерти чтили, как полубога. Он для них предмет настоящего культа: в 1874 г. они праздновали десятилетнюю годовщину его смерти такими церемониями, которые казались богослужением новой религии. Они даже дерзают сравнивать его с Христом и верят, что его доктрины так же пересоздадут настоящее общество, как христианство обновило древнее общество“.

¹ В письме к К. Марксу (1858 г.) Лассаль говорит о дуэли: „Я считаю дуэль бессмысленной окаменелостью уже пройденной культурной степени не только на основании моих собственных принципов, но я всегда думал, и думал бы так же твердо и теперь, если бы дело шло не обо мне самом, что она исключается именно принципами демократической партии“. *Письма Ф. Лассалья к К. Марксу и Ф. Эгельсу*. СПб. 1905 г., стр. 117.

² Бернштейн, Э. Ф. Лассаль, Собр. соч. Лассалья. Изд. Н. Глаголева. Т. I, стр. СХI.

„Лассаль, — говорит другой писатель, Фридрих-Альберт Ланге, — был одною из тех редких натур, которые почерпают вдохновение к активному вмешательству в окружающую жизнь не в слепой вере в маленькую, сравнительно близкую цель, а в идеальном радикализме; а это возможно, конечно, лишь в том случае, когда такая голова верит с наивной страстностью истинного пророка во всемирно-историческое значение данного момента и в признание своей собственной личности“¹.

„Его партия, — говорил Ланге перед этим², — выступила с пылкой инициативой, со священным рвением, напоминающим беззаветных религиозных новаторов, — но с поразительно мизерной и двусмысленной программой. Конечно, при этом не следует предполагать, что Лассаль весь высказался в своей программе“.

Один наш писатель говорит: „Не доктор философии или права, не профессор, не академик, — а один из учнейших философов и юристов своего времени. Не министр, не член парламента, — а один из влиятельнейших общественных и политических деятелей эпохи, значение которого не умерло вместе с ним, но росло после смерти и выросло в огромную общественную силу“³.

Любопытна характеристика Лассалья, сделанная профессором Августом Онкеном⁴. „В жизни Лассалья... политические и научные стремления постоянно сменяли, или, скорее, отставали друг друга, и то единство мышления и бытия, которое установил Гегель, казалось, воплощалось в стремлениях ученика, когда он то брался за чистую науку, чтобы при ее посредстве влиять на политику, то пытался осуществить в политике постулаты науки. Такова была жизненная идея Лассалья, исходя из которой, только и можно понять связь между различными фазами его деятельности“.

¹ Ланге, Ф. А. Рабочий вопрос. СПб. 1895. Изд. Павленкова, стр. 261.

² Ланге, Ф. Там же, стр. 262.

³ Петр Струве, в сборн. статей „На разные темы“. СПб. 1902 г., стр. 259.

⁴ Герман Онкен. Ф. Лассаль. Изд. О. Н. Поповой. СПб. 1905 г., стр. 129.

VIII.

Все сказанное выше о Лассале необходимо иметь в виду при рассмотрении мировоззрения Лассала, прежде всего при анализе его *философии*. Все труды Лассала проникнуты *философским духом*, притом единством этого духа.

Лассаль — первоначально, как и Карл Маркс, идеалист-гегельянец; но, не довольствуясь, как и Маркс, Гегелем, Лассаль также задумал „*полную реформацию*“ гегельянства в духе его универсальных основ и по его методу, но с новым содержанием. Этой задаче, впрочем, Лассаль не выполнил: ее выполнение стало исторической заслугой его учителя и друга — отца исторического материализма — Карла Маркса.

В „Гераклите“, первом главном философском труде Лассала, он говорит, что в настоящее время нельзя понимать и излагать историю философии в виде „*изолированной дисциплины*“.

Но изложенное здесь настойчивое требование *исторической* изложения может заставить нас считать точку зрения Лассала в указанном сочинении менее гегельянской и более марксистской и более новой, чем она есть на самом деле. Предисловие, в котором так сильно подчеркивается эта историчность, написано несомненно после всей книги. В остальных частях работы точка зрения — чисто-*метафизическая*, на что уже неоднократно указывалось. Лассаль в философии — типичное порождение немецкой *идеалистической* философии; он не только побывал в школе Канта, Фихте и Гегеля, как Маркс и Энгельс, упешшие в материализм, но в нем сохранился этот дух до конца его бурной деятельности. Этот дух с необычайной силой отразился на его социально-философском мирозерцании, так и не ставшим до конца ни материалистическим ни космополитическим.

В речи „О философе Фихте“ Лассаль говорит, что дух гегельянского идеализма есть священное Вестово пламя метафизического мышления, — пламя, с которым, несмотря на его метафизическую сверхчувственность, точно так же, как и с огнем римских весталок, неразрывно связаны земные судьбы немецкой нации. Этим же идеалистическим пламенем питается и весь политический пафос Лассала; оно же сказывается и в особом лиризме его речей.

Специфическое гегельянство тоже нашло себе место у Лассаля. Например, в его анализе отношений труда и капитала:

1) *Тезис*. Средние века — первую роль играет *труд*; со времени французской революции наступает новая эпоха, т.-е.

2) *Антитезис*, — когда первую роль играет *капитал*; наконец, идет

3) *Синтезис* — новая историческая эпоха: труд опять приобретает значение, но *с подчинением себе капитала*.

Воззрения на право и юриспруденцию изложены у Лассаля в его „*Системе приобретенных прав*“. Это оригинальное и самое систематическое сочинение Лассаля. „Целью всего сочинения, — говорит он, — является уничтожение пропасти между догматической и исторической разработкой права“.

„Наше время стремится выработать себе новое социально-политическое мировоззрение; задача „Системы приобретенных прав“ — раскрыть основную его идею. Только плоский буржуазный либерализм отделяет в гражданском праве социальный элемент от политического, тогда как оба эти элемента составляют *одно неразрывное целое*. Основная мысль — *в соединении политики и экономики* — моя главная сила“, писал Лассаль Родбертусу.

В „Системе приобретенных прав“ Лассаль со ссылкой на Фихте превосходно замечает и разъясняет, что „обычное словупотребление, отождествляющее буржуазный либерализм с индивидуализмом, решительно не мирится с буржуазными принципами и учреждениями“.

Лассаль в письме к Дункеру — своему издателю и другу — говорит: „Я вообще пытался создать то, чего до сих пор не хватало и недостаток чего был особенно чувствителен, т.-е. я хотел создать оплот для революции и социализма в лучшем и возвышеннейшем смысле из научной юридической системы“. Таково было задание Лассаля.

Лассаль — горячий защитник *социализма* и убежденный сторонник идеи *социальной революции*. В своих замечательных письмах к Марку Лассаль говорит о этом с прямою и откровенностью, не оставляющими никаких сомнений. Но социализация строя и социальная революция мыслятся им как конечный идеал; для текущего дня, да еще дня будничного, в реальной германской действительности у него имеется иная

меньшая программа, так сказать, узкая программа-*minimum*. В ней Лассаль защитник парламентаризма, национализма, государственного централизма и государственного кредита. Его специфическая „лассальянская“ программа, составившая символ веры его ближайших последователей, представляла собою не что иное, как такую „временную и местную“ программу-*minimum*, которую Лассаль, как осторожный и дальновидный реальный политик, предлагал своим современникам для данного момента. Но тот, кто принимает именно эту программу, — а так, к сожалению, делают биографы Лассалья, — за суть воззрений этого мыслителя, делает ошибку, не отличая основных убеждений от практически осуществимых условных положений временного значения.

Такова вторая „двойственность“ Лассалья, весьма существенная и интересная. Только принимая ее во внимание, нужно рассматривать и принимать изложенные далее взгляды Лассалья.

Вообще для понимания Лассалья важно определить соотношения между Лассалем и Марксом. Лассаль был другом и учеником Маркса, учеником не в школьном, а в идейном смысле. Франк Меринг, детально и добросовестно изучивший отношения между этими великими вождями мирового пролетариата, прямо свидетельствует: „Лассаль был учеником Маркса и охотно признавал себя таковым“¹. Это в точности устанавливает их поучительнейшая и интереснейшая переписка, которой биографы Лассалья до сих пор уделяли мало внимания. Действительно, по всем общим теоретическим вопросам, во всех принципиальных суждениях и особенно в общих положениях, касающихся социального движения, Лассаль и Маркс были вполне солидарны, как два социалиста, как два революционера, как два соратника в деле борьбы за пролетарское

¹ Предисловие Ф. Меринга к „Письмам Фердинанда Лассалья к К. Марксу и Ф. Энгельсу“, русск. пер., СПб. 1905 г., стр. IX.

Эти письма действительно имеют „громкую историческую ценность“. „Они не только являются ценными данными для первоначальной истории германского и европейского рабочего движения, но имеют чуть ли не большую ценность для психологического понимания тех людей, которые дали этому движению классические черты“ (Меринг, стр. XIII).

дело. Но в деле *тактики* к началу 60-х годов они разошлись. „Свое бессмертное имя Лассаль приобрел тем, что в решительный момент, в сознательном и непримиримом противоречии с Марксом, он на свою собственную ответственность перед судьейским столом истории совершил историческое дело, создающее эпоху“. Так говорит Меринг, но биограф не Лассалья, а Маркса, следовательно в данном случае особенно беспристрастный судья.

IX.

Политические взгляды Лассалья к началу 60-х годов лучше всего характеризуются его словами, обращенными к рабочим: „Всеобщее и прямое избирательное право — это не только ваш политический, но и ваш основной социальный принцип, основное условие всякого социального улучшения“. Вообще же Лассаль выступает в это время, как *республиканец, государственник* и противник *федеративного начала*.

Свой политический идеал того времени он формулировал в письме к Родбертусу: „Grossdeutschland moins les dynasties“, т. - е. „Великая Германия без династии“, другими словами — объединение всех немецких земель (не исключая, значит, и немецких земель австрийской короны) в единую немецкую республику. Лассаль не сторонник *прусской гегемонии* и не шовинист, как его представляли. В 1859 г., в своей брошюре „Итальянская война и задача Пруссии“, Лассаль предостерегает от печальных последствий будущей прусской гегемонии.

В своих речах „О сущности конституции“ и „Что же дальше?“ Лассаль считает основой государственных учреждений — истинною конституциею — *соотношение реальных общественных сил*. Эту реалистическую точку зрения Лассаль противопоставляет чисто-юридической, которую выставляли тогда либералы. Во время конфликта с правительством Лассаль рекомендовал парламенту не собираться и тем вынудить правительство сбросить „конституционную маску“.

X.

Официальная социальная философия Лассалья менее оригинальна. Здесь бесспорно отражается влияние и Лоренца фон-Штейна и Карла Маркса. В рабочей программе (1862 г.) Лассаль намечает, согласно с Марксом, исторический процесс смены феодально-средневекового строя современным капиталистическим. Историко-философское обоснование этому давало *земельство*. В качестве гегельянца он мог воскликнуть: „Каждую строчку, которую я пишу,—я пишу во всеоружии современной науки“. Вместе с тем, согласно гегелевскому учению о государстве, Лассаль полагает, что *рабочий класс*—носитель чистой идеи государства, как нравственного единства индивидуумов, воспитывающего человечество для свободы. История, по Лассалю,—„совершающийся с внутренней необходимостью непрерывный процесс развития разума и свободы“. Здесь сказывается сходство в воззрениях с повлиявшим на Лассалья Лоренцом фон-Штейном.

Некоторые говорят даже о „заимствовании“, но, как справедливо заметил Герман Онкен,—„заподозреть оригинальность мышления Лассалья можно только в его идеях и их проведении, но не в самой их сущности“¹.

„История,—говорит Лассаль,—есть борьба с природой, с нищетой, невежеством, бедностью, бессилием и, следовательно, со всяческой неволей, в которой мы находились, когда род человеческий зачинал свою историю. Постепенное преодоление этого бессилия есть развитие свободы, которое представляет собою историю. Мы никогда не сделали бы ни одного шага вперед в этой борьбе и не сделаем его, если бы вели или стали вести ее *каждый сам по себе, каждый поодиночке*“².

Назначением государства и является совершить это развитие свободы, развитие рода человеческого в направлении к свободе.

Государство есть такое единство личностей в одном нравственном целом, единство, умножающее в миллионы раз силы всех отдельных личностей, входящих в это единение, беско-

¹ Г. Онкен. Лассаль, русск. пер. СПб. 1905, стр. 180.

² Лассаль. Собр. соч. Изд. Н. Глаголева. Т. I., стр. 31—32.

нечно увеличивающее индивидуальные силы *каждой* из них. Таким образом цель государства не в том, чтобы *охранять* только личную свободу и собственность индивидуума, которыми, согласно буржуазной идее, человек будто бы обладает уже при своем вступлении в государство; нет, цель государства, наоборот, в том, чтобы таким соединением людей дать им возможность осуществлять такие цели, достигать таких *ступеней существования*, какие никогда недостижимы для отдельной личности, дать им возможность приобрести такую сумму *просвещения, силы и свободы*, какая была бы немислима для отдельной личности.

Итак, цель государства — *положительно развивать и неустанно совершенствовать* человеческое существо; другими словами, — *осуществлять в действительности назначение* человека, т. е. культуру, к которой человеческий род *способен*; цель государства — воспитание и развитие человечества в направлении к *свободе*.

С самой ранней юности в идее государства для Лассалья воплощались и мораль, и право, и разум. Все его сочинения проникнуты увлечением этой идеей, верой в миссию государства, не только как защитника, но и ревнителя права и культуры. Но это не был „культ государства“, чему Лассаль противопоставлял реалистическое понимание государства, как организации меняющихся в своем господстве классовых интересов. Это реальное понимание конкретного социального содержания государства нельзя противопоставлять этическому пониманию государства, как морально-общественного начала.

Победа коллективного сознания над слепыми и стихийными силами природы — таковы, по Лассалю, задачи государства. Это будет не поглощение личности Левиафаном — государством, а освобождение личности от естественных и исторических уз.

Лассалевское понимание государства оказывает влияние и на так наз. *государственных социалистов* и на академическую науку. Так, напр., катедер-социалисты разделяют взгляды Лассалья на государство и его протест против манчестерства.

Интересны также воззрения Лассалья на *роль четвертого сословия*.

Лассаль утверждал, что с 1848 г. наступила новая эпоха где руководящую роль должно приобрести четвертое сословие.

„Четвертое сословие! Сколько копий поломано в спорах об этом понятии! Его старались отрицать, изгнать, опровергнуть,—все напрасно! Четвертое сословие фактически существует, и нет той силы, которая могла бы снова стереть его с лица земли и помешать ему добиться своих прав“. *„Организация этого сословия при содействии государства“*—вот задача времени.

Изложенное решение рабочего вопроса не ново. Сходное обоснование давал Луи Блан. В практических предложениях Лассаль и Луи Блан тоже *одинаковы*. Но Лассаль глубже, он революционный социалист, считающий себя учеником Маркса, Лассаль занят и основною проблемою социализма — доходом, получаемым без труда. Помимо Луи Блана, Лассаль заимствует свои воззрения у Карла Маркса, Прудона, Родбертуса—иногда без всяких указаний. Мы знаем также, что „программа“ Лассалья вообще представляет собою расширение идей Луи Блана.

Программа, предложенная Лассалем, сводится к следующему: „При современных условиях, когда ремесло все более и более вытесняется крупным производством, единственное средство поднять рабочих, как производителей—это сделать их своими собственными предпринимателями и уничтожить различие между предпринимательской прибылью и заработной платой, заменив последнюю действительным продуктом труда рабочего. Для этой цели необходимо учреждение *свободных производительных ассоциаций рабочих с государственным кредитом и под контролем государства*. Только таким путем возможно будет освободить рабочих от гнета железного закона заработной платы“.

Сам Лассаль смотрел на производительные ассоциации, как на *переходную меру*. В письме к Родбертусу—26 мая 1863 года—он писал: „Моя совесть, как теоретика, никогда не позволила бы мне говорить о „разрешении социального вопроса“ посредством ассоциаций. Здесь дело идет только о практической переходной мере, а не о теоретическом принципиальном окончательном разрешении вопроса, — разрешения которого вы даже сами ожидаете лишь по прошествии 500 лет. Но мне кажется неоспоримым, что это разрешение наступит постепенно, если будут существовать ассоциации, и оно удивительно облегчится при этом“...

Свои идеи он обосновал в блестящей полемике против

Шульце-Делича. Против производительных ассоциаций Лассалья последователи Маркса приводили тот справедливый аргумент, что при существовании свободной конкуренции и вообще капиталистического строя они обречены на капиталистическое вырождение.

То же говорит и Родбертус, давая юридическую формулировку этому возражению; осуществление плана Лассалья „поведет к самому резкому развитию корпоративной (а не коллективной) собственности на орудия производства, которая изменит только личный состав имущих и будет в тысячу раз более ненавистной, чем современная собственность“.

XI.

Обычно связывают имя Лассалья, — и это главное, что сохранилось о нем поныне в широких слоях, — с так называемым *железным законом заработной платы, т.-е. особым учением об уровне средней заработной платы.*

Лассаль возродил конструкцию идей Тюрго-Рикардо в своем „железном законе“. Формулировка Лассалем его теории заработной платы сделана им в знаменитом „Гласном ответе“, в этом великолепном интермеццо к рабочей агитации. Вот его подлинные слова: „При теперешних отношениях, под государством спроса и предложения труда, рабочую плату определяет следующий железный закон: средний размер заработной платы всегда сводится на безусловно-необходимое содержание, требуемое привычками народа для поддержания жизни и для размножения. Вот точка, вокруг которой вращается действительная поденная плата, как маятник, никогда не поднимаясь надолго выше и никогда надолго не опускаясь ниже“¹. Далее Лассаль определяет и условия действия закона, если плата в действительности поднимется или опустится.

Относительно случаев подъема он говорит, что заработная плата „не может надолго подняться выше этого среднего размера, потому что тогда, вследствие улучшения положения рабочих, браки между ними стали бы чаще, усилилось бы

размножение, рабочее население умножилось бы, и таким образом увеличилось бы предложение рук, что низвело бы рабочую плату к прежнему размеру или ниже“.

Относительно случаев обратных, т.е. опускания, Лассаль говорит: „заработная плата не может долго продержаться и ниже размера, безусловно необходимого для существования потому что тогда наступают выселения, безбрачие, воздержание от деторождения и, наконец, уменьшение числа рабочих посредством нищеты, что ослабляет предложение рабочих рук и потому возводит заработную плату до прежнего размера“.

„Следовательно, — заключает Лассаль, — действительный средний размер заработной платы состоит в беспрестанном колебании вокруг этого центра тяжести ее, причем она то возвышается (период благоденствия во всех или некоторых отраслях труда), то падает (период более или менее общей нужды и кризисов)“. Лассаль никогда не приписывал себе чести „открытия железного закона заработной платы, теории задолго до него формулированной, намечавшейся еще задолго и до Рикардо, а именно с XVII века¹“.

Лассаль сам на это указал в „Гласном ответе“.

„Закон этот открыт и доказан именно либеральной экономической школой“. И несколько далее: „В либеральной школе нет ни одного известного экономиста, который отрицал бы его. Адам Смит и Сей, Рикардо и Мальтус, Бастиа и Джон-Стюарт Милль — все сходятся в признании его“. Теория, следовательно, и по Лассалю, не нова, но Лассаль выдвинул ее, снабдив боевым эпитетом, и универсализировал ее².

XII.

Экономические принципы Лассалья не оригинальны. Они заимствованы частью из классической школы (Рикардо), частью у социалистов: Маркса, Родбертуса и Прудона. Он не является

¹ См. собр. соч. Лассалья. Русск. пер. Т. II, стр. 68.

² „Лассаль первый, — говорит Эд. Бернштейн, — употребил выражение „железный“ в приложении к этому закону. И не только одно выражение: для него с этим выражением связывалось понятие о неизменном абсолютно действующем“. „К вопросу о железном законе заработной платы“. Русск. пер. СПб., 1902 г., стр. 7

исследователем одного кого-либо из них, а заимствует у всех чисто-эклектически. Воззрения на деньги и значение рабочего времени заимствованы им, по его же признанию, у Карла Маркса.

Но „между Лассалем и Марксом полная противоположность. Лассаль — идеалистичен, национален, государственный социалист; Маркс — материалистичен, интернационален и против государственного социализма. Маркс критикует Лассалья в письме к Браке. Научный социализм не признает Лассалья, но роль его в истории немецкого социализма громадна“.

Основная заслуга Лассалья в том, что он двинул вперед немецкое рабочее движение, положил начало организации рабочих, как самостоятельной политической партии, дав ей ясную программу. Диль говорит: „Лассаль вызвал рабочее движение; обсуждение социальных вопросов он сделал достоянием массы; он популяризирует воззрения социалистов. Лассаль разоблачил ошибки манчестерской школы и выдвинул значение государства в хозяйственных вопросах“. „Основные социально-политические положения и требования лассалевской агитации до последнего времени... составляли интегральную часть программы социал-демократии. Только на эрфуртском конгрессе, в 1891 г. окончательно восторжествовала доктрина Маркса“.

Эрфуртская программа уже не содержит никаких элементов лассальянства. Отныне уже господствует новая формула: рабочий вопрос — вопрос и политический и социальный.

XIII.

Первый, писавший о Лассале в России, был Яков Ватсон. Он писал еще при жизни Лассалья в статье, напечатанной в одном из журналов осенью 1863 г.: „Об улучшении быта рабочих в Германии“¹. В этой статье отразилось настроение того времени.

Противопоставляя две системы содействия рабочему классу — основанной на идее самопомощи (Шульце-Делич) и на идее государственного вмешательства (Лассаль), Ватсон говорит,

¹ Ватсон. Этюды и очерки по общественным вопросам. СПб. 1892 г.

что в лице Лассалья последняя идея терпит пока фиаско. „В настоящее время, — замечает тот же автор далее, — перевес находится, повидимому, на стороне системы Шульце-Делича, но об этом деле нельзя еще сказать последнего слова“.

Другая точка зрения на Лассалья появилась много позднее; она выражена в статье Струве „Еще о Лассале“, в которой он горячо защищает Лассалья¹: „Ошибки Лассалья в области экономической науки совсем обезврежены и похоронены историей. И потому с особенною яркостью выступает его неумирающая заслуга, тот идеалистический дух, в котором он понимал социальную проблему, слияние ее воедино с самыми заветными и дерзновенными запросами практической и теоретической мысли. Лассаль навсегда останется замечательно цельным и чарующим — живым воплощением в одной могучей индивидуальности самого трезвого социального реализма и самого смелого и проникновенного социального идеализма“.

Бернштейн закончил свою книгу призывом: „Назад к Ланге!“.

„Мы очень высоко ценим личность, критический дух и исторические заслуги автора „Рабочего вопроса“, — говорит Бернштейн, — но мы думаем, что возвращение к нему может дать лишь очень мало для создания положительного миросозерцания на новых, более широких, т. е., в сущности, на старых идеалистических основах. В поисках духовного маяка, достаточно высокого и яркого, взор сторонников социального идеализма всегда обращается к Ф. Лассалю“.

Прошло более полвека со смерти Лассалья. Жизнь указала в чем он был прав и в чем ошибался. Рабочее движение объединило и экономические и политические задачи, рабочий класс осознал себя, как социальную и политическую силу, и давно прошел через программу Лассалья по более широкой и дальней дороге.

Жизнь вместе с тем отвергла „железный закон“ заработной платы. Создание боевых пролетарских организаций, профессиональных рабочих союзов — отодвинуло казавшиеся неумолимыми суровые тиски действительности. Заработная плата рабочих, под натиском их движения, понемногу повысилась.

¹ П. Струве. На разные темы, стр. 265.

Железный закон оказался не неизбежным. Рабочее движение получило новый смысл и новое назначение. От идеализма оно перешло к материализму, от национального к интернациональному, от крохоборства и кустарничества к коммунизму.

Но на пути своего движения пролетариат должен ценить ступени своего развития, благоговейно чтить память своих первых вождей и руководителей. И в числе их на одном из первых мест—имя смелого борца и первоклассного мыслителя Фердинанда Лассалья. Недаром революционный Петроград украсил лучшие из своих улиц, одну — наименованием, другую — изваянием знаменитого вождя европейского пролетариата.

На русском языке сочинения Лассалья появились в ряде переводов:

Лассаль, Ф. Об особенной связи современного исторического периода с идеей рабочего сословия. „Современник“ 1865 г., книга 9.

Лассаль. Сочинения. Перевод Зайцева, т. I. СПб. 1870, теперь редкость; т. II. СПб. 1871 (сожжен цензурою).

Лассаль. Франц фон-Зининген. Пер. А. и С. Крыль. СПб. 1873.

Дневник. Был напечатан в „Северном Вестнике“ и отдельно в изд. В. Н. Звонарева. СПб. 1901 г.

Сочинения. 3 тома. Пер. под ред. И. Давыдова. Изд. Н. Глаголева. СПб. 1905.

Ряд переводов и изданий отдельных речей и статей Лассалья, особенно „О сущности конституции“.

О Фердинанде Лассале и его воззрениях писали:

Корш, В. Ф. Последний роман в жизни Лассалья, в „Этюдах“, т. I. СПб. 1885.

Чуйко. Европейские мыслители. Вып. VII. Лассаль. СПб. 1882.

Онкен, Герман. Лассаль. Пер. Ивановича. 1905.

Бернштейн, Эд. Фердинанд Лассаль, биограф. очерк. СПб. „Молот“. 1905.

Ватсон, Э. К. Вопрос об улучшении быта рабочих в Германии В „Этюдах и очерках по обществ. вопросам“. СПб. 1892.

С. С. „Романтический эпизод из жизни Ф. Лассалья“ (биография), в журн. „Вестник Европы“ за 1877, кн. XI.

Струве, П. Сборник статей „На разные темы“. СПб. 1902.

Ланге, Ф. А. Рабочий вопрос. Русск. пер. 2 изд. 1895.

Бернштейн, Эд. О железном законе Лассалья, в „Очерках из истории и теории социализма“. СПб. 1902.

Гумплович, Влад. Фердинанд Лассаль. Пер. с польского. СПб. 1906.

Маркс, К. Лассальянизм и профессиональная борьба. Письмо к Швейцеру. СПб. 1906.

Сурков, А. Фердинанд Лассаль, в журнале „Жизнь“ за 1900 г.

Русанов, П. Статья „Лассаль“ в сборнике „Социалисты Запада и России“. СПб. 1908.

Майский. Лассаль. 1923.

ГЛАВА IV.

Карл Маркс (1818—1883).

1. Биография.

История жизни Карла Маркса, необычной и крайне поучительной, всегда привлекала к себе внимание изучавших историю социального движения и социалистической мысли XIX столетия. Особенно важен и интересен ход развития воззрений Карла Маркса до начала европейской реакции пятидесятых годов, т.-е. в то время, когда складывалось его мировоззрение. Личная жизнь и социально-философские искания Карла Маркса совпали с развитием социалистической мысли Европы в XIX столетии. „Вы не найдете человека, жизнь которого лучше характеризовала бы наше движение, чем жизнь нашего учителя Карла Маркса“, — говорит его ученик, немецкий социал-демократ Карл Каутский. „Вряд ли мы найдем в истории XIX столетия человека, который бы так определял свою деятельность, своим научным творчеством мысль и деятельность целого ряда поколений в целом ряде стран, как Маркс“, — пишет лучший русский знаток его жизни и воззрений, Д. Рязанов.

Для нас исключительно важно понять и познать тот период жизни Маркса, когда вырабатывались основные идеи революционного марксизма, и то экономическое, социологическое и философское учение, которое получило наименование *марксизма* или *исторического материализма*.

Предварительно необходимо проследить время юности и годы учения Маркса.

Карл Маркс родился 5 мая 1818 года в небольшом немецком городе Трире, в одной из наиболее развитых в проми-

шленном отношении областей Германии, а именно в Прирейнской провинции. О раннем детстве Маркса известно очень немногое. Маркс был чуткий и впечатлительный юноша, рано выделившийся своими исключительными дарованиями. Он вырос в идейной атмосфере буржуазного просвещения, давшей направление свободолюбию. Поэтому в своей семье, — отец Маркса был просвещенный, образованный и свободомыслящий юрист, — юноша не подвергся, как его сверстник Фридрих Энгельс, вредному влиянию религии и обывательских предубеждений. Рано восприняв основные идеи французской философии, Маркс был свободен от многого, что тормозило бы его умственное развитие. Первоначально юноша был *идеалистом*, отчасти, как он сам это заявляет, в духе Канта и Фихте. Затем, уже в университете, он переходит к *спиритуалистическому гегельянству*. В годы ранней юности местная трирская гимназия дала Марксу основательное знание древних языков, — юноша с охотой и легкостью переводил труднейшие места латинского и греческого текста, — и подготовила к университету. В 1835 г. Маркс поступил в число студентов вначале небольшого провинциального боннского, а в следующем году — столичного берлинского университета. В университете Маркс занимался юриспруденцией, историей и философией. В его время среди профессуры выделялись: представитель исторического направления в праве — Савиньи, известный в то время юрист-гегельянец — Эдуард Ганс, а также преподаватель логики, ученик Гегеля — Габлер. Отец Маркса до своей смерти († 1838) поддерживал с сыном дружескую переписку и подталкивал юношу на специализацию по юриспруденции.

В 1841 году, после шести лет студенчества, молодой Маркс окончил курс университета со степенью „доктора философии“, обычный титул окончившего курс гуманитарных наук университета. Маркс защищал диссертацию „О натурфилософии Демокрита и Эпикура“. Это — изящная и вдумчивая работа, изложенная тем прекрасным, художественным языком, которым отличались все сочинения Маркса.

В университете в начале 40-х годов Маркс был, как и все его сверстники, — *гегельянцем*, т.е. приверженцем *идеалистической философии Гегеля*; он примкнул к так называемому *левому крылу последователей Гегеля*, т.е. к группе „*молодо-гегельянцев*“.

Таким образом сознательная жизнь и умственное развитие Маркса начались в первой половине XIX века, точнее, в самом конце 30-х годов. Это время отмечалось, между прочим, бурным политическим подъемом немецкого студенчества, игравшего в те дни роль единственной оппозиции мрачной реакции прусского короля Фридриха-Вильгельма III. Но общестуденческое возбуждение осталось чуждо студенту Марксу, который с юных лет, избегая шаблона, стремился к выработке *собственного* пути. Усвоенная им в юности система осталась на всю жизнь. Маркс начинал с внимательного и тщательного изучения добытого до него наукою, а затем уже стремился развить свое новое. Так было и в университете. Усвоив себе воззрения Савиньи и Ганса и все то, чему тогда учили, Маркс как бы стремился сдвинуть науку с места, на котором она остановилась. Наметив *свою* теорию права и *свою* систему юриспруденции, молодой Маркс подверг сомнению воззрения Савиньи и Ганса и отверг последние, убедившись в необходимости подвести под них новое философское обоснование. Об этих исканиях свидетельствует нам дочь Маркса, Элеонора Эвелинг¹.

„Господствующая философия—гегельянство,—пишет она,—Маркса тоже не удовлетворяла. Фантастические горные мелодии гегельянства кажутся ему в конце концов только оружием умственного фехтовального искусства“. Юноша составляет „пролегомена“ к своей собственной и притом новой системе. Эта рукопись носит название: „Клеанус, или об исходной точке и необходимости развития философии“. Здесь наука сближалась с искусством, шеллингянство с естествознанием, но не открывала новых путей и горизонтов. „Пролегомена“, озаглавленные „Клеанус“, не удовлетворили юного искателя истины, и пока ничего нового ему создать не удавалось. Тем не менее Маркс упорно продолжал искать и работать.

Весь описанный вкратце ход самообразования, индивидуальный и своеобразный, конечно, требовал необычайной энергии и громадной затраты времени. Для достижения намеченного Маркс был вынужден совершенно замкнуться в своих занятиях и изолироваться от внешних дел и впечатлений.

¹ Элеонора Маркс-Эвелинг, в статье: „Ein Brief des jungen Marx“, в журнале „Neue Zeit“ за 1897 год, № 1.

Единственной связью с миром служила ему его пламенная любовь к невесте, Жени фон-Вестфален, — чувство, которое юноша естественно преувеличивал. Любовь влекла молодого человека к поэзии. Его захватил „новый мир любви“, нашедший себе выражение в трех тетрадах стихов, захвативших и его невесту. Она, по свидетельству сестры жениха, читала их, „обливаясь слезами блаженства и печали“. Маркс вскоре понял недостатки своей наивной юношеской поэзии и немедленно сам ее сурово осудил. „Чувство, — писал он, — выражено бесформенно и расплывчато; никакой естественности, — все вымышленно; полное несоответствие того, что сказано, тому, что должно быть выражено; риторическое размышление вместо поэтических ощущений“.

В конце 30-х годов молодой студент Маркс проникся, как и большинство его сверстников, идеями Фейербаха. Сочинения Людвиг Фейербаха: „Предварительные тезисы о реформе философии“ и „Сущность христианства“ произвели сильное впечатление на Маркса. Он проникся идеями о необходимости культа абстрактного человека и реального гуманизма. Маркс, как и Энгельс, стали фейербахианцами, что свело их мышление от абстракций гегельянства к более реальной жизни. Человечество и человек, знаменитый *антропологизм* Фейербаха, — стали центром их внимания. В то же время Маркс примыкает к клубу левых последователей философа Гегеля, к так назыв. „*молодогегельянцам*“. В их кругу Маркс, которому только-что исполнилось двадцать лет, провел три года своей жизни. Здесь давали тон Давид Штраус, братья Бауэр, из которых Бруно, тогда доцент университета, играл роль, затем Моисей Гесс, Карл Грюн, Отто Люннинг, Макс Штирнер, Кеппен.

Тон давали более выдающиеся: Штраус, Фейербах, Гесс и Грюн, а другие юные головы вообще просто были готовы к ниспровержению авторитетов. Воззрения Гегеля естественно в первую голову подверглись *критике и пересмотру*. Они уже не соответствовали запросам времени и его характеру. Суждения некоторых из „левых“ были серьезны и значительны. Выделялись определенностью суждений и своим свободомыслием братья Бауэр, особенно старший из них, Бруно. Последний — современник Маркса и его старший сотоварищ по университету — увлек молодого Маркса заняться подготовкой к профес-

сорекому званию по кафедре философии. Под его влиянием Маркс сдал экзамен на степень доктора философии и представил в йенский университет, в апреле 1841 года, вышеупомянутую диссертацию. В предисловии к этой диссертации обращает на себя внимание известный характерный ответ Прометея слугителю богов Гермесу; он может служить выражением тогдашнего настроения и позиции автора¹. В этой работе Маркс стоит еще целиком на идеалистической гегельянской точке зрения, но работа свидетельствует о блестящей литературной форме и глубине философского анализа будущего автора „Капитала“.

По окончании курса университета Маркс на 24 году, убедившись в невозможности своей научной карьеры, посвятил себя целиком литературной деятельности. Он — писатель и участвует, а несколько позднее, с 1842 года, сам редактирует в Кельне большую политическую „Рейнскую Газету“, основанную прирейнскою либеральною буржуазиею, но вскоре, впрочем, закрытую. В статьях „Рейнской Газеты“ уже заметен уход Маркса влево; он переходит от идеализма к материализму, от революционного демократизма — к коммунизму. Затем Маркс приступает к изданию другого журнала, еще менее долговечного, чем газета. В 1843 году он обращает на себя внимание статьюю о цензуре в „левом“ сборнике, составленном Руге: „Anecdote zur neuesten deutschen Philosophie und Publicistik“, а также направлением журнала, к изданию которого он, вместе с Руге, приступил в Париже. Это интернационалистический радикальный „Немецко-Французский Ежегодник“. С начала этого издания Маркс начинает обращать на себя внимание радикальных кругов тогдашней пишущей братии. Здесь он создает себе литературное имя, быстро выбираясь в то же время на новую, а именно материалистическую и коммунистическую позицию.

С этого периода жизни у Маркса начинается и семейная жизнь — счастливая и спокойная. Он женился на некоей

¹ „Знай, Гермес, что казнь мою и цепи
Не променял бы я на твой позор —
Лишь вестником проворным у царей
Служить, как ты“.

Дженни фон-Вестфален, очень умной и доброй, образованной девушке, дочери немецкого дворянина средней руки. Жена Маркса, искренняя и простая, была действительным другом своего великого мужа. В свою скромную семейную жизнь Маркс внес нежную патриархальность и трогательное чадолобие. Об его семейной жизни позволяет судить замечательный документ, завещанный потомству знатоком марксизма Д. Рязановым, найденный им в семейном архиве Маркса и озаглавленный „Исповедь К. Маркса“ (помещено первоначально в журнале „Современный Мир“, затем в отдельном издании: К. Маркс, 1923 г.).

Сыновья Маркса умерли в равном возрасте, а из трех дочерей две — жены Поля Лафарга и Эдуарда Эвелинга — покончили с собою самоубийством. Самоубийство супругов Лафарг было актом взаимного добровольного соглашения. Из дочерей Маркса унаследовала некоторые литературные дарования Элеонора, жена Эвелинга.

К этому же периоду жизни Маркса относится его дружба с выдающимся сыном барменского фабриканта, естественником по образованию и философом по склонностям — Фридрихом Энгельсом. Последний сыграл исключительную роль в жизни Маркса и, вместе с тем, в истории социалистических мысли и движения. Энгельс был единомышленником и соратником Маркса. Трудно было разграничить, где начинается один и где другой. Маркс и Энгельс были действительные друзья, редкие единомышленники и всегдашние союзники и соратники. Трогательная, идеальная и бескорыстная дружба Маркса и Энгельса длилась всю их долгую, бурную жизнь; более скромный и мягкий Энгельс всегда охотно становился на второй план, добровольно, — как он сам говорил, — играя роль „второй скрипки“. Между тем Фридрих Энгельс был недюжинный писатель и мыслитель. Маркс и Энгельс вместе работали, писали и выступали.

Жизненный путь Маркса можно расчленить по этапам; эти этапы можно определить, как

- 1) *эпоху идеализма и гегельянства*, а именно период от 1838 до 1842 гг.,
- 2) *эпоху фейербахианства* — 1842—1844 гг.,
- 3) *эпоху освобождений, размежеваний* и выработки своей позиции и своего учения — *марксизма*; при этом Маркс освободился:

- а) от гегельянства и фейербахианства,
- б) от воззрений „истинных“ социалистов,
- в) от воззрений анархиста Штирнера,
- г) от анархизма Прудона.

Таков смысл первой замечательной эпохи — 1844—1847 гг., послужившей основой для выявления собственного учения К. Маркса.

Свои отмежевания Маркс закрепляет в литературной форме, что послужило темами ряда важных в теоретическом смысле произведений Маркса, а именно:

1) Против Бруно Бауэра и его братьев, т.е. против умозрительных идеалистов, преклонявшихся перед „духом“ и „героями“ и пренебрегающих „толпою“, Маркс выдвигает реальный гуманизм Фейербаха. Так возникает его большая полемическая работа: „Критика критической критики“, или „Святое Семейство“, впервые выдвигающее и собственную новую точку зрения Маркса. В этой работе ему помогает Энгельс.

2) Против группы „истинных“ социалистов (Мозеса Гесса, Карла Грюна, Отто Леннинга и других) Маркс выдвигает разрушительную критику их концепции. Маркс доказывает, что идеология „истинных“ — просто сентиментальная смесь мелко-буржуазных вождлений, утопизма, окрашенного в народнические тона, при отсутствии понимания реальных условий.

3) Проповедь индивидуалистического анархизма, начатая Марксом Штирнером (его настоящее имя Каспар Шмидт), нашла себе отповедь Маркса в его сочинении „Святой Макс“, впервые напечатанном много позднее, как часть не дошедшего до нас целого.

4) Наконец, мелко-буржуазный, половинчатый социализм Прудона был поражен в самую грудь талантливым памфлетом: „Нищета философии“. Здесь впервые выработаны важнейшие пункты историко-материалистического мировоззрения.

Общая схема нового учения широкими штрихами набросана Марксом в „Коммунистическом манифесте“, выпущенном в начале 1848 г. Здесь Маркс уже не только отмежевался, но и положил основы своего мировоззрения.

Итак, это был особенно важный период развития Маркса: в эти годы он впервые формирует идеи исторического мате-

риализма и общей социально-политической и социально-философской своей теории. Это было в сложную эпоху революции 1848 г. и организации „Союза Коммунистов“. Неуспех этой революции привел к всеобщей реакции. Для Маркса это служило временем газетной публицистики и выработки новых экономических идей. Результатом явился труд — „Критика политической экономии“, 1854—1859 гг., где набросан абрис экономического учения Маркса. Эти пятидесятые годы Маркс уже проводит в Лондоне, в тяжелых материальных условиях.

Здесь намечаются и дальнейшие этапы жизни Маркса:

5) Эпоха „Интернационала“ и выработки социалистической тактики, как одной из основ марксизма, 1864—1872 гг.

6) Эпоха „Капитала“, или выработки экономического учения К. Маркса, 1865—1883 гг.

7) Последняя эпоха — эпоха II и III томов „Капитала“, старость и смерть — 1883 г.

Рассмотрим вкратце каждый из указанных периодов в отдельности.

Первые два года своего развития двадцатилетний Маркс проникся той умственной атмосферой, в которой в конце 30-х годов живет передовая Германия. „Некоронованный король философии“ Гегель царит в умах своих более чутких и передовых современников. Гегельянство, помимо общего философского мировоззрения, дает определенную позицию в социально-философской и социально-исторической области. Молодой Маркс в эту эпоху — гегельянец чистой воды. Следующие два года приносят знакомство с идеями Фейербаха. Исторический процесс, происходящий в Европе, рассматривается двояко. Приемлемый для „Западной Европы“ (Англии, Бельгии, Франции) — путь развития непригоден для *отсталой* Германии. Отсталость — де в материальной культуре вознаграждается подъемом духовной. Маркс разделяет тогдашние, по-своему народнические иллюзии немецкой интеллигенции, которая тогда отрицательно относится к развитию капитализма в Германии.

В статье „К критике гегелевской философии права“ („Немецко-Французский Ежегодник“, 1844) Маркс пишет: „Подобно тому, как древние народы переживали свое прошлое в воображении, в мифологии, подобно этому мы, немцы, переживали свое *врядущее* в мислях, в философии. Мы являемся философскими совре-

менниками новейшего времени, не будучи в то же время его историческими современниками“. Из указанного делали вывод о только теоретическом освобождении германского народа, что провозгласило бы самого стремящегося к освобождению человека — сущностью человеческого развития. Это и сделал Людвиг Фейербах со своим антропологизмом. Интеллигенция в лице „истинных“ социалистов, как Мозес Гессе, Карл Грюн, Ленинг, встретила Фейербаха, как нового пророка. В число фейербахианцев вступил и молодой Карл Маркс.

Те же взгляды разделяет и Фридрих Энгельс, ставший тоже к этому времени фейербахианцем. На собрании в Эльберфельде в 1845 г. Энгельс горячо доказывает невозможность развития в Германии капитализма, как предварительной ступени, и необходимость непосредственно перейти к коммунизму.

В 40-х годах наступает особенно важная эпоха в умственной жизни Карла Маркса, вместе с тем в истории развития социализма: Маркс высвобождается от влияния Гегеля, Людвига Фейербаха и левых гегельянцев. Он все более становится *материалистом* и от теоретических и абстрактных высот проникается все большим убеждением в необходимости активного *действия*. Почва для создания основных идей исторического материализма и для проникновения историческую ролью рабочего класса готова.

Отсюда вполне понятна и вся эпоха *размежевания* Маркса от сходных и с внешней стороны как бы родственных течений и выявления своего особого историко-философского круга идей, получившего наименование *марксизма*, или *научного социализма*, создавшего отныне эпоху в истории социализма. В жизни Маркса это пятилетие — исключительной важности, в результате которого Маркс становится *материалистом, коммунистом* и убежденным борцом за идеалы пролетариата, т.е. за *практическое осуществление коммунистического строя*. Маркс с этого времени сочетает *теорию* и *практику* социализма, задачи вождя и борца, направляя пролетарское движение и пролетарскую идеологию в одно целостное русло.

Историческое пятилетие с 1844 по 1848 год протекает при следующей обстановке.

Женившись и покончив с журналистикой в Кельне, освободившись от увлечения Фейербахом и народничеством и став

на прочную материалистическую базу понимания событий, Маркс переселяется в Париж. Здесь, под влиянием чтения французских утопистов и анализа французской революции, Маркс окончательно осваивается с социализмом, воспринимает социалистические теории сен-симонистов Базара и Анфантена, воззрения фурьериста Виктора Консидерана и социалиста Пеккера. Все это, в конце концов, неизбежно приводит его к разрыву с *радикальной демократией* и с социалистическим *утопизмом*. Маркс в эти дни, в числе других эмигрантов, участвует в немецком революционном органе „Вперед“ („Vorwärts“). Маркс в это время уже не фейербахианец, в пассивную философию Фейербаха он вносит *революционный, действительный, активный* элемент. В противоположность Фейербаху, Маркс теперь полагает, что основная задача социалиста-мыслителя не в том, чтобы *объяснить* мир, а в том, чтобы *изменить* его.

Каким же образом может произойти *изменение* этого мира, и где та реальная сила, которая может это произвести? Рассматривая последовательно различные социальные группы современного общества, Маркс приходит к выводу, выводу исключительно важному, что единственной силой, единственным социальным классом, действенным и всецело заинтересованным, является только — *пролетариат*. В 1844 г. Маркс выставляет этот основной тезис своего понимания истории революционного дела, что класс, единственно могущий взять на себя миссию освобождения всего человечества, это — *рабочий класс*.

Однако пролетариату не хватает сознания своей исторической миссии, не хватает историко-философского понимания своей задачи, но с момента, *когда он станет во главе движения* и проникнется сознанием своей миссии, он поймет и свои цели и свою задачу.

Изложенные идеи были впервые развиты Марксом в его сочинении „Святое Семейство“, где он совместно с Энгельсом выясняет противоположность и особенность своей позиции, сравнительно с другими социалистами его времени, как братья Бауэры, которые не понимали рабочего класса или хотели его облагодетельствовать, как слабого и угнетенного. Указывая на пролетариат, Маркс подчеркивает, что немцы ничего не знают в истории своего времени, не знакомы ни с состоя-

нием промышленности, ни с условиями производства, ни вообще с материальными условиями, а потому только бродят ощупью. Маркс, чтобы пополнить осознанные им важные пробелы, еще до революции 1848 г. усиленно изучает механизм экономических отношений современного ему общества. Так возник „Коммунистический манифест“ и первоначальные мысли экономического порядка.

Эти же идеи руководили Марксом в газете „Вперед“, принимавшей убежденный, резкий для существующего порядка и буржуазии, „вызывающий“ тон. Прусское правительство через своего посланника (Вильгельма фон-Гумбольдта) не замедлило сделать соответствующие представления французскому правительству. В результате все эмигранты-журналисты были высланы из столицы Франции. В числе их был и Карл Маркс. В 1845 г. Маркс, вместе со своею женою и своим другом Фридрихом Энгельсом, был вынужден выехать из Парижа. Они переселились в Брюссель.

В эту эпоху происходит размежевание с идеологиею, казавшеюся на первый взгляд родственною.

В группе младо-гегельянцев значительное влияние оказывали так называемые *истинные* социалисты, во главе с братьями Бауэр, Бруно и Эдгардом. Их мировоззрение по своему характеру представляло нечто, вполне напоминающее русское народничество. Они не понимали классовой основы социального движения, роли пролетариата и необходимости для страны пройти через промышленно-капиталистическое развитие. От такого рода социалистов необходимо было прежде всего отмежеваться. Этот идеологический разрыв с тогдашним немецким народничеством Маркс, как было сказано, отметил в „Святом Семействе“ и затем в „Нищете философии“ и указал в соответствующей главе „Манифеста“, где он отметил свои несогласия с каждой из групп. В частности каждое из течений, с которым Маркс не соглашался и полемизировал, определялось в соответственной литературной работе.

Другой фронт, против которого Маркс вынужден был обратиться, — был *анархизм*. Здесь на страже идей анархизма, сливавшихся с идеологиею мелко-буржуазных групп или же голого индивидуализма, стояли две фигуры: Каспар Шмидт, писавший под псевдонимом Макса Штирнера, и французский

анархист Прудон. В итоге получились две работы: против анархического индивидуализма Штирнера — „Святой Макс“ и против анархизма вообще, и в частности против Прудона — „Нищета философии“.

Необходимо было установить отношение к младо-гегельянству. Поэтому свое общее отношение к после-гегелевской философии Маркс вместе с Энгельсом формулирует в третьем труде этой эпохи — большой двухтомной книге о „чистом социализме“, которая, к сожалению, целиком так и не увидела света и в большей своей части, повидимому, навсегда потеряна для потомства, кроме главы о Штирнере („Святой Макс“). Затем Маркс формулирует свои разногласия с Прудоном в зиму 1846—47 гг. и тем самым отграничивает научный социализм от анархизма, с идеологиею которого он отныне враждует. С этою целью Маркс пишет — по-французски — „La Misère de la philosophie“ („Нищета философии“), ответ на „Философию нищеты“ („La philosophie de la Misère“), большой принципиальный труд Прудона. Эти работы намечают направление дальнейших социально-философских и экономических воззрений Маркса. В эту эпоху складываются основные идеи Маркса, как философа: он от гегельянства, т. е. идеализма, переходит к материализму, а в политической экономии — от утопизма и мелко-буржуазных теорий к реализму. Тем самым формулируется первый абрис будущего марксизма.

К этой же поре брюссельской жизни относится сближение Маркса с тайными коммунистическими организациями, через которые начинается его первое непосредственное участие в революционном рабочем движении.

За границею все еще теплились преобразованные в 1836 году Вильгельмом Вейтлингом рабочие объединения. Его „Союз Справедливых“ к этому времени переименовывается в „Союз Коммунистов“. Дело произошло следующим образом. Руководители Союза циркулярно сносились с Брюсселем, Лондоном и Парижем, где были его отделения. Ко времени пребывания Маркса в Брюсселе деятельный член Союза Коммунистов и оратор его первого конгресса, часовщик Мост, впоследствии известный анархист, собирався созвать в Брюсселе очередной конгресс коммунистов, но в дело вмешался К. Маркс. Он вместе со своими брюссельскими единомышленниками реорганизовал

Союз, устроил его центр в Париже, а для направления работы Союза и второго конгресса составил и издал свою мотивированную программу — „Коммунистический манифест“.

Этот ныне важный исторический документ был вначале встречен холодно и получил мировую известность только много позже революции 1848 года, бесславной и неуспешной из-за отсутствия лозунгов и программы. О „Манифесте“ заговорили с конца 50-х годов, когда „Манифест“ начали переводить на различные европейские языки.

Бурный 1848 год застал Маркса в Брюсселе. В этот период он не был активен и не играл никакой видной роли. После февральской революции он снова перебирается в Париж, куда его приглашало временное правительство, как теоретика революции. 1 марта 1848 г. он получил из Парижа от члена временного правительства Фердинанда Флассона следующее приглашение: „Верный, дорогой друг. Земля французской республики — убежище всех друзей свободы. Тирания вас угнетала, свободная Франция открывает вам свои двери, вам и всем, кто борется за святыню, соединяющую все народы. Первый представитель французского правительства сделал бы (по отношению к вам) то же (что и я). Братский привет“. Это приглашение подоспело весьма кстати, так как в это время брюссельские власти как раз распорядились о высылке Маркса. В Париже Маркс быстро убедился, что силы коммунистов слабы, а дни революции сочтены. Разразившееся вскоре революционное движение в Германии привлекает туда Маркса. В столице наиболее либеральной немецкой провинции, в Кельне, Маркс вместе с Энгельсом и группой социалистов (Вольф, Дранке, Фрейлиграт) берет в свои руки большую политическую газету „Новую Рейнскую Газету“, первый из шести номеров которой вышел под редакцией Маркса в июне 1848 года. Маркс также участвует в Кельнском Рабочем Союзе и в политическом объединении местных революционных организаций — в местном „Совете Демократов“. За свой призыв к активной борьбе с правительством Маркс попадает под суд.

Здесь, в „Новой Рейнской Газете“ была помещена статья Маркса: „Классовая борьба во Франции“, продолжением которой служила его известная работа „18 брюмера Луи Бонапарта“ (1852), а также статья „Наемный труд и капитал“.

В мае 1849 г. Маркс вновь был изгнан из пределов Германии. Теперь он переселился с семьею в Лондон, где и оставался до конца жизни. Так наступила для Маркса новая полоса жизни. Она совпала с темным временем в политической жизни Европы.

Начавшаяся общеевропейская реакция и нужда заставили Маркса искать литературного заработка. В пятидесятых годах, кроме ряда газетных статей, Маркс напечатал следующие работы:

- 1) *Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта*, 1852 г.
- 2) *Кельнский процесс коммунистов*, 1850 г.
- 3) *Революция и контр-революция в Германии*, „Трибуна“ за 1851—1862 гг.
- 4) *К критике политической экономии*, 1859 г.
- 5) *Господин Фот*, 1860 г.

Из этих сочинений особенно важную роль играет труд „К критике политической экономии“. Во „введении“ и в „предисловии“ к этой работе Маркс излагает свои общие теоретические взгляды по методологии экономической науки и по социологии. Вообще в „Критике“ определенно намечены первые вехи экономического учения Маркса, которые изложены были позднее в его основном труде, в „Капитале“. В Лондоне Маркс работает в библиотеке Британского Музея, что дает ему возможность иметь под руками все сокровища духовной европейской культуры и стать первоклассным, совершенно исключительным эрудитом как в области истории идеологии, так и в области изучения капиталистического аппарата.

С периодом жизни в Лондоне совпадает крупнейшее событие в жизни Маркса и всего европейского пролетариата—создание Международного Товарищества рабочих, проще называемого *Первым Интернационалом*.

Участие и роль Маркса в истории создания и руководства Первым Интернационалом изложено нами подробнее в особой главе, посвященной истории Интернационала, а потому здесь мы продолжаем проследивать общий ход жизни Карла Маркса.

К этому лондонскому периоду жизни Маркса относится его неустанная работа в библиотеке Британского Музея, где очень тщательно, обдуманно и медленно Маркс работал над основной работою своей жизни — над „Капиталом“.

Первый абрис теоретических положений, установленных Марксом, был намечен еще в его первом теоретико-экономическом труде „К критике политической экономии“, выпущенном в 1857 г. Книжные богатства исключительной мировой сокровищницы мысли, знаменитой библиотеки Британского Музея, дали Марксу возможность тщательно переработать и установить его экономическое учение.

Наконец, после ряда лет, появился *первый* том „Капитала“, напечатанный в Гамбурге, в 1867 г., на немецком языке. Этот первый том явился единственным, выпущенным лично Марксом при его жизни. Он представляет собою исключительное по совершенству мысли и литературной отделке творение. Через два года после смерти Маркса († 1883) появился II-й том, но уже под редакцию друга и соратника Маркса — Фридриха Энгельса. Он вышел в 1885 году. Энгельс не окончил редактирования конца этой громадной работы, написанной Марксом, но еще не отделанной в том законченном и блестящем виде, в каком только и выпускал Маркс в свет свои работы. Третий и последний том „Капитала“ появился только в 1891 г., уже под редакцию Карла Каутского.

Как в учении исторического материализма Маркс раскрыл тайну развития человеческого общества (развития производительных сил, как базы для всех общественных трансформаций), так в „Капитале“ Маркс выяснил тайну образования капитала и учение об образовании прибавочной стоимости. Тем самым, в своем экономическом учении, отныне получившем твердую почву, Маркс ярким светом озарил весь механизм товарно-капиталистических отношений, т.-е. всю социально-экономическую структуру капиталистического общества в целом.

Одновременно со своим основным сочинением Маркс прослеживал и записывал свое изучение предшествовавших ему направлений мысли, касавшихся выяснения вопроса о происхождении прибыли на капитал. Эти записи составили целый, так назыв. IV том „Капитала“. Он представляет собою подробное изложение „Истории теорий прибавочной стоимости“, как он и получил название. Это громадный историко-литературный труд, разделенный на 4 больших выпуска, опубликованный К. Каутским в 1894—5 гг. Таким образом получилась колоссальных размеров работа — семь томов, из которых первые

три посвящены капиталу, а последние четыре — истории теорий прибавочной стоимости.

Последние годы жизни, часто очень тяжелые, Маркс провел в труде и нужде, стал болеть, только в крайних случаях прибегая к медицинской помощи. В 1880 году он потерял жену. Маркс скончался 14 марта 1883 года в Лондоне, 65 лет от роду. Он похоронен в Лондоне же, на Хайгетском кладбище.

При похоронах Маркса Энгельс сказал речь. Вот из нее его слова:

„14-го марта, в три четверти третьего пополудни, перестал мыслить величайший мыслитель современности. Подобно тому, как Дарвин открыл закон развития органической природы, Маркс открыл закон развития человеческой истории. Он открыл тот простой факт, до того скрытый под покровом идеалистических рассуждений, что люди прежде всего должны есть, пить, жить, одеваться и лишь после того могут заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. п.

„Маркс открыл также специальный закон движения современного капиталистического способа производства и созданного им буржуазного общества. С открытием прибавочной ценности сразу пролился свет в эту область... Наука была для Маркса исторически-движущей, революционной силой... Но, прежде всего, Маркс был революционер. Его истинным жизненным призванием было содействовать ниспровержению капиталистического общества и созданных им государственных установлений, содействовать освобождению современного пролетариата, которому он впервые внушил сознание его собственного положения и его потребностей, сознание условий, необходимых для его эмансипации. Борьба была его стихией... Первая „Рейнская Газета“ 1842 г., парижский „Форвертс“ 1844 г., брюссельская „Немецкая Газета“ 1847 г., „Новая Рейнская Газета“ 1848—49 гг., Нью-Йоркская „Трибуна“ 1852—61 гг. и, кроме того, множество полемических брошюр, работа в парижских, брюссельских и лондонских союзах, увенчавшаяся основанием великой Интернациональной Рабочей Ассоциации, — таков итог этой работы, которою мог бы с полным правом гордиться свершавший ее, если бы даже он не сделал ничего другого“.

К этим словам Энгельса следует добавить, что, на ряду со ска-

ванным, монархическое и республиканское правительства неоднократно подвергали Маркса высылкам, а враги неустанно гнали и клеветали на великого мыслителя и борца.

Образ Маркса остался чистым, светлым, незапятнанным, словно лик недосягаемого солнца. Счастлив пролетариат, имеющий такого вождя, трижды счастлив вождь, имеющий такую армию, как международный рабочий класс!

2. Научно-литературная деятельность К. Маркса.

К. Маркс начал писать рано. Обычное начало—три тетради его стихотворений—никогда не были опубликованы, чего, впрочем, они и не заслуживали, за отсутствием сколько-нибудь значительного поэтического дарования. Зато его проза, сочинения и письма—прекрасны. Они дают определенное представление о сильном и образном стилистическом даровании Маркса, об его особом индивидуальном, кратком и могучем патетическом слого, полном сарказма и смертельной иронии. Уже первый прозаический труд—его *диссертация* по древне-греческой философии, появившаяся в 1841 году: „Различие между натурфилософией Демокрита и Эпикура“—написана сильным и характерным слогом. Затем началось участие Маркса в периодической прессе, которое выдвинуло его в ряды первоклассных публицистов.

24-х лет Маркс был сотрудником, а затем редактором „Рейнской Газеты“ в Кельне (1842—1843 гг.). Газета называлась: „Rheinische Zeitung für Politik, Handel und Gewerbe“ и издавалась на средства и по указаниям руководителей оппозиционной прирейнской буржуазии. Влиятельные местные либералы—Кампгаузен, Ганземан и др.—вели при помощи этого органа критику деятельности местного ландтага.

Маркс внес в газету *экономический элемент*; под его влиянием здесь начали появляться статьи по текущим хозяйственным вопросам. Среди помещенных здесь работ Маркса выделяются статьи: „Философия и экономия“, „Крестьяне-виноделы на Мозеле“ и „О коммунизме“. Все они были позднее перепечатаны в „Литературном наследстве“, частью в изложении Меринга, частью в оригинале, но только с его примечаниями.

Кроме оппозиционно-настроенных либералов, в газете

нашли себе приют и радикалы, близкие к Вильгельму Вейтлингу, и такие левые дарования, как поэт Генрих Гейне, анархист Каспар Шмидт (Макс Штирнер), философы братья Бауэры, экономист либеральной школы Принц Смес. Из группы вейтлинговских коммунистов сотрудничали двое: „красный“ Беккер и Зейдлер.

Интересно отметить, что Маркс в эту эпоху увлекался французскими утопистами: Сен-Симоном, Фурье, Пеккером и Луи Бланом, а также изучал сочинения оказавшего вначале на него сильное влияние Прудона, был знаком с сочинениями Фридриха Листа, Рау и Лоренца фон-Штейна. Маркс в этот период еще не был социалистом, но был против основоположений утопического коммунизма, называя его „Stömperei“. „Мы не провозглашаем догматический новый мир, а выводим его из критики старого“, — говорит в это время Маркс в сборнике „Немецко-Французский Ежегодник“, который он вместе с Арвольдом Руге основал в Париже и который произвел сильное впечатление на современников и не только в Германии. Как известно из книги А. Н. Пыпина: „Жизнь Белинского“, этот журнал произвел громадное впечатление и на нашего гениального критика. Издание „Ежегодника“ прекратилось на третьем номере, частью вследствие трудности доставки его в Германию, частью вследствие редакционных разногласий. Последнее произошло на принципиальной почве. Издатель Руге был гегельянец и буржуазный радикал, Маркс уже перешел в лагерь социалистов. Социалистическую тенденцию в журнале Марксу провести не удавалось: французские социалисты не хотели в нем работать. По словам Франца Меринга, их оттолкнул крайний атеизм Маркса, а между тем сен-симонисты, как известно, именно пытались сблизить социализм с религией. Под влиянием Маркса в газете делались также выпады против исторического направления в праве. В этом смысле особенно резка появившаяся анонимно статья Маркса в № 221 (приложение), направленная против профессора Гуго и озаглавленная: „Философский манифест исторической школы права“. Вообще редакционная работа в эту эпоху была трудным делом. „Редактирование этой газеты, — говорит Либкнехт, — было сплошной борьбой с цензурой, которая тогда царил в Германии“. Но не всегда победа была за цензурой. „Маркс мастерски проводил

ее, за мыслями нельзя угнаться, как за бабочками“¹. В 1843 г. администрация все же навсегда закрыла газету.

Здесь обращают на себя внимание еще две статьи Маркса: „К критике гегелевской философии права“ и „Еврейский вопрос“. Из первой видно, как Маркс постепенно становится марксистом. Он здесь еще ждет переворота от чувства глубокого стыда, который охватил немецкую интеллигенцию за ее отсталость и за ее правительство. „Стыд есть уже революция, — говорит он. — Если вся нация стыдится, — она лев, готовящийся к прыжку“. Но здесь же Маркс высказывается *против политической революции*, которая, по его мнению, „сон“, и *за пролетарскую социал-демократическую революцию*, т.-е. за освобождение, которое было бы эмансипацией немцев, могущей сделать их „людьми“. Маркс поясняет: „Голова этого освобождения — философия, его сердце — пролетариат“.

Другая статья, „Еврейский вопрос“ стремится доказать, что „историческое развитие эмансипирует евреев“. Он рассматривает вопрос не с теологической или национальной точки зрения, а с экономической. „Эти статьи, — по свидетельству самого Маркса, — были направлены против идеологического мистицизма гегелевской и вообще спекулятивной философии“².

По другой оценке, в этих статьях „сквозь волны гегель-фейербаховского тумана впервые проглядывает *социальный реализм*“. Как известно, и социально-политическая обстановка Франции того времени тоже поучала в этом направлении: приближался 1848 год.

В 1843 году появляется статья Маркса „О немецкой цензуре“ в сборнике „Anecdota“, блестяще, но, с точки зрения будущего Маркса, еще очень умеренно написанная.

Перебравшись в Париж, Маркс вместе с Энгельсом издает на немецком языке газету „Вперед“, которую читает не только большая немецкая колония в Париже, но и немцы из „фатерланда“ (т.-е. отечества).

¹ См. В. Либкнехт. К. Маркс, русск. пер. Одесса. 1905 г.

² См. Письмо Карла Маркса к Ниц-ону, 7 октября 1868 года из Модены, в сборнике „Письма Маркса“, русск. пер. Г. А. Лопатина. СПб. 1908 г.

Необычайно резкий тон ее заставляет тогдашнего немецкого посланника (В. фон-Гумбольдта) просить всемогущего премьера Гизо закрыть газету. Гизо, боясь скандала, придрался к газете за отсутствие у нее денежного залога, что нужно было иметь согласно закону того времени. За это упущение был наложен денежный штраф и 2-х-месячное тюремное заключение для редактора. Первого января 1845 года газета была закрыта, а все сотрудники не-французы высланы за границу. Карл Маркс был вынужден переехать, и он избрал Брюссель. Наступил наиболее важный этап в развитии воззрений Маркса — эпоха размежевания от инакомыслящих социалистов и создания своей собственной теории — исторического материализма.

Так появились два важных теоретических сочинения: „Святое Семейство“ против Б. Бауэра и товарищей и „Нищета философии“ против Прудона.

Эти книги знаменовали собою разрыв, с одной стороны — с левым гегельянством, с другой — с псевдореволюционной идеологией мелкой буржуазии. В гегельянстве вместо „критически мыслящей личности“, как основы исторического процесса, и вместо толпы, „массы“, приматом объявлен *рабочий класс*. „Революция нуждается, — заявляет отныне Маркс, — в пассивном элементе, в материальной обстановке“. „Пролетариат только сам может добиться своего освобождения“. „Эмансипация Германии произойдет только тогда, когда молния мысли ударит в доселе наивную, девственную массу пролетариата“.

Это, конечно, были совершенно новые идеи и лозунги, и Карл Маркс прав, характеризуя это время, как эпоху разрыва с прежним своим мировоззрением. Он говорит, что „в Брюсселе мы покончили счеты с нашей прежней философской совестью“.

Вообще, наступила эпоха „разрывов“, время выяснения нового идейного течения и его формулировка. Проследим важнейшие из этих „разрывов“, явившихся этапами развития марксизма.

С идеями Людвиг Фейербаха и Бруно Бауэра Карл Маркс порывает, как с *индивидуалистически-субъективным* течением, противопоставляя ему *объективную материалистическую философию*. С Бруно Бауэром Маркс бесстрашно и бесповоротно порывает, хотя был с ним раньше лично дружен и многим обязан Бауэру.

С Карлом Грюном и рядом других экономистов, называвших себя „истинными“ социалистами, К. Маркс разрывает из-за их народнического и утопического направления. Он не верит более буржуазии. Разрыв с Грюном тоже не легок — Грюн его сотрудник и одно время соратник.

Карл Маркс производит также решительно и бесповоротно разрыв с бывшим кумиром, с Прудоном, с которым Маркс одно время был близок. Идеи Прудона для него отныне ошибочны, как аполитические, мелко-буржуазные и утопические.

Наконец, последний в этой серии разрывов — с знаменитым современником, рабочим Вильгельмом Вейтлингом за отсутствие понимания идей пролетарского социализма, за колебание мыслей, за общее невежество. Последний „разрыв“ произошел 30 марта 1846 г. в присутствии Анненкова, который описал всю сцену. Осталось также ее описание, сделанное Вейтлингом, из которого видно, что Вейтлинг даже не понял причин гнева Маркса.

Проникновение французским социалистическим наследством — последний этап в этой эволюции. В начале 1848 г. вышел „Коммунистический манифест“, квинт-эссенция тогдашнего социально-философского и социально-экономического приобретения, переработка идей Бабёфа, Базара, Сен-Симона и особенно фурьериста Виктора Консидерана, манера изложения „Манифеста“ которого легла в основу „Манифеста“ Маркса.

Вначале он был встречен равнодушно, и только через 10 лет, а именно с конца 50-ых годов „Манифест“ получил мировую известность и громадное значение. На русский язык, — а переводы его сделаны почти на все языки, — он был впервые переведен Михаилом Бакуниным в 1860 г., вторично Г. В. Плехановым в 1882 г. Здесь излагается грандиозная и стройная картина экономической эволюции, развития и падения капиталистического общества и указываются задачи и способы проведения социальной революции. Поэтому на „Манифесте“ необходимо внимательнее остановиться.

„Манифест“ распадается на 4 части:

- 1) Отношение пролетариата к буржуазии, где указывается их антагонизм и „история есть история борьбы классов“.
- 2) Пролетариат и коммунисты.
- 3) Критика различных систем социализма.

4) Место социализма в различных странах по отношению к практической политике. Как заключительный и практический лозунг—девиз „Манифеста“: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь“. „Манифест“ написан мастерски. Это своего рода стихотворение в прозе; подробный историко-литературный разбор источников идей „Коммунистического манифеста“ был сделан Шарлем Андлером: „Введение и комментарий к Коммунистическому манифесту“ (русск. пер. М. 1906 г.), но Андлер не марксист и не видит всей новизны воззрений Маркса. Другой, лучший разбор дан Д. Рязановым, в 1923 году, в его образцовом издании „Манифеста“ с ценным введением и примечаниями.

Со времени издания „Коммунистического манифеста“ сложившееся мировоззрение Маркса углубляется в сторону *экономическую*. Появляются: „Критика политической экономии“ (1859) и, наконец, „Капитал“ (т. I, Гамбург, 1867), которые дают полную картину экономической теории Карла Маркса. К середине 60-годов относятся многочисленные *письма, обращения, резолюции и воззвания*, написанные по делам Международного Товарищества рабочих; в 1876 г. Маркс принял участие в основном философском труде Фридриха Энгельса: „Анти-Дюринг“, для которого написал главу, касающуюся истории политической экономии.

После смерти Маркса были изданы его некоторые, при жизни не напечатанные рукописи, например, „Святой Макс“, „Критика готской программы“ и вышли два остальных тома „Капитала“ и 4 выпуска „Истории теорий прибавочной стоимости“. Затем было издано несколько собраний, ценных по форме и содержанию, писем Маркса. Таковы:

1) Четырехтомная „Переписка Маркса с Энгельсом“ за сорокалетие 1844—1883 гг., изданная Бебелем в 1913 г., в Штутгарте („Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx“).

2) Переписка с Зорге и другими, вышедшая в 1906 г.

Полного собрания сочинений Маркса в Германии до сих пор еще не издано. Его заменяют: 1) четырехтомное собрание „Литературное наследство“ („Nachlass“), содержащее сочинения от докторской диссертации до „Критики политической экономии“ и „Капитала“; 2) двухтомное собрание „Gesammelte Schriften“ Маркса и Энгельса, напечатанные в промежуток от 1852 по 1862 г. Штутгарт, 1917 г.

Зато совершенным по качеству является собрание сочинений Маркса и Энгельса под редакцией Д. Рязанова, издание Института писем Маркса и Энгельса в Москве.

Лучшая биография Маркса — Франца Меринга (есть русский перевод. Петербург, 1920 г.), Клары Цеткин: „Karl Marx und sein Lebenswerk“ (есть русский перевод), Эльберфельдт, 1913 г., а также обстоятельный труд Рязанова: „Маркс и Энгельс“. Москва („Московский Рабочий“), 1923 г.

Общее конспективное изложение всего учения Маркса до сих пор не сделано. Краткое изложение системы первого тома дает Карл Каутский: „Экономическое учение Карла Маркса“ (много изданий). Специальное изложение „Капитала“ дает Юлиан Борхарт (Москва, 1922). Систему контр-критики Маркса составил А. Будин: „Теоретическая система Карла Маркса в свете новейшей критики“. М. (Госизд.) 1920. Цитаты из некоторых сочинений (отсутствуют „Письма“, „Einleitung zur Kritik der Polit. Oekonomie“ и пр.), но без цитат, излагающих революционные тезисы, подобраны в устарелом сборнике „Памятная книжка марксиста“. СПб. 1906.

Литература о Марксе и марксизме очень обширна. По русски о Марксе и марксизме тоже написано очень много. Занимающиеся историею социализма с пользой прочтут следующие сочинения:

Меринг, Франц. „Карл Маркс, история его жизни“, пер. Венгеровой. СПб. 1900. Его же: „История германской социал-демократии“ (три издания).

Стеклов, Ю. „Карл Маркс, его жизнь и деятельность“. М. 1918.

Берлин, И. „Карл Маркс и его время“. М. 1906.

Финн, А. „Экономическая система Маркса“. СПб. 1919.

Андлер, Ш. „Введение и комментарий к Коммунист. манифесту“. М. 1906.

Каутский, К. „Карл Маркс и его историческое значение“. К 25-летию со дня смерти. М. 1908.

Сборник „Памяти Карла Маркса“ (2 издания: 1908 и 1918 гг.).

Гильфердинг. „Бем-Баверк, как критик Маркса“. М. 1921.

Будин, А. „Теоретическая система Маркса“. М. 1920.

Бухарин, Н. „Теория исторического материализма“. М. 1922.

Деборин. „Введение в философию диалектического материализма“. Пгр. 1922.

Лабриола, А. „Исторический материализм“. Пгр. 1922.

Гильом, Джемс. „Карл Маркс и Интернационал“, пер. с фр. Н. Лебедева. Пгр. „Голос Труда“. 1921.

Цеткин, Клара. „Карл Маркс“, пер. с нем. Кошевича. М. Госиздат. 1922.

Ленин, Н., Г. Зиновьев, Клара Цеткин, Роза Люксембург. „Карл Маркс“. Пгр. („Прибой“). 1923.

Беер, М. „Карл Маркс, его жизнь и учение“, пер. с нем. В. Сержникова. М. („Красная Новь“). 1923.

Рязанов, Д. „Маркс и Энгельс“. М. („Московский Рабочий“). 1923.

Давидов, И. А. „Тезисы о Марксе и марксизме“. 1923.

Джон Спато. „Карл Маркс“, пер. с англ. П. („Мысль“). 1924.

3. Основные идеи марксизма.

Как мы видели, *научный*, или, как его иногда называют, *критический социализм* был развит Марксом в стройную научную систему, получившую краткое наименование *марксизма*.

Итак, марксизм представляет собой целостное синтетическое мировоззрение, имеющее историческое, философское и социологическое обоснование. В то же время марксизм является высшим объединением всей совокупности общественной науки с точки зрения революционного пролетариата, ставящего своей целью полное активное освобождение (экономическое, политическое и духовное) всех трудящихся, всех угнетенных классов и народов от насилия, эксплуатации, невежества и предрассудков. Марксизм основывается на науке, он — часть современного научного знания, часть системы научного социализма и так как основой современной науки является естествознание, то безусловно необходимою составною частью мировоззрения и обоснования марксизма является реализм, *социальный реализм*, покоящийся на эмпирических данных.

Социально-философская, социально-политическая, экономи-

ческая и социологическая стороны марксизма покоятся на соответственных теориях.

1) *Учение об историческом материализме.* Основную историко-софскую теорией марксизма является учение об историческом материализме, иногда называемом также „экономическим“ или „диалектическим“ материализмом. Это основное учение по философии истории и анализу исторического процесса. Смысл его — в решающем значении для развития общественной жизни материальных условий. Наилучшее изложение содержания этого воззрения дает Маркс в предисловии „К критике политической экономии“. Здесь говорится: „В отправлении своей общественной жизни люди вступают в определенные, неизбежные, от их воли независящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития материальных производственных сил. Сумма этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальное основание (базис), на котором возвышается правовая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Не сознание людей определяет формы их бытия, но, напротив, общественное бытие определяет формы их сознания“.

2) *Учение о классовой борьбе.* Оно первоначально изложено в „Коммунистическом манифесте“. Здесь говорится, что история есть история борьбы классов, на которые распадается структура общества (классового общества). Свое классовое самосознание развивает всякий класс. С того момента, как класс себя осознает, он становится „конституированным классом“, создающим свою классовую мораль и свои классовые интересы, т.-е. свою классовую идеологию. Классовая борьба — это борьба прежде всего политическая.

3) *Учение о социальной революции.* В лоне буржуазно-капиталистического общества в известный момент развития производительные силы перерастают и вступают в конфликт с производственными отношениями. Историческая тенденция капиталистического накопления приводит в конце концов к тому, что наступает момент, когда экспроприации подлежит уже не рабочий, ведущий самостоятельное хозяйство, но капиталист, эксплуатирующий многих рабочих, весь класс рабочих. Это наступает тогда, когда совершится вовлечение всех народов в сеть миро-

вого рынка и установится международный характер капиталистического режима. „Централизация средств производства и обобществление труда достигают такой точки, на которой они становятся несовместимыми со своей капиталистической оболочкой. Она разрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторы экспроприруются“. Социальная революция есть вместе с тем революция политическая. Пролетариат в политической борьбе захватывает власть, наступает момент *диктатуры пролетариата*. Она является рычагом переворота, уничтожая старые буржуазные формы и помогая созиданию новых. Начинается социалистическое строительство.

4) *Учение об исторической роли пролетариата*. Научный социализм представляет собою теоретическое движение пролетариата. Пролетариат есть класс, действующий в интересах большинства ради большинства. Он эмансипирует не только свой класс, но и все человечество. Отсюда исключительная важность его тактики, тактики социальной революции.

5) *Экономическое учение:*

I. *Учение о ценности меновой и потребительной*. Оно разрешается *трудовою теориею ценности* (стоимости). Основа всякой ценности (стоимости) по Марксу — труд. Ценность — определенная масса застывшего рабочего времени („сгусток“, „кристаллизованный труд“) — есть единица или мерило всех материальных благ. Таков *объективный* метод решения проблемы — вопреки *субъективному*, антипролетарскому, антиколлективистическому.

II. *Учение о формах капитала и его судьбах*. Капитал постоянный и переменный и определение источника прибыли (*прибавочная прибыль* по Марксу). Органическое строение капитала, высшее и низшее. Воспроизводство капитала и его кругообращение. Капитал — результат эксплуатации труда и источник прибавочной стоимости.

III. *Учение о концентрации капитала и об исчезновении среднего класса*. Расслоение капиталистического общества и хозяйства.

IV. *Теория обнищания*.

V. *Теория происхождения прибыли от капитала*. Учение о *прибавочной ценности*. Прибавочная ценность есть присвоение труда рабочего. Учение о норме прибыли, уравнении прибылей и норме прибавочной стоимости.

VI. Учение о *земельной ренте*, как разновидности прибавочной ценности. Абсолютная и дифференциальная рента, как две формы ренты, или дифференциальные ренты I и II рода.

VII. Теория *кризисов*, как результат противоречия капиталистического строя, его стихийности, антагонизма и отсутствия планомерности.

6) *Методологические воззрения*. Диалектический метод, как особый метод. Метод Маркса в области политической экономии. Стремление к социальному реализму. Монизм, как основа мировоззрения Маркса.

7) *Социологические воззрения*, или учение об историческом материализме.

После выхода в свет I тома „Капитала“ и с переездом Совета Интернационала в Америку (1872), Маркс отходит от широкой политической работы в работу научную. Он добавляет и переделывает том I „Капитала“, заканчивает том II и намечает контуры тома III. Одновременно он продолжает работу по „Истории теорий прибавочной ценности“ (том IV) и выпускает I том „Капитала“.

Основные понятия товарно-капиталистического хозяйства получают здесь дальнейшее последовательное развитие и углубление в том направлении, которое было намечено еще классической школой политической экономии.

Если „Коммунистический манифест“ есть как бы общий схематический набросок учения марксизма, то „Капитал“ представляет собою его дальнейшее глубокое развитие. Экономические основы марксизма и коммунизма, лишь намеченные в „Нищете философии“ и в „Критике политической экономии“, в „Капитале“, особенно в первом его томе, получают свое всестороннее развитие и освещение.

Основная точка зрения Маркса — *революционный марксизм*:

- 1) исторический материализм, как социологическая основа;
- 2) диалектический метод, как орудие анализа всей совокупности общественных отношений;
- 3) присвоение прибавочной ценности, как основной двигатель товарно-капиталистического хозяйства.

Отсюда неизбежность:

- 4) классовой борьбы, переходящей на известной ступени общественного развития в

5) гражданскую войну, которая, в свою очередь, завершается

6) диктатурой пролетариата, ликвидирующей старое классовое общество и государство и создающей основы для нового бесклассового строя жизни;

7) международное объединение рабочих, как необходимое условие утверждения коммунистического строя в международном масштабе.

ГЛАВА V.

Интернационал (1864—1872) и дальнейшее развитие социализма.

Социалистическое движение рабочих дополняло и развивало учение Маркса и стало с середины 60-х годов XIX столетия *международным*.

В 1880 году французскими последователями Маркса — Гэдом и Полем Лафаргом — была выработана в Лондоне так наз. *программа-минимум*. Она преемственно продолжала идеи „Коммунистического манифеста“. Первые положения этой программы, составленные Марксом, гласили: „Принимая во внимание, что освобождение производительного класса является в то же время освобождением всех людей, без различия племени и пола; что рабочий класс не может быть свободен до тех пор, пока он не владеет средствами производства (земля, мастерские, корабли, банки); что владение средствами производства может осуществляться лишь в 2 формах: 1) личной (индивидуальной) форме, которая никогда не была общим явлением и с развитием промышленности вытесняется все больше и больше, 2) общественной, коллективной форме, интеллектуальные и материальные элементы которой выработаны в самом процессе развития капиталистического общества, — французские социалисты объявляют целью своих стремлений политическую и экономическую экспроприацию класса капиталистов и передачу всех средств производства во владение общества“.

Программа-минимум расколола в 1882 г. французскую социалистическую партию на два лагеря: *марксистский*

(Жюль Гэд, Девиль, Поль Лафарг) и *поссиблистский* (П. Брусс, Б. Малон, Ж. Аллеман). Марксисты с бланкистами образовали в 1901 г. „социалистическую партию Франции“, отвергающую сотрудничество с буржуазиею. В Германии к воззрениям Маркса примкнули Вильгельм Либкнехт, Август Бебель, философ Фридрих-Альберт Ланге и др. Они в 1869 г. в гор. Эйзенахе положили начало образованию немецкой *социал-демократической партии*, выработав обстоятельную программу, получившую впоследствии название „Эйзенахской программы“. „Эйзенахцы“ враждовали с представителями умершего после смерти Лассаля рабочего движения — лассалянцев. В 1875 г. эйзенахцы и лассалянцы объединились на съезде в г. Готе и положили основание „Социалистической рабочей партии Германии“, *германской социал-демократии*. С этого времени деятельность партии начинает неуклонно развиваться, несмотря на издание сурового закона „против общественных стремлений социал-демократии“ (21 окт. 1878 г.).

С этого времени германская социал-демократия имеет свое развитие и свою историю (см. Франц Меринг: „История германской социал-демократии“).

Параллельно вполне самостоятельно развивается история международных объединений.

При жизни и непосредственном участии Маркса появляется Первый Интернационал (о нем — ниже). Затем следует эпоха основания и развития отдельных *рабочих партий* или *социал-демократии* отдельных стран.

В 1891 г. германская социал-демократия пересмотрела свою программу. При участии Карла Каутского, редактора официального журнала „*Neue Zeit*“ („Новое Время“), была выработана подробно мотивированная новая программа партии, получившая название *Эрфуртской программы*. Она представляет собою научное сочинение в марксистском духе, хотя в революционном смысле умеренна и мало решительна.

В *Австрии* в 1888 г., на съезде в Гайнфельде, Виктором Адлером была основана „Социал-демократическая партия Австрии“. В *Голландии* та же партия образовалась в 1894 г., в *Швеции* — в 1889 г., в *России* — в 1898 г. (Р. С. Д. Р. П.) и т. д.

В 1889 г., после семнадцатилетнего перерыва, во время которого международный пролетариат объединялся только на *между-*

народных социалистических конгрессах, вновь организовался *Интернационал*, второй по счету, — с центральным бюро в Брюсселе.

Во главе Второго Интернационала стали: Вандервельде, Карл Каутский, Гайдман, Плеханов, Бебель, и в состав его вошли сформировавшиеся к этому времени мощные и крупные политические и профессиональные организации пролетариата *отдельных национальностей*. Единый международный центр был слаб для руководства движением отдельных национальных партий даже в мирные годы и был бессилён проводить в отдельных странах свою коллективную волю. Тенденции национализма и интернационализма ярко выразились в год начала мировой войны 1914 г. Значительное большинство социалистов примкнуло к националистической („оборонческой“) точке зрения и голосовало за военные бюджеты, расходы и пр. Только меньшинство осталось верным интернациональной традиции социализма и предпочитало гражданскую классовую войну — империалистической. Второй Интернационал распался, возник Третий. Проследим подробнее судьбы этих объединений.

ГЛАВА VI.

Первый Интернационал.

В XIX столетии положение рабочего класса становится одинаковым во всех капиталистических странах. Сходство положения и интересов эксплуатируемого пролетариата приводит его к идее солидарности и к сознанию необходимости объединения своих усилий в борьбе за улучшение своего положения. Создается *интернациональность*, как результат развития буржуазного капиталистического общества и как основная тенденция социализма. Социализм становится так же интернационален, как и капитализм, причем стоящие за ними классы и их организации постепенно объединяются. Пролетариат организуется в международные общины, зарождающиеся впервые в союзах „Отверженных“ (1834 — 1836) и „Справедливых“ (1836—1839), развивающихся в сознательную и идейную организацию „Союза Коммунистов“ (1847—1851). По поручению последнего Маркс и Энгельс выпускают в 1848 году знаменитый „Манифест Коммунистической Партии“, в котором обосно-

ываается с исторической и философской точек зрения учение о классовой борьбе и классовой солидарности мирового пролетариата.

Союз Коммунистов в конце 40-х годов явился превосходною школою революционной активности и повсюду энергично выступал на крайнем левом фланге революционной демократии. Из среды Союза в эту эпоху выдвинулись Карл Маркс Фридрих Энгельс, Стефан Борн, Молль, Шаппер, Беккер, Вольф.

Политическая реакция начала 50-х годов смела этого полунемецкого предшественника Интернационала. Зато в Англии интернационалистические стремления не прерывались. С конца 30-х годов в Великобритании сложилась „Демократическая Ассоциация“, превратившаяся в середине 40-х годов в устойчивое международное „Демократическое Братство“, или Союз „Братских Демократов“. Союз вошел в тесные сношения с чартистами, среди которых усиливаются с этого времени интернационалистические симпатии. „Братские Демократы“ в 1847 г. приняли организационный устав с разделением на отдельные нации, с генеральными секретарями в каждой нации и с Центральным Комитетом во главе. Девизом Братства было: „все люди—братья“. Во главе Союза в 40-х годах стоял революционер Гарней, в 50-х — Эрнст Джонс, старавшийся возродить чартистское движение. Они, как и все вожди „Демократического Братства“, были свободны от буржуазной идеологии и впервые наметили основы будущих международных объединений рабочего класса. Они впервые осуществили свои интернационалистические задачи в „Международном Комитете“, устраивавшем в 50-х годах ряд митингов, приветствий и протестов и несколько солидных политических демонстраций по серьезным очередным поводам (польское восстание, репрессия против венгерского движения, защита политических эмигрантов и пр.).

В начале 60-х годов различные страны Европы начали вынуждаться своими экономическими условиями к практическому осуществлению своих интернационалистических стремлений и к освобождению политики рабочего класса от влияния буржуазии. Рабочее движение требовало оформления своей особой классовой политики в создании сильного руководящего центра, — таким стало организованное впервые в 1864 году „Международ-

ное Товарищество рабочих“, или „Первый Интернационал“ (1864 — 1872).

Фактическая история его возникновения следующая. В 1862 г. промышленная буржуазия впервые устроила всемирную выставку, избрав для этой цели Лондон. Кроме представителей капитала, сюда, как на международное торжище, приехали и интернационалистически настроенные рабочие—группа передовых французских рабочих, давно мечтавших о создании единого „Всемирного Рабочего Союза“, завязала прочные связи с рабочими Великобритании. В следующем, 1863 году вновь произошел обмен приветствиями и заявлениями о взаимной солидарности. Был устроен большой митинг в честь польских революционеров, на котором выяснилась настоятельная необходимость международной организации рабочих.

28 сентября 1864 года состоялось громадное международное собрание рабочих в Лондоне под председательством радикала профессора Бисли. Здесь выступили представители германского (Эккартус), французского (Толен), итальянского (Фонтана) и английского (Оджер) пролетариата. Был избран Центральный Комитет из 21 члена, которому была поручена выработка устава и программа объединения.

Так образовался рабочий *Интернационал*, получивший впоследствии наименование первого и созданный усилиями самих рабочих.

В число членов первого Исполнительного Комитета, представителем Германии, кроме Эккартуса, вошел и „доктор Маркс“, который составил „Учредительный адрес“ (Манифест или „Inauguraladresse“) Интернационала и „Временный устав“. Эти задачи были блестяще выполнены Марксом, ставшим вскоре центром и душою всей международной ассоциации пролетариата. История этой организации весьма поучительна.

Устав полагает, что „объединение рабочих—задача не местная, не национальная, а социальная“. Она объемлет все страны современного общества и может быть решена только путем планомерного сотрудничества всех стран.

В „Учредительном адресе“ Маркс формулировал общие задачи политики и основы ее этического поведения, обобщая результаты исторического опыта рабочего класса. Наемный труд, подобно рабству и крепостничеству, представляет лишь

переходную историческую форму, которая уступит место свободному коллективному труду. Последний должен быть организован в национальном масштабе и пользоваться поддержкою государства; так как власть в современном государстве находится в руках помещиков и капиталистов, то долг рабочего класса заключается в завоевании политической власти. Борьба за внешнюю политику пролетариата составляет часть общей борьбы за освобождение рабочего класса, который поэтому стремится к объединению пролетариатов всех стран.

В воззвании Интернационала, написанном Марксом, ставились задачи рабочей политики и основы ее этического поведения.

«Принимая во внимание, что освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих, что, борясь за свое освобождение, рабочие должны стремиться не к созданию новых привилегий, а к установлению равных для всех прав и обязанностей;

«что экономическое подчинение рабочего владельцу средств производства является источником политической, моральной и материальной зависимости;

«что поэтому экономическое освобождение рабочего класса есть великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено, как средство;

«что все стремления рабочих к достижению этой цели оставались до сих пор безуспешными вследствие недостатка солидарности между рабочими различных профессий в каждой стране и отсутствия братского союза между рабочими различных стран;

«что освобождение рабочих является не только местной или национальной задачей, но, напротив, затрагивает интересы всех цивилизованных наций и может быть достигнуто только их теоретическим и практическим содействием друг другу;

«что движение, которое происходит теперь среди рабочих наиболее промышленных стран Европы, вызывая новые надежды, дает вместе с тем торжественное предостережение против старых ошибок и заставляет стремиться к объединению всех, пока еще разрозненных усилий, — ввиду вышесказанного:

«нижеподписавшиеся члены Совета, избранного собранием, состоявшимся 28 сентября 1864 года в Сент-Мартинс-Холле в Лондоне, принимают необходимые меры для основания международной ассоциации рабочих.

«Они объявляют, что эта международная ассоциация, равно как все примыкающие к ней общества и отдельные личности признают истину, справедливость и нравственность за основу своих отношений ко всем людям, независимо от рас, религии или национальности.

«Они считают своим долгом требовать прав человека и гражданина не только для себя, но и для всех людей, исполняющих свои обязанности.

«Не должно быть обязанностей без прав и прав без обязанностей».

В сентябре 1865 года была созвана первая конференция Интернационала, где обсуждались вопросы о пагубной роли в Европе русского самодержавия, о восстановлении Польши и о постоянной армии. Здесь обнаружилось сектантство и разномыслие входивших в состав объединения групп и течений. Прудонисты, лассальянцы, английские трэд-юнионисты и пр. мешали созданию единой политической, действительно боевой организации рабочего класса. Генеральный Совет был поэтому занят борьбой с сектантством, с дилетантскими опытами и тенденциями, мешавшими развитию классового самосознания промышленного пролетариата. Пришлось бороться против утопизма, прудонизма, бакунизма и пр., причем Маркеу принадлежала руководящая роль идеолога.

Первый общий конгресс товарищества был созван в Женеве, в сентябре 1866 года. Съехалось 46 делегатов от 22 секций Интернационала. Был утвержден устав и основные принципы программы. Произошла борьба с прудонистами—противниками стачек и активной борьбы труда с капиталом.

Второй общий конгресс собрался в 1867 году в Лозанне, обнаружив рост и политическое влияние Интернационала, что выявилось и на третьем Брюссельском конгрессе 1868 г. На нем присутствовали 99 делегатов от семи главнейших наций Европы. Коммунистические идеи одержали победу над другими течениями, и Интернационал впервые открыто выявил себя сторонником коммунизма.

Четвертым конгрессом, при котором Интернационал достиг апогея развития и влияния, был Базельский конгресс 1869 года. Здесь ярко обнаружилось столкновение двух идеологий сельского и промышленного пролетариата, анархизма и марксизма

возглавляемых и олицетворяемых двумя великими борцами за эмансипацию трудящихся, Марксом и Бакуниным. Произошла борьба, приведшая к расколу. Отколовшаяся часть образовала Анархистский Интернационал. Он просуществовал недолго, собирався в Женеве в 1873 и в Брюсселе в 1874 г., и погиб в середине 70-х годов. Это было объединением бакунистов, или, как они себя сами называли, „анти-авторитарных“.

В 1871 году состоялась Лондонская конференция Интернационала, в 1872 году—Гаагский конгресс, пятый и последний по счету. Боролись две группы — большинство *марксистское*, 40 делегатов, и меньшинство *бакунистское*, 24 делегата. Большинство раскололось на марксистов и бланкистов; последние голосовали с меньшинством, давая ему перевес. В итоге центр Интернационала был перенесен большинством голосов в Нью-Йорк, что оказалось серьезной ошибкой. От бакунизма Интернационал был избавлен, но вдали от Европы—замер. Значение Первого Интернационала было громадно.

ГЛАВА VII.

Второй Интернационал.

Он сложился не сразу. В промежуток между Первым и Вторым Интернационалом, т.е. в течение пятнадцати лет, социалистические и рабочие организации неоднократно съезжались на международных съездах (конгрессах), но попытки организованного объединения увенчались успехом не сразу. Первый камень был заложен в 1889 году на Парижском конгрессе, но здесь произошел раскол между поссибилистами и радикалами. Затем следовали конгрессы: в Брюсселе — 1891 г., в Цюрихе — 1893 г., в Лондоне — 1896 г. и, наконец, в Париже — в 1900 году. Здесь окончательно были выработаны правила организации. Как основоположения последней, так и характер II Интернационал унаследовал от начальных лет Первого. Сложившийся в недрах его утопический реформистский характер и миролюбивое соглашательское настроение его первоначальной деятельности носили пропагандистский, мирный и вообще абстрактно-теоретический характер. Ни реальных задач революционных выступлений, ни боевой готовности масс

не было. Тому способствовало всеобщее увлечение империализмом, пустившим свои ядовитые корни во всех слоях буржуазного общества. Особенно глубоко проник империализм в рабочие слои германского пролетариата, ведшего за собою социал-демократию остальных европейских стран. Такое отношение прежде всего отразилось на суждениях и революциях в отношении мировой войны. Хотя международные конгрессы (Штутгарт—1907 г., Копенгаген—1910 г., Базель—1912 г.) выносили непримиримо-враждебные резолюции пролетариата по отношению к милитаризму и империализму, но они молчали и о средствах, необходимых для реального предотвращения войны, и о реальных мерах борьбы против уже разразившейся войны. В лучших случаях II Интернационал робко взывал к пассивизму и к мечтам о разоружении. Реформистская иллюзия и мечтательный утопизм были основным настроением II Интернационала до начала мировой войны. Еще накануне ее воинственная декламация вождей II Интернационала была подозрительна. Международное Социалистическое Бюро в конце июля 1914 года высказывалось за улаживание конфликтов при помощи *третьей стороны* и за *манifestации* против войны, а в августе того же года, с открытием военных действий, отдельные члены международного общения, отдельные социалистические партии стали на точку зрения защиты находящегося в опасности отечества и начали вотировать кредиты на нужды войны.

Шовинистическое ослепление, стремление к ведению войны „до конца“ было всеобщим. Социалисты различных стран призывали массы отдать отечеству свои последние силы. Буржуазия начала вовлекать в свою дипломатическую игру более податливых и уступчивых социалистов. Развился социал-патриотизм, и началось участие социалистов в рядах буржуазных правительств.

Наиболее непримиримые элементы восстали против патриотизма и забвения социалистических идеалов. Наступил всемирный кризис социализма, вызванный и обостренный мировой войною. Социалистическое единство распалось. Наступила эпоха раскола. Спасти положение взялись левые группы международных объединений, так наз. циммервальдские конференции.

ГЛАВА VIII.

Мировая война 1914 г. и кризис II Интернационала.

1. Первая Циммервальдская конференция.

Пролетариат должен был воспрепятствовать империалистической войне, о чем он и раньше высказывался на своих конгрессах, но не смог, тем более, что часть II Интернационала, особенно его руководящие верхи, стали на противоположную интернационализму — национальную точку зрения и защищали принцип обороны каждый своей родины.

Мировая война вызвала, таким образом, принципиальные конфликты в рядах социалистов, что особенно ярко сказалось в поведении различных групп II Интернационала. Развертывавшийся кризис нашел себе выражение в первой с начала войны международной социалистической конференции в сентябре 1915 года, в так назыв. Первой Циммервальдской конференции.

От 5 до 8 сентября 1915 года в швейцарском городке Циммервальде заседала такая международная социалистическая конференция, — первый всеобщий международный социалистический съезд спустя 13 месяцев после начала войны. Конференция поставила важный вопрос о роли и тактике социализма во время войны, но практически далее создания временного посреднического бюро не пошла.

Все понимают, что война резко оборвала международные отношения пролетариата. Дело не ограничилось разрывом старых связей. Социалистические партии и рабочие организации различных стран сошли с твердой почвы как классовой борьбы, так и интернационализма. Они были проникнуты националистическим течением. Национальные антагонизмы, определявшие до войны политику буржуазных правительств, неизменно вызывавшие противоборство пролетариата, с начала войны были усвоены рабочим классом. Рабочая пресса в различных странах отдала себя в распоряжение господствующих классов и их военной политики, поддерживала их проникнутые завоевательными планами военные цели и проповедывала, вместо интернациональной солидарности пролетариата, ново-

социальное евангелие национальной солидарности с классом эксплуататоров.

При таких обстоятельствах и верное отражение происходящего в социалистических рядах, Международное Социалистическое Бюро в Берне не смогло уже выполнить своей задачи. Нормальные отношения между Бюро и связанными с ним партиями и союзами прекратились; поэтому Бюро стало владеть призракное существование.

Социалистическими партиями нейтральных стран неоднократно делались попытки восстановить международные отношения и свести социалистические партии для совместных действий войны и за мир, как этого требовали резолюции Штутгартского, Копенгагенского и Базельского социал-демократических конгрессов.

Такой первой попыткой сейчас же после начала военных действий была заседавшая в сентябре 1914 года в Лугано итальянско-швейцарская конференция. Швейцарской партии конференция поручила завязать связи с партиями стран, как ведущих войну, так и нейтральных. Это поручение, как и несколько других сходных попыток, потерпело неудачу. В мае 1915 года итальянская партия взяла на себя инициативу самостоятельно созвать международную конференцию, не обращаясь к помощи Международного Бюро, которое в это время было перенесено из Брюсселя в Гаагу. Конференция, в конце концов, состоялась.

На съезд в Циммервальде (в Швейцарии) съехались представители двенадцати стран и нескольких рабочих организаций. После обстоятельных обсуждений был выпущен манифест, подписанный важнейшими участниками делегаций. С русской стороны манифест был подписан тремя лицами: Н. Лениным, П. Аксельродом и М. Бобровым. Присутствовали еще от России меньшевики Мартынов и Мартов, эс-ер Чернов, латыш Берзин, бундовец Липнох. Было постановлено выпустить *манифест* и организовать „Интернациональную Комиссию“ из итальянца Моргари и швейцарцев Нэна и Роберта Гримма. Задача Комиссии — посредническая: ориентироваться в сложившихся условиях и содействовать объединению. Приводим более важные места этого *манифеста*, обращенного к народам Европы:

„Более года длится война. Миллионы трупов покрывают

поля сражений, миллионы людей превращаются на всю жизнь в калек. Европа превратилась в гигантскую человеческую бойню. Трудом многих поколений созданная культура отдана на расточение. Самое дикое варварство торжествует ныне свою победу над всем, что составляло гордость человечества.

„Война, породившая этот хаос, является плодом империализма, то-есть стремления капиталистических классов каждой нации питать свою жажду прибыли эксплуатацией человеческого труда и естественных богатств всего мира.

„Хозяйственно-отсталые или политически-слабые попадают при этом в кабалу к великим державам, которые стремятся в этой войне кровью и железом, в соответствии со своими интересами, перековать заново карту Европы. Целым народам и странам, как Бельгия, Польша, балканские государства, Армения, грозит судьба стать предметом торговли в игре компенсаций и быть аннексированными целиком или кусками.

„Движущие силы войны обнажаются в ее течении во всей своей низменности. Лоскут за лоскутом спадает тот покров, который должен был скрывать смысл мировой катастрофы от сознания народов. Капиталисты всех стран, которые из пролитой народной крови чеканят червонное золото барыша, утверждают, что война служит защите отечества, демократии, освобождению угнетенных народов. Они лгут. На самом деле они погребают на полях опустошений свободу собственного народа вместе с независимостью других наций. Новые путы, новые цепи, новые тяготы вырастают из войны, и пролетариату всех стран, победоносных, как и побежденных, придется влечить их на себе. Подъем благосостояния был возведен при начале войны — нужда и лишения, безработица и дороговизна, голод и эпидемии являются действительным последствием ее. Военные расходы будут в течение десятилетий поглощать лучшие силы народов, угрожая уже завоеванным социальным реформам и препятствуя каждому шагу вперед.

„Культурное опустошение, экономический упадок, политическая реакция — таковы благословенные плоды этой ужасающей резни народов. Так война открывает подлинную сущность новейшего капитализма, который стал несовместим не только с интересами рабочих масс, не только с потребностями истори

ческого развития, но и с элементарнейшими условиями человеческого общежития.

„Правящие силы капиталистического общества, в руках которых покоились судьбы народов,— монархические, как и республиканские правительства, тайная дипломатия, могущественные предпринимательские организации, буржуазные партии, капиталистическая пресса, церковь,— они все несут на себе всю тяжесть ответственности за эту войну, которая возникла из питающего их и ими охраняемого общественного порядка и ведется во имя их интересов“.

Обращаясь далее к рабочим, манифест заявлял:

„Война угрожает всей будущности Европы и человечества. В течение десятилетий социалистический пролетариат вел борьбу против милитаризма. С возрастающей тревогой его представители занимались на национальных и интернациональных съездах вопросом о все более угрожающе выроставшей из империализма опасности войны. В Штутгарте, в Копенгагене, в Базеле международные социалистические конгрессы указали пролетариату пути борьбы.“

„Социалистические партии и рабочие организации разных стран, участвовавшие в этих постановлениях, попрали, однако, с начала войны ложившиеся на них обязательства. Их представители призывали рабочих к приостановке классовой борьбы, единственного возможного и действительного средства освобождения пролетариата. Они голосовали за военные кредиты в распоряжение господствующих классов, они предоставили себя в распоряжение правительства для разных услуг, через посредство своей прессы и особых послов они пытались перетянуть нейтральных на сторону политики своих правительств, они предоставили, под видом социалистических министров, своим правительствам заложников для хранения национального единения, и таким образом они взяли на себя перед рабочим классом, перед его настоящим и будущим ответственность за эту войну, за ее цели и за ее методы. И, подобно отдельным партиям, несостоятельным оказалось также и признанное представительство социалистов всех стран: Международное Социалистическое Бюро.“

„Эти обстоятельства являются одной из причин того, что Интернационал в панике первого периода войны не освобо-

дился от нее еще до сих пор, во втором году резни народов, не нашел никаких средств и путей, чтобы приступить к решительной борьбе за мир одновременно во всех странах.

„Ввиду этого нетерпимого положения собрались мы, представители социалистических партий, профессиональных союзов и их меньшинств, мы, немцы, французы, итальянцы, русские, поляки, латыши, румыны, болгары, шведы, норвежцы, голландцы и швейцарцы, мы, которые стоим не на почве национальной солидарности с классом эксплуататоров, а на почве интернациональной солидарности пролетариата и на почве классовой борьбы, мы собрались для того, чтобы снова восстановить порванные международные связи и призвать народный класс вспомнить о своем долге по отношению к самому себе и приступить к борьбе за мир.

„Эта борьба — борьба за свободу, за братство народов, за социализм. Необходимо начать борьбу за мир без аннексий и контрибуций. Такой мир возможен только при осуждении всяких помыслов о насилии над правами и свободой народов. Занятие целых стран или их отдельных частей не должно вести к насильственному присоединению. Никаких аннексий, ни открытых ни скрытых, никаких насильственных экономических присоединений, которые вследствие неизбежно связанного с ними политического бесправия носят еще более невыносимый характер. Самоопределение наций должно быть непоколебимой основой национальных отношений. Пролетарии, теперь вы должны начать борьбу за свое собственное дело, за священную цель социализма, за освобождение подавленных народов и поработенных классов — путем непримиримой пролетарской классовой борьбы.

„Никогда раньше в мировой истории не было более настоятельной, более высокой, более благородной задачи, выполнение которой должно явиться нашим общим делом. Нет таких жертв, нет таких тягот, которые были бы слишком велики для достижения этой цели: мира между народами.

„Рабочие и работницы, матери и отцы, вдовы и сироты, раненые и искалеченные! Ко всем вам, кто страдает от войны и через войну, ко всем вам мы взываем: через границы, через дымящиеся поля битв, через разрушенные города и деревни. Пролетарии всех стран, объединяйтесь“.

Ледебур, Гоффман; Бурдерон, Лаццари, Ленин, Аксельрод, Бобров, Лапинский, Варский, Ганецкий, Раковский, Коларов, Эггунд, Нерман, Роланд-Гольст, Гримм и Нэн.

Манифест подписали десять делегаций: немецкая, французская, итальянская, русская, польская, румынская, болгарская, шведско-норвежская, голландская и швейцарская. Его появление и содержание произвело сильное впечатление на пролетариат всего земного шара. Честь и чистота принципов социализма были спасены. Оставалось необходимым точнее и ближе сговориться; это было делом следующей, второй конференции.

2. Вторая Циммервальдская конференция.

Вторая Циммервальдская конференция состоялась в Швейцарии, но не в Циммервальде, а в деревне *Кинталь*, близерна, между 24 и 30 апреля 1916 г. Присутствовало семь немецких делегатов, четыре французских, восемь русских, семь итальянских, пять польских, шесть швейцарских, один сербский, один португальский и один от Международного Союза с.-д. организаций молодежи. Целый ряд делегатов из других стран не смог прибыть из-за полицейских препятствий: участникам не выдали паспортов правительства Англии, Болгарии, Румынии и др., некоторые — по техническим причинам. Конгрессы и центральные учреждения неприбывших партий позже присоединились к Циммервальдским решениям заочно, ознакомившись с ними по газетам. О своем общем идейном присоединении к Циммервальдскому движению заявило, в конце концов, большинство партий организованного с.-демократичекого пролетариата. На конференции ясно обнаружилось два течения: одно за мир — *пацифизм*, и другое за использование войны для революции — *интернационализм*.

На Второй Циммервальдской конференции присутствовали от России: Ленин, Зиновьев, Мартов, Аксельрод, Астров, С. Семковский, Натансон и Чернов.

Здесь-то образовалась *левая оппозиция* во главе с Лениным, Карлом Радеком и Розою Люксембург, которые были против пацифизма, рекомендовали всеобщую забастовку и вооруженное восстание.

Разные точки зрения на события привели к образованию среди русских социалистов трех направлений: 1) *явные поражения*, стоявшие за военное поражение России и за превращение мировой войны в гражданскую; 2) *скрытые поражения*, стоявшие за скорейшее заключение мира без аннексий и контрибуций, и 3) *оборонцы* (плехановцы), считавшие, что свободы в России не будет, если восторжествует Германия, и что пути свободы внутри России совпадают с путями внешней победы.

Обе Циммервальдские конференции поставили лицом к лицу социалистические идеалы и тактику II-го Интернационала и показали мертвенность и фальшь парламентских социалистических фракций, соглашательство с буржуазией и националистические тенденции центра международного объединения социалистов, где должны были быть господствующими безусловная революционность и защита только одних интересов пролетариата. Война, выгодная империалистам и ими руководимая, привела к глубокому кризису социализма. Социалистические ряды распались на *правых, левых и группы центра*, и особенно ярко прошли кризис и распадение в самой многочисленной и организованной германской социал-демократии. Здесь образовались умеренные правые течения, получившие в 1918 г. власть в Германии (Носке, Эберт, Шейдеман), центральные группы (Ледебур, Каутский) и левые, главным образом спартаковцы (Карл Либкнехт, Роза Люксембург). Левых поддерживали Франц Меринг и Клара Цеткин, затем — русские социал-демократы фракции большевиков.

Левые группы социалистов повели борьбу за образование Третьего Интернационала. Надвинулись революционные события в Германии и Австрии. Карл Либкнехт и Роза Люксембург были по-подлому убиты в Берлине, в России пал оплот европейской реакции — царизм.

3. III Интернационал.

Русская революция с ее октябрьским переворотом создала реальную почву для создания III Интернационала, который, в отличие от *социал-демократического* Второго, получил наименование *Коммунистического*, Третьего.

Требование создания III Интернационала было выставлено еще первомайским пролетарским лозунгом 1917 г. С начала 1919 г. Российская Коммунистическая Партия, в согласии с представителями польской, венгерской, латышской, финской, румынской и болгарской коммунистических партий, постановила организовать „Новый Революционный Интернационал“, так как „во время войны и революции обнаружилось полное банкротство прежних социалистических и социал-демократических партий, а с ними и Второго Интернационала, а также неспособных срединных элементов старой социал-демократии, так называемого центра, к активной, революционной работе“ (воззвание 24 января 1919 г.).

Третий Коммунистический Интернационал (Коминтерн) организован в марте 1918 года, в Москве.

Первый конгресс Коминтерна состоялся в марте 1919 года в Москве; на нем был избран президиум — Исполком Коминтерна.

Второй конгресс происходил в Петрограде, в июле 1920 г., когда были приняты суровые правила („21 правило“), установившие строгую классовую политику и непримиримую против соглашательства и колебаний тактику пролетарской борьбы. Партии, недовольные Вторым Интернационалом, но не подчинившиеся „21 правилу“, соединились в „Международное Сотрудничество Социалистических Партий“, получившее название II^{1/2} Интернационала; во главе его стали немецкие „независимцы“.

В 1921 году был созван третий конгресс Коминтерна, в 1922 году — четвертый в 1923 году — пятый.

В 1920 г. делалась попытка объединить все три Интернационала для создания *единого пролетарского фронта*. Но в то время, когда II и II^{1/2} Интернационалы соединились и настроились против коммунистов, III, твердо и стойко держа знамя коммунизма, выявил силы для ведения в духе коммунизма рабочего профессионального движения („Красный Профинтерн“) и усилил свое внимание к порабощенным европейцами народам Востока — был организован первый съезд представителей народов Востока, в городе Баку, в сентябре 1920 г.

Здесь съехалось 37 народностей, имевших 1275 делегатов. На Востоке также началось коммунистическое движение. Ми-

ровой фронт пролетариата охватил весь земной шар. Коминтерн начал стремиться к действительному объединению всех трудящихся всего мира.

Истинное пролетарское самосознание должно, в конце концов, победить все преграды и спаять воедино всех трудящихся. Тогда будет заложен фундамент мирового Союза Советов этой действительно всемирной ассоциации труда.

Литература об Интернационалах.

- Иекк (Jaekh). Интернационал. СПб. (Просвещение). 1906.
Testut, Oscar. Internationale. Париж. 1871.
Могилянский, П. Интернационал. Изд. Пирожкова. СПб. 1906.
Малон, Б. Интернационал, его история и принципы. Перев. с франц., с пред. В. А. Поссе. 1907.
Пименова, Э. История Интернационала.
Скопин, Н. Вокруг Циммервальда. Пгр. 1916.
Лавров, П. Очерки по истории Интернационала. Пгр. („Колос“). 1919.
Рязанов, Н. Основание Первого Интернационала и Коммунистический Интернационал. 1919.
Rothstein. Aus der Vorgeschichte der Internationale. Добавочный № к „Neue Zeit“ за 1913.
Стеклов, Ю. М. Интернационал. В 3-х частях. 1918. 2-е изд. 1920, 3-е изд. 1923.
Путь к Коммунистическому Интернационалу. Сборник статей и документов. Пгр. („Прибой“). 1923.
Вакунин, М. Политика Интернационала. Пгр. („Голос Труда“). 1920.
Гильом, Джемс. Интернационал. Пгр. („Голос Труда“). 1922.
Грюнберг. Интернационал и мировая война. Пгр. („Гиз“). 1919.
Съезд народов Востока. Баку. 1—8 сент. 1920.
Ежегодник Коминтерна. 1923.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТР.
Предисловие	3
I. Социализм и его виды	9
II. Пути изучения социализма	11
III. Учебники и пособия	12
Общие обзоры на русском языке в хронологическом порядке	13

Очерки истории социалистической мысли.

Часть I. — Коммунизм в древности.

Глава I. Общий обзор	15
" II. Греция	20
1. Экономическое положение древней Греции и социальная революция VII века до Р. X.	—
2. Характер социально-экономического уклада, Платон	23
3. Остальные социальные утопии античной Греции	33
4. Социальные идеи после Платона	39
1. Космополитизм	—
2. Социальные идеи циников	41
3. Социальные идеи стоиков и эпикурейцев	43

Часть II. — Коммунизм в средние века.

Глава I. Христианский коммунизм	46
" II. Еретический или сектантский коммунизм	55
1. Религиозные движения	—
2. Коммунистическое движение в Чехии. — Анабаптисты	66

Часть III. — Коммунизм нового времени.

Глава I. Англия	69
" II. Франция	74
" III. Руссо и руссоисты	81
" IV. Россия	85
" V. История идеи революционизма	87
1. Зарождение революционизма	—
2. Жан Мелье (1664—1729)	88
" VI. Великая Французская Революция (1789—1797)	91
" VII. Заговор Бабёфа и „Общество Равных“	97

Часть IV. — Великие утописты.

	стр.
Глава I. Сен-Симон — Фурье — Оуэн	102
„ II. Анри де-Сен-Симон (1760—1825)	104
„ III. Шарль Фурье (1772—1837)	138
Школа Фурье	156
„ IV. Роберт Оуэн (1771—1858)	158
„ V. Этьен Кабэ (1788—1856) и икарыйский коммунизм	167
„ VI. Социализм в Англии	171
1. Ранние английские аграрные социалисты	—
2. Томас Спенс (1750—1815) и его последователи—спенсо- нианцы	172
3. Чарльз Галль (1745—1825)	177
4. Вильям Огильви (1736—1819)	179
5. Вильям Годвин (1756—1836)	180
6. Рикардианские социалисты	182
„ VII. Социализм в Германии	192
1. Тайные общества	—
2. Тайные съезды коммунистов и Коммунистический ма- нифест	199
3. Вильгельм Вейтлинг (1808—1871) и его социализм	202
4. Характер „вейтлинговского“ социализма и его истори- ческое значение	215
„ VIII. Социализм во Франции	219
1. Тайные общества и бланкизм	—
2. Луи-Огюст Бланки (1805—1881)	221
3. Луи Блан (1811—1881)	222

Часть V. — Научный социализм.

Глава I. Научный социализм до Карла Маркса	283
1. Новые идеи. Принцип государственности Фихте	—
2. Теория замкнутого торгового государства Фихте	285
„ II. Карл Родбертус-Ягетцов (1805—1875)	239
„ III. Фердинанд Лассаль (1825—1864)	245
„ IV. Карл Маркс (1818—1883)	272
1. Биография	—
2. Научно-литературная деятельность К. Маркса	288
3. Основные идеи марксизма	295
„ V. Интернационал (1864—1872) и дальнейшее развитие со- циализма	299
„ VI. Первый Интернационал (1864—1872)	301
„ VII. Второй Интернационал (1889—1914)	306
„ VIII. Мировая война 1914 г. и кризис II Интернационала	308
1. Первая Циммервальдская конференция (1915 г., осень)	—
2. Вторая Циммервальдская конференция (1916 г., весна)	313
3. Третий Интернационал (1919—1924)	314

Труды того же автора,

вышедшие в 1922 и 1923 годах.

Очерки по анархизму. Пгр. (Гиз). 1922.

Русский утопический роман. Пгр. (Гиз). 1922.

Происхождение денег и денежных знаков. Пгр. (Гиз). 1922.

Каталог утопий. Пгр. (Гиз). 1923.

История экономических идей в связи с историей народного хозяйства
Пгр. („Мир“). 1923.

История социализма. Пгр. („Начатки Знаний“). 1924. 2-е допол-
ненное издание.

История экономических идей в России. Пгр. („Начатки Знаний“).
1924.

Коммунистическое государство иезуитов в Парагвае. Пгр. („Путь
к Знанию“). 1924.

Практический справочник народного хозяйства. Пгр. („Начатки Зна-
ний“). 1924.

Георг Зиммель. Конфликт современной культуры. Пер. с нем.,
с предисловием проф. В. В. Святловского. Пгр. („Начатки
Знаний“). 1923.

**В книжном магазине
Т-ва «НАЧАТКИ ЗНАНИЙ»**

продаются:

История экономических идей в России. Т. I. Пгр. 1924. Ц. 2 руб. зол.

История социализма. 2-е дополненное изд. Пгр. 1924. Ц. 2 р. 50 к.
зол.

Практический справочник народного хозяйства (Библиографический
справочник марксиста). Пгр. 1924.

Коммунистическое государство иезуитов в Парагвае. Пгр. 1924.